ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

МИЛОТА.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Сн Св.

ВСЕОБЩАЯ ДРЕВНЯЯ и НОВАЯ ИСТОРІЯ

ОТЪ НАЧАЛА МІРА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ,

содержащая

въ первыхъ четырехъ частяхъ

Исторію Египтянъ, Китайцевъ, Ассиріянъ и Вавилонянъ, Финикіянъ, Евреевъ, Мидянъ и Персовъ, Индіянъ, Скиѳовъ и Цельтовъ, Грековъ, Римлянъ и Карѳагенянъ,

съ присовокупленіемъ общихъ примѣчаній о другихъ древнихъ Азійскихъ народахъ;

а въ послѣдующихъ частяхъ

Всѣхъ Имперій, Королевствъ, Республикъ и другихъ владѣній, нынѣ въ Европѣ извѣстныхъ.

Сочиненіе

АББАТА МИЛОТА.

Переводъ съ Французскаго послѣдняго изданія.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Изданная С. Селивановскимъ и І. Свѣшниковымъ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1819.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Генваря 30 дня, 1818 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковскій.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 353

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РИМСКОЙ ИСТОРІИ.

СЕДЬМАЯ ЭПОХА.
ПАДЕНІЕ КАРѲАГЕНА.

РИМЪ УТѢСНЯЕТЪ ИНОСТРАННЫЯ ГОСУДАРСТВА.

Отъ созданія Рима съ 552 до 620 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Война съ Филиппомъ, Царемъ Македонскимъ, и съ Антіохомъ, Царемъ Сирскимъ.

Карѳагенъ въ униженіи.

Истребленіе пяти сотъ Карѳагенскихъ кораблей, отданныхъ Сципіону и созженныхъ въ виду Карѳагена, обязательство сей приморской державы довольствоваться десятью небольшими галерами; наложеніе постыдной дани на всѣхъ гражданъ; согласіе гордаго Аннибала на условія, оскорбительныя для него, унизительныя для отечества; наконецъ пріобрѣтеніе столь многихъ побѣдъ и забвеніе прошедшихъ пораженій, претерпѣнныхъ Римлянами: вотъ бѣдствія

второй Пунической войны. Все споспѣшествовало Риму къ разпространенію своего владычества, все долженствовало надмить его. Онъ съ пламеннымъ восторгомъ встрѣтилъ знаменитаго побѣдителя, внесшаго въ общественную казну сто двадцать тысячь фунтовъ серебра. Вѣздъ Сципіона былъ великолѣпенъ. Проименованіе *Африканскимъ* было для него славнѣйшею наградою.

Торжественный вѣздъ Сципіона Африканскаго.

Съ сего времени честолюбивый духъ Римлянъ началъ свободно открываться. Тысяча препятствій удерживали ихъ въ Италіи, и сія рѣка, по разорваніи плотинъ своихъ, должна все попопить. Прошедшія побѣды возбуждали желаніе къ новымъ; страсть къ завоеваніямъ воспламенялась отъ завоеваній; богатства, пріобрѣтенныя войною, доставляли средства къ успѣхамъ въ новыхъ войнахъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ едва ли бы и умѣренный народъ могъ удержаться отъ продолженія своихъ предпріятій; но какой народъ былъ неумѣреннѣе Римлянъ въ разсужденіи разпространенія своего могущества?

Честолюбіе возрастаетъ въ Римѣ.

552. Война съ Филиппомъ II, Царемъ Македонскимъ.

Я не буду говорить о нѣкоторыхъ походахъ Римлянъ противъ Галловъ въ Италію и Испанцевъ, кои частыми возмущеніями наводили нѣкоторое безпокойство, но не пресѣкали честолюбивыхъ замысловъ. Величайшіе враги должны изнемочь подъ тяжестію. Римское оружіе должно проложить путь себѣ въ Грецію и Азію. Немного

прошло лѣтъ, какъ Филиппъ II, Царь Македонскій, заключилъ всеобщій миръ, въ который Римъ не упустилъ включить и своихъ союзниковъ. Между тѣмъ сей безпокойный Государь подавалъ помощь Карѳагенянамъ, безпокоилъ Грековъ новыми предпріятіями. Атталъ, Пергамскій Царь, Родосцы и Аѳиняне отправили въ Римъословъ съ жалобою на притѣсненія Филипповы. Тотчасъ объявили Македонскому Царю войну, ибо Римляне желали оной. Успѣхъ не долго былъ сомнителенъ. Въ первый походъ Консулъ Сулпицій разбилъ Филиппа.

Квинтій Фламиній (или Фламининъ), Проконсулъ, одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду при Кинокефалахъ въ Ѳессаліи, гдѣ замѣтили неудобства тяжелой Македонской фаланги на пытвистомъ и неровномъ мѣстѣ, на которомъ она часто должна была разрываться. Напротивъ, легіонъ Римскій, по причинѣ своихъ отдѣленій и промежутковъ, между ими находящихся, имѣлъ свободныя движенія, составлялся скоро, растягался вездѣ удобно. Коль скоро Римляне обошли непріятеля, напали на него съ боку, разстроили боевый порядокъ; онъ былъ уже не въ состояніи удержать мѣста. За сею побѣдою послѣдовалъ миръ. Онъ стоилъ Царю дани, состоящей въ тысячѣ талантахъ, кромѣ кораблей, кои также принудили его отдать. Сынъ его Димитрій взятъ былъ въ залогъ. 556. Онъ разбитъ Фламиніемъ и сдѣлался данникомъ.

Возвращена мнимая свобода Греческимъ городамъ.

Во время Истмическихъ игръ Проконсулъ объявляетъ опредѣленіе Сената и народа Римскаго, коимъ возвращалась свобода Греческимъ городамъ, находившимся подъ владѣніемъ Царя Македонскаго. Повсюду раздаются радостныя восклицанія. Удивляются, превозносятъ похвалами сей воинственный и благодѣтельный народъ, который мужество свое употребляетъ для дарованія свободы другимъ народамъ. Безумная радость! суетныя похвалы! Мы скоро увидимъ, должно ли было Грекамъ радоваться тому, что они привлекли къ себѣ оружіе Римское. Греція была уже въ нѣкоторомъ разслабленіи прежде, нежели узнала о имени Рима: сіе роковое имя предвѣщало ей строгое рабство.

Этольцы и Набисъ, Царь Спартанскій, жалуются на вѣроломство Римлянъ.

Этольцы, народъ неустрашимый, коимъ много споспѣшествовали Римлянамъ къ одержанію надъ Филиппомъ побѣды, жаловались уже на ихъ вѣроломство, что они удерживали за собою два мѣстечка въ Этоліи. Но Набисъ, Царь Спартанскій, вскорѣ послѣ сего имѣлъ болѣе причины жаловаться на Римлянъ. Фламиній во время войны имѣлъ съ нимъ мирные переговоры: война кончилась, и Фламиній уже не почелъ Набиса союзникомъ; онъ гналъ его, какъ тирана, принуждалъ его отказаться отъ Аргоса, осадилъ его въ Спартѣ, предписалъ ему мирныя условія и, по возвращеніи свободы Аргосцамъ, оставилъ ему во владѣніе свое государство. Безъ сомнѣнія, желаніе сдѣлать

каждый Греческій городокъ независимымъ и управляющимся собственными законами, ясно всякому показывало, что всѣ сіи небольшія и отдѣльныя республики удобнѣе со временемъ могутъ быть побѣждены. Сія превосходная ревность къ свободѣ Грековъ была въ самомъ дѣлѣ средствомъ къ порабощенію ихъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Этольцы сіе предвидѣли и призвали къ себѣ защитника.

561. Антіохъ, Царь Сирскій, объявляетъ себя врагомъ Риму; но не слѣдуетъ совѣтамъ Аннибала.

Этольцы возбудили врага противъ Римлянъ Антіоха Великаго, Царя Сирскаго, пятаго Селевкова преемника. Аннибалъ, гонимый безпокойнымъ честолюбіемъ Рима, снискалъ себѣ убѣжище при дворѣ его. Когда Аннибалъ началъ стараться о изтребленіи злоупотребленій и поправленіи бѣдствій своего отечества, Римляне потребовали, чтобъ имъ выдали сего героя. Онъ, пылая ужаснѣйшею ненавистію къ древнимъ врагамъ своимъ, отмстилъ бы имъ, можетъ быть, за Карѳагенъ, ежели бы Антіохъ положился на него во всемъ, какъ на достойнаго человѣка. Аннибалъ совѣтовалъ сему Монарху склонить на свою сторону Царя Македонскаго и внести войну въ Италію. Не сдѣлали ни того, ни другаго. Безразсудность управляла всемъ, и во всемъ былъ худый успѣхъ.

Благоразумная политика Римлянъ въ

Съ другой стороны Римляне, по тонкой своей политикѣ, изыскивали для себя всевозможныя пособія. Посланники ихъ дѣйствовали въ Азіи и Греціи. Они возбуждали подо-

изысканіи пособій.

зрѣнія противъ Аннибала; заключили союзъ съ Евменесомъ, Царемъ Пергамскимъ, сыномъ Аттала; наблюдали расположенія Филиппа; утверждали союзъ Ахайскій, который знаменитый Филопоменъ еще со славою поддерживалъ; укрѣпляли дружество Грековъ, у которыхъ одно имя свободы часто замѣняло все; наконецъ они столь благоразумныя принимали мѣры, что ни сколько не удивительно видѣть ихъ говорящими повелительнымъ образомъ сильному Монарху Сирійскому.

Состояніе государства Сирскаго.

Государство Сирское составляло еще обширнѣйшую часть имперіи Александровой, хотя отъ него и отняты были нѣкоторыя владѣнія, особливо Арзакомъ, который, слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ тому, основалъ монархію Парѳскую. Селевкиды, желая покорить Египетъ, оставляли въ великомъ небреженіи существенное дѣло — правленіе государствомъ, и сверхъ того, получивъ въ наслѣдство Персидское царство, заняли оттуда изнѣженные нравы. Римъ для нихъ значилъ то же, что Македонцы были для Дарія. Всѣ почти перемѣны государствъ во вселенной въ началѣ своемъ между собою сходны.

562. Дурное поведеніе Антіоха.

Сколько Этольцы оказали мужества сначала войны, столько гордый Антіохъ показалъ склонности къ сладострастію. Онъ время, потребное для дѣлъ государственныхъ, убивалъ на островѣ Эвбеѣ; скоро забылъ въ Халкидѣ и самый предметъ своего

похода. Тамъ, влюбившись до безумія въ одну молодую дѣвицу, женился на ней, заснулъ въ нѣдрѣ удовольствій и привелъ въ упадокъ военное искусство. Вдругъ слышитъ онъ, что Консулъ Маній Ацилій идетъ поспѣшно съ войскомъ; почему бѣжитъ для занятія Ѳермопилъ; проситъ помощи у Этольцовъ; ибо войско не прибыло еще изъ Азіи. Римляне приходятъ. Катонъ, товарищъ Консула, и самъ бывшій уже Консуломъ, пробирается на высоты сего тѣснаго прохода по той тропинкѣ, которою Ксерксъ и Бреннъ нѣкогда воспользовались; нападаетъ на непріятелей, приводитъ ихъ въ безпорядокъ, а Ацилій довершаетъ побѣду. Антіохъ съ пятью стами человѣкъ спасается. Эвбея взята обратно. Этольцы, не смотря на мужественное защищеніе, теряютъ наконецъ Ираклею, свою столицу. Филиппъ отнимаетъ у нихъ Ламію. Этольцы, осажденные въ Навпактѣ, просятъ и получаютъ перемиріе съ тѣмъ, чтобъ отдаться подъ власть Риму. Какъ повѣренные ихъ не согласились положиться на волю Сената, не узнавши прежде, въ чемъ она состоитъ, то и получили повелѣніе того же дня отправиться изъ Рима. Такимъ образомъ Римляне хотѣли предписать законъ самовластно.

Римляне проходятъ чрезъ Ѳермопилы и поражаютъ своихъ непріятелей.

Новый Консулъ Л. Сципіонъ, съ братомъ своимъ, Сципіономъ Африканскимъ, отправляются для окончанія войны. Сципіонъ Африканскій, сей великій мужъ, просилъ

565. Л. Сципіонъ съ братомъ своимъ

Сципіономъ Африканскимъ отправляются для окончанія войны.

позволенія служить подъ начальствомъ брата. Они, прибывши къ Македонскому Царю, прощаютъ ему, именемъ народа Римскаго, въ уплатѣ остающейся за нимъ дани. Возвратили ему сына Димитрія, и Филиппъ, въ униженіи своемъ, по крайней мѣрѣ получилъ награду за услуги. Антіохъ тѣмъ болѣе трепеталъ въ Азіи, что потеря морскаго сраженія угрожала ему новыми бѣдствіями. Онъ вмѣсто того, чтобъ защищать мужественно берега Геллеспонта, снялъ съ оныхъ свои войска. Наконецъ открылся путь Римлянамъ въ Азію. Они, вознамѣрившись тамъ утвердить свое владычество, отвергаютъ мирныя предложенія. Монархъ противъ воли своей рѣшается на сраженіе. Онъ съ осмьюдесятью тысячами воиновъ и пятидесятью четырмя слонами побѣжденъ былъ совершенно близъ Магнезіи Консуломъ. Онъ убѣжалъ въ Антіохію и отправилъ пословъ для испрошенія мира.

Антіохъ разбитъ совершенно при Магнезіи въ Іоніи.

Римляне предписываютъ тягостныя ему условія.

Сципіонъ Африканскій не былъ при семъ сраженіи, потому ли, что онъ дѣйствительно былъ боленъ, или, какъ догадывались, притворился больнымъ, чтобъ уступить всю славу своему брату. Онъ объявилъ Царскимъ посламъ рѣшеніе совѣта, сказавъ имъ: »Римляне ни въ нещастіи не уны»ваютъ, ни въ благополучіи не возносятся; »они послѣ побѣды довольны остаются »тѣмъ, чего требовали прежде: пусть Ан»тіохъ очиститъ всю Азію по сю сторону

»горы Тавра; заплатитъ за всѣ военныя »издержки, простирающіяся до пятнадца»ти тысячь талантовъ, и дастъ двадцать »человѣкъ въ залогъ и проч.« Сверхъ сего Антіоха, для избѣжанія всякаго подозрѣнія въ вѣрности, долженъ былъ выдать Аннибала и Этольца Ѳоаса. Условія сіи были имъ приняты. Аннибалъ бѣжалъ и переходилъ отъ одного убѣжища къ другому, какъ главный предметъ жестокости Римлянъ. Онъ умеръ у Прузіаса, Царя Виѳинскаго, врага Евменесова.

Аннибалъ, гонимый ихъ ненавистію.

Родосцы, оказавшіе Римлянамъ великія услуги, отправили въ Римъ посольство для исходатайствованія свободы Греческимъ городамъ въ Азіи. Союзничество Евменеса также не менѣе было для нихъ полезно; почему и онъ послалъ нарочныхъ для испрошенія отнятыхъ владѣній у Антіоха. Весьма трудно было рѣшить сіи противорѣчущія предложенія. Политика заставляла благопріятствовать Царямъ союзнымъ; слава повелѣвала поступить также съ Азіятскими Греками, какъ и съ Европейскими. Наконецъ нашли средство удовлетворить и Евменесу и Родосцамъ: первому отдали Ликаонію, Фригію и Мизію; послѣднимъ уступили Ликію, съ частію Каріи и Писадіи, и даровали свободу тѣмъ городамъ, кои и до разбитія Антіоха оною наслаждались. Великое дѣло было раздѣлять такимъ образомъ провинціи; еще бы было превосходнѣе сдѣлать всѣхъ Грековъ свобод-

Какимъ образомъ Римляне вознаграждаютъ Родосцовъ и Евменеса, своихъ союзниковъ.

Честолюбіе управляло ихъ

дѣяніями. ными, какъ по видимому и обѣщали Римляне. Римъ ослѣплялъ свѣтъ, а въ самомъ дѣлѣ сражался только для разпространенія своего владычества.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Катонъ Ценсоръ. — Война съ Персеемъ. — Несправедливость честолюбивыхъ Римлянъ.

Римляне начинаютъ развращаться въ Азіи. Война сія доставила Л. Сципіону проименованіе Азіятскаго; но была пагубна для Римлянъ, коихъ простые и строгіе нравы заразились скоро всѣми пороками, сопровождающими богатства. Внушеніе удовольствій Азійскихъ произвело въ нихъ отвращеніе къ добродѣтелямъ: сѣмя золъ зябло въ нѣдрѣ благоденствія. Не всѣ ли люди одинаковы въ семъ положеніи?

Чрезмѣрная строгость Катона Ценсора. Никто столько не вооружался противъ стремленія распространяющихся пороковъ, какъ знаменитый Порцій Катонъ, бывшій въ консульскомъ достоинствѣ, ревностный любитель сельскихъ трудовъ и умѣренности, врагъ всякой пышности; однакожъ его излишняя умѣренность простиралась до скупости, а суровый нравъ и вспыльчивость не знали должныхъ предѣловъ благоразумія.

Его ревностное защищеніе закона Оп- Въ 548 году Катонъ съ крайнимъ жаромъ возсталъ противъ уничтоженія закона Оппіева, не позволявшаго госпожамъ Римскимъ имѣть для украшенія болѣе пол-

унца золота, запрещавшаго имъ ѣздить въ колесницахъ и носить разноцвѣтное платье. Законъ сей изданъ былъ въ то время, когда Аннибалъ угрожалъ Риму и опустошалъ Италію. Коль скоро заключили миръ съ Карѳагеномъ, и слѣдовательно уничтожилась пѣмъ самымъ и причина существованія сего закона, то Римлянки употребили всѣ средства для уничтоженія онаго. Не смотря на язвительныя укоризны Катона, бывшаго тогда Консуломъ, онѣ успѣли въ своемъ предпріятіи. Сія склонность къ убранству, сродная женщинамъ, не простиралась еще до разорительной пышности. Госпожи требовали только возвращенія прежнихъ правъ своихъ; онѣ хотѣли отличиться отъ простыхъ женщинъ, хотѣли вести себя сообразно съ своимъ состояніемъ. Катонъ предвидѣлъ послѣдствія роскоши: онъ предсказалъ злоупотребленія оной и пагубныя дѣйствія, выступающія изъ должныхъ предѣловъ; но уже ли не было средствъ кротчае для предупрежденія оныхъ? и можно ли ожидать того, чтобъ народъ, сдѣлавшись богатѣе, жилъ всегда такъ, какъ онъ жилъ въ бѣдности?

піева въ разсужденіи женскихъ нарядовъ.

Валерій, товарищъ Катона, даетъ ему благоразумный отвѣтъ въ Титѣ Ливіи; онъ говоритъ, что два рода законовъ: одни учреждены для общей и всегдашней пользы, которыхъ никогда не должно уничтожать, развѣ самый опытъ покажетъ ихъ неудобство, или они сдѣлаются безполезны;

Доводы, приведенные противъ Катона его товарищемъ.

другіе произтекли отъ обстоятельствъ и частныхъ нуждъ, и слѣдовательно также могутъ перемѣняться, какъ различно бываетъ управленіе корабля во время тишины и бури. Онъ присовокупляетъ, что какъ женщины изключены отъ должностей свѣтскихъ и духовныхъ, не могутъ пользоваться преимуществами и почестями, предоставленными военачальникамъ; остается удѣломъ ихъ опрятность, убранство и, такъ сказать, домашнее ихъ владычество: въ семъ маловажномъ удовлетвореніи не должно имъ завидовать; онѣ не менѣе будутъ зависѣть отъ мужей своихъ и по уничтоженіи закона Оппіева; послѣдніе должны поступать съ ними, какъ съ подругами, а не какъ съ невольницами, и желать, чтобъ онѣ почитали ихъ нѣжными супругами, а не повелителями самовластными. Катонъ былъ глухъ на всѣ сіи доказательства, не столько по добродѣтели, сколько по своенравію.

566. Катонъ подлымъ образомъ заставляетъ обвинить Сципіона Африканскаго.

Ничто не можетъ извинить ни ненависти его къ Сципіонамъ, ни мщенія, проистекающаго отъ оной. Сципіонъ Африканскій первый испыталъ на себѣ его удары. Два Трибуна, по наущенію Катонову, между прочими упреками обвиняютъ его и въ томъ, будто бы онъ былъ подкупленъ Антіохомъ. Въ назначенный день является къ суду знаменитый отвѣтчикъ, раздираетъ щепы свои, и почитая низкимъ для себя приносить оправданіе, говоритъ: *я*

точно въ сей день побѣдилъ Аннибала и Карѳагенянъ; пойдемъ, Римляне, со мною въ Капитолію, воздадимъ богамъ благодареніе. Все собраніе обращается за нимъ, и оставляетъ обвинителей въ посрамленіи. Когда вторично позвали на судъ сего великаго мужа, онъ удалился въ загородный домъ свой, гдѣ и умеръ на сорокъ осьмомъ году отъ рожденія. Онъ имѣлъ качества, почти неизвѣстныя въ его отечествѣ; съ достоинствами героя соединялъ людкость и склонность къ наукамъ. Въ уединеніи своемъ и при самой умѣренности, бывъ доволенъ собою, занимаясь науками, обыкновенно говаривалъ: *я никогда не бываю менѣе празденъ, какъ когда не имѣю дѣлъ, и никогда менѣе уединенъ, какъ когда бываю безъ людей.* Его должно почитать первымъ образцомъ въ усовершенствованіи Римлянъ.

Онъ заставляетъ обвинить несправедливо и Сципіона Азіятскаго.

По смерти его Катонъ съ такою же злобою гналъ брата его Сципіона Азіятскаго и возбудилъ противъ него тѣхъ же обвинителей. Побѣдитель Антіоха въ наказаніе осужденъ былъ на внесеніе въ казну великой суммы за то, будто бы онъ за безмѣрное множество денегъ доставилъ выгодный миръ сему побѣжденному Государю. Опечатали все его имѣніе; но не нашли и малѣйшаго знака къ доказательству въ обличаемомъ преступленіи: недостало имущества даже и на уплату взыскиваемаго судомъ количества денегъ. Наконецъ

узнали невинность обвиненнаго и заглади-
ли несправедливость. Семпроній Гракхъ,
не смотря на то, что былъ Трибунъ на-
родный, мужественно защищалъ сихъ двухъ
братьевъ. Онъ въ награду за сіе получилъ
руку славной Корнеліи, дочери Сципіона
Африканскаго. Мы увидимъ, что дѣти его
будутъ представлять важныя лица въ рес-
публикѣ.

Преступаетъ предѣлы въ своемъ цен-сорствѣ

Катонъ, подъ видомъ строгой ревности
къ отечеству, изливая ядъ желчи и лич-
ной своей ненависти, обольщалъ народъ.
Онъ, получивъ цензорское достоинство,
исправлялъ должность свою, какъ неуто-
мимый судія злоупотребленій, хотя част-
ная жизнь его и не совсѣмъ была изъята
отъ порицанія. Лишилъ достоинствъ одно-
го Сенатора за то единственно, что онъ
поцѣловалъ жену при дочеряхъ своихъ. Из-
ключилъ, неизвѣстно почему, Сципіона Азі-
ятскаго изъ числа всадниковъ, вступивша-
го въ сіе званіе послѣ своего нещастія, и
сравнялъ его съ послѣдними гражданами.

Чрезъ сіе онъ дѣлается пріятенъ народу.

Осуждалъ всѣхъ за излишнія прошенія.
Симъ самымъ обольщалъ онъ чернь, всегда
восхищающуюся таковою чрезмѣрною стро-
гостію нравовъ, сообразно съ ея положе-
ніемъ. Опредѣлили воздвигнуть ему ста-
тую. Довѣренность къ нему была всегда
такъ велика, что народъ ни однажды не
обвинялъ его, хотя и сорокъ четыре раза
былъ требованъ къ суду. Какія достоин-
ства ни имѣлъ сей неумолимый Ценсоръ,

но предразсудокъ народа служилъ ему болѣе его достоинства. Симъ образомъ чрезмѣрные ревнители обыкновенно господствуютъ надъ чернію.

Впрочемъ развращеніе нравовъ требовало уже строжайшихъ мѣръ къ пресѣченію дальнѣйшихъ послѣдствій. Въ 567 году, за два года до ценсорства Катонова, Консулы въ различныхъ мѣстахъ открыли общество, гдѣ, подъ видомъ празднествъ въ честь Бахусу, предавались гнуснѣйшему распутству. Можетъ быть ложные доносы и увеличивали сей безпорядокъ: ибо всѣ ночныя собранія, во времена невѣжества, производили подобныя обвиненія, и легковѣріе одобряло оныя. Около семи тысячъ человѣкъ обоего пола было замѣшано въ семъ дѣлѣ. Большую часть изъ нихъ казнили смертію; прочіе бѣжали, или сами себя умертвили. Уничтоженіе Бахусовыхъ празднествъ не обуздало стремленія порока. Открытіе распутнаго общества.

Римляне вмѣшиваюпся въ новыя войны, и честолюбіе ихъ непрестанно возрастаетъ. Почему не льзя не удивляться слѣдующимъ словамъ, находящимся въ одномъ опредѣленіи, касательно Спаніелловъ, народа Лигурійскаго: *славна побѣда, когда довольствуются однимъ укрощеніемъ непріятеля: но она ненавистною становится, когда утѣсняютъ нещастныхъ.* Надлежало слѣдовать сему столь справедливому правилу. Римъ не подвергся бы порицанію за то, что онъ часто показывалъ себя скромнымъ, Честолюбіе Рима подъ благовидною личиною.

по однѣмъ политическимъ выгодамъ и изыскивалъ различныя причины для покоренія тѣхъ самыхъ народовъ, коихъ почиталъ друзьями. Продолженіе исторіи будетъ ничто иное, какъ непрерывная, такъ сказать, цѣпь его несправедливостей, болѣе или менѣе прикрашенныхъ.

Движенія Персея, Царя Македонскаго, противъ Римлянъ.

Новая туча собралась на Македонію. Филиппъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ умеръ. Невозможность загладить стыдъ, причиненный пораженіями, всегда раждала въ немъ ненависть къ Римлянамъ. Онъ умертвилъ сына своего Димитрія, жившаго нѣкогда вмѣсто залога въ Римѣ. Сему причиною была клевета Персея, побочнаго сына Филиппова, произтекающая отъ зависти къ Димитрію; ибо онъ хотѣлъ похитить у сего юнаго и почтеннѣйшаго Князя корону, ему принадлежавшую. Персей, по учиненіи столь ужаснаго злодѣянія, вступивши на престолъ послѣ Филиппа, предался безразсудно своей ненависти къ Римлянамъ. Онъ началъ дѣлать приготовленія къ войнѣ и возмущать Грецію. Евменесъ донесъ о томъ въ Римѣ, и назначили войну. Персей, извѣстившись о семъ, отправилъ пословъ съ предложеніями, что онъ согласенъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ Римлянъ. Сенатъ отвѣчалъ, что Консулъ отправляется въ Македонію, и Царь можетъ съ нимъ вести переговоры на мѣстѣ, ежели онъ имѣетъ добрыя намѣренія. Хотѣли производить переговоры не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ.

582. Объявляетъ ему войну.

Римляне побѣжденные хотятъ предписывать законы.

Консулъ Лициній Крассъ скоро приходитъ въ Македонію. Царь, одержавши надъ нимъ побѣду, проситъ мира на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ онъ заключенъ былъ и съ отцемъ его. Здѣсь Римляне приводятъ въ удивленіе своею твердостію. Побѣжденный Лициній гордо объявляетъ, что Персей тогда только получитъ миръ, когда предастся и съ царствомъ въ волю Римлянъ. Долго упорное и непреклонное мужество надъ всемъ торжествовало. Впрочемъ Государь сей, по своей скупости, боязливости и жестокости не умѣлъ ни привязать къ себѣ союзниковъ, ни сдѣлаться страшнымъ для своихъ непріятелей.

585. Павелъ Эмилій беретъ его въ плѣнъ.

Слѣдующіе два Консула такіе же имѣли успѣхи, какъ и Лициній; наконецъ, въ четвертый годъ войны, явился у Римлянъ военачальникъ, человѣкъ весьма достойный и способный къ окончанію оной. То былъ Павелъ Эмилій. Давно уже онъ жилъ въ уединеніи, занявшись единственно воспитаніемъ дѣтей своихъ. Прозьбы народа вызвали его къ почестямъ. Онъ, сдѣлавшись Консуломъ, узналъ совершенно состояніе дѣлъ и взвѣсилъ все, прежде нежели приступилъ къ исполненію. Успѣхъ соотвѣтствовалъ его прозорливости. Онъ вступилъ въ рѣшительное сраженіе при Пидиѣ въ Македоніи. Онъ, нападая со всѣхъ сторонъ отрядами на фалангу Македонскую, гдѣ только она разстроивалась отъ своихъ

движеній, прорѣзалъ оную: вотъ единственное средство разорвать фалангу. Персей обратился въ бѣгство. Подданные оставили его, и онъ самъ предался побѣдителю. Римляне видѣли его шествующаго въ печальномъ одѣяніи предъ торжественною колесницею, и онъ умеръ въ плѣну. Царство Македонское присоединено было къ Римскимъ провинціямъ, хотя Македонцы и были объявлены свободными.

Македонія покорена.

Сіе завоеваніе должно приписать мужеству Павла Эмилія, соединенному съ благоразуміемъ. Когда Сципіонъ Назика совѣтовалъ ему вступить въ сраженіе прежде надлежащаго времени, представляя, что медлительность его почитаютъ трусостію, онъ отвѣчалъ Назикѣ: *я въ лѣтахъ твоихъ также говорилъ, какъ и ты; а ты, достигнувъ моего возраста, будешь поступать такъ, какъ и я.* Онъ, обогативъ республику, самъ жилъ въ посредственномъ состояніи. *Эмилій принесъ въ домъ свой только безсмертную славу.* Такъ выхваляетъ его Цицеронъ, и Цицеронъ не могъ лучше похвалить его. Смерть похитила вдругъ у Павла Эмилія двухъ сыновъ. Онъ, говоря къ народу, объявилъ, что великодушно перенесетъ сіе нещастіе, только бы боги благоволили избавить республику отъ золъ, коими угрожало ей толикое благоденствіе. Вотъ чувствіе мудреца, который знаетъ, сколь пагубенъ ядъ щастія не только частнымъ людямъ, но и обществамъ

Благоразуміе и мужество Павла Эмилія.

и имперіямъ! Въ самомъ дѣлѣ, Римъ погибнетъ отъ побѣдъ своихъ. Павелъ Эмилій привезъ съ собою изъ Аѳинъ философа Метродора. Онъ поручилъ ему воспитаніе дѣтей своихъ. Вскорѣ потомъ три другіе философа, особливо знаменитый Карнеадъ, явились въ Римѣ, пріѣхавъ изъ Аѳинъ посланниками. Они объяснили здѣсь первыя понятія философіи, и сіе для жестокой ревности Катоновой показалось опаснымъ соблазномъ.

Греческіе философы въ Римѣ.

Скоро Греція почувствовала тяжесть ига Римскаго. Свирѣпые Этольцы испросили миръ на весьма тягостныхъ условіяхъ. Они обязались воевать всегда подъ предводительствомъ полководцевъ республики; никогда не подавать помощи ни ея непріятелямъ, ни ихъ союзникамъ, и въ теченіи шести лѣтъ заплатить пять сотъ талантовъ. Такъ наказали ихъ за предпріимчивость. Но Римъ взиралъ еще безпокойнымъ окомъ на союзъ Ахайскій, который одинъ только сохранялъ еще нѣкоторый остатокъ свободы.

Этольцы покоряются закону и платятъ дань.

Филопоменъ, котораго называли послѣднимъ изъ Грековъ, умеръ. Поелику онъ былъ не столько скроменъ, сколько Эпаминондъ, образецъ его: то, уничтоживъ Ликурговы законы и причинивъ много насилій, принудилъ Спарту приступить къ Ахайскому союзу. Онъ былъ захваченъ взбунтовавшимися Мессинцами и отравленъ ядомъ; по смерти его не осталось у Ахайцовъ

По смерти Филопомена разрушился союзъ Ахайскій.

начальника, способнаго къ ихъ поддержанію. Въ сихъ обстоятельствахъ Римскій Сенатъ поставляетъ себя судіею надъ народомъ свободнымъ, разсѣваетъ подозрительныхъ гражданъ, и такимъ образомъ готовитъ всеобщее порабощеніе Греціи. Паденіе Персея предвѣщало ей нещастіе; ибо не оставалось уже преграды для честолюбія сихъ жадныхъ завоевателей.

Подлый поступокъ Прузіаса въ Римѣ.

Уже Римляне взирали на Царей съ презрѣніемъ; а подлое корыстолюбіе Царей и оправдывало, по видимому, гордость, столь оскорбительную. По разбитіи Персея, Прузіасъ, Царь Виѳинскій, пріѣхалъ въ Римъ для засвидѣтельствованія своего почтенія: онъ явился въ унизительномъ положеніи у дверей Сената и, поцѣловавъ порогъ, вскричалъ: *поздравляю васъ, боги спасители!* Онъ учинилъ сей поступокъ для исходатайствованія нѣкоторыхъ милостей: въ самомъ дѣлѣ онъ получилъ ихъ (*). Полибій объявляетъ, что онъ стыдится и упомянуть о рѣчи сего Государя Сенаторамъ: такъ онъ почиталъ ее недостойною царскаго сана, а можетъ быть и унизительною для Сената. Подлость и рабское ласкательство равно постыдны какъ для тѣхъ, кои ихъ принимаютъ, такъ и для тѣхъ, кои изъявляютъ оныя. Евменесъ, Царь Пергамскій, готовился уже къ отправленію

(*) Сей подлый Государь свергнутъ былъ съ престола сыномъ своимъ Никомедомъ, котораго онъ хотѣлъ умертвить, но который еамъ его умертвилъ.

въ Римъ. Сомнительный поступокъ, учиненный во время войны Македонской, привелъ его въ подозрѣніе. Его не хотѣли принять, но не хотѣли и оскорбить явно: почему подъ видомъ государственныхъ издержекъ, употребляемыхъ безполезно на сіи путешествія, запретили опредѣленіемъ всѣмъ Царямъ ѣздить въ Римъ.

Свое нравный поступокъ Римлянъ въ разсужденіи Сиріи.

Но ничто столько не объясняетъ свойства Римлянъ, какъ поступокъ ихъ въ разсужденіи Сиріи. Попилій Ленасъ, именемъ Сената, запретилъ Антіоху Епифану, похитителю престола, дѣлать завоеванія въ Египтѣ; сіе запрещеніе тѣмъ кажется отважнѣе, что успѣхъ Македонской войны былъ еще неизвѣстенъ. Попилій, начертавъ кругъ около Монарха, сказалъ ему: *не выходя изъ сего круга, дай отвѣтъ Сенату.* Антіохъ отвѣчалъ на сіе покорностію. Онъ отправилъ пословъ въ Римъ, коимъ съ надмѣнностію сказали, что *поздравляютъ его съ преданностію.* По смерти сего Государя, въ 589 году, Римляне изключили отъ преемства престола Димитрія, законнаго наслѣдника, и предоспали оный Антіоху Евпатору, сыну Епифана, потому что онъ по малолѣтству своему не могъ препятствовать ихъ честолюбію. Они безъ всякаго сношенія съ Сиріянами объявили Евпатора состоящимъ подъ опекою республики, и послали трехъ членовъ Сената въ званіи опекуновъ для управленія государствомъ, съ тѣмъ, чтобъ

они какъ возможно болѣе его истощали. Римъ явно желалъ завоевать всю вселенную. Паденіе Карѳагена проложило путь къ тому.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Третія Пуническая война. — Римляне разрушаютъ Карѳагенъ, Коринѳъ и Нумантію.

Ссоры Масиниссы съ Карѳагеномъ приготовляютъ къ третьей Пунической войнѣ.

Престарѣлый Масинисса, преданный совершенно Римлянамъ, въ надеждѣ на ихъ покровительство присвоивъ себѣ земли, принадлежащія Карѳагену, владѣлъ нѣсколько времени оными. Карѳагеняне принесли на сіе жалобу Сенату. Послали изъ Рима повѣренныхъ для прекращенія ссоры. Въ семъ числѣ находился и Катонъ. По возвращеніи своемъ онъ увеличилъ предъ Сенатомъ силы Карѳагенцовъ, обвинялъ ихъ въ непріятельскихъ намѣреніяхъ противъ республики и непрестанно кричалъ: *должно разорить Карѳагенъ:* сими словами заключалъ онъ всѣ свои разговоры. Сципіонъ Назика, будучи скромнѣе и благоразумнѣе, всегда возставалъ противъ сего мнѣнія, сколько жестокаго, столько же и опаснаго. Но когда набѣги Царя Нумидійскаго заставили Карѳагенцовъ приняться за оружіе; когда самъ Назика, пріѣхавъ посредникомъ для прекращенія ихъ ссоры, былъ оскорбленъ Карѳагенскою чернію; когда возгорѣлась война между Масиниссою и симъ

народомъ: то быть не могло, чтобъ Римъ не воспользовался наконецъ случаемъ утвердить свое владычество въ Африкѣ.

Римляне отправили туда новыхъ пословъ, будто бы для возстановленія мира, но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ воспользоваться обстоятельствами. Такова давно была политика Сената, всегда непроницаемая въ своихъ тайныхъ намѣреніяхъ, не смотря на многочисленность Сенаторовъ, и всегда стремящаяся къ исполненію оныхъ при самыхъ вѣрнѣйшихъ средствахъ. Римъ вездѣ посылалъ своихъ повѣренныхъ, по видимому для прекращенія ссоръ, для разобранія дѣлъ, для удовлетворенія въ обидахъ, для защищенія человѣчества и справедливости: но сіи столь хитрые люди искали случаевъ, наблюдали средства къ покоренію народовъ и Государей. Масинисса разбилъ Карѳагеняне на большомъ сраженіи. Сынъ его Гуласса умертвилъ большую часть тѣхъ, кои положили оружіе. Тогда посланные, снявъ съ себя личину, объявили войну побѣжденнымъ. Гнусный поступокъ! но послѣдующіе еще безчестнѣе.

604. Римъ объявляетъ войну Карѳагенянамъ, побѣжденнымъ Масиниссою.

Устрашенные Карѳагеняне унижаются до рабской покорности. Они,ославъ въ заточеніе Аздрубала, какъ виновника сей войны, предлагаютъ, чтобъ ихъ приняли въ число подданныхъ Рима. Римскій Сенатъ обѣщаетъ имъ уступить свободу, ежели они выполнятъ всѣ требованія Консуловъ и пошлютъ въ залогъ трехъ сотъ человѣкъ.

Ихъ обезоруживаютъ подъ видомъ мира.

Предаются радости, какъ бы никакой уже не предстояло опасности; посылаютъ безъ всякаго опасенія въ залогъ требуемое количество людей, хотя небольшое число прозорливыхъ Сенаторовъ и замѣтили здѣсь нѣкоторое со стороны Римлянъ вѣроломство. Между тѣмъ Консулы Марцій и Манилій приходятъ съ ужасною силою. Они величественно принимаютъ пословъ Карѳагенскихъ, пришедшихъ увѣдомиться о ихъ намѣреніяхъ и напомянуть о несправедливости сихъ приготовленій къ войнѣ. «Вы подъ покровительствомъ «Рима, говорятъ имъ Консулы; слѣдовательно оружіе, лежащее у васъ въ магазинахъ, «для васъ безполезно; принесите его къ намъ «въ знакъ искренности вашихъ чувствованій.» Тщетно представляютъ имъ, что Карѳагенъ окруженъ непріятелями, что онъ имѣетъ нужду въ своемъ оружіи. *Римъ беретъ на себя трудъ защищать васъ; повинуйтесь.* Отвѣтъ сей не допускалъ никакого возраженія. Покоряются.

Имъ повелѣваютъ оставить свое отечество.

Когда Карѳагеняне остались безъ оружій и безъ машинъ, Консулы не устыдились объявить имъ, что Карѳагенъ долженъ быть разрушенъ; чтобъ они выходили изъ него, поселялись на другомъ мѣстѣ, но безъ укрѣпленій, и только на десять миль отъ моря. Громовый ударъ сей, поразивъ отчаяніемъ, возбуждаетъ мужество. Народъ умерщвляетъ Сенаторовъ, по совѣту коихъ отдали оружіе. Работаютъ новое съ неимовѣрною поспѣшностію и прилѣжаніемъ.

Отчаяніе производитъ въ нихъ мужество.

Домы, капища обратились въ мастерскія; золото и серебро, сосуды и статуи дополняютъ недостатокъ желѣза и мѣди; женщины жертвуютъ своими украшеніями; онѣ отрѣзываютъ даже волосы на веревки. Римляне не думая, чтобъ безоружный городъ могъ сдѣлать сопротивленіе, подступаютъ къ оному, и ихъ отражаютъ; флотъ ихъ обращенъ въ пепелъ посредствомъ зажигательныхъ судовъ.

Сципіонъ Эмиліанъ.

Аздрубалъ, Карѳагенскій полководецъ, возвращенный изъ ссылки, истребилъ бы совершенно все консульское войско, ежели бы оно не нашло себѣ защитника въ Сципіонѣ Эмиліанѣ, сынѣ Павла Эмилія, внукѣ, по усыновленію, Сципіона Африканскаго, которому онъ подобенъ былъ своими достоинствами. Сей герой съ тремя стами конницы прикрылъ отступленіе легіоновъ, когда они переправлялись чрезъ рѣку въ виду побѣдоноснаго непріятеля. Военные подвиги и поступки исторгли Сципіону похвалы у стараго Катона, который никого еще не хваливалъ. Катонъ излилъ желчь свою на прочихъ чиновниковъ. Ежели онъ до сихъ поръ никого не хвалилъ, то можно ли почитать самаго его достойнымъ похвалы.

606. Ему поручена война въ званіи Консула.

Сципіону предназначено было окончить войну, сполъ важную. Хотя онъ былъ только тридцати семи лѣтъ, хотя недавно закономъ Вилліевымъ опредѣлено не прежде сорока трехъ лѣтъ избирать въ

Консулы; впрочемъ не только Сципіона именовали Консуломъ, но и оставивъ обыкновеніе, безъ жеребья, назначили ему въ участокъ Африку. Онъ выборъ сей оправдалъ скоро. Осада начала продолжаться съ большею дѣятельностію и благоразуміемъ. Производятъ работу надъ плотиною для того, чтобъ запереть пристань. Для Карѳагенянъ столько дѣло сіе казалось невозможнымъ, что они надъ тѣмъ смѣялись; но увидѣвъ успѣхъ, они намѣреваются открыть другой проходъ къ морю чрезъ прорытіе полуострова, и сія работа съ большимъ трудомъ, нежели первая, приведена къ окончанію. Ежели бы Карѳагенскій флотъ вышелъ во время для нападенія на флотъ Римскій, то вѣрно бы Карѳагеняне его истребили. Они могли сразиться не иначе, какъ два дни спустя: приготовились, побѣда была нерѣшительна. Карѳагенъ во время зимы оставался въ облежаніи. Неферитъ, сосѣдственный городъ, откуда онъ получалъ пособіе, не могъ выдержать нападенія; войска, внѣ крѣпости находящіяся, были истреблены; недостатокъ въ припасахъ отнималъ всю надежду. Тогда Карѳагеняне предложили, что они согласятся на все, только бы пощадили ихъ городъ. Сципіонъ отказалъ въ послѣднемъ; онъ не могъ предпочесть человѣчества жестокому честолюбію своего отечества.

607. Онъ беретъ и

Римляне, при нападеніи своемъ, обманувъ Карѳагенянъ движеніями, овладѣли одними

воротами: вступаютъ въ городъ, разливаютъ повсюду пламя, предаютъ мечу все имъ сопротивляющееся. Гордый Аздрубалъ униженно проситъ о помилованіи. Жена его показала себя героинею; въ бѣшенствѣ своемъ она упрекаетъ Аздрубала за трусость, поражаетъ кинжаломъ дѣтей своихъ и бросается въ пламя. Городъ преданъ на разграбленіе. Сципіонъ, изъ повиновенія къ Сенату, съ прискорбіемъ истребляетъ огнемъ весь Карѳагенъ. Пожаръ продолжался семнадцать дней. Великолѣпный вѣздъ въ Римъ и проименованіе Африканскимъ были наградою за походъ сей Проконсула; ибо годъ консульства его кончился. Сципіону помогалъ во время сей войны другъ его Лелій, сынъ друга перваго Сципіона Африканскаго, и историкъ Полибій, достойный повѣствователь его дѣяній (*). Сципіонъ сказалъ сему послѣднему слова весьма достойныя замѣчанія. Онъ, стеная на развалинахъ Карѳагена, прочиталъ изъ Гомера два стиха, въ коихъ предвѣщается разрушеніе Трои. Когда Полибій спросилъ его, къ чему бы онъ относилъ сіе, Сципіонъ отвѣчалъ: «опасаюсь, чтобъ и съ отечествомъ моимъ не случилось подобнаго несчастія.» Сей великій человѣкъ, можетъ быть, предвидѣлъ, что паденіе Карѳагена

разрушаетъ Карѳагенъ.

Лелій и Полибій.

(*) Онъ былъ сынъ Ликорта, главы Ахайскаго союза, управлявшаго со славою онымъ. Отецъ научилъ его политикѣ, а Филопоменъ военному искусству; почему онъ могъ оказать важныя услуги Сципіону.

потрясетъ основанія Рима и будетъ единственною причиною какъ чрезмѣрнаго его могущества, такъ и его паденія.

Римляне неистовства войны освящаютъ вѣрою.

Какого бы Карѳагеняне ни достойны были порицанія, но взирая на столь знаменитый городъ, лишенный жителей и обращенный въ пепелъ, по справедливости, никто не можетъ удержаться отъ досады на Римлянъ. Всего оскорбительнѣе для сердца видѣть сихъ Римлянъ, освящающихъ вѣрою свои на войнѣ неистовства. Они торжественно предавали враговъ своихъ адскимъ богамъ; и Сципіонъ совершалъ обрядъ сего проклятія, при которомъ онъ странную произнесъ рѣчь: *о, грозный Плутонъ! излей на Карѳагенянъ гнѣвъ твой и мщеніе. Да изтребятся государства и города, поднявшіе противъ насъ оружіе. Вамъ, Фуріи, предаю всѣхъ враговъ моей республики моимъ именемъ, именемъ Сената и народа Римскаго.* И такъ, кто будетъ защищаться отъ безчеловѣчія Римскаго, долженъ содѣлаться жертвою боговъ! Таковыя проклятія безъ сомнѣнія умножали въ воинахъ жаръ и дерзость: но чего должны они стоить для сердца чувствительнаго человѣка?

Проклятія враговъ республики.

Почему Карѳагенъ рано или поздо долженъ пасть.

Монтескье открылъ истинныя причины превосходства Рима предъ Карѳагеномъ. Я выставлю одно только или два изъ его размышленій. «Карѳагенъ, говоритъ онъ, вооруженъ »живши богатствомъ своимъ противъ »бѣдности Римской, въ семъ самомъ имѣлъ

»и невыгоду: золото и серебро истоща-
»ются; но мужество, твердость, храбрость
»и бѣдность никогда не умаляются. Често-
»любіе Римлянъ произтекало отъ гордости,
»а у Карѳагенянъ отъ сребролюбія; одни
»хотѣли повелѣвать, другіе пріобрѣтать;
»и сіи послѣдніе, занимаясь непрестанно
»разсчетами прихода и расхода, вели вой-
»ну съ отвращеніемъ. Самыя Аннибаловы
»завоеванія перемѣнили ходъ войны. Сдѣ-
»лать завоеванія удобно, потому что ихъ
»дѣлаютъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ;
»сохранить же оныя трудно, потому что
»защищаютъ ихъ только съ частію силъ
»своихъ.« Присовокупимъ, что народъ, состоящій изъ воиновъ, долженъ побѣдить народъ, занимающійся торговлею.

Паденіе его пагубно для Римлянъ.

Не смотря на важность Катона, того жестокаго Цензора, который, возставая противъ пороковъ, желалъ разрушенія Карѳагена, Саллюстій и другіе историки почитаютъ сіе произшествіе эпохою упадка нравовъ. Страхъ сильнаго соперника обуздывалъ Римлянъ; но коль скоро перестали его бояться, то и предалися страстямъ. Чрезмѣрное могущество упоеваетъ, и невозможно человѣку быть мудрымъ, когда ничто ему не препятствуетъ быть порочнымъ.

Римъ хочетъ покорить Грецію.

Въ томъ же году разрушенъ Коринѳъ и уничтожена свобода въ Греціи. Римъ, усмотрѣвъ благопріятныя обстоятельства для утѣсненія тѣхъ, коихъ онъ сперва ласкалъ,

и обманчивую свою скромность перемѣнивъ въ неограниченное самовластіе, началъ посредствомъ политики заводить между Греками раздоры, распущать измѣнниковъ, ему преданныхъ, вмѣшиваться съ своимъ посредничествомъ во всѣ дѣла и нечувствительно присвоять себѣ такую же власть, какъ естьли бы онъ и завоевавъ Грецію, не объявилъ ее свободною.

Ахайцы берутъ оружіе и ихъ побѣждаютъ.

Таковые поступки взволновали Ахайцовъ. Щадили ихъ, доколѣ они нужны были. Теперь стараются ихъ укрощать, потому что не опасаются уже Македоніи. Трое бродягъ, выдавая себя за сыновей Персея, одинъ послѣ другаго покущались завоевать сіе царство, и безъ труда были побѣждены. Преторъ Метелъ, успокоившись со стороны сей, обратилъ свое оружіе противъ Ахайцовъ, коихъ два безразсудные начальника, Критолай и Діей, вовлекали въ погибель. Метелъ разбилъ ихъ. Консулъ Муммій окончилъ войну сію опустошеніемъ и разрушеніемъ Коринѳа, города, существовавшаго около 950 лѣтъ, и одного изъ цвѣтущихъ въ Европѣ. Греція, подъ именемъ Ахаіи, была обращена въ Римскую провинцію.

Муммій разрушаетъ Коринѳъ

Греція обращена въ Римскую провинцію.

Отличныя произведенія, перевезенныя въ Римъ, произво-

Римъ обогатился и украсился новыми добычами. Отличныя произведенія искусства, перевезенныя въ Римъ, возродили въ гражданахъ наклонность къ онымъ, за которою вскорѣ послѣдовало развращеніе нравовъ. Патеркулъ выставляетъ достопри-

мѣчательную черту невѣжества Муммія. Сей военачальникъ, договариваясь съ подрядчиками о перевозѣ въ Римъ всѣхъ рѣдкостей изъ Коринѳа, объявилъ имъ, что ежели какая картина или статуя потеряется или повредится, они должны подобную онымъ на свой щетъ доставить. Историкъ сіе грубое невѣжество, безъ всякаго сомнѣнія, почитаетъ полезнѣе для республики, нежели утонченность его вѣка. Мумій, будучи столько же безкорыстенъ, сколько и храбръ, не оставилъ для себя ничего изъ сокровищъ и изящныхъ произведеній Коринѳскихъ. Но ежели бы любовь къ изящнымъ искусствамъ образовала его и нравы Римскіе, то Коринѳъ былъ ли бы преданъ огню и мечу? Велико нещастіе, ежели государства заражаются роскошію; но несравненно оно болѣе, когда они, по причинѣ варварства, другъ друга истребляютъ. Какъ щастливы люди, когда они занимаютъ средину между сими крайностями, когда добродѣтельны при просвѣщеніи, тонки и просвѣщенны безъ развращенія.

дятъ тамъ склонность и любовь къ искусствамъ.

Ежели бы Римляне имѣли сію любовь прежде, то быменѣе учинили жестокостей.

Предъ окончаніемъ Пунической войны Виріатъ, храбрѣйшій полководецъ Лузитанскій въ Испаніи, взбунтовалъ различные народы противъ Рима. Онъ хотѣлъ освободить ихъ отъ ненавистнаго ига; хотѣлъ посредствомъ побѣдъ своихъ основать государство, независящее отъ Римлянъ: онъ успѣлъ въ томъ. Между тѣмъ какъ могъ онъ истребить совершенно Римское

613. Вѣроломство Римлянъ въ Испаніи въ разсужденіи Віріата.

войско, остался довольнымъ предоставленною за нимъ по мирному договору землею, находившеюся у него во владѣніи; вся прочая Испанія была отдана его притѣснителямъ. Римляне отмстили ему за свои пораженія посредствомъ гнуснѣйшаго вѣроломства. Консулъ Сервилій Цепіонъ самовольно разорвалъ миръ, напалъ нечаянно на Виріата, преслѣдовалъ его и, подкупивъ измѣнниковъ, заставилъ его умертвить соннаго.

Они нарушаютъ два договора, заключенные съ Нуманціею.

Одно злодѣяніе влечетъ за собое другое. Римляне столько же показали себя вѣроломными и въ разсужденіи Нуманціи, знатнаго Испанскаго города на рѣкѣ Дуро. Они нарушаютъ два мирные договора, заключенные съ симъ городомъ, и тѣмъ заставляютъ проклинать себя, какъ враговъ, не знающихъ честности и справедливости. Нуманцинцы рѣшились защищать свою свободу до смерти. Для побѣжденія ихъ потребенъ былъ великій человѣкъ. Избрали въ Консулы Сципіона Эмиліана, хотя новѣйшій законъ и запрещалъ возводить одного человѣка дважды на консульское достоинство. Разрушитель Карѳагена еще нашелъ препятствія, къ преодолѣнію коихъ потребны были и его мужество и дарованія. Нѣга и склонность къ забавамъ уменьшили мужество войска: онъ пріучилъ ихъ къ прежней воинской строгости. Рѣшившись принудить къ сдачѣ городъ голодомъ, употребилъ для сего воинское искусство, которое

Сципіонъ Эмиліанъ посланъ противъ Нуманційцовъ.

часто бываетъ удачнѣе мужества. Наконецъ онъ довелъ Нуманшію до крайности и объявилъ, что не согласится ни на какія предложенія безъ того, ежели жители не сдадутъ ему города, оружія и самихъ себя. Многіе изъ Нуманшинцовъ при всемъ отчаяніи, при всѣхъ ужасахъ голода, питаясь трупами, лучше захотѣли умереть, нежели сдаться Римлянамъ. Нуманшія была разрушена, бунтъ погашенъ; но мы увидимъ, что Испанцы употребятъ новыя усилія для сверженія ига Римскаго. Столь многія завоеванія, плоды честолюбія, насилія и вѣроломной политики, доставятъ пищу страстямъ, коихъ Римъ скоро содѣлается жертвою. Онъ, раздирая самъ себя, долженъ былъ тѣмъ отмстить за цѣлый свѣтъ. Но оставивъ на время цѣпь произшествій, замѣтимъ здѣсь нѣкоторыя подробности, имѣющія послужить къ объясненію Исторіи.

620. Онъ разрушаетъ Нуманшію.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Замѣчанія о военной силѣ, нравахъ, доходахъ и словесности Римлянъ.

Вотъ важное размышленіе Монтескье: «Мы примѣчаемъ нынѣ, что много у насъ «погибаетъ войска отъ неумѣреннаго труда воиновъ; напротивъ безмѣрный трудъ «служилъ Римлянамъ спасеніемъ. Причиною «сему, кажется, то, что Римскія войска «находились въ непрестанномъ утомленіи;

»напротивъ наши солдаты безпрестанно »переходятъ отъ чрезмѣрнаго труда къ »чрезмѣрной праздности, что всего удоб-
Ихъ переходы. »нѣе можетъ ихъ погублять. Римскихъ »воиновъ пріучали ходить военнымъ ша»гомъ, то есть, въ пять часовъ перехо»дить двадцать миль, а иногда и двадцать »четыре. Во время сихъ переходовъ за»ставляли ихъ носить на себѣ тяжести »по шестидесяти фунтовъ. Пріучали ихъ »также бѣгать и прыгать во всемъ воору»женіи. Они во время ученій имѣли съ со»бою мечи, копья, стрѣлы вдвое тяжелѣе »обыкновеннаго оружія, и сіи упражненія »были непрерывны (*).« И такъ удиви-тельно ли, что такіе воины, при строгомъ соблюденіи порядка, одерживали толикія побѣды?

Ихъ легіоны. Устроеніе легіоновъ было превосходно; оно способно было для быстроты и силы. Въ сраженіяхъ бросали сперва pilum, копье въ шесть футовъ, съ длиннымъ стальнымъ остроконечіемъ: дѣйствіе онаго на десять или двенадцать шаговъ разстояніемъ было ужасно. Потомъ нападали на непріятеля съ мечемъ, который былъ коротокъ, остроконеченъ и о двухъ лезвеяхъ. Рѣдко побѣда не оставалась на сторонѣ Римлянъ:

Они всегда имѣли въ нуждѣ воиновъ. Сверхъ того военныя пособія у Римлянъ были, по видимому, неистощимы. За нѣсколько времени до второй Пунической

(*) Смотри Вегеція, кн. I.

войны Римъ, во время нападенія Галловъ, могъ, по мнѣнію Полибія, вооружить семь сотъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и семдесятъ тысячъ конницы. Онъ въ скоромъ времени послѣ Канскаго пораженія выставилъ многочисленныя войска. Всякій человѣкъ былъ воинъ. Впрочемъ война столько похитила гражданъ, что нужно было опредѣлить сто шестьдесятъ семь новыхъ Сенаторовъ для составленія полнаго Сената.

Некоторое изступленіе дѣлало Римлянъ не побѣдимыми.

Правила и чувствованія Римлянъ способствовали къ учиненію ихъ непобѣдимыми. «Нѣтъ ничего столь сильнаго, говоритъ знаменитый писатель, недавно приведенный мною, какъ та республика, въ которой соблюдаютъ законы не изъ страха, не по должности; но по страсти, какъ то было въ Римѣ и Лакедемонѣ; ибо тогда съ мудростію добраго правленія соединяется вся сила, какую только имѣть можетъ сторона, одушевляемая ревностію отличиться предъ другою.» Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторый родъ неизмѣняемаго изступленія былъ у Римлянъ душею предпріятій и силою государства.

Награды и наказанія воинскія.

Примѣчено уже, сколь много способствовали награды и наказанія воинскія въ первыя времена къ соблюденію порядка и воспламененію мужества. И тѣ и другія благоразумно были употребляемы. Правда, наказанія были тѣлесныя, палки, смерть; но ничто не было столь дѣйствительно, какъ стыдъ и безчестіе. Всѣ награды, всѣ вѣнки,

торжественный вѣздъ послѣ побѣдъ (*), богатыя добычи были важны отъ чести, ими доставляемой; но когда любовь къ богатствамъ начала предпочитать деньги почестямъ (естественное слѣдствіе великихъ завоеваній), то сіе самое было вѣрнымъ знакомъ скораго упадка.

Законъ Порціевъ возвысилъ чувствованія гражданина, не ослабляя военнаго благоустройства.

Во время второй Пунической войны законъ Порціевъ запретилъ сѣчь розгами гражданина Римскаго. Сіе умаленіе строгости древнихъ законовъ должно было еще болѣе возвысить чувствованія народа. Законъ сей не простирался на военныхъ; полководцы имѣли въ своихъ рукахъ жизнь и смерть. Такимъ образомъ воинское благоустройство осталось во всей своей силѣ, между тѣмъ какъ законодательство, содѣлавшись кротчае, умножило только въ гражданахъ любовь къ отечеству. Не смотря на подчиненность Римлянина неограниченной власти своихъ предводителей, свобода всегда возвышала его душу. Онъ, возвратившись домой, ничего болѣе не чувствовалъ, кромѣ благотворнаго владычества законовъ, доколѣ самые законы не содѣлались игралищемъ честолюбія и раздора.

Чистота нравовъ умножала

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ благоденствія Рима, хотя писатели совсѣмъ не упоминаютъ объ оной, есть народоселеніе,

(*) Два были таковыхъ торжества, triumphus и ovatio; послѣднее было не такъ пышно, и назначено за побѣды не такъ важныя и рѣшительныя, какъ тѣ, за кои опредѣляли великое торжество (triumphus).

которое зависѣло отъ чистоты нравовъ и святости брака. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ первой Пунической войны, Цензоры, усмотрѣвъ великое умаленіе гражданъ, обязали всѣхъ клятвою вступать въ бракъ, и вступать въ оный съ тѣмъ, чтобъ доставить республикѣ подданныхъ. Тогда то увидѣли первый примѣръ развода, хотя онъ и позволенъ былъ древними законами. Карвилій любилъ жену свою, но развелся съ нею по причинѣ ея неплодія. Чѣмъ болѣе развращались нравы, тѣмъ болѣе умножались разводы. Тогда учредили брачные договоры, по коимъ жена, при разводѣ, оставалась во владѣніи своего имущества.

народосселеніе.

Первый разводъ учиненъ былъ въ шестомъ вѣкѣ Рима.

Брачныя условія.

Странно, почему бы во всѣхъ вѣкахъ много Весталокъ наказано было за нарушеніе своего обѣта хранить дѣвственно; напротивъ въ продолженіи болѣе пяти сотъ лѣтъ не замѣчено ни одного развода, не смотря на снисхожденіе законовъ? Потому что съ одной стороны Весталки слишкомъ подвержены были опаснѣйшему искушенію, а съ другой супружеское соединеніе поддерживалось добрыми нравами.

Многія Весталки измѣнили своему обѣту.

Доколѣ Павелъ Эмилій, разбивши Персея, не покорилъ Македоніи и не доставилъ въ общественную казну безмѣрныхъ ея сокровищъ, граждане всегда платили подать съ оцѣнки имѣнія; сверхъ сего во время нужды налагались иногда особенныя подати. Но съ сего времени до смерти Цесаря они освобождены были отъ всякой

Послѣ покоренія Македоніи граждане не платили уже подати.

подати. Пошлины съ товаровъ и съ земныхъ произведеній республики, налоги, собираемые съ народовъ Италіи и провинцій, составляли государственные доходы. Къ концу первой Пунической войны Цензоръ Ливій первый наложилъ пошлину на соль, за что и прозванъ былъ *Салинаторомъ*.

Рудокопни Испанскія служили добычею для полководцевъ; подати съ иностранныхъ народовъ.

Испанскіе рудники особенно обогатили Римъ. Со временъ Полибія употребляли по сороку тысячь человѣкъ въ работу на рудникахъ близь Карѳагены, и получали съ оныхъ ежедневно по двѣсти пятидесяти Аттическихъ минъ (болѣе четырехъ талантовъ). Добыча, привозимая полководцами, непрестанно умножала казну. Богатѣйшія въ свѣтѣ государства содѣлались Римскими данниками. Тогда начались обманы и грабительства сборщиковъ, лихоимства судей; тогда богатства частныхъ людей ввели въ домы роскошь, расточительность, прихоти, безпорядки, кои подорвали основанія общественнаго блага. Сципіонъ Африканскій справедливо сказалъ въ разсужденіи двухъ Консуловъ, домогавшихся получить себѣ въ участокъ Испанію во время войны съ Виріатомъ въ 609 году: *по моему мнѣнію, обоимъ имъ надобно отказать: одному для того, что онъ ничего не имѣетъ; другому потому, что онъ никогда не бываетъ доволенъ.*

Грубое невѣжество Римъ-

Городъ въ первый разъ былъ вымощенъ послѣ похода въ Азію противъ Антіоха. Почти пять сотъ лѣтъ протекло, и Рим-

лянамъ неизвѣстно было никакое измѣреніе времени. Консулъ Валерій привезъ изъ Сициліи солнечные часы; болѣе ста лѣтъ спустя Сципіонъ Назика показалъ употребленіе водяныхъ часовъ (клепсидръ), коихъ посредствомъ истеченія воды по каплѣ измѣряли часы днемъ и ночью. Все было въ нѣкоторомъ младенчествѣ, кромѣ воинскаго искусства. Врачебная наука состояла въ совѣтахъ домашнихъ, доколѣ, во время осады Сагунта Аннибаломъ, одинъ Грекъ, по имени Архагатъ, пріѣхавши, не началъ заниматься оною, равно какъ и Хирургіею. лянъ до шестаго вѣка.

Энній, первый стихотворецъ, другъ Сципіона Африканскаго, сочинилъ Исторію Римскую стихами, или лучше мѣрною прозою. Невій, его современникъ, такимъ же образомъ описалъ первую Пуническую войну. Сіи сочиненія были слабые лучи того превосходнаго ума, который долженъ былъ произвесть столь много совершеннѣйшихъ твореній. Отсюда видно, что въ Римѣ, равно какъ и въ прочихъ странахъ, поэзія образовалась прежде прозы и была посвящена на повѣствованіе произшествій. Сатира древняя значила одну грубость. Въ 485 году отъ созданія Рима, Фабій Пикторъ, Консулъ, писалъ о Исторіи Римской; но намъ совсѣмъ неизвѣстно его сочиненіе, безъ сомнѣнія не столько достойное названія Исторіи, сколько дурной лѣтописи. Первые стихотворцы.

Римъ просвѣтился, образовалъ вкусъ и нравы посредствомъ обращенія съ Греками. Открывается любовь

къ наукамъ. Плавтъ и Теренцій очистили театръ отъ грубости. Первый имѣетъ болѣе *силы комической*, ѣдкой и острой соли Аристофановой. Другой перенесъ *Аттицизмъ* Менандровъ въ ту страну, гдѣ до сихъ двухъ стихотворцовъ родилось, такъ сказать, одно терніе. Предполагаютъ, что Сципіонъ Эмиліанъ и Лелій участвовали въ сочиненіи комедій Теренціевыхъ. Сіе служитъ похвалою и для нихъ и для Теренція: сіе доказываетъ, что Теренцій имѣлъ честь быть ихъ другомъ и пользовался ихъ совѣтами. Историкъ Полибій и философъ Панетій были во всѣхъ походахъ при сихъ великихъ людяхъ. Уже любовь къ изящнымъ наукамъ, къ философіи и познаніямъ начала снимать кору дикости, занятой Римлянами отъ своихъ предковъ. Но народъ вообще, пріобыкшій отъ непрестанной войны къ кровопролитію, всегда почиталъ для себя забавою сраженія атлетовъ и гладіаторовъ (бойцовъ и мечебойцовъ), тѣ сраженія, гдѣ нещастные то другъ друга убивали и гордились тѣмъ, что умираютъ въ приличномъ положеніи, то разтерзываемы были свирѣпыми звѣрями, когда по нещастію не могли ихъ побѣдить. Народъ лучше хотѣлъ видѣть людей, сражающихся съ медвѣдями, нежели слушать прекрасныя комедіи Теренція. Довольно было и того, что многіе изъ первыхъ гражданъ начали имѣть склонность къ словесности и чувствовать выгоды, отъ нее происпекающія.

Катонъ Ценсоръ съ горестію на сіе жаловался. Хотя онъ самъ былъ историкъ ораторъ; однакожъ жестоко возставалъ противъ Грековъ-учителей. Изгнали по опредѣленію тѣхъ Риторовъ и философовъ, коихъ онъ признавалъ опасными и кои въ самомъ дѣлѣ были таковы: потому что они учили только запутывать разумъ хитросплетеніями, или украшать ложь черпами истины. Отъ таковыхъ учителей Римляне ничего бы не заняли, кромѣ заблужденій и пороковъ. Катонъ возстаетъ противъ Риторовъ и философовъ.

Но чего Катонъ могъ опасаться отъ истинныхъ философовъ, людей просвѣщенныхъ, достойныхъ сего имени? Римъ не величайшія ли выгоды долженъ былъ получить отъ ученія? Не имѣлъ ли онъ нужды въ нравственности яснѣйшей и достойнѣйшей человѣка? Не имѣлъ ли нужды познакомиться съ природою, свободиться отъ предразсудковъ, искать пособій въ Физикѣ, Астрономіи, Геометріи, во всѣхъ наукахъ? Не имѣлъ ли нужды въ сладости краснорѣчія для умягченія своихъ нравовъ, дабы, бывъ ужасомъ народамъ, послужить имъ послѣ образцемъ? Оба Сципіона, побѣдители Карѳагена, хуже ли были тѣхъ древнихъ героевъ, кои ничего не знали, кромѣ войны и плуга? А Варроны, Цицероны, Виргиліи, Горація и многіе другіе могли ль прославить свое отечество болѣе, нежели сколько всѣ побѣды его полководцевъ, ежели Между тѣмъ словесныя науки были весьма полезны.

бы правила угрюмаго Ценсора возымѣли совершенное во всемъ дѣйствіе?

Не должно приписывать развращенія словесности.

Мы увидимъ, что развращеніе усилится въ то самое время, когда словесность будетъ въ цвѣтущемъ состояніи. Но развращеніе было слѣдствіемъ величія и богатства Римлянъ; словесность же не только не была причиною зла сего, но еще могла доставлять средства къ исправленію онаго. Науки также употребляютъ во зло, какъ и вѣру: вотъ великое зло, потому что предметъ, употребляемый ко вреду, есть великое благо. Пусть представятъ Римлянъ обладателями богатѣйшихъ странъ, подобно Татарамъ въ Индіи; пусть они останутся навсегда въ своемъ невѣжествѣ: конечно и тогда бы они перемѣнили свои нравы, заразились бы всѣми пороками, проистекающими отъ богатства; а какихъ бы не лишились они выгодъ по причинѣ того же самаго невѣжества?

Замѣчанія о Катонѣ.

Катонъ оставилъ намъ сочиненіе о сельской жизни (de re Rustica). Вотъ драгоцѣнный памятникъ любви древнихъ Римлянъ къ земледѣлію. Но ежели бы писатель не столько ненавидѣлъ словесность Грековъ, то бы вѣроятно книга его была лучше. Онъ раскаявался, какъ самъ часто говаривалъ, въ трехъ поступкахъ, что проводилъ день *ничему не научившись*, что ввѣрялъ тайну женѣ своей, и что пускался въ морѣ, когда можно было ѣхать сухимъ путемъ. Для чего же онъ, имѣя столь вели-

кое желаніе учиться, обнявлялъ себя врагомъ иностранныхъ наукъ? Онъ во всемъ простирался до излишества: истинная мудрость никогда ни въ чемъ не преступаетъ предѣловъ.

Римлянинъ отличался во всякомъ родѣ.

Вотъ удивительное и вмѣстѣ обыкновенное дѣло у Римлянъ; одинъ человѣкъ былъ все: правитель, воинъ, судья и полководецъ; искусенъ въ судопроизводствѣ и управленіи; человѣкъ статскій и ученый могъ отличаться и быть полезнымъ во во всякомъ родѣ. Какіе люди! сколь воспитаніе ихъ должно быть различно отъ нашего! Какой тѣсный кругъ сжимаетъ нынѣ дарованія! Чтобъ понять всю силу ихъ, дѣйствіе и способности, должно перенестись на театръ великой республики.

ОСЬМАЯ ЭПОХА.

ДВА ГРАККА.

РАЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РЕСПУБЛИКѢ.

Отъ созданія Рима съ 620 до 655 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Трибунство Тиберія и Кліа Гракха и проч.

Нещастное состояніе народа служитъ источникомъ распрей съ Сенатомъ.

Иностранныя войны потушили пламя раздоровъ, возникшихъ между Сенатомъ и народомъ; но искры, производившія оной, еще оставались. Хотя разночинцы получили великія выгоды, хотя два Консула были нѣкогда изъ сего сословія: однако простый народъ былъ не менѣе достоинъ сожалѣнія. Онъ былъ тѣмъ жальчѣе, что невольниковъ предпочитали ему въ земледѣліи; отъ чего чернь потекла въ Римъ, внесла въ оный съ собою свою праздность, начала погружаться въ подлость, сопряженную съ бѣдностію, и не могла иначе удержать тамъ остатковъ гордости и мужества, какъ пагубною склонностію къ раздорамъ, своевольству и даже измѣнамъ, когда начальники сообществъ пожелаютъ купить отъ нее услуги. Ужасное неравенство состоянія изтребляло равновѣсіе между гражданами. Обогащеніе однихъ увеличивало бѣд-

ность другихъ. Зло сіе тѣмъ болѣе возрастало, чѣмъ болѣе обиліе раздражало страсти. Римъ, покоривши свѣтъ, достигъ той степени состоянія, гдѣ нравы поддержаться не могутъ; почему пороки должны расторгнуть всѣ преграды и подорвать основанія государства. Два отличные по своимъ достоинствамъ человѣка, Тиверій и Каій Гракхи, покусились сдѣлать переворотъ въ республикѣ, который по обстоятельствамъ былъ невозможенъ; безразсудное ихъ предпріятіе было знакомъ къ тѣмъ междоусобнымъ бранямъ, кои погрузили свободу въ крови гражданъ.

Два брата Гракхи и мать ихъ Корнелія.

Сіи два брата, рожденные знаменитою Корнеліею, дочерію Сципіона Африканскаго, получили отъ нее наилучшее воспитаніе; при великихъ душевныхъ качествахъ они имѣли просвѣщенный разумъ, и особливо даръ краснорѣчія, столь способный къ управленію народомъ. Тиверій, шуринъ Сципіона Эмиліана, зять Аппія Клавдія, бывшаго Консуломъ, снискалъ блистательную славу какъ въ войскахъ, такъ и во внутренности республики, и должности Трибуна народнаго открыли ревности его, а можетъ быть и честолюбію, то поприще, на которомъ онъ долженъ былъ погибнуть.

Предпріятіе Тиверія противъ дворянъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, Корнелія внушила ему предпріятіе возстать противъ патриціевъ или дворянства, сказавши ему: *для чего называютъ меня тещею Сципіона, а не матерію Гракховъ? Уже ли*

имя ваше не довольно знаменито? Отъ васъ зависитъ сдѣлать его знаменитѣе. Слова сіи безъ сомнѣнія могли возбудить въ немъ любовь къ славѣ; но кажется весьма сомнительно, чтобъ Корнелія побудила его къ безразсудному предпріятію. Взоръ на поля, находящіяся во владѣніи у однихъ богатыхъ, чрезмѣрное обиліе и чрезмѣрная бѣдность, желаніе возвратить Римъ къ древней добродѣтели: словомъ, любовь и рвеніе къ отечеству безъ сомнѣнія устремили его къ сему предпріятію, за которое онъ принялся съ ревностію гражданина, и стоялъ упорно въ ономъ съ жаромъ мятежника. Какъ нужно умѣрять ревность свою, чтобъ она не обратилась въ пагубную страсть!

Всѣ земли въ рукахъ богатыхъ.

Уже болѣе двухъ вѣковъ съ половиною законъ Лициніевъ оставался въ небреженіи. Патриціи не только не довольствовались пятью спами десятинъ земли, но и захватили весьма много земель, принадлежащихъ республикѣ. Богатые безъ мѣры разпространяли свои владѣнія. Сіи поля, служившія нѣкогда жилищемъ знаменитымъ Римлянамъ, были заселены невольниками, кои воздѣлывали оные для господъ своихъ и были освобождены и даже изключены отъ воинской службы: народъ, опредѣленный для защищенія отечества, почти ничѣмъ не владѣлъ. Такое злоупотребленіе казалось несноснымъ въ республикѣ; но сколь великія мѣры потребны были для исправленія онаго?

620. Тиверій предлагаетъ возстановить законъ Лициніевъ.

Тиверій Гракхъ предлагаетъ привесть законъ Лициніевъ въ силу, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобъ заплатить богатымъ изъ казны за то, чѣмъ они владѣютъ сверхъ пяти сотъ десятинъ. Патриціи противятся; доказываютъ древность своихъ владѣній, неудобства и невозможность новаго установленія, которое, отнявъ уваженіе къ собственности, поколеблетъ даже въ основаніяхъ государство. Чѣмъ болѣе Трибунъ встрѣчаетъ препятствій, тѣмъ болѣе старается воодушевить народъ. *Дикіе звѣри*, говорилъ онъ, *имѣютъ свои норы, а граждане Римскіе, коихъ называютъ обладателями вселенныя, не имѣютъ крова для жилища, ни вершка земли для своего погребенія.*

Не смотря на всѣ препятствія, успѣваетъ въ своемъ дѣлѣ.

Патриціи, предвидя послѣдствіе сей рѣчи, употребляютъ обыкновенную свою политику: они подкупаютъ одного Трибуна, который бы сопротивленіемъ своимъ остановилъ Гракха въ предпріятіи его. Тиверій чрезмѣрно изумился, увидѣвъ Октавія, друга своего, обращающаго противъ него власть свою. По тщетныхъ усиліяхъ преклонить его опять на свою сторону, по нѣжнѣйшихъ убѣжденіяхъ, по жаркихъ спорахъ, впрочемъ для обѣихъ сторонъ неоскорбительныхъ, онъ проситъ народъ отрѣшить отъ должности или Октавія или самаго его. Сіе предложеніе отважное, противное правамъ Трибуновъ, удалось по его желаніямъ. Законъ Лициніевъ возобновленъ: его

съ братомъ своимъ Каіемъ и тестемъ Аппіемъ назначаютъ повѣренными для смотрѣнія за исполненіемъ.

Онъ возмущаетъ патриціевъ новыми предпріятіями.

Ежели бы Тиверій на семъ остановился, то можетъ быть утвердилъ совершенно свое дѣло. Онъ, доводя патриціевъ до крайности, погубилъ себя. Онъ не только успѣлъ присовокупить къ упомянутому закону, чтобъ земли, похищенныя у республики, отобраны были отъ владѣльцовъ; но какъ и послѣ сего не могли удовлетворить всѣхъ бѣдныхъ, заставилъ раздѣлить имъ сокровища Аттала, Царя Пергамскаго, который по завѣщанію отказалъ царство свое и богатства народу Римскому. Наконецъ Тиверій, для защищенія отъ неистовства враговъ своихъ, представивъ народу, что покушаются на жизнь его, и убѣдивъ тѣмъ къ оказанію помощи, испросилъ въ противность уставовъ, чтобъ его оставили еще Трибуномъ. Онъ употребилъ для сего даже такія средства, кои показываютъ нѣкоторую слабость: явился въ печальномъ одѣяніи, представилъ дѣтей своихъ, какъ нещастныхъ сиротъ, и старался возбудить чувство сожалѣнія, коимъ бы другіе, можетъ быть, возгнушались. Особа Трибуновъ была священна и власть ихъ весьма ужасна; почему таковая прозьба о несмѣнномъ прибунствѣ должна была безъ сомнѣнія потревожить умныхъ и добрыхъ гражданъ.

Насилія Сенаторовъ.

Тогда уже Сенаторы рѣшились употребить насиліе. Они приходятъ въ Капитолію

во время собранія. Тиверій, извѣстившись о опасности, ему угрожающей, поднимаетъ руку на свою голову для испрошенія у друзей своихъ помощи. Они на сей знакъ стеклись. Противники предполагаютъ, что онъ проситъ короны, и что народъ хочетъ на него возложить ее. Доносятъ о семъ предпріятіи Сенату. Тщетно Консулъ Минуцій Сцевола старается успокоить умы. Сципіонъ Назика, двоюродный братъ Трибуна, восклицаетъ: *когда Консулъ намъ измѣняетъ, то ступайте, добрые граждане, за мною.* Онъ бѣжитъ со множествомъ Сенаторовъ, къ коимъ присоединяются ими покровительствуемые кліенты съ кольями. Тиверій умираетъ вмѣстѣ съ друзьями, коихъ было болѣе трехъ сотъ. Примѣръ сей тѣмъ ужаснѣе, что до сего времени ни въ одномъ возмущеніи не проливали Римской крови. Сенатъ можетъ быть думалъ, что для отвращенія столь великаго зла потребны необыкновенныя средства, что власть законовъ должна дополнять сила; но какое средство убійство! Забыли древнюю скромность, потому что потеряли прежніе нравы. Оправдали сіе произшествіе и, для защищенія Назики отъ мщенія народа, отправили его посломъ въ Азію, гдѣ онъ и умеръ.

Тиверій умерщвленъ съ своими друзьями.

Столь была велика злоба дворянъ противъ Тиверія Гракха, что самый Сципіонъ Эмиліанъ, зять его, по прибытіи изъ Нуманціи, одобрилъ сіе убійство, предполагая,

Сципіонъ Эмиліанъ, оскорбленный

за одобреніе сего убійства.

будто бы сей Трибунъ хотѣлъ посѣять раздоръ въ республикѣ. Чернь начала его порицать за сіе. *Нещастные!* вскричалъ онъ, *чтобы вы были безъ отца моего Павла Эмилія и меня? вы были бы невольниками враговъ вашихъ. И такъ ли вы поступаете съ вашими избавителями?* Народъ опомнился; но герой съ другомъ своимъ Леліемъ удалился изъ Рима, чтобъ наслаждаться спокойствіемъ въ деревнѣ своей Гаетѣ.

Его уединеніе.

624. Смерть его.

Онъ опять пріѣзжалъ въ Римъ для пресѣченія мятежническихъ намѣреній Трибуна Карбона, который хотѣлъ постановить закономъ, чтобъ Трибуны могли удерживать власть свою, доколѣ угодно будетъ народу, безъ произведенія новаго избранія. Законъ сей былъ отвергнутъ, а между тѣмъ возмущенія, по причинѣ раздѣла земель, продолжались, почему и хотѣли Сципіона наименовать Диктаторомъ; но его нашли мертваго на постелѣ, на пятьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія. Метелъ, ревновавшій въ славѣ Сципіону, пораженъ былъ чрезмѣрною печалію о сей потерѣ и сказалъ дѣтямъ своимъ: *ступайте на погребеніе величайшаго мужа, какого только Римъ производилъ: вы никогда подобнаго ему не увидите.* Предполагаютъ, что Сципіонъ былъ удавленъ, или отравленъ ядомъ. Нѣкоторые обвиняли въ семъ столь ужасномъ злодѣяніи не только Семпронія, жену его, которая его не любила, но и шурина Каія

Гракха и мать его Корнелію; однакожь и тотъ и другая столь были почтенны, что подозрѣніе представляется сомнительнымъ.

629. Каій Гракхъ избранъ Трибуномъ.

Каій Гракхъ, столько же добродѣтельный, столько же ревностный, какъ и Тиверій, но гораздо его краснорѣчивѣе, скрывая нѣсколько лѣтъ въ уединеніи обширныя свои намѣренія, наконецъ приступилъ къ дѣламъ общественнымъ. Не взирая на безпокойства и совѣты Корнеліи, онъ домогался трибунства и достигъ онаго. Тщетно старались отклонить его отъ сего. Его обвинили; онъ доказалъ свою невинность. Онъ три года исправлялъ должность Квестора въ Сардиніи; сложилъ ее съ себя безъ всякаго увольненія, потому что противники хотѣли удержать его въ оной сверхъ положеннаго времени: *я повезъ*, говорилъ онъ, *полный мѣшокъ въ сію провинцію, а возвратился съ пустымъ. Другіе ѣздятъ въ провинцію изъ Италіи съ бочками вина, а возвращаются, наполня ихъ серебромъ и золотомъ.* Стеченіе народа для избранія его было необычайно. Многіе изъ гражданъ, по тѣснотѣ мѣста, взобрались на кровли и изъявили свое согласіе восклицаніями. Отдавая справедливость его ревности, не предвидѣли плачевныхъ ея послѣдствій.

Его ревность къ народу.

Никогда Трибунъ не показалъ себя дѣятельнѣе въ защищеніи выгодъ народа. Къ раздѣлу земель присовокупилъ онъ различныя установленія, особливо хлѣбные магазины,

изъ которыхъ бѣдные могли каждый мѣсяцъ получать продовольствіе за дешевую цѣну: пагубная пища для праздности! Каій столько обладалъ народомъ, сколько былъ ненавидимъ дворянами, и не опасаясь примѣра, случившагося съ его братомъ, остался Трибуномъ сверхъ положеннаго времени.

Его законы для ослабленія Сената.

Для большаго ослабленія власти Сената онъ представилъ, что часто несправедливость предсѣдала въ судилищахъ, и что нужно было перенесть производство всѣхъ частныхъ дѣлъ къ всадникамъ, принадлежавшихъ къ сословію разночинцовъ. Законъ сей одобренъ. Всадники пріобрѣли отъ того новое уваженіе; они составили званіе среднее между Сенатомъ и народомъ. Но должно ли довѣрять правосудіе откупщикамъ въ государствѣ, тѣмъ людямъ, кои по торговлѣ своей и расчетамъ были всѣхъ способнѣе къ лихоимству? Возобновили также запрещеніе, по которому не должно было исполнять никакого уголовнаго приговора надъ Римскимъ гражданиномъ безъ совокупнаго согласія народа съ Сенатомъ. Наконецъ Гракхъ вознамѣрился доставить право мѣщанства и подаванія голосовъ всѣмъ союзникамъ республики въ Италіи. Они сильно сего домогались; что и послужило новою причиною къ несогласію.

Судопроизводство перенесено къ всадникамъ.

Сенаторы, по хитрой своей политикѣ,

Сіе предпріятіе, весьма благопріятное для стороны народной, усугубило безпокойство Сенаторовъ. Они привели въ движеніе пружины хитрой политики. При-

влекли на свою сторону Ливія Друза, молодаго Трибуна, человѣка искуснаго и ни въ чемъ незамѣченнаго; научили его, какимъ образомъ получить преимущество предъ своимъ товарищемъ, не явнымъ противоборствомъ, но изъявленіемъ еще большей ревности предъ Каіемъ къ выгодамъ народа. Гракху поручено было проводить переселенцовъ въ Карѳагенъ, который позволено вновь выстроить. Учрежденіе переселеній было слѣдствіемъ его предпріятій въ пользу народа: Каій попался въ сѣти, какъ бы самимъ себѣ разставленныя. Отсутствіе еще уменьшило число его приверженцовъ, между тѣмъ какъ Ливій пріобрѣталъ новыхъ. Гракхъ по возвращеніи своемъ примѣтилъ перемѣну: товарищи сдѣлались ему противниками и не допустили ему остаться въ третій разъ Трибуномъ. Опимій, смертельный врагъ его, былъ избранъ Консуломъ. Все предугоповляло кровавое позорище.

возбуждаютъ противъ него Ливія.

Собраніе народа долженствовало рѣшить въ разсужденіи исполненія законовъ, возмутительныхъ для дворянства. Одинъ изъ ликторовъ Опимія, подходя къ друзьямъ Гракховымъ, вскричалъ съ презрѣніемъ: *посторонитесь, негодные граждане*, и тотчасъ былъ убитъ. Консулъ приноситъ жалобы Сенату; ему отдаютъ въ полную власть дѣлать все, *что почтетъ полезнымъ для республики*. Опредѣленіе сіе доставило ему верховную власть. Онъ прика-

632. Консулъ Опимій приказываетъ взять оружіе.

залъ всадникамъ взять оружіе. Опасность была очевидна; однакожь Гракхъ, не смотря на прозьбы и слезы нѣжной супруги, вышелъ изъ дому безъ всякой защиты. *Послѣ умерщвленія Тиверія*, говорила жена его, *какъ можно полагаться на законы или боговъ*. Гракхъ, будучи врагъ всякаго насилія, порицалъ злодѣйство, учиненное надъ ликторомъ, злодѣйство, въ коемъ несправедливо его обвиняли. Напротивъ враги его дышали однимъ мщеніемъ: слѣдствія онаго должны быть ужасны.

Смерть Каія. Ужасное кровопролитіе.

Опимій съ войскомъ подступаетъ къ горѣ Авентинской, на которую народъ удалился подъ предводительствомъ бывшаго Консула Фульвія, друга Трибунова. Онъ обѣщаетъ прощеніе тѣмъ, кои положатъ оружіе; предлагаетъ множество золота за голову Фульвія и Гракха. Народъ оставляетъ ихъ, и они оба погибли. Болѣе трехъ тысячь ихъ приверженцовъ лишились жизни въ семъ возмущеніи. Консулъ приказалъ бросить всѣ трупы въ Тибръ, и, обагривъ кровію городъ, воздвигъ храмъ Конкордіи. Плачевный плодъ мятежническихъ предпріятій, начатыхъ стороною народною съ такою дерзостію, которая хотѣла, по видимому, изпровергнуть законы!

Законы Гракховы уничтожены; Опимій оправ-

Для уничтоженія законовъ Гракховыхъ положили, чтобъ богатые всегда въ пользу бѣдныхъ платили дань, сообразную съ количествомъ земель, находящихся во владѣніи. Но вскорѣ сборъ сихъ поземельныхъ

денегъ былъ уничтоженъ, и для народа осталась одна только бѣдность, которая тѣмъ болѣе увеличивалась, чѣмъ болѣе пышность вельможъ возрастала. Онимія начали обвинять въ убійствѣ толикаго множества гражданъ; но краснорѣчіе Консула Папирія оправдало его въ семъ дѣлѣ. Даже постановили опредѣленіе, что Консулъ, уполномоченный Сенатомъ, можетъ, не дожидаясь рѣшенія сеймовъ, освобождать республику отъ опасныхъ гражданъ.

данъ и Сенатъ торжествуетъ.

Оба Гракха были по истинѣ великіе мужи. Ежели бы они имѣли болѣе осторожности, а менѣе горячности, то, можетъ быть, освободили бы городъ отъ утѣсненія. Въ мятежѣ не столько должно ихъ обвинять, сколько неумолимыхъ богачей. Несправедливо упрекаютъ ихъ и въ томъ, будто бы они домогались тиранніи. Сенатъ, приписывая Гракхамъ преступленіе, очевидно противное ихъ правиламъ и поступкамъ, имѣлъ въ виду не благосостояніе республики, но искалъ средствъ ихъ погубить. Хитрость политики служила Сенату вмѣсто правосудія при исполненіи тѣхъ жестокихъ наказаній, которыя доказали, что не щадятъ уже крови Римской. Народъ воздвигъ статуи двумъ знаменитымъ жертвамъ Сената.

Домогались ли Греки тиранніи?

Корнелія всегда почитала дѣтей своихъ единственнымъ сокровищемъ. Она перенесла потерю ихъ съ удивительнымъ мужествомъ. Подумали, что старость и нещастія погасили въ ней чувствительность. «Но

Смерть знаменитой Корнеліи, ихъ матери.

«тѣ, кои такъ думали, говоритъ Плутархъ, «не понимали, что воспитаніе, соединен- «ное съ превосходными качествами, есть «сильнѣйшее лекарство противъ горести, «и хотя нещастіе беретъ иногда верхъ «надъ добродѣтелію, но не отнимаетъ у «ней средствъ переносить мужественно «удары.« Корнелія провела жизнь спокойно въ кругу ученыхъ; всѣ честные люди ее уважали; она служила образцомъ людкости и добродѣтели: словомъ, она была достойна удивленія Рима. Она, нѣкогда показавши одной госпожѣ, любопытствующей видѣть ея уборы, сыновей своихъ, сказала: *вотъ мои драгоцѣнныя украшенія.* Вотъ выраженіе благородной души, которая обязанности свои поставляетъ первымъ удовольствіемъ.

Бунтъ невольниковъ.

Между тѣмъ какъ Римъ потрясался сими возмущеніями, невольники взбунтовались въ Сициліи, и одного изъ нихъ, по имени Евна, назвали Царемъ. Какъ большая часть ихъ состояла изъ тѣхъ плѣнниковъ, кои подняли оружіе противъ ненавистныхъ утѣснителей ихъ самихъ и отечества, то и не удивительно, что они съ сею ненавистію соединяли намѣреніе сколько мужественное, столько и твердое. Три Консула ходили на нихъ войною. Война кончилась взятіемъ Евна, гдѣ учинено было ужасное кровопролитіе. Вскорѣ послѣ сего Римляне поселились въ Галліи Транзалпинской. Марсельцы, переселенцы Греческіе, не много спустя, заключивши съ ними миръ,

Поселеніе въ Галліи.

призвали ихъ на помощь противъ своихъ сосѣдей. Страна сія возбудила честолюбіе сихъ жадныхъ завоевателей, кои для того только помогали, чтобъ покорить ее. Они основали Э въ Провансѣ и Нарбону; побѣдили Аллоброговъ и Арвернцовъ (Auvergnats) сколько силою оружія, столько же и вѣроломствомъ. Напали на Далматовъ и побѣдили ихъ около того же времени. Имперія Римская разпространялась во всѣ стороны.

Далмація покорена.

Подробности сіи несовмѣстны съ моею цѣлію. Полезнѣе будетъ замѣтить, что Консулъ Скавръ, возвращаясь изъ Галліи въ 638 году, приказалъ воинамъ выкопать каналы въ Герцогствахъ Піаченскомъ и Пармскомъ (Плаценція, Парма), гдѣ отъ наводненія По и другихъ рѣкъ составились непроходимыя болота. Трудъ, столь спасительный, похвальнѣе завоеванія.

Болота осушены посредствомъ каналовъ.

Замѣтимъ также особенный примѣръ честности. Ораторъ Крассъ еще въ молодыхъ лѣтахъ обвинялъ предъ судомъ Папирія Карбона, бывшаго Консула, великаго врага Гракховъ. Невольникъ Папиріевъ, выкравъ ящичекъ съ тайными записками, отдалъ оный Крассу. Обвинитель, пораженный ужасомъ отъ таковой измѣны, не открылъ даже и ящичка, откуда бы онъ могъ почерпнуть убѣдительныя доказательства. Онъ, сковавъ невольника, отослалъ съ нимъ къ Папирію. *Для меня пріятнѣе видѣть врага виновнаго оправданнымъ*, сказалъ Крассъ, *нежели погубить его столь под-*

Рѣдкій поступокъ оратора Красса.

лымъ образомъ. Обвиняемый и безъ того былъ обличенъ, пошелъ добровольно въ ссылку, или оправился.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Злодѣяніе Югурѳы. — Онъ подкупаетъ Сенаторовъ. — Война съ симъ Государемъ.

ужасное развращеніе въ Сенатѣ.

Гнусное развращеніе, подобно язвѣ, заражало нравы главныхъ гражданъ. Все въ Римѣ становилось продажнымъ. Сокровища всѣхъ народовъ воспламеняли жадность къ богатству и погашали чувство чести и добродѣтели. Прочитайте въ Саллюстіи войну Югурѳинскую, и увидите, что Сенатъ ничто иное почти былъ, какъ собраніе, торгующее справедливостію. Безъ сомнѣнія язва сія не всѣхъ членовъ заразила. Въ плачевнѣйшія даже времена были изъ нихъ такіе, кои по добродѣтелямъ своимъ возставали противъ пороковъ другихъ. Впрочемъ зло сіе такъ уже разпространилось, что всѣ средства къ истребленію онаго оставались безуспѣшны. Тщетно два Цензора лишили тридцати двухъ Сенаторовъ своего достоинства. Число виновныхъ, вмѣстѣ съ насильствомъ пагубныхъ страстей, ежедневно умножалось.

На Югурѳу доносятъ Римлянамъ въ

Престарѣлый Масинисса, сей вѣрный союзникъ Римлянъ, оставилъ послѣ себя трехъ сыновъ, кои всѣ вмѣстѣ и управляли Нумидійскимъ государствомъ. Миципса по смерти двухъ братьевъ своихъ сдѣлался

молнымъ всего обладателемъ. Хотя онъ имѣлъ двухъ сыновъ Адгербала и Гіемпсала, однако усыновилъ и Югурѳу, побочнаго сына одного изъ своихъ братьевъ, который уже прославился своею храбростію. Мициnса надѣялся обуздать его честолюбіе признательностію. Но едва Мициnса умеръ, какъ Югурѳа приказалъ умертвить Гіемпсала. Убійство сего Государя предвѣщало нещастіе Адгербалу. Адгербалъ набралъ войско для своего защищенія. Онъ лишился большей части своихъ владѣній и поѣхалъ просить правосудія у Римлянъ. злодѣяніяхъ.

Убійца давно уже увѣренъ былъ, что посредствомъ золота можно въ глазахъ Римлянъ прикрыть самыя ужасныя злодѣянія. Щедрые подарки получались за него въ Сенатѣ; большинство голосовъ обратилось въ его пользу. Послали только десять повѣренныхъ въ Африку, и глава ихъ Оппимій прельстился деньгами. Югурѳа не только былъ объявленъ невиннымъ, но и получилъ отъ повѣренныхъ при раздѣлѣ царства все, что можно было получить отъ пристрастныхъ и жадныхъ судей, продающихъ свои милости. Онъ подкупивъ Сенаторовъ, оправдывается.

Югурѳа, вознамѣрившись овладѣть всемъ, принимается вскорѣ опять за оружіе, преслѣдуетъ Адгербала и осаждаетъ его въ Цирѳѣ. Римъ, по видимому, былъ не доволенъ. Приходятъ новые повѣренные, между которыми былъ Скавръ, старшій Сенаторъ, бывшій Консуломъ; впрочемъ мнѣніе о немъ Онъ продолжаетъ свои злодѣйскія предпріятія.

не столько было основательно, сколько очаровывало другихъ. Скаврь, заговоривъ сперва, какъ Римлянинъ, угрожаетъ похитителю и приказываетъ ему снять немедленно осаду. Коварство и деньги опять торжествуютъ: Адгербалъ, лишенный помощи, сдается на условія, и Югурѳа его убиваетъ. Сіе чудовище, обагренное кровію своихъ братьевъ, гордится своими добычами.

642. Начало войны съ Югурѳою.

Невозможно уже было терпѣть столь явныхъ и ужасныхъ злодѣяній. Народъ въ Римѣ хотѣлъ знать объ оныхъ. Сенатъ увидѣлъ себя принужденнымъ оказать нѣкоторые знаки правосудія и строгости; онъ опредѣлилъ внести войну въ Нумидію. Консулъ Калпурній Пизонъ отправился съ Скавромъ, своимъ товарищемъ; люди жадные и слѣдовательно склонные къ измѣнѣ и нарушенію должности. Югурѳа сдѣлалъ имъ предложенія, получилъ позволеніе переговорить съ ними, и заключилъ миръ весьма выгодный. Не льзя было сомнѣваться, чтобъ Югурѳа не купилъ онаго.

Югурѳа, по выпребованіи въ Римъ, купивши миръ, покупаетъ и оправданіе въ злодѣяніи.

Между тѣмъ какъ Сенатъ молчалъ, Меммій, Трибунъ народный, возсталъ явно противъ измѣнниковъ, опредѣлилъ Югурѳу потребовать къ суду для разсмотрѣнія, искренно ли, или только притворно онъ преданъ Риму. Нумидянинъ, полагаясь на свои сокровища и подлость множества своихъ приверженцовъ, пріѣхалъ въ Римъ и подкупилъ Трибуна. Убійство внука Масиниссина, по приказанію его учиненное, осталось

безъ наказанія. Югурѳа, отправляясь изъ Рима, сказалъ: *о городъ продажный! ты скоро бы погибъ, ежели бы нашелся охотникъ купить тебя.*

Къ вящшему безчестію, Скавръ, получивъ порученіе изслѣдовать измѣнниковъ, подкупленныхъ Югурѳою, отправилъ въ ссылку участника въ преступленіяхъ своихъ Кальпурнія и другихъ Сенаторовъ, также верховнаго жреца, хотя и никогда не отправляли еще жрецовъ въ ссылку. Величайшіе преступники иногда дѣлаются слишкомъ строги, какъ бы наказаніемъ другихъ могли они избѣжать народнаго осужденія.

Скавръ, который самъ былъ подкупленъ, судитъ другихъ виновныхъ и наказываетъ.

По возобновленіи войны, Югурѳа приказалъ провесть чрезъ яремъ (*) побѣжденное Римское войско, находившіеся тогда подъ предводительствомъ Авла Постумія, слабаго и безразсуднаго военачальника. Но Консулъ Метеллъ загладилъ стыдъ, причиненный его отечеству. Тщетно старался онъ подкупить, чтобъ выдали ему Югурѳу живаго, или мертваго; (такъ ослабѣли въ правилахъ честности, которыя бы должны управлять всѣми поступками, даже и въ разсужденіи вѣроломнаго врага), но наконецъ онъ такъ щастливо сразился, что Царь принужденъ былъ покорипься. Сверхъ двухъ сотъ тысячъ фунтовъ серебра, Югурѳа

Метеллъ продолжаетъ Нумидійскую войну.

Югурѳа побѣжденный ещѣ защищается.

(*) Три копья, изъ которыхъ два вонкнуты въ землю, а третіе положено на нихъ; чрезъ нихъ проводили побѣжденныхъ для поруганія.

долженъ былъ отдать всѣхъ своихъ слоновъ, часть лошадей своихъ и оружія. Полученное имъ потомъ повелѣніе явиться лично къ Метеллу, возродивъ подозрѣніе, одушевило его мужество. Хотя много онъ потерялъ, однако рѣшился продолжать войну, желая лучше, какъ говорилъ онъ, умереть на сраженіи, нежели пройти подъ яремъ съ главою, украшенною Царскою короною.

Марій, намѣстникъ Консула, человѣкъопасный.

Метеллъ избралъ себѣ намѣстникомъ знаменитаго Марія, разночинца, весьма низкаго происхожденія, человѣка безъ воспитанія, не ученаго, но весьма честолюбиваго, съ молодыхъ лѣтъ къ трудамъ пріобыкшаго, трезваго, неутомимаго и отважнаго. Сей храбрый воинъ обратилъ на себя вниманіе при осадѣ Нуманціи и снискалъ уваженіе отъ Сципіона Африканскаго. Изъ простаго воина онъ сдѣлался сперва Трибуномъ воинскимъ, потомъ народнымъ, и наконецъ Преторомъ; но дважды получилъ отказъ въ требуемомъ званіи Эдиля. Онъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ пылкихъ людей, коихъ ничто не можетъ отвратить отъ предположенной цѣли; кои способны учинить величайшее добро или величайшее зло, судя по своимъ выгодамъ и обстоятельствамъ.

Онъ для полученія консульства порицаетъ

Марій добивался консульства, и для того, чтобъ блеснуть ему предъ другими, не стыдился порицать Метелла, своего предводителя и благодѣтеля. Онъ обвинялъ

его въ трусости и медлительности; хва- своего предводителя и дворянство.
лился, что онъ могъ окончить войну однимъ походомъ и при томъ съ войскомъ въ половину менѣе. Марій получилъ позволеніе отправиться въ Римъ для требованія перваго въ республикѣ достоинства. Тамъ усугубилъ онъ свои ругательства противъ знаменитаго Метелла и всего дворянства. Словомъ, онъ такъ обольстилъ народъ, что избрали его Консуломъ и поручили ему войну Нумидійскую, хотя Сенатъ въ третій разъ назначилъ Нумидію Метеллу, въ званіи Проконсула. Такъ торжествовало надъ всемъ честолюбіе.

Въ рѣчахъ своихъ къ народу, Марій, Его ругательныя рѣчи на дворянство.
предъ отъѣздомъ, сдѣлавшись дерзновеннѣе, излилъ желчь свою на дворянъ, поступалъ съ ними съ крайнимъ презрѣніемъ и превозносилъ себя съ безстыдною гордостію. Рѣчь, приписываемая ему Саллюстіемъ, изображаетъ его чувствованія и характеръ. Всякой можетъ понять въ оной духъ храбраго и грубаго воина, который поставляетъ величіе въ однихъ только воинскихъ добродѣтеляхъ. Впрочемъ его язвительныя слова заключаютъ въ себѣ полезныя правила, кои могутъ привесть въ стыдъ всякаго человѣка, гордящагося своею породою, а поступками своими посрамляющаго оную. „Слава предковъ, говоритъ онъ, есть „свѣтильникъ для потомковъ; она ясно „показываетъ намъ или ихъ добродѣтели, „или пороки. Дворянство требуетъ всѣхъ

«почестей, какъ должнаго; напротивъ оно «должно заслуживать ихъ, какъ награжде-«ніе. Какъ странно гордецы сіи обманы-«ваютъ! Предки все, что могли, оставили «имъ послѣ себя въ наслѣдство: богатства, «изображенія, славу своего имени; они не «оставили имъ добродѣтели, потому что «не могли сего сдѣлать. Вотъ вещь, кото-«рой не льзя ни дать, ни получить, и проч. «

Метеллъ отозванъ въ Римъ, впрочемъ принятъ съ почтеніемъ

Упрекъ сей не могъ падать на Метелла. Онъ былъ человѣкъ благоразумный и побѣдитель. Онъ надѣялся скоро окончить войну, какъ съ прискорбіемъ увидѣлъ неблагодарнаго, снимающаго съ него начальство. Метеллъ, по возвращеніи въ Римъ, легко разсѣялъ оскорбительныя подозрѣнія. Народъ назначилъ ему торжественный вѣздъ съ проименованіемъ Нумидійскаго. Когда одинъ Трибунъ началъ обвинять Метелла въ томъ, будто бы онъ разграбилъ Нумидійскую провинцію, всадники Римскіе не хотѣли и разсматривать отчетовъ, представленныхъ Проконсуломъ для своего оправданія. *Самое убѣдительнѣйшее доказательство его невинности, говорили они, есть свидѣтельство всей его жизни.* Обвиненіе, такимъ образомъ окончившееся, не хуже было и самаго торжества, назначеннаго за побѣды.

647. Югурѳа преданъ Римлянамъ безчест-

Сколь ни искусенъ, сколь ни мужественъ былъ Марій, однако Нумидійская война окончилась одною только измѣною. Силла, Квесторъ Марія, который скоро будетъ его соперникомъ, разрываетъ союзъ Югурѳинъ

съ Вокхомъ, Царемъ Мавританскимъ, взятемъ и союзникомъ сего Государя. Потомъ совѣтуетъ ему выдать Югурѳу Римлянамъ безчестнѣйшимъ образомъ. Вокхъ долго оставался въ нерѣшимости; наконецъ корысть превозмогла природу; онъ приказываетъ задержать своего тестя, который, положившись на слова его, пріѣхалъ для свиданія съ нимъ, и которому онъ обѣщалъ даже выдать Силлу. Царь Нумидійскій увезенъ въ Римъ въ оковахъ; онъ служитъ украшеніемъ для торжества Маріева; терпитъ отъ воиновъ ругательства, и умираетъ въ темницѣ, какъ жертва своего злодѣйства и мщенія республики, которая въ нѣдрахъ побѣды унизилась. ною изъ мѣною.

Три тысячи семь сотъ фунтовъ золота, около шести тысячъ серебра, кромѣ серебряной монеты, Римляне получили въ добычу изъ царства Югурѳы. Римляне всегда обогащались войною, которая столь разорительна для новѣйшихъ государствъ. И такъ должно ли тому удивляться, что честолюбіе ихъ для того только одну войну оканчивало, чтобъ начать другую? Но мы приближаемся къ тому времени, когда добычи вселенныя будутъ служить пищею междоусобнымъ бранямъ; когда граждане, для похищенія оныхъ другъ у друга, содѣлаются врагами республики; когда наконецъ Римъ будетъ наказываться за свои несправедливости злодѣяніями собственныхъ дѣтей своихъ. Марій, для Римъ еще обогатился отъ сей войны.

похода въ Африку, противъ устава набралъ въ свое войско все, что было подлѣйшаго и бѣднѣйшаго между чернію. Такіе воины не могли имѣть чувствій гражданъ. Подлая корысть заставляла ихъ на все отважиться и все предпринимать. Они бросились подъ знамена Марія. Изъ чего удобно было усмотрѣть, что ежели начальники возмущеній захотятъ здѣлаться обладателями республики, всегда найдутъ довольно людей, готовыхъ продать себя ихъ честолюбію.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Нападеніе Кимвровъ и Тевтоновъ. — Развращенія въ республикѣ. — Союзная война.

Нападеніе Кимвровъ и Тевтоновъ.

Нашествіе варваровъ вскорѣ начало угрожать симъ жаднымъ завоевателямъ совершенною потерею плодовъ побѣдъ ихъ. Кимвры и Тевтоны, вышедшіе изъ Сѣверной Европы, съ береговъ Балтійскаго моря, бросились сперва на Норику (нынѣ Баварія и Тироль), а потомъ на Галлію, гдѣ нѣкоторыя поколѣнія Галловъ къ нимъ присоединились. Они перешли чрезъ Пиринейскія горы. Вездѣ оставаясь побѣдителями, разбили пять Консуловъ на кровопролитнѣйшихъ сраженіяхъ. Римъ въ 648 году потерялъ въ одинъ день восемьдесятъ тысячь человѣкъ на берегахъ Роны, гдѣ два Консульскія войска соединились.

Такимъ образомъ сіи Датчане, или сіи Нормандцы, какъ назвали ихъ послѣ, проникли уже въ прекраснѣйшія страны Европы для произведенія тамъ своихъ разбоевъ и основанія поселеній. Они и подобные имъ должны были произвесть одну изъ величайшихъ перемѣнъ во вселенной. Варварство разольется съ Сѣвера на Полдень, разрушитъ Имперію Римскую, перемѣнитъ все, и нравы, и мнѣнія, и законы. Римъ запрепеталъ также, какъ онъ трепеталъ во время нашествія Галловъ.

Они должны со временемъ произвесть перемѣну.

Замѣтили, что одинъ Марій могъ поправить сіи нещастія. Законы не позволяли опредѣлять въ Консулы заочно: они повелѣвали, чтобъ между двумя консульствами одного человѣка протекло десять лѣтъ времяни; но отступили отъ порядка уставовъ, и Марія, еще до прибытія изъ Африки, опредѣлили во вторый разъ Консуломъ. Онъ былъ въ семъ достоинствѣ четыре года сряду, до совершеннаго разбитія варваровъ. Опасный примѣръ для республиканскаго правленія.

Марій для войны съ ними оставался много лѣтъ сряду Консуломъ.

Въ Галліи, гдѣ Марій началъ войну сію, онъ показалъ столько же мужества, сколько и искусства. Онъ пріучилъ войска къ строжайшему военному порядку. Племянникъ его, легіонный Трибунъ, человѣкъ распутнѣйшій, былъ убитъ однимъ солдатомъ за причиненное насиліе, и солдатъ, вмѣсто наказанія, получилъ награду. Марій, какъ искусный политикъ, умѣлъ пользоваться суевѣріемъ; онъ возилъ съ

Искуство и благоразуміе Марія во время сей войны.

собою торжественно одну мнимую пророчицу, которой онъ внушалъ прорицанія, и которая, кажется, полагала на всѣ его предпріятія печать божества. Вызываемый на поединокъ однимъ изъ главныхъ начальниковъ непріятельскаго войска, онъ сказалъ хладнокровно: *ежели ему хочется непремѣнно умереть, такъ пусть повѣсится.*

651. Онъ разбиваетъ Тевтоновъ, потомъ Кимвровъ.

Хотя Тевтоны воевали тогда отдѣльно отъ Кимвровъ; однако они ужасны были по своему многолюдству и храбрости. Марій, презирая оскорбленія варваровъ, и пріучивъ войска свои не страшиться уже ни крика ихъ, ни вида, выжидалъ способнаго времени для сраженія, чтобъ вѣрнѣе можно было положиться на побѣду. Наконецъ онъ разбилъ ихъ совершенно близъ Э въ Провансѣ. Потерю Тевтоновъ полагаютъ до двухъ сотъ тысячъ убитыми и восьмидесяти тысячъ плѣнными. Въ слѣдующемъ году, въ пятое лѣто своего консульства, онъ разбилъ также при Верчели и Кимвровъ, кои, пробравшись чрезъ Тироль, опустошали Италію. Плутархъ повѣствуетъ, что большая часть сихъ варваровъ, какъ мущины, такъ и женщины, лучше захотѣли изъ отчаянія повѣситься, нежели остаться въ живыхъ послѣ пораженія; и какъ недостало имъ деревъ, привязывали себя за шею къ хвостамъ лошадей и къ рогамъ быковъ своихъ. Ежели бы они столько же искусны были въ войнѣ, какъ и Римляне, они бы, можетъ быть,

ихъ побѣдили; но они умѣли только драться съ бѣшенствомъ и умирать безъ страха. Все ихъ воинское искусство, какъ можно думать, состояло въ томъ, чтобъ не обременять себя добычею и истреблять все, дабы чрезъ то лишить врага всѣхъ средствъ къ защищенію. Проконсулъ Катулъ, предводительствовавшій частію войска вмѣстѣ съ Силлою, болѣе нежели Марій имѣлъ участія въ побѣдѣ. Онъ участвовалъ и въ почести тріумфа за сію побѣду. Между тѣмъ Катулъ былъ забытъ почти совершенно: такъ иногда и самая добрая слава зависитъ отъ своенравія щастія.

Марій жертвуетъ всемъ честолюбію владычествовать.

Марій, спасая республику, старался только удовлетворить своему честолюбію. Онъ, по ненасытной жадности къ почестямъ, жертвуя всемъ желанію владычествовать, посредствомъ денегъ и подлостей достигъ и шестаго консульства; успѣлъ опредѣлить себѣ товарищемъ человѣка недостойнаго; между тѣмъ какъ великому Метеллу слѣдовало по очереди занять сіе мѣсто, онъ свелъ тѣснѣйшее дружество съ Сатурниномъ, Трибуномъ народнымъ, и Преторомъ Главціемъ, двумя врагами добродѣтели и общественнаго блага.

Онъ соединяется съ Сатурниномъ. Законъ сего Трибуна

Сатурнинъ предложилъ законъ о раздѣлѣ полей, со включеніемъ слѣдующей статьи: «Сенатъ обяжется клятвою утверждать »все, что ни поставлено будетъ народомъ; »въ противномъ случаѣ, естьли кто изъ »Сенаторовъ отречется отъ сей клятвы,

противъ Сената.

„лишенъ будетъ достоинствъ со внесеніемъ „въ казну двадцати талантовъ.“ Хитрый Консулъ сперва показалъ видъ несогласія; потомъ призналъ клятву сію правильною съ нѣкоторымъ двусмысленнымъ ограниченіемъ и вовлекъ Сенаторовъ въ сѣти. Одинъ только Метелъ, котораго Трибунъ хотѣлъ погубить, съ упорствомъ отрекся. Сіе значило подвергнуться неминуемой опасности. Тщетно друзья ему о томъ представляли. Онъ отвѣчалъ имъ: *ежели бы дѣлая добро не надлежало подвергаться опасности, то кто бы захотѣлъ когда нибудь дѣлать зло?* Сатурнинъ на другой же день отправилъ его въ ссылку, не смотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ Трибуновъ, Метелла изгнали. Онъ, отправляясь изъ Рима, сказалъ: *или дѣла перемѣнятся, и народъ, ощувствовавшись въ своемъ заблужденіи, возвратитъ меня; или они не перемѣнятся, и тогда я долженъ радоваться, что нахожусь въ удаленіи отъ моего отечества.* Они дѣйствительно перемѣнились; ибо тотъ же Сатурнинъ такъ далеко простеръ свое неистовство, что и самый Марій его оставилъ.

Изгнаніе Метелла.

653. Сатурнинъ наказанъ за свои неистовства.

Сей Трибунъ, желая опредѣлить въ Консулы Главція, приказалъ убить всенародно Меммія, его совмѣстника. Тогда Сенатъ, какъ бы въ крайней опасности, приказываетъ Консуламъ пещись о безопасности республики. Беруть оружіе противъ мятежниковъ. Гонятся за Сатурниномъ въ

Капитолію; онъ убитъ вмѣстѣ и съ Главціемъ, хотя Марій и желалъ обоихъ ихъ спасти. Вскорѣ потомъ Марій съ прискорбіемъ взиралъ на возвращеніе Метелла, который въ нѣдрѣ философіи и добродѣтели утѣшался гоненіемъ, и котораго изгнаніе, по словамъ Патеркула, славнѣе было всѣхъ его достоинствъ и побѣдъ. До пріѣзда его Марій, подъ пустымъ предлогомъ, отправился въ Азію, для того, чтобъ ему не быть свидѣтелемъ славы своего соперника, коего одно бы имя должно было постыдить его.

Метеллъ возвращенъ.

Республика, достигнувъ высочайшей степени величія, приближалась на край погибели. Совсѣмъ уже неизвѣстна была та благородная любовь къ отечеству, которая жертвуетъ частною выгодою благосостоянію государства. Добрые граждане содѣлались жертвами злыхъ. Рупиллій, неправильно обвиненный за пресѣченіе грабительствъ сборщиковъ податей, не поставляя должнымъ приносить и оправданія, добровольно уѣхалъ въ заточеніе. Когда нѣкто сказалъ ему, что междоусобная война скоро принудитъ возвратить его, онъ отвѣчалъ ему: *какое зло я причинилъ тебѣ, что ты желаешь мнѣ столь плачевнаго возвращенія? Пусть лучше отечество стыдится моей ссылки, нежели сокрушается о моемъ возвращеніи.*

Все перераждается въ республикѣ.

Сборщики податей пожирали, такъ сказать, провинціи для своего обогащенія.

Притѣсненія и граби-

тельство сборщиковъ. Какъ они были изъ всадниковъ, и въ судебныхъ мѣстахъ засѣдали изъ ихъ сословія; то они и мало опасались розысковъ и строгости правосудія. Сверхъ того хищенія, доставлявшія имъ уваженіе и богатство, не освобождали ли ихъ нѣкоторымъ образомъ отъ наказанія?

Ужасная роскошь великомъ. Пышность и роскошь самыхъ даже главныхъ правителей до такого простиралась тщеславія и прихотей, кои предполагаютъ, или всегда влекутъ за собою развращеніе нравовъ. Ораторъ Крассъ, не смотря на Причуды Оратора Красса. достоинство Цензора, до такой дошелъ нѣги, за которую бы прежде наказали, какъ за соблазнительный безпорядокъ. По словамъ Макробія, онъ столь пристрастился къ ручной муренѣ, что когда умерла сія рыба, онъ надѣлъ трауръ и воздвигъ ей памятникъ. Сенаторъ Дуроній, Трибунъ народный, (ибо всѣ домогались трибунства) уничтожилъ законъ, запрещающій роскошь при столахъ: онъ почелъ законъ сей *закоснѣлостію грубой и дикой древности.* Словомъ, когда новые пороки ежедневно воспламеняли страсти, то одна искра могла возжечь междоусобныя войны. *Война съ союзниками* была какъ бы предвозвѣстіемъ оныхъ.

662. Законы Друзовы подаютъ поводъ къ Давно уже Римскіе союзники, живущіе въ Италіи, желали имѣть права Римскихъ гражданъ. Каій Гракхъ, для большаго усиленія своей стороны, старался доставить Латинамъ сіе столь драгоцѣнное преиму-

щество, и погибъ въ семъ предпріятіи. Трибунъ Друзъ, человѣкъ отличный по своему происхожденію и дарованіямъ, возмечталъ, что онъ можетъ вдругъ удовлетворить и союзникамъ, и всѣмъ сословіямъ общества. Онъ, желая исправить великое зло, привлекъ большее, что обыкновенно случается, когда владычествуютъ пороки. Друзъ предложилъ законы о поляхъ, о заведеніи поселенія, о раздачѣ хлѣба для облегченія народа; предложилъ также о раздѣлѣ судопроизводства между Сенаторами и всадниками, изъ коихъ послѣдніе явно употребляли во зло правосудіе; хотѣлъ подвергнуть отчету правителей за нарушеніе своей должности. Говорятъ безъ всякаго доказательства, будто бы онъ, для вознагражденія всадниковъ, намѣревался триста человѣкъ изъ нихъ помѣстить въ число Сенаторовъ. Какъ союзники имѣли великое вліяніе на дѣла посредствомъ родственниковъ своихъ и друзей; то Друзъ и привязалъ ихъ къ себѣ, обѣщая имъ право гражданства. Не смотря на сильныя сопротивленія, законы его были приняты: такъ умѣлъ онъ искусно управлять умами.

войнѣ съ союзниками.

Друзъ отнимаетъ у всадниковъ часть судебныхъ дѣлъ.

Сверхъ неудобства, происходящаго отъ безконечнаго умноженія гражданъ, было еще другое величайшее препятствіе для притязаній союзниковъ. Римляне, почитая ихъ своими подданными, не могли рѣшиться на принятіе ихъ къ себѣ въ число равныхъ. Друзъ почувствовалъ въ семъ случаѣ

Онъ не можетъ доставить союзникамъ права на гражданство.

слабость своего довѣрія. Союзники отчаялись видѣть со стороны его исполненія обѣщанія, и нѣкоторые изъ нихъ рѣшились убить Консуловъ. Трибунъ, узнавши о семъ злоумышленіи, по великодушію своему извѣстилъ о томъ Консула Филиппа, величайшаго своего противника. Въ вознагражденіе за сію услугу, онъ самъ убитъ былъ вскорѣ.

Другъ, несмотря на его добродѣтели, убитъ.

Слѣдующій поступокъ доставитъ намъ понятіе о его добродѣтели. Другъ намѣревался строить домъ. Когда Архитекторъ хотѣлъ такъ разположить оный, чтобъ никто не могъ видѣть въ немъ происходящаго, Трибунъ отвѣчалъ ему: *сдѣлай лучше такъ, чтобъ дѣла мои можно было видѣть всѣмъ людямъ.*

Война съ союзниками. Бунтъ сознековъ.

Смерть Друза была какъ бы знакомъ войны для союзниковъ. Они всѣ взбунтовали; беруть оружіе. Враги сіи тѣмъ ужаснѣе, что у нихъ были и порядокъ и искусство воинское такіе же, какъ и у Римлянъ, и Римъ побѣждалъ только при ихъ помощи. Марсы и Самниты занимали между ними первое мѣсто. Они вознамѣрились основать новую республику, по примѣру той самой, которой иго хотѣли свергнуть. Учреждаютъ у себя Консуловъ, Преторовъ и другихъ правителей. Сражаются съ лучшими полководцами, съ Маріемъ, Силлою, Помпеемъ, Страбономъ, отцемъ знаменитаго Помпея. По окончаніи перваго похода, они отправляютъ пословъ для требованія справедливаго удовлетворенія, представляя, что они

великое имѣли участіе въ успѣхахъ Рима. Для чего же не раздѣлять съ нимъ и преимуществъ? Сенатъ съ обыкновенною гордостію отвѣчаетъ, что тогда ихъ можно будетъ выслушать, когда они, признавъ свои заблужденія, покорятся; иначе не отправляли бы къ нимъ иословъ. Послѣ сего начинаютъ сражаться съ большею яростію и съ перемѣннымъ со обѣихъ сторонъ успѣхомъ.

Римская политика почла для себя необходимымъ соединить съ твердостію хитрость. Римъ, въ противность своего обыкновенія, набравъ войско изъ вольноотпущенныхъ, и давъ изъ политики право гражданъ тѣмъ изъ союзниковъ, кои пребывали вѣрными, началъ уступать по желанію право и прочимъ по ихъ покорности. Такимъ образомъ война съ союзниками тотчасъ утихла. Каждый народъ отдѣлялся отъ союза для полученія, по особливому договору, удовлетворенія своимъ требованіямъ. Одни Самниты и Луканцы не захотѣли положить оружія.

Политика Римская обезоруживаетъ часть союзниковъ, здѣлавъ ихъ гражданами.

Тотчасъ нашли тайный способъ здѣлать почти безполезнымъ для союзниковъ то, чего они съ толикимъ прудомъ домогались. Вмѣсто того, чтобъ распредѣлить ихъ по тридцати пяти гильдіямъ, гдѣ бы они по многолюдству своему имѣли превосходство въ голосахъ, составили восемь гильдій новыхъ, кои никакого не имѣли особеннаго дѣйствія, потому что они послѣ всѣхъ подавали голоса свои. Союзники на сіе

664. Вмѣсто разпредѣленія по прежнимъ гильдіямъ, составляютъ восемь новыхъ.

согласились, потому ли, что они не предвидѣли слѣдствій сего распредѣленія, или потому, что одно званіе гражданъ было для нихъ удовлетворительно.

у всадниковъ отнята судная часть.

Всѣ законы Друзовы, по смерти его, были уничтожены. Трибунъ Плавтій болѣе имѣлъ успѣха въ отнятіи у всадниковъ судной части. Онъ положилъ закономъ, чтобъ каждая гильдія избирала по пятнадцати гражданъ для разбиранія гражданскихъ дѣлъ. Но дерзость злыхъ всякую преграду почитала уже несносною. Азелліонъ, Преторъ, защищавшій бѣдныхъ отъ лихоимства и насилій заимодавцевъ, былъ убитъ во время жертвоприношенія, такъ что Сенатъ не могъ открыть и виновниковъ столь жестокаго и дерзскаго злодѣянія.

Жертвоприношенія людей запрещены.

Обыкновеніе приносить въ жертву людей, еще употребляемо было въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Оно вновь уничтожено. Симъ воздали должную дань человѣчеству. Впрочемъ мы скоро увидимъ, что буйныя страсти принесутъ въ жертву и гражданъ и республику.

ДЕВЯТАЯ ЭПОХА.

МЕЖДОУСОБНЫЯ ВОЙНЫ.

ПАДЕНІЕ РЕСПУБЛИКИ.

Отъ основанія Рима съ 665 до 724 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Марій и Силла начинаютъ междоусобную войну.

Война союзническая ведетъ къ войнамъ междоусобнымъ.

Отъ союзнической войны до междоусобныхъ браней оставался одинъ только шагъ. Уже научились проливать ту кровь, которую природа и законы повелѣваютъ любить и щадить; раздоры подружились съ насиліемъ. Когда честолюбецъ захочетъ доказать свое преимущество оружіемъ, то можетъ ли быть недостаткомъ въ рабахъ его неистовства? Марій и Силла доказали сіе плачевнымъ своимъ примѣромъ. Мы узнали уже перваго; другой еще болѣе достоинъ нашего познанія.

Силла отличенъ по своему благородству и дарованіямъ.

Силла произходилъ отъ знаменитаго поколѣнія Корнеліи; онъ былъ потомокъ того Корнелія Руфина, котораго Цензоры изгнали изъ Сената, въ 477 году отъ основанія Рима, за то, что нашлось у него въ дому серебряной посуды болѣе пятнадцати марокъ.

Съ того времени никто изъ сего поколѣнія не восходилъ на консульское достоинство. Всѣ дарованія ума, обработанныя словесными науками и обращеніемъ, возбуждаемыя честолюбіемъ и любовью къ славѣ, соединенныя съ мужествомъ, дѣятельностію, великою гибкостію характера, доставляли Силлѣ средства къ возвышенію своего дома. Онъ любилъ забавы, но умѣлъ отказываться отъ оныхъ для славы и богатства. Родившись при посредственномъ состояніи, собралъ великое богатство, за которое справедливо, безъ сомнѣнія, никогда его упрекнули: *какъ можешь быть ты честнымъ человѣкомъ, будучи теперь столь богатъ, между тѣмъ какъ отецъ твой ничего тебѣ не оставилъ?* По окончаніи войны Нумидійской Силла деньгами и пронырствами добился преторства. Онъ представилъ для зрѣлища сраженіе ста львовъ съ людьми: зрѣлище ужасное, но сообразное со свойствомъ и обыкновеніями Римлянъ! Оно, можетъ быть, привлекло ему много приверженцовъ. Отличныя дѣянія, учиненныя Силлою во время войны съ союзниками, гдѣ онъ запмилъ Марія, увеличили привязанность къ его особѣ. Великодушіе и снисхожденіе привязали къ нему воиновъ. Онъ порядкомъ своимъ и воинскимъ искусствомъ заставлялъ ихъ любить себя. Когда Албинъ, чиновникъ, бывшій подъ его начальствомъ, убитъ былъ во время возмущенія воиновъ, онъ сказалъ хладнокровно: *войска загладятъ*

Онъ восходитъ на первыя степеня достоинства.

сіе преступленіе при встрѣчѣ съ непріятелемъ. Силлу опредѣлили Консуломъ и поручили войну съ Митридатомъ, Царемъ Понтійскимъ; о которомъ я скоро доставлю понятіе.

Марій ненавидѣлъ Силлу за то, что онъ себѣ приписывалъ успѣхъ Нумидійскаго похода; и хотя онъ былъ дряхлъ, тяжелъ и слабъ, однакожъ желалъ имѣть начальство въ сей новой войнѣ. Для похищенія онаго у своего соперника, онъ сводитъ дружество съ Сульпиціемъ, Трибуномъ народнымъ, человѣкомъ до чрезмѣрности дерзкимъ, всегда сопровождаемымъ тѣлохранителями, коихъ онъ, по безразсудству своему, называлъ *Анти-Сенатомъ*. Послѣ одного сраженія, на которомъ жизнь обоихъ Консуловъ была въ опасности, сей Трибунъ объявилъ законъ, что союзники, вновь принятые въ число гражданъ, не будутъ уже составлять новыхъ осьми гильдій, какъ учреждено было, но размѣстятся по прежнимъ. Такимъ образомъ голоса состояли въ его волѣ. Потомъ онъ предложилъ о избраніи Марія, бывшаго тогда простымъ частнымъ человѣкомъ, въ предводители надъ войскомъ противъ Митридата, и безъ всякаго труда получилъ желаемое.

665. Марій похищаетъ у него начальство надъ войною съ Митридатомъ посредствомъ Трибуна Сульпиція.

Силла уѣхалъ въ свой лагерь. Онъ, рѣшившись отмстить за таковую наглость, и надѣясь на преданность воиновъ своихъ, идетъ къ Риму, гдѣ многіе изъ его приверженцовъ были умерщвлены. Онъ вступаетъ

Силла вступаетъ въ Римъ вооруженною рукою.

въ Римъ вооруженною рукою; угрожаетъ истребить огнемъ домы, ежели сдѣлаютъ какое сопротивленіе. Когда Марій съ Сульпиціемъ бѣжали, Силла удерживаетъ войска въ должномъ повиновеніи и предотвращаетъ всякій безпорядокъ. Приказываетъ истребить законы Трибуновы; вводитъ древній порядокъ, чтобъ не издавать ни одного закона безъ одобренія Сената; вмѣсто сеймовъ по гильдіямъ учреждаетъ оные по сотнямъ. Народъ въ страхъ подтверждаетъ всѣ сіи перемѣны. Республика была въ такомъ смутномъ состояніи, въ которомъ сильнѣйшій долженъ былъ предписывать законы. Когда правила уже не существуютъ, то сила управляетъ.

Онъ производитъ перемѣны.

Консулъ, для удовлетворенія своему мщенію, предлагаетъ Сенату, чтобъ объявили врагами отечества Марія и его сына, Сульпиція и девять главныхъ ихъ соучастниковъ. Сцевола, просвѣщенный и добродѣтельный гражданинъ, мужественно сему сопротивляется. «Ни твои угрозы, ни твои «воины, говоритъ онъ, не принудятъ меня «посрамить мою старость и объявить врагомъ Рима того, кѣмъ спасены Римъ и «Италія.» Но прочіе Сенаторы безъ всякаго прекословія согласились на предложеніе Силлы. Осуждаютъ на изгнаніе. Голова Сульпиція, принесенная въ Римъ, произвела ужасное позорище. Марій, укрывавшійся въ болотахъ Минтурнскихъ, былъ схваченъ. Воинъ, не смотря на приказаніе, не смѣлъ

Приговоръ къ изгнанію.

Марій на развалинахъ Карѳагена.

поразить сего великаго полководца, и Мантурнскіе жители оказали пособія къ побѣгу его въ Африку. Когда начальникъ сей провинціи прислалъ къ Марію съ повелѣніемъ, чтобъ удалился изъ оной; онъ посланному чиновнику съ гордостію сказалъ: *поди, скажи ему, что ты видѣлъ бѣглаго Марія среди развалинъ Карѳагена.* Разительная картина превратностей щастія! Марій удалился потомъ на одинъ островъ, гдѣ съ сыномъ своимъ ожидалъ благопріятной себѣ перемѣны.

666. Цинна, Консулъ, объявляетъ себя противникомъ Силлы и заставляетъ изгнать себя.

Въ Римѣ тотчасъ все перемѣнилось. Цинна, преданный до бѣшенства Марію, опредѣленъ былъ Консуломъ. Силла согласился на сіе, взявъ клятву съ Цинны, что онъ на будетъ дѣйствовать въ противность его выгодамъ. Силла даже радовался, что народъ пользовался свободою, которой онъ называлъ себя возстановителемъ. Кротость сія не обезоружила ненависти. Новый Консулъ хотя былъ и родственникъ Силлѣ, тотчасъ приказалъ одному Трибуну сдѣлать на него доносъ, и такимъ образомъ принудилъ его отправиться на войну противъ Митридата; ибо всякіе розыски прекращались противъ того гражданина, который былъ употребленъ на службу республики. По отправленіи его открылось для Цинны поприще. Онъ возобновляетъ законъ Сульпиціевъ въ разсужденіи союзниковъ. Другой Консулъ Октавій на сіе не соглашается; дѣло дошло до оружія; площадь обагряется кровію. Врагъ Силлы изгнанъ изъ Рима, лишенъ консуль-

спѣва, и на мѣсто его возводятъ Меруλу, жреца Юпитерова.

Марій и Цинна осаждаютъ Римъ и убиваютъ враговъ своихъ.

Цинна удаляется къ союзникамъ, которые находили для себя выгоды въ возмущеніяхъ Рима. Сни берутъ для защищенія его оружіе и съ недовольными Римлянами составляютъ многочисленнѣйшее войско. Сіе обстоятельство благопріятно было для Марія. Онъ возвращается; Цинна принимаетъ его Проконсуломъ. Оба они осаждаютъ городъ. Сенатъ посольствомъ своимъ побуждаетъ ихъ къ большей дерзости. Цинна ничего не хочетъ слышать, доколѣ не признаютъ его Консуломъ. Мерула добровольно слагаетъ съ себя сіе званіе, и когда признали Цинну Консуломъ, онъ обѣщаетъ пощадить кровь гражданъ. Впрочемъ, не смотря на сіе обѣщаніе, Цинна съ Маріемъ и прочими начальниками почли за нужное убить всѣхъ, кои почитаютъ ихъ своими врагами, и убійство учинено.

Общее понятіе о бѣдствіяхъ Рима.

Пусть представятъ городъ, взятый приступомъ варварами; головы знаменитыхъ гражданъ, лежащія на каѳедрѣ среди площади; богатства, отобранныя въ казну; начальниковъ, отправленныхъ въ ссылку; кровожадность, воспламеняемую самымъ убійствомъ; пусть представятъ свирѣпаго Марія, показывающаго унылый видъ нещастнаго, имѣющаго болѣе семидесяти лѣтъ, но въ жестокостяхъ превосходящаго Цинну: пусть все сіе представятъ, и тогда будутъ имѣть понятіе о позорищѣ Рима.

Въ числѣ нещастныхъ изгнанниковъ были: тотъ самый Катуллъ, который имѣлъ великое участіе въ побѣдахъ надъ Кимврами и Тевтонами; Антоній, сей знаменитый ораторъ, котораго Цицеронъ превозносилъ похвалами, не предвидя, что самъ, подобно ему, погибнетъ; Крассъ, почтенный Сенаторъ, который видѣлъ пораженіе своего сына, и умерщвленіемъ самаго себя предупредилъ ударъ убійцъ своихъ. Мерула, верховный жрецъ Юпитера, приказалъ пустить кровь себѣ въ храмѣ сего бога: онъ рѣшился умереть на своемъ первосвященническомъ сѣдалищѣ, на которое потомъ въ теченіи почти осьмидесяти лѣтъ никто не смѣлъ возсѣсть (*). Знаменитые изгнанники.

Я объявлю объ одномъ произшествіи для точнаго понятія междоусобныхъ браней. Въ одномъ дѣйствіи сразились два брата, не узнавъ другъ друга. Одинъ убилъ другаго; при обнаженіи узналъ его, и поразивъ себя надъ трупомъ убитаго брата, смѣшалъ прахъ свой съ его прахомъ. Братъ, убившій своего брата.

Къ концу сего года кровопролитій Цинна и Марій овладѣли насильно консульствомъ; они даже пренебрегли и самый обрядъ избранія. Послѣдній вскорѣ послѣ сего умеръ. Онъ, мучимый совѣстію за свои Смерть Марія во время седьмаго консульства.

(*) Въ 742 году Августъ присовокупилъ сіе достоинство къ своимъ титламъ. Оно, по суевѣрію, сдѣлалось важнымъ для безопасности его особы; ибо смерть жреца Юпитерова (flamen dialis) во время служенія почитали опаснѣйшимъ предзнаменованіемъ.

жестокости, опасался возвращенія побѣдоноснаго Силлы, коего мщеніе долженствовало быть весьма ужасно. Не находя помощи въ разсудкѣ, онъ старался заглушить страхъ свой чрезмѣрнымъ пьянствомъ, и прибялъ смерть себя достойную. Сіе чудовище злодѣйства и безчеловѣчія для того только спасло Римъ, чтобъ погубить его. Ежели бы онъ не презиралъ наукъ, то бы онѣ открыли ему, что онъ напрасно мучится, гоняясь за тѣнію щастія; что семь консульствъ были слабымъ только средствомъ для укрощенія волненій души, оскверненной злодѣяніями, и что власть, присвоенная неправильно, проходимая съ жестокостію, есть бичъ какъ для утѣснителей, такъ и для утѣсняемыхъ. Враги просвѣщенія не приведутъ его въ примѣръ себѣ: онъ можетъ опровергнуть ихъ возраженія.

Честолюбіе дѣлаетъ его нещастнымъ.

По мнѣнію Валерія Максима, въ день погребенія Марія, Фимбрій, одинъ изъ ревностныхъ его полководцевъ, велѣлъ умертвить знаменитаго Первосвященника Сцеволу. Когда рана была не смертельна, онъ позвалъ Сцеволу на судъ. *Въ чемъ ты хочешь обвинять сего почтеннѣйшаго мужа?* спросилъ нѣкто. *Въ томъ*, отвѣчалъ Фимбрій, *что не довольно онъ далъ вонзить въ тѣло свое кинжалъ, отъ котораго долженъ былъ умереть.* Сіе повѣствованіе нелѣпо; но такіе люди хуже и свирѣпыхъ звѣрей.

Безчеловѣчіе, учиненное Фимбріемъ первосвященнику Сцеволѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Походы Силлы въ Грецію и Азію.—Митридатъ ужасный врагъ Рима.

Время обратить вниманіе на Силлу въ его походахъ и узнать того славнаго непріятеля, съ которымъ онъ велъ войну. Уже Римская республика начала утверждать свое владычество въ Азіи. Она повелѣвала Царями, покровительствовала однимъ для укрощенія другихъ; была посредницею у всѣхъ и судила всѣхъ по своимъ выгодамъ. Коль скоро Митридатъ, Царь Понтійскій, почувствовалъ себя способнымъ къ предпріятіямъ, рѣшился возстать противъ сей честолюбивой державы. Онъ происходилъ отъ древнихъ Персидскихъ Монарховъ и былъ изъ своего поколѣнія шестый обладатель Понтійскаго царства. Знатность рода, высокость чувствованій, сила ума, мужество, пріобыкшее къ трудамъ, выгодное мѣстоположеніе, пристани на Эвксинскомъ морѣ способствовали ему къ произведенію величайшихъ дѣлъ, а честолюбіе его не знало предѣловъ. Три ста тысячъ человѣкъ пѣхоты и сорокъ тысячъ конницы, кромѣ вспомогательнаго войска, составляли его военную силу, для которой недоставало одного искусства Римскаго, чтобъ содѣлаться ужасомъ для онаго.

Митридатъ, ужасный врагъ Рима.

Сей Государь отнялъ Каппадокію у Аріобарзана и Виѳинію у Никомеда, двухъ Царей,

Его завоеванія въ Азіи

и Греціи. Пораженіе Римлянъ.

союзниковъ Римлянъ; завоевалъ всю Малую Азію. Когда Римъ объявилъ ему войну, онъ приказалъ умертвить въ одинъ день восемьдесятъ тысячъ Римлянъ или Италіянцевъ, какъ бы для возженія между сими двумя народами непримиримой ненависти. Таковое кровопролитіе, учиненное во всѣхъ провинціяхъ съ одинаковымъ неистовствомъ, доказываетъ, сколь иго Римское было ненавистно въ Азіи. Оппій и Маній, два полководца, попавшись въ руки Митридату, претерпѣли жестокія и поносныя мученія. Онъ, принудивъ послѣдняго всенародно объявить, что причиною войны сей было его сребролюбіе и велѣлъ ему налить въ горло растопленнаго золота.

Аѳиняне сдаются Митридату.

Наконецъ полководцы Митридатовы напали на Грецію. Безразсудные Аѳины возрадовались до безумія перемѣнѣ владѣтеля. Аристіонъ, честолюбивый Софистъ, воспламенилъ въ нихъ жаръ сей для пользы Митридата, которому онъ тогда былъ преданъ. Онъ поручилъ ему начальство надъ городомъ, и Аристіонъ управлялъ онымъ, какъ тиранъ: вотъ начальникъ, достойный порабощеннаго народа, коего вся древняя слава состояла уже въ однѣхъ только словопрѣніяхъ.

667. Силла беретъ Аѳины и щадитъ оныя по

Возмущенія, потрясавшія Римскую республику, благопріятствовали намѣреніямъ Митридата. Силла, какъ мы уже видѣли, отправился наконецъ для пресѣченія его успѣховъ. Онъ прибылъ въ Грецію и возна-

мѣрился взять вдругъ и Аѳины и Пирей. Поелику данныхъ ему денегъ было недостаточно (ибо онъ, для привлеченія къ себѣ воиновъ, щедро расточалъ имъ оныя), то приказалъ привезть къ нему сокровища изъ капищъ, даже изъ храма Дельфійскаго. Принимая оныя, Силла сказалъ съ усмѣшкою, что *никакъ не можно сомнѣваться въ побѣдѣ, потому что боги даютъ жалованье его войскамъ.* Аѳиняне также смѣялись, хотя и окружены были опасностями. Ужасный голодъ принудилъ ихъ просить милости. Ихъ, или лучше сказать Аристіоновы посланники, пришедши къ Силлѣ, начали убѣждать его своимъ краснорѣчіемъ. Они говорили съ важностію и жаромъ о Тезеѣ, о Кодрѣ, о побѣдахъ Марѳонской и Саламинской. *Подите*, отвѣчалъ имъ Силла, *благополучные и знаменитые смертные, говорите сіи прекрасныя рѣчи въ вашихъ училищахъ; я пришелъ сюда не исторіи вашей учиться, но наказать мятежниковъ.* Городъ былъ взятъ приступомъ и преданъ на разграбленіе. Побѣдитель хотѣлъ разрушить его до основанія, однакожъ сжалился; *онъ пощадилъ живыхъ изъ уваженія къ мертвымъ.* Вотъ его выраженіе. Толикое уваженіе внушала слава древнихъ Аѳинскихъ героевъ и великихъ умовъ, родившихся въ сей знаменитой республикѣ даже при самомъ своемъ униженіи! Архелай, одинъ изъ лучшихъ Митридатовыхъ полководцевъ, принужденъ

причины великихъ людей, ими произведенныхъ.

былъ оставить Пирей. Пристань сія была сожжена.

Онъ одерживаетъ двѣ великія побѣды.

Двѣ совершенныя побѣды, одержанныя потомъ Силлою, одна при Хероней, другая при Орхоменѣ, разрушили всѣ надежды у непріятеля. Послѣднее сраженіе приноситъ Силлѣ тѣмъ болѣе чести, что оно было почти уже потеряно. Войска обратились въ бѣгство, Силла прискакалъ къ нимъ, соскочилъ съ лошади, схватилъ знамя и, презирая опасность, вскричалъ: *для меня славно умереть здѣсь; вы, естьли спросятъ васъ, гдѣ оставили полководца вашего, скажите: при Орхоменѣ.* Ничего болѣе не нужно было для содѣланія Римлянъ непобѣдимыми.

Онъ съ гордостію отвергаетъ предложенія Митридатова полководца.

Между тѣмъ какъ полководецъ сей защищалъ такимъ образомъ Римъ, его изгнали, какъ врага республики. Цинна, содѣлавшись въ третій разъ Консуломъ, началъ распростирать съ товарищемъ своимъ Карбономъ жестокое владычество. Архелай видя, что Силла въ таковыхъ обстоятельствахъ долженъ былъ желать окончанія войны, предложилъ ему всѣ пособія для возвращенія въ Италію. Римлянинъ, досадуя на сіе предложеніе, самъ предложилъ ему, что онъ возведетъ его на престолъ Митридатовъ, ежели только онъ отдастъ флотъ, состоящій подъ его начальствомъ. Архелай отвѣчалъ, что онъ измѣну почитаетъ для себя безчестнымъ дѣломъ. *Какъ же*, возразилъ ему Силла, *ты, Каппадокія-*

Прекрасное

нинъ, невольникъ, или другъ Царя варвара, стыдишься сею цѣною купить корону, а Римскому полководцу Силлѣ смѣешь говорить о измѣнѣ! Наконецъ Силла предписалъ Митридату слѣдующія мирныя условія: »Чтобъ онъ отступился отъ всѣхъ »своихъ завоеваній и довольствовался цар»ствомъ своихъ предковъ; чтобъ возвра»тилъ плѣнныхъ и бѣглыхъ невольниковъ; »заплатилъ бы Римлянамъ двѣ тысячи та»лантовъ и отдалъ имъ семдесятъ кораб»лей военныхъ.« Архелай согласился на все безъ позволенія Митридата. изреченіе Силлы.

Между тѣмъ Валерій Флаккъ, назначенный Цинною въ предводители, пріѣхавши, снялъ начальство съ Силлы по повелѣнію даже Сената: но какъ трудно было выполнить сіе повелѣніе! Войска Флакковы, кромѣ двухъ легіоновъ, перешли подъ знамена Силлы. Флаккъ, не имѣя средствъ возстать противъ Силлы, пошелъ по Византійской дорогѣ для нападенія на Митридата. Но онъ былъ убитъ своимъ намѣстникомъ, бѣшенымъ Фимбріемъ, котораго онъ отрѣшилъ отъ должности и который не уважалъ никакой обязанности. Фимбрій принимаетъ начальство надъ войскомъ и начинаетъ вести войну въ Азіи съ великимъ успѣхомъ. Онъ воспламенялъ мужество въ войскахъ грабежемъ и своевольствомъ, не предвидя, что войска, развратившись, не долго будутъ послушны. Флаккъ, посланный противъ Силлы, убитъ Фимбріемъ.

Тогда Митридатъ, испросивъ позволеніе

Фимбрій, по заключеніи Силлою мира съ Митридатомъ, погибаетъ.

для свиданія съ Силлою, соглашается на предписанныя уже условія. Силла, по заключеніи мира, тотчасъ обращается на Фимбрія, личнаго врага своего. Онъ приказываетъ Фимбрію сложить съ себя начальство. Фимбрій не соглашается; воины оставляютъ его, и онъ, по тщетномъ покушеніи умертвить сего полководца, пронзаетъ наконецъ себя мечемъ своимъ. Онъ имѣлъ дарованія и злость Марія.

Силла обогащаетъ свое войско, а оно отъ сего развращается.

Такимъ образомъ щастливый Силла, возторжествовавъ надъ всѣми препятствіями, рѣшился не выступать изъ Азіи, доколѣ не отмститъ за убійство Римлянъ. Налоги, коихъ онъ потребовалъ съ городовъ взбунтовавшихъ, простирались, по мнѣнію Плутарха, до двадцати тысячъ талантовъ. Онъ раздѣлилъ всѣ по своимъ легіонамъ; выдавалъ каждому воину по шестнадцати драхмъ на день, кромѣ ночлега и пищи. Сіи пагубные примѣры предвѣщали паденіе воинскаго искусства. «Тогда въ первый «разъ, говоритъ Саллюстій, замѣтили въ «Римскомъ войскѣ склонность къ вину и «распутству, вкусъ къ статуямъ, картинамъ и рѣзьбѣ; они начали грабить частныхъ людей, города и капища, расхищать «наконецъ и священное и мірское.« Сей духъ хищничества возрасталъ ежедневно. Чѣмъ болѣе Силла достоинъ безъ сомнѣнія порицанія за ослабленіе воинскаго порядка, тѣмъ болѣе должно ему удивляться въ томъ, что онъ, для окончанія войны съ

Митридатомъ, скрывалъ въ себѣ неудовольствіе и презиралъ личныя свои выгоды. «Онъ, по словамъ Патеркула, почи»талъ долгомъ сперва низложить непрія»теля, а потомъ уже отмстить за себя »гражданину.» Но жестокое мщеніе скоро помрачитъ его славу, и пропивникъ Марія содѣлается на нѣкоторое время подражателемъ ему.

Безпорядки въ Римѣ.

Всеобщее разстройство въ государственныхъ доходахъ, въ имѣніяхъ частныхъ людей, происшекающее отъ недовѣрчивости и опасенія Римлянъ, особливо отъ потери Азіи, гдѣ у нихъ было великое множество селеній; народная довѣренность, разрушенная симъ насильственнымъ ударомъ; перемѣны монеты и отъ сего совершенная въ торговлѣ неизвѣстность увеличили безпорядки Рима по смерти Марія.

Цинна и Карбонъ, несмѣнные Консулы, набрали войско противъ Силлы. Первый былъ убитъ во время возмущенія воиновъ. Другой захотѣлъ потребовать залоговъ со всѣхъ городовъ Италіянскихъ. Кастрицій, главный начальникъ Плаценціи (Піаченція), не согласился на его требованіе. *У меня много мечей*, сказалъ ему Карбонъ. *А я*, отвѣчалъ ему мужественно начальникъ, *много лѣтъ лѣтъ прожилъ.* Таковъ почти былъ отвѣтъ Солоновъ Писистрату: онъ изображаетъ благородныя чувствованія сшарца, почитающаго жизнь за ничто въ сравненіи съ добродѣтелію.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Возвращеніе Силлы.—Его изгнанія.—Диктаторство его и смерть.

Возвращеніе Силлы.

670. Болѣе двухъ сотъ тысячъ человѣкъ вооружено было противъ Силлы. Онъ по прибытіи своемъ имѣлъ только войска около сорока тысячъ человѣкъ. Но воины любили его, и онъ имѣлъ даръ привлекать другихъ на свою сторону. Карбонъ, говоря о семъ полководцѣ, сказалъ: *онъ левъ и лисица; я опасаюсь болѣе лисицы, нежели льва.* Цетегъ, Верресъ, Помпей, не смотря на его молодыя лѣта, уже отличившійся своими услугами, другіе знатные люди, и все консульское войско бросилось подъ его знамена. Онъ воспламенялъ сердца, вливалъ довѣренность. Когда Крассъ, посланный Силлою для набора войска, попросилъ у него для провожанія отряда, потому что должно было проходить чрезъ мѣста, занятыя непріятелемъ, Силла сказалъ ему: *я даю тебѣ въ проводники отца твоего, брата, твоихъ сродниковъ, беззаконно умерщвленныхъ, за которыхъ я намѣреваюсь отмстить.* Слова сіи придали крылья Крассу, и порученіе исполнено было съ успѣхомъ.

Переходятъ на его сторону.

Онъ одерживаетъ много

Консулъ Норбанъ разбитъ былъ на одномъ сраженіи, гдѣ погибло съ его стороны семь тысячъ человѣкъ. Въ слѣдующемъ году мо-

лодой Марій (*), Консулъ, по умерщвленіи великаго множества Сенаторовъ, вступаетъ съ сраженіе и видитъ совершенное истребленіе своего войска. По запискамъ Силлы, приведеннымъ Плутархомъ, побѣдитель потерялъ только двадцати трехъ человѣкъ, убилъ двадцать тысячь и взялъ въ плѣнъ восемь. Какъ повѣрить сему, допустивши, какъ присовокупляютъ, что оба войска долго сражались съ равнымъ мужествомъ? Великихъ побѣдъ.

Послѣдняя побѣда, одержанная при воротахъ Римскихъ надъ Самнитами и Луканцами, была еще славнѣе для Силлы. Сіи неукротимые враги имени Римскаго съ упорствомъ продолжали *союзническую* войну. Начальникомъ у нихъ былъ Телезинъ, полководецъ сколько храбрый, столько и искусный. Они, бывъ уже побѣдителями, были разбиты. Телезинъ палъ на полѣ сраженія. Силла приказалъ безчеловѣчно убить шесть тысячь человѣкъ, которые положили оружіе и которымъ онъ обѣщалъ даровать жизнь. Неистовство междоусобныхъ браней должно было произвесть множество и другихъ ужасовъ. Телезинъ разбитъ. Вѣроломная жестокость къ побѣжденнымъ.

Въ исторіи варварствъ человѣческихъ мало находится такихъ примѣровъ, кои бы можно было сравнить въ жестокости съ изгнаніями Силлы. Когда нѣкто сказалъ ему: «мы не просимъ милости для тѣхъ, Силла изгоняетъ всѣхъ враговъ своихъ.

(*) Одни называютъ его внукомъ, другіе пріемышемъ усыновленнымъ знаменитымъ Маріемъ.

»коихъ ты вознамѣрился умертвить; но »по крайней мѣрѣ избавь отъ безпокой»ства тѣхъ, коихъ ты хочешь спасти, онъ отвѣчалъ: *я не знаю еще кому даровать жизнь.* — *Такъ назначь тѣхъ*, возразили ему, *коихъ ты хочешь изтребить.* На другой день явился списокъ, въ которомъ помѣщено восемдесятъ изгнанниковъ, гдѣ первыми были Карбонъ и Марій, Консулы; на третій день другой списокъ съ двумя стами двадцати, а въ слѣдующій день таковый же. Наконецъ гонитель объявилъ, что онъ не пощадитъ ни одного врага своего.

Жестокость, простирая до злодѣйства.

Дать имъ убѣжище значило уголовное преступленіе, въ которомъ никакое родство не могло защитить. Рабу предложены были награды за убійство своего господина, сыну за умерщвленіе своего отца; голова изгнанника оцѣнена была въ два таланта. Имущество отбирали въ казну; наказаніе простирали и на потомство: ибо внуковъ сихъ нещастныхъ, какъ безчестныхъ людей, запрещено было допускать ко всѣмъ должностямъ. Римъ, провинціи обратились въ бойни для множества гражданъ, изъ коихъ многіе потому только погибали, что хотѣли возобладать ихъ имуществомъ. *Помѣстье мое причиною моего изгнанія*, сказалъ нѣкто Аврелій, человѣкъ миролюбивый, удаленный отъ всѣхъ должностей.

Довольно будетъ замѣтить, что Кати-

лина, убійца своего брата и зятя, былъ главнымъ орудіемъ неистовства. Онъ, показавши Силлѣ на площади народной голову одного изгнанника, обагренную кровію, умылъ руки свои чистительною водою въ одномъ храмѣ, какъ бы для поруганія надъ вѣрою и человѣчествомъ. Катилина отличается во время сего гоненія.

Марій, удалившись въ Пренестъ (Палестринъ), не въ состояніи былъ защищать онаго; почему условился съ однимъ другомъ умертвить самихъ себя: они пронзили другъ друга мечами. Карбонъ, другой Консулъ, уѣхалъ изъ Италіи. Помпей погнался за нимъ, и увидѣвъ его распростертаго у ногъ своихъ, приказалъ казнить, хотя Карбонъ и имѣлъ право на его признательность. Такимъ образомъ Римляне другъ другу мстили за толикое множество народовъ, подавленныхъ ихъ честолюбіемъ. Такъ любовь къ отечеству, погашенная пороками, оставила послѣ себя въ гражданахъ буйныя страсти, злодѣянія и кровожадность! Смерть двухъ Консуловъ, Марія и Карбона.

Республика уже не существовала; одинъ обладалъ всѣмъ: мечь доставлялъ ему достоинство и поддерживалъ оное. Силла хотѣлъ имѣть титулъ почтеннѣйшій. Какъ имя Царя произвело бы ужасъ въ Римлянахъ, то онъ, для прекращенія бѣдствій государства, предложилъ народу о наименованіи кого-нибудь Диктаторомъ, безъ означенія срока; предложилъ, что онъ исполнитъ сію должность, естьли угодно поручить ему оную. Сіе значило, подъ видомъ 672. Силла, несмѣнный Диктаторъ.

скромности избирать самаго себя. Голоса утвердили истинное и несмѣнное самовластіе, потому что во всемъ свѣтѣ не было власти неограниченнѣе диктаторской.

Онъ издаетъ законы для возстановленія порядка.

Силла, изъ тиранна Рима сдѣлавшись обладателемъ, издалъ весьма благоразумные законы. Онъ прекратилъ убійства и насилія; возвратилъ Сенату присущественныя мѣста; пріобщилъ къ оному три ста всадниковъ для занятія мѣстъ праздныхъ по случаю войны и изгнаній; учредилъ, чтобъ въ Преторы поступали изъ Квесторовъ, а въ Консулы изъ Преторовъ; сообразно съ древними законами, положилъ десять лѣтъ промежутка отъ одного консульства до другаго; ограничилъ трибунскую власть, запретивъ Трибунамъ вмѣшиваться въ законодательство; приказавъ избирать ихъ изъ Сената съ тѣмъ, чтобъ они не могли имѣть притязанія на высшее достоинство. Съ сего времени трибунство немогло уже быть лестно для честолюбивыхъ. Какъ имъ отказаться отъ первыхъ достоинствъ республики?

674. Онъ смѣло слагаетъ съ себя диктаторство.

Никто не могъ представить, чтобъ Силла, погубивши сто тысячь гражданъ оружіемъ, изгнавши девяносто Сенаторовъ и болѣе двухъ тысячь шести сотъ всадниковъ, основалъ свое могущество на погибели столь многихъ семействъ, на развалинахъ толикихъ городовъ и даже республики, захотѣлъ и осмѣлился сложить съ себя диктаторство. Однакожъ онъ сіе

здѣлалъ; онъ даже объявилъ, что готовъ былъ дать отчетъ въ своихъ поступкахъ. Послѣ сего увидѣли его прогуливающагося по площади безъ ликторовъ, съ небольшимъ числомъ друзей. Но онъ отпустилъ на волю, и произвелъ въ граждане десять тысячъ невольниковъ; подарилъ земли въ поселеніяхъ старымъ своимъ воинамъ; изливалъ благодѣянія на своихъ приверженцовъ; они одни занимали мѣста и гражданскія и военныя. И такъ онъ не могъ имѣть недостатка въ защитникахъ, а ужасъ имени его служилъ ему вмѣсто тѣлохранителей. Впрочемъ въ тотъ самый день, въ который онъ сложилъ съ себя диктаторство, одинъ молодый человѣкъ дерзко обидѣлъ его своими словами. Силла, ничего ему не отвѣчая, сказалъ только: *сей молодый человѣкъ здѣлаетъ то, что другой, занявъ мое мѣсто, никакъ не захочетъ отказаться отъ онаго.*

Что могло защитить его въ опасности.

Отъ забавъ и чрезмѣрнаго распутства Силла впалъ въ болѣзнь вшивую, отъ которой и умеръ на шестидесятомъ году отъ рожденія. Онъ до конца жизни сохранилъ дѣятельность ума своего; потому что еще занимался государственными дѣлами и трудился надъ своими записками, сочиненіи любопытномъ, которое уже не существуетъ. Надгробная надпись, сочиненная, какъ говорятъ, имъ самимъ, состояла въ слѣдующемъ: *никто не здѣлалъ столько добра друзьямъ своимъ,*

Въ слѣдующемъ году онъ умираетъ отъ распутства.

ни столько зла врагамъ. Онъ принялъ проименованіе *щастливаго,* потому ли, что почиталъ щастіе ему благопріятствующимъ, или потому, что хотѣлъ другихъ заставить такъ объ немъ думать. Но ежели онъ былъ щастливъ въ своихъ предпріятіяхъ, то совсѣмъ ему неизвѣстно было истинное благополучіе, несовмѣстное съ безпокойствами души, волнуемой страстями. За сто лѣтъ прежде онъ былъ бы, можетъ быть, превосходнымъ гражданиномъ. Честолюбіе Марія заставило его нѣкоторымъ образомъ быть злымъ; и онъ здѣлался утѣснителемъ для отмщенія за утѣсненіе злодѣю. Столь великую власть имѣютъ обстоятельства надъ сердцемъ человѣческимъ, когда оно не укрѣплено твердыми правилами благоразумія.

676. Лепидъ, по честолюбію, возобновитъ междоусобную войну.

Примѣръ Силлы показалъ, что гражданинъ можетъ поработить республику. Такимъ образомъ бунты ежедневно должны были умножаться. Консулъ Лепидъ, человѣкъ съ посредственными способностями, захотѣлъ здѣлаться обладателемъ. Катуллъ, товарищъ его, воспротивился тому. Они начали бы опять междоусобную войну, ежели бы Сенатъ не обязалъ ихъ клятвою не поднимать оружія. Лепидъ, по сложеніи съ него званія, почелъ себя свободнымъ отъ даннаго обѣщанія; онъ, для полученія вторичнаго консульства, вооруженною рукою подошелъ къ Риму съ войскомъ. Отраженный и побѣжденный Катулломъ и Помпеемъ,

Онъ побѣжденъ и

онъ ушелъ въ Сардинію, гдѣ и умеръ съ печали, услышавъ о невѣрности жены своей. умираетъ отъ печали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Война Серторіева. — Спартакъ, предводитель невольниковъ.—Помпей разбиваетъ морскихъ разбойниковъ.

Серторій, человѣкъ по истинѣ ужасный, искусный политикъ, добродѣтельный столько, сколько можно быть таковымъ среди пороковъ и возмущеній. Претерпѣвъ многія нещастія, ушелъ къ Лузитанцамъ, которые поручили ему начальство надъ своимъ войскомъ. Серторій скоро возобладалъ умами сихъ варваровъ. Лань, пріученная имъ къ себѣ, посредствомъ которой, какъ увѣрялъ онъ, получалъ чудеснымъ образомъ свѣденіе о вещахъ, изобрѣтаемыхъ его благоразуміемъ, служила немаловажнымъ пособіемъ къ ослѣпленію ихъ суевѣрія; но съ симъ средствомъ Серторій соединялъ дѣйствительнѣйшія: мудрость въ правленіи и побѣды. Серторій начаялъ поддерживать сторону Маріеву въ Испаніи. поддерживаетъ сторону Маріеву въ Испаніи.

Серторій съ небольшимъ войскомъ выдержалъ упорную войну противъ многихъ Римскихъ полководцевъ, у которыхъ подъ начальствомъ было болѣе ста тысячъ человѣкъ. Искусство въ разположеніи войска по лагерямъ, легкость въ походахъ, военныя хитрости, нечаянныя нападенія, дѣлаемыя Его способности и побѣды.

въ надлежащее время и съ цѣлію, воинскій порядокъ совокупно съ мужествомъ, удивленіе и довѣренность къ нему воиновъ, кажется, усугубляли силы его во всѣхъ случаяхъ. При жизни Силлы, множество знатныхъ людей, по причинѣ неудовольствія, прибѣгли къ Серторію. Онъ, составивъ изъ нихъ Сенатъ, назвалъ его *Римскимъ Сенатомъ*. Въ самомъ дѣлѣ, онъ, кажется, имѣлъ причину сказать, какъ сказано въ Корнелѣ: *Римъ уже не въ Римѣ: онъ весь тамъ, гдѣ я.*

678. Серторій не уступаетъ Помпею и Метеллу.

Послѣ неудачной войны, веденной съ Серторіемъ Метелломъ, однимъ изъ намѣстниковъ Силлы, по смерти сего Диктатора, послали въ Испанію Помпея. Серторій получилъ себѣ къ подкрѣпленіе цѣлое войско, состоящее подъ предводительствомъ безпокойнаго Перпенны или Перперны, который, стараясь поселиться въ сей странѣ, принужденъ былъ своими воинами соединиться съ симъ знаменитымъ полководцемъ. Помпей и Метелль, оба вмѣстѣ, никогда не могли побѣдить Серторія. Онъ даже презиралъ перваго, и разбивъ его на одномъ сраженіи, сказалъ: *я, наказавши достойно дитя сіе, отошлю его къ своимъ родителямъ*. Послѣдній не устыдился оцѣнить головы Серторія. Сто талантовъ и двадцать тысячъ десятинъ земли назначено было въ награду убійцѣ. Сія политика, свойственная разбойникамъ, подала поводъ къ безчисленнымъ измѣнамъ противъ

Серторія. Онъ сдѣлался строгъ; около его составился заговоръ. Перпенна былъ главнымъ измѣнникомъ, и онъ подлымъ образомъ приказалъ умертвить Серторія во время пиршества. 680. Перпенна приказываетъ умертвить его.

За нѣсколько времени до смерти, Серторій принималъ посольства отъ Митридата, который предлагалъ ему свою помощь и просилъ его принять участіе въ разсужденіи возвращенія отъ Римлянъ Азіи. Серторій отвѣчалъ великодушно, что онъ ни мало не препятствуетъ ему отнять обратно Виѳинію и Каппадокію, на которыя Римляне не имѣли никакого права; но что касается до Малой Азіи, которою они владѣли правильно, онъ не позволитъ сему Государю отнять у нихъ оной. *Я долженъ употреблять силу мою*, присовокупилъ онъ, *для возвышенія республики, а не усиливаться ея потерями.* Прекрасный поступокъ Серторіевъ въ разсужденіи Митридата.

Съ Серторіемъ пала вся сила и стороны его. Измѣнникъ Перпенна, принявши главное начальство надъ войскомъ, доставилъ тѣмъ только Помпею средства къ побѣдѣ. Перпенна, разбитый и взятый въ плѣнъ, хотѣлъ спастись новою измѣною: онъ доставилъ побѣдителю бумаги Серторія, содержащія въ себѣ сношенія его съ главными изъ Римлянъ. Помпей сжегъ сіи бумаги и приказалъ казнить Перпенну. Потомъ онъ воздвигъ гордый памятникъ въ знакъ своихъ дѣяній; выхвалялъ себя въ надписи, что онъ покорилъ восемь сотъ семьдесятъ Помпей оканчиваетъ войну. Его тщеславіе.

шесть городовъ, отъ Алпійскихъ горъ до предѣловъ Испаніи. Нѣтъ нужды искать другаго доказательства въ разсужденіи тщеславія сего знаменитаго вождя, который, не смотря на свои успѣхи, не достоинъ почти былъ имени великаго человѣка, и который никогда не хотѣлъ имѣть себѣ равнаго.

Онъ удостоенъ былъ торжественной почести за побѣды.

Хотя онъ былъ простый всадникъ, однако удостоенъ былъ торжественной почести за побѣды. Онъ еще въ 672 году получилъ сію почесть послѣ похода въ Африку. Тогда Силла на сіе не соглашался; почему Помпей гордо сказалъ ему: *представь себѣ, что восходящее солнце гораздо болѣе имѣетъ обожателей, нежели заходящее.* Отважныя слова сіи вынудили согласіе у Диктатора.

Возмущеніе и война невольниковъ гладіаторовъ.

Римъ, пріобыкшій побѣждать народы, но уже побѣжденный своими пороками и богатствомъ, могъ еще выдержать сколько унизительную, столько опасную войну противъ своихъ собственныхъ невольниковъ. Два возмущенія невольниковъ въ Сициліи показали, сколь иго Римлянъ было ненавистно. Сіе послѣднее послужило весьма опаснымъ примѣромъ. Множество нещастныхъ, стенавшихъ въ рабствѣ, большею частію изъ Галловъ или Ѳракіянъ, употребляли, противъ воли ихъ, въ гладіаторы. Изъ нихъ семьдесятъ восемь человѣкъ, подъ начальствомъ Спартака Ѳракіянина, одареннаго качествами превыше своего состоянія,

Спартакъ, ихъ предводитель,

расторгли свои оковы. Сколько отрядовъ противъ нихъ ни посылали, всѣ оные были разбиты; таковой же стыдъ понесъ и одинъ Преторъ съ тремя тысячами человѣкъ. Сіи первые успѣхи привлекли и другихъ невольниковъ. Шайка Спартакова превратилась въ войско многочисленное и храброе. Отрядили двухъ Консуловъ и Претора для пораженія онаго. Спартакъ побѣдилъ всѣхъ ихъ, тѣмъ съ большею для себя славою, что Галлы, отдѣлившіеся отъ него, были всѣ побиты Римлянами. одерживаетъ побѣды.

Уже Спартакъ началъ угрожать Риму; онъ могъ осадить его со сто двадцатью тысячами воиновъ невольниковъ. Наконецъ поручили войну сію Крассу, одному изъ лучшихъ полководцевъ республики. Онъ, возстановивши воинскій порядокъ, почти совсѣмъ истребленный, щастливо ее окончилъ. Спартакъ, принужденный невольниками вступить въ рѣшительное сраженіе, отличился какъ искусствомъ своимъ, такъ и храбростію. Онъ убилъ лошадь свою предъ сраженіемъ, сказавши: *я не буду имѣть въ семъ недостатка, ежели останусь побѣдителемъ; не буду имѣть въ томъ нужды, ежели останусь побѣжденнымъ.* Побѣда долго колебалась. Невольники были разбиты; и начальникъ ихъ, покрытый ранами, погибъ въ самомъ жару сраженія. Мятежники потеряли сорокъ тысячъ человѣкъ. 682. Крассъ разбиваетъ его.

Собираются пять тысячъ обращенныхъ въ бѣгство; Помпей безъ всякаго труда Помпей себѣ припи-

сываетъ честь побѣды.

ихъ разбиваетъ. Онъ, какъ бы имъ была спасена республика, написалъ Сенату: *Крассъ одержалъ побѣду надъ невольниками; но я исторгъ и самый корень возмущенія.* Сей честолюбивый гражданинъ обращалъ все въ свою пользу; онъ ослѣплялъ народъ увеличиваніемъ заслугъ своихъ; хотѣлъ, чтобъ возвышеніе его сочли необходимымъ, и успѣлъ убѣдить въ желаемомъ. Его назначили Консуломъ на тридцать пятомъ году, тогда какъ онъ не былъ еще и Квесторомъ. Онъ уничтожилъ лучшіе законы Силлы; возвратилъ Трибунамъ прежнюю власть, сдѣлался идоломъ для народа, котораго льстилъ предразсудкамъ. Богатый Крассъ, товарищъ его и соперникъ, хотя дѣлалъ пиръ на десять тысячъ столовъ и выдалъ бѣднымъ хлѣба на три мѣсяца, хотя не было уже средства вѣрнѣе для уловленія народа; однако и сія чрезмѣрная расточительность Крассова не поколебала народной довѣренности къ Помпею.

Онъ дѣлается идоломъ для народа, не смотря на расточительность Крассову.

686. Законъ Габиніевъ даетъ Помпею чрезмѣрную власть.

Нѣсколько тысячь морскихъ разбойниковъ, съ береговъ Киликійскихъ, начали разъѣзжать по морямъ, грабить храмы, опустошать провинціи, приводить въ упадокъ торговлю и лишать продовольствія. Киликіяне предались сему роду разбойничества: они пріобрѣли отъ него богатства и могущество, такъ что основали республику, между тѣмъ какъ Римляне поражали другъ друга. Одинъ Помпей показался способнымъ къ одержанію побѣды надъ Киликіянами.

Трибунъ Габиній предлагаетъ о порученіи Помпею начальства, вмѣстѣ съ позволеніемъ набрать столько воиновъ и матросовъ, сколько ему угодно будетъ; взять изъ государственной казны столько денегъ, сколько сочтетъ нужнымъ, безъ всякаго притомъ отчета, и выбрать въ Сенатѣ для себя пятнадцать намѣстниковъ. Власть Помпея должна была простираться на все Средиземное море и на пятдесятъ миль по матерой землѣ. Порученіе здѣлано на три года. Сей ненавистный законъ, вручающій гражданину власть Монархическую, возбудилъ жаркіе споры. Самъ Помпей, по своей скромности, не соглашался на оный. Однако законъ былъ принятъ, и съ такою выгодою для Помпея, что ему дали еще пять сотъ кораблей, сто двадцать пять тысячъ человѣкъ высаднаго войска и шесть тысячъ Аттическихъ талантовъ. Съ такovыми пособіями и самый посредственный человѣкъ можетъ, кажется, произвесть великія дѣла и возбудить въ народѣ удивленіе, хотя, по справедливости, и не достоинъ онаго.

Онъ разсѣваетъ морскихъ разбойниковъ.

Разбойники были истреблены, или разсѣяны въ четыре мѣсяца. Изумленіе народное къ полководцу увеличилось. Ежели онъ не употребилъ во зло своего могущества, то, безъ сомнѣнія, потому, что опасался подозрѣнія въ домогательствѣ верховной власти. Помпей еще болѣе усилился, какъ желалъ того безъ сомнѣнія, и война въ Азіи открыла для него новое поприще славы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Конецъ войны съ Митридатомъ. — Лукуллъ смѣненъ Помпеемъ.

Митридатъ, обучивъ свои войска, снова началъ войну.

По отъѣздѣ Силлы изъ Азіи Митридатъ дважды начиналъ опять войну: его непримиримая ненависть къ Римлянамъ для того только уступала необходимости, чтобъ выждать благопріятнѣйшихъ случаевъ. Никомедъ, Царь Виѳинскій, отказалъ по завѣщанію царство свое республикѣ, около того времени, какъ Серторій отличался въ Испаніи. Понтійскій Царь рѣшился отнять сіе наслѣдство у честолюбиваго народа, который хотѣлъ владычествовать надъ всею вселенною. Опытъ заставилъ его истребить въ войскѣ своемъ Азіатскую пышность, и вмѣсто оной завести оружіе и порядокъ Римскій; наконецъ онъ образовалъ воиновъ, и самъ былъ великій полководецъ.

679. Лукуллъ посланъ противъ сего Государя.

Въ 679 году послали противъ Митридата двухъ Консуловъ, Котту и Лукулла. Лукуллъ съ просвѣщеніемъ и науками соединялъ всѣ воинскія способности. Онъ служилъ въ званіи Квестора при Силлѣ. Слѣдовательно Цицеронъ отступаетъ отъ справедливости, говоря, будто бы Лукуллъ научился искусству полководца изъ однѣхъ книгъ и разговоровъ, во время перехода изъ Рима въ Азію. Лукуллъ здѣлалъ начало, какъ великій человѣкъ. Онъ обуздалъ

жадность зборщиковъ и своевольство воиновъ, спасъ своего товарища, разбитаго Митридатомъ; принудилъ сего Государя снять осаду съ Кизика, гдѣ все почти весьма многочисленное Митридатово войско погибло; выгналъ его изъ Виѳиніи, а потомъ и изъ своего царства. Тогда жестокій Монархъ сей далъ повелѣніе отравить ядомъ сестръ своихъ и женъ, особливо знаменитую Мониму, опасаясь, чтобъ онѣ не достались въ руки побѣдителю. Поступки и успѣхи сего полководца.

Митридатъ, удалившись къ Тиграну, Царю Арменскому, своему зятю, принудилъ его вступиться за свое дѣло. Но Тиграна, не смотря на его обширное владычество, простирающееся даже въ Сиріи, гдѣ Селевкиды потеряли все по своей слабости; Тиграна, говорю я, съ безчисленными своими войсками и великими сокровищами имѣлъ только глупую гордость и слѣпое безразсудство. Лукуллъ безъ всякаго труда переходитъ Евфратъ и Тигръ; ибо и не думали, чтобъ онъ осмѣлился на сіе покуситься. Онъ идетъ на Армянъ, въ двадцать кратъ по числу своему его сильнѣйшихъ. Когда нѣкто представилъ, что день тотъ отмѣченъ въ календарѣ нещастливымъ, Лукуллъ сказалъ: *такъ я его сдѣлаю щастливымъ*. Въ самомъ дѣлѣ, онъ разбилъ совершенно непріятелей. За сею побѣдою послѣдовало взятіе Тигранокерта. Въ слѣдующемъ году Лукуллъ перешелъ за Тавръ. Тиграна соединился съ Митридатомъ; Римлянинъ напалъ на 684. Онъ разбиваетъ Тиграна, Царя Арменскаго.

нихъ и обратилъ въ бѣгство. Не было ничего еще равнаго мужеству Римлянъ; но они не имѣли добродѣтелей, не менѣе нужныхъ для вѣрнаго успѣха въ предпріятіяхъ.

Непослушаніе войскъ производитъ въ войнѣ неремѣну.

Лукуллъ одаренъ былъ великими качествами, но не имѣлъ дара привлекать любви къ себѣ. Чѣмъ болѣе развращенные нравы стремились къ своевольству, тѣмъ съ большимъ отвращеніемъ сносили чиновники и воины его высокомѣріе и строгость въ соблюденіи воинскаго порядка. Извѣстно было, что зависть возставала противъ него въ Римѣ и говорила, что онъ для своей корысти и честолюбія длитъ войну. Наконецъ войска бунтовали многократно. Тигранъ и Митридатъ, пользуясь сими обстоятельствами, вступили опять въ свои государства. Римское войско, подъ предводительствомъ Тіагрія, было совершенно разбито. Лукуллъ хотѣлъ поправить сію неудачу; но онъ остался безъ воиновъ.

687. Законъ Миніліевъ передаетъ начальство надъ сею войною Помпею.

Сіе обстоятельство сколько было постыдно для республики, столько благопріятно для Помпея. Побѣдитель разбойниковъ находился въ Азіи. Его приверженцы ревностно воспользовались симъ случаемъ. Трибунъ Манилій предложилъ вызвать Лукулла и поручить Помпею начальство надъ войною съ Митридатомъ и Тиграномъ, съ возложеніемъ на него всей власти, данной ему закономъ Габинія. Почему довѣрили ему всѣ силы государства и здѣлали его полновластнымъ повелителемъ на

землѣ и на морѣ. Равностнѣйшіе граждане на сіе возроптали. Но Цесарь, льстившій народу, дабы самому возвыситься превыше законовъ; Цицеронъ, бывшій тогда Преторомъ, и имѣвшій нужду въ дружествѣ съ Помпеемъ, и другія знаменитыя особы, увлекаемыя всеобщимъ стремленіемъ, или руководимые собственными выгодами, или ослѣпленные славою сего полководца, поддержали законъ Маниліевъ. Народъ предавался слѣпо своей наклонности и не предусматривалъ, что онъ со временемъ можетъ быть ея жертвою.

Помпей, по лицемѣрію своему, скрываетъ честолюбіе.

Отсюда видно, сколько гибкость честолюбія бываетъ иногда подла и груба. Помпей употребилъ все для успѣха въ семъ дѣлѣ. Когда онъ получилъ о семъ извѣстіе, то скрылъ радость свою подъ личиною скорби. »Конечно, говорилъ онъ, »никогда не вкушать мнѣ покоя, никогда »не живать въ уединеніи съ любезною »супругою. Какъ щастливы тѣ люди, кои »проводятъ мирные дни свои въ нѣдрѣ »неизвѣстности!« Сіе лицемѣріе оскорбило самыхъ друзей его; но чернь, безъ сомнѣнія, была онымъ обманута. Такъ легко наружность обманываетъ простый народъ!

Онъ унижаетъ подвиги Лукулла.

Ежели бы Помпей достоинъ былъ своего щастія, по крайней мѣрѣ онъ уважилъ бы достоинства и заслуги Лукулла. Напротивъ онъ старался его унизить и очернить злобно. По словамъ Помпея, Лукуллъ здѣлалъ маловажные успѣхи, и

Ихъ взаимные упреки.

богатства были главною цѣлію его войны. Лукуллъ, оскорбленный язвительною клеветою своего соперника, справедливѣе укорялъ его въ томъ, что онъ хотѣлъ присвоить себѣ всю славу другаго; что домогался начальства противъ враговъ, уже побѣжденныхъ; что приходилъ къ концу каждой войны для похищенія у полководца чести за окончаніе оной; что онъ подобенъ тѣмъ робкимъ птицамъ, кои нападаютъ только на трупы. Свиданіе Лукулла съ Помпеемъ воспламенило ихъ взаимную вражду. Впрочемъ почтили Лукулла торжественнымъ вѣздомъ; ибо побѣды его не могли быть забыты.

Уединеніе Лукулла.

Лукуллъ провелъ остатокъ дней своихъ въ уединеніи веселомъ, но посвященномъ наукамъ и дружеству. Никто не превосходилъ его въ пышности и роскоши, кои, послѣ завоеваній въ Азіи, должны были перемѣнить совершенно нравы въ Римѣ. Дворецкой его приготовилъ однажды столъ не столь пышный, какъ обыкновенно, потому что тогда никого постороннаго не было; Лукуллъ сказалъ ему съ гнѣвомъ: *развѣ ты не зналъ, что сего дня Лукуллъ долженъ ужинать у Лукулла.* Вотъ одинъ изъ величайшихъ мужей республики, преобразившійся, такъ сказать, въ Сатрапа Персидскаго.

Его пышность.

Побѣжденный Митридатъ хочетъ

Митридатъ, ослабѣвшій отъ толикихъ неудачъ и оставленный своими союзниками, коихъ коварство, или ужасъ заставили

перейти на сторону Римлянъ, скоро изнемогъ отъ усилій врага, гораздо его превосходнѣйшаго. Онъ обратился въ бѣгство и занялъ Босфоръ. Онъ не потерялъ нисколько своего мужества. Митридатъ намѣревался внести войну въ Италію и итти по слѣдамъ Аннибала, какъ Фарнакъ, одинъ изъ сыновей его, взбунтовался противъ него. Царь, осажденный въ замкѣ, опасаясь, чтобъ его не выдали Римлянамъ, пищетно хотѣлъ прекратить жизнь свою ядомъ, и велѣлъ умертвить себя одному вѣрному невольнику. Говорятъ, будто онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ пріучилъ себя къ лекарствамъ, уничтожающихъ ядъ, такъ что оный не могъ ему быть вреденъ. Мучительная недовѣрчивость даже къ своему семейству не защитила его отъ измѣны. Митридатъ, всегда окруженный врагами домашними, около сорока лѣтъ противуборствовалъ со славою Римлянамъ. По полученіи извѣстія о его смерти, радость Римлянъ выступила изъ должныхъ предѣловъ, и Фарнаку отдали Босфорское царство въ награду за отцеубійство. Понтъ присоединенъ былъ къ провинціи Виѳинской.

внести войну въ Испанію.

Сынъ его за вѣроломство награжденъ Римлянами.

Походы Помпея въ Азію.

Помпей, вмѣсто преслѣдованія Митридата, ударилъ на Сирію, царство всегда раздираемое внутренними войнами. Тиграна владѣлъ оною осмьнадцать лѣтъ. Лукуллъ возвелъ на царство сіе Антіоха XIII, проименованнаго Азіятскимъ, законнаго наслѣдника. Помпей свергнулъ съ престола

сего Государя, можетъ быть для того только, чтобъ истребить слѣды Лукулла. Онъ обратилъ Сирію въ Римскую провинцію безъ всякаго сопротивленія. Перешелъ въ Іудею; объявилъ себя защитникомъ Гиркана противъ Аристовула, брата его, оспоривавшаго у него корону; вошелъ силою въ храмъ Іерусалимскій; взялъ въ плѣнъ Аристовула; возвратилъ Гиркану званіе Первосвященника, съ титуломъ Государя Іудейскаго. Раздѣливъ войскамъ великое количество денегъ, по мнѣнію Аппіана, до шестнадцати тысячъ талантовъ, возвратился въ Римъ. Каждый пѣхотный воинъ имѣлъ при себѣ тысячу пять сотъ драхмъ. Такимъ образомъ полководцы покупали себѣ приверженцевъ и воиновъ на щетъ республики.

Онъ обогащаетъ своихъ воиновъ и приверженцевъ.

Помпей никогда не подражалъ обыкновеннымъ примѣрамъ роскоши и пышности; но онъ не препятствовалъ друзьямъ своимъ предаваться всякому своеволію; отдавалъ цѣлые народы въ жертву ихъ сребролюбію и грабительствамъ. Димитрій, вольноотпущенникъ Помпея, собравъ безчисленныя богатства, началъ показывать наглость раба, достигшаго высочайшей степени могущества. Можно ли похвалить за скромность того человѣка, коего друзья и даже рабы, въ надеждѣ на его могущество, считаютъ для себя все позволеннымъ.

Помпей позволяетъ все друзьямъ своимъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Заговоръ Катилины.—Триумвирство Помпея, Красса и Цесаря.

До возвращенія Помпея въ Римъ, злодѣйство гражданъ едва не погребло республики подъ ея развалинами. Сергій Катилина, человѣкъ знатнаго происхожденія, пылкаго ума, способный на всѣ предпріятія, въ прочемъ хитрый, вошедшій въ чрезмѣрные долги и не имѣющій другаго средства, кромѣ отчаянія, оскверненный злодѣяніями, вознамѣрился истребить Сенаторовъ и, по примѣру Силлы, присвоить себѣ верховную власть. Для достиженія цѣли своей онъ употребилъ всѣ соблазнительныя средства: деньги, забавы, обѣщанія, надежды. Распутные, недовольные, честолюбивые, раззорившееся и жадное дворянство, народъ слѣпый и вѣтренный, каждый по особеннымъ страстямъ своимъ, толпами приставали къ его сторонѣ. Потребенъ былъ великій умъ для спасенія республики. Слава сія была предоставлена Цицерону. Заговоръ Катилины.

Сей знаменитѣйшій ораторъ, коего дарованіямъ, просвѣщенію и добродѣтелямъ еще бы болѣе удивлялись, ежели бы пщеславіе нѣсколько не помрачило блеску оныхъ, въ то время домогался консульскаго достоинства, когда злоумышленія Катилины открыты были ему одною женщиною. 690. Заговоръ открытъ Цицерону.

Курій, одинъ изъ злоумышленниковъ, влюбленъ былъ въ Фульвію. Онъ пожертвовалъ ей всемъ своимъ имуществомъ, и видя съ ея стороны презрѣніе къ нему, льстился, что открытіемъ ей злоумышленія и обѣщаніемъ ей богатствъ, ожидаемыхъ отъ онаго, получитъ ея благосклонность. Женщина, невѣрная своему мужу, не устыдилась измѣнить любовнику, ею оставленному. Фульвія разсказала; Цицеронъ развѣдалъ тайну. Тайна сія послужила ему лучшимъ средствомъ къ полученію консульства, не смотря на происки дворянства, презиравшаго его, какъ человѣка новаго. Изключили его совмѣстника Катилину; Цицерону дали въ товарищи Антонія, который, по безпечности своей, могъ уступить ему всю славу въ правленіи.

Цицеронъ достигаетъ консульства.

Неистовствующій Катилина, подвигнутый снова ко мщенію, принимается за исполненіе своихъ предпріятій. Назначенъ былъ день для зажигательства различныхъ домовъ въ городѣ, дабы во время сего пожара удобнѣе убить первыхъ Сенаторовъ, а особливо Цицерона, овладѣть Капитоліею, возобновить и даже превзойти во всѣхъ ужасахъ Силлу. Но Цицеронъ неусыпно пекся о республикѣ, и ничто не укрывалось отъ его прозорливости. Законы не позволяли взять подъ караулъ виновныхъ прежде обличенія. Сіе злоупотребленіе свободы, во времена столь опасныя, было, можетъ быть, величайшимъ препят-

Онъ предупреждаетъ послѣдствіе заговора.

ствіемъ для ревности Цицерона. Онъ открываетъ Сенату весь заговоръ. Консуламъ даютъ неограниченную власть, какъ обыкновенно въ величайшихъ опасностяхъ. Не смотря на сіе, Катилина еще дерзаетъ показаться; но пораженный въ полномъ Сенатѣ краснорѣчіемъ оратора, выходитъ изъ города. Цицеронъ собираетъ всѣ потребныя доказательства для разсѣянія сомнѣній народа. Онѣ состояли въ письмахъ Катилины и его главныхъ соучастниковъ: Лентула, Цетеги, Статилія, Габилія. Сіи соумышленники Катилины взяты были подъ стражу, обличены, осуждены на смерть по опредѣленію Сената и казнены ночью въ темницахъ. Идутъ противъ Катилины, который съ шайкою бунтовщиковъ шелъ въ Галлію для возмущенія оной; нападаютъ на него; онъ защищается съ бѣшенствомъ. Катилина побѣжденный бросается въ отчаяніи въ средину сраженія и, пронзенный мечами, умираетъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, кои рождены для произведенія великихъ дѣлъ, но, предавшись страстямъ своимъ, способны бываютъ къ однѣмъ только великимъ злодѣяніямъ.

Катилина побѣжденъ и убитъ.

До открытія заговора Цицеронъ принудилъ даже самый народъ отвергнуть законъ Трибуна Рулла о поляхъ, по которому десяти повѣреннымъ давалась власть на пять лѣтъ, почти безпредѣльная. Таковые законы въ то время, когда добродѣтель была рѣдка, а честолюбіе столь насильственно,

Законъ о поляхъ Рулловъ.

споспѣшествовали только къ изпроверженію государства. Исполненіе оныхъ раждало междоусобныя войны. Повѣренные употребили бы власть, имъ данную, для своего обогащенія; народъ подвергся бы новымъ бичамъ, а республика властителямъ. Руллъ самъ намѣревался владычествовать, и мнимая ревность его ко благу общественному служила личиною для прикрытія собственной корысти.

Начатки Цесаря.

Патриціи, несравненно превосходнѣе Цицирона какъ знатностію своего произхожденія, такъ и важностію дарованій, Юлій Цесарь, зять Цинны, составлялъ въ тайнѣ обширнѣйшіе замыслы. Нѣга, щеголство, своевольство представляли его въ молодыхъ лѣтахъ человѣкомъ веселымъ, отъ котораго Римъ ничего не долженъ ни надѣяться, ни опасаться. Его описали такимъ Силлъ, чтобы спасти отъ изгнанія. Диктаторъ лучше судилъ о семъ. *Развѣ вы не видите*, говорилъ онъ, *въ семъ молодомъ человѣкѣ болѣе, нежели Марія?* Цезарь бѣжалъ тогда. Онъ образовалъ свой умъ и скоро доказалъ великость своего духа. Отправившись въ Родосъ для обученія краснорѣчію, онъ взятъ былъ морскими разбойниками. Цесарь не только не пришелъ отъ сего въ уныніе, но еще и презиралъ разбойниковъ, даже гордо угрожалъ имъ, доколѣ не получилъ великаго количества денегъ, обѣщаннаго имъ за свой выкупъ. Едва онъ вырвался изъ ихъ рукъ, какъ собралъ

нѣсколько кораблей, пустился на нихъ, взялъ ихъ и, какъ угрожалъ прежде, распялъ ихъ на крестѣ. Онъ вступилъ на поприще честолюбія 37 лѣтъ, со всѣми дарами краснорѣчія и глубокой политики. Для привлеченія къ себѣ народа онъ расточилъ отеческое имѣніе на зрѣлища и подарки. Долги его были чрезвычайно велики; но онъ увѣренъ былъ, что уплатитъ ихъ, ежели взойдетъ на степень могущества. Онъ купилъ безъ всякаго зазрѣнія чины и оживилъ останки стороны Маріевой.

Онъ важныя имѣлъ средства для поддержанія своего честолюбія.

Душа его занята была почестями и славою. Онъ, прочитавши нѣкогда жизнь Александра, сказалъ со слезами: *увы! Александръ въ лѣта мои завоевалъ столько государствъ, а я не учинилъ еще ничего достопамятнаго!* Въ другой разъ, проходя мимо одного городка на Альпахъ и слыша одного изъ своихъ, съ насмѣшкою спросившаго, уже ли и здѣсь спорятъ о чинахъ, сказалъ: *лучше бы для меня быть здѣсь первымъ, нежели вторымъ въ Римѣ.* Таковыя черты изображаютъ сущность характера.

Черты, объясняющія его характеръ.

Но Помпей, по возвращеніи въ Римъ въ 692 году, пріобыкши къ начальству и успѣхамъ, не хотѣлъ терпѣть ни высшаго, ни равнаго. Онъ во время великолѣпнаго торжества блеснулъ всемъ, что могло ослѣпить народъ и затмить славу другихъ полководцевъ: списокъ его завоеваній былъ весьма великъ, а добычи не менѣе. Онъ, будучи отъ природы врагъ всякаго насилія,

Онъ примиряетъ искусно Помпея съ Крассомъ для поддержанія себя ихъ довѣріемъ.

можетъ быть, болѣе по слабости души, нежели по благоразумію, распустилъ, по приходѣ своемъ, воиновъ и льстился безъ помощи ихъ остаться обладателемъ республики. Но Помпей увидѣлъ въ Крассѣ противника, который чрезмѣрнымъ богатствомъ привлекъ множество людей на свою сторону. Сіи два соперника ненавидѣли другъ друга; они колебали равновѣсіе въ Сенатѣ. Цесарь, послѣ похода въ Испанію, желая быть Консуломъ, и имѣя нужду въ томъ и другомъ, но не могши привлечь къ себѣ одного, не сдѣлавшись врагомъ другаго, изобрѣлъ для сего иную политику, ему только свойственную. Онъ примирилъ ихъ; соединилъ свои выгоды съ ихъ выгодами, или лучше, онъ посредствомъ сего примиренія успѣлъ основать выгоды свои на ихъ довѣріи. Катонъ, столь знаменитый по своей стоической добродѣтели, выступающей изъ должныхъ предѣловъ, предусмотрѣлъ, что тріумвирство сіе есть начало неминуемаго разрушенія свободы. Впрочемъ радовались таковому примиренію, которое, по видимому, погашало раздоры.

Тріумвирство.

Катонъ предусматриваетъ послѣдствія онаго.

Цесарь издаетъ законъ о поляхъ благоразумнѣе прежнихъ законовъ.

Едва Цесарь посредствомъ Помпея и Красса получилъ консульство, какъ, для большей привязанности къ своей сторонѣ народа, предложилъ законъ о поляхъ. Законъ сей не могъ, подобно прежнимъ, имѣть дурныхъ послѣдствій. Онъ относился только до нѣкоторыхъ земель въ Кампаніи, кои

надлежало раздѣлить 20,000 бѣдныхъ гражданъ, имѣющимъ по крайней мѣрѣ трехъ сыновей. Сверхъ того онъ былъ такъ искусно изданъ, что уничтожалъ всякое подозрѣніе въ самовластіи. Впрочемъ Катонъ, Консулъ Бибулъ и большая часть Сенаторовъ объявили свое несогласіе. Перенесли къ народу. Помпей и Крассъ вступились жарко за законъ. Бибулъ былъ выгнанъ изъ собранія съ безчестіемъ; Сенатъ не смѣлъ болѣе противиться. Съ сего дня власть консульства осталась вся въ рукахъ одного; товарищъ Цесаря не смѣлъ уже показаться. Цицеронъ забавно сказалъ, что консульство сіе было не Цесаря и Бибулла, но Юлія и Цесаря.

Его политика въ разсужденіи связи съ Помпеемъ и безопасности со стороны Цицерона.

Цесарь съ несказаннымъ искусствомъ приближался къ своей цѣли. Онъ отдаетъ дочь свою въ супружество за Помпея, опасаясь, чтобъ ревностные граждане не лишили его сей подпоры. Выдаетъ законъ, по которому обязываютъ Сенаторовъ и судей присягнуть, что они никогда ничего не возразятъ противъ того, что собранія народныя рѣшили во время его консульства. Опасаясь ревности и краснорѣчія Цицеронова, доставляетъ трибунство безпокойному Клодію, смертельному врагу оратора, происходящему отъ патриціевъ, но усыновившемуся въ племени разночинцовъ, для полученія трибунства надъ народомъ, тому Клодію, совершенному нечестивцу, который недавно обвиненъ былъ въ осквер-

неніи таинствъ *Благой богини* (Bonae deae) и въ непозволенномъ обхожденіи съ самою женою Цесаря. Наконецъ Цесарь получаетъ на пять лѣтъ управленіе Галліями (Цизальпинской и Транзальпинской) и 4 легіона; онъ предусмотрѣлъ, что посредствомъ воинской силы можно будетъ исполнить всѣ свои намѣренія. Катонъ сказалъ тогда: *мы поставили себѣ царя и поселили его съ своими тѣлохранителями въ нашей крѣпости.*

695. Клодій притѣсняетъ Цицерона.

Вскорѣ потомъ Клодій предлагаетъ на утвержденіе законъ, которымъ объявляется государственнымъ преступникомъ тотъ, кто умертвилъ гражданина до суда народнаго. Вотъ хитрое нападеніе на Цицерона, который до сихъ поръ не проникалъ цѣли тріумвирства. Соумышленники Катилины умерщвлены были безъ приговора народнаго; но Цицеронъ дѣйствовалъ по Сенатскому опредѣленію, и необходимость обстоятельствъ оправдывала его поступокъ. Коль скоро увидѣлъ онъ, что на него нападаютъ, то слабость характера взяла верхъ надъ умомъ его. Онъ погрузился въ уныніе; съ покорностію, въ печальномъ одѣяніи началъ просить помощи, и не нашелъ оной. Неблагодарный Помпей затворилъ ему входъ къ себѣ; сей самый Помпей, который, осыпая его лестными похвалами, недавно говорилъ: *я оказалъ услуги республикѣ, а онъ спасъ ее.* Цицеронъ предупредилъ опредѣленіе о своемъ изгнаніи, выѣхалъ изъ Рима и удалился въ Грецію.

Чрезмѣрная скорбь, горестныя жалобы на лучшихъ друзей служатъ доказательствомъ, что философія, которою онъ величался, не столько находилась въ душѣ его, сколько на словахъ.

Онъ удаляетъ и Катона.

Клодій хотѣлъ также удалить и Катона, того знаменитаго республиканца, который непрестанно вооружался противъ пороковъ и тиранніи. Онъ заставилъ поручить Катону свергнуть съ престола Птоломея, Царя Кипрскаго, коего царство, по мнимымъ правамъ, присвояли себѣ Римляне. Трибунъ, врагъ личный Царя сего, обвинилъ его, какъ врага республики. Птоломей, не дождавшись Катона, отравилъ себя ядомъ.

Царства, отказанныя республикѣ.

Птоломей Александръ, Царь Египетскій, изгнанный Александрійцами, отказалъ республикѣ не только Кипръ, но и самый Египетъ. Онъ отдавалъ то, что потерялъ, вѣроятно для отмщенія похитителю. По какой бы причинѣ три другіе Монарха отказали также свои государства! *Вотъ обыкновеніе весьма странное*, говоритъ Ролленъ, *которое подлинно много приноситъ чести тѣмъ, для кого оно установлено!* Скажемъ лучше, что оно есть слѣдствіе или хитрой политики Рима, или ужаса имени Римскаго. Римляне, сіи тиранны Царей и народовъ, подавляли все какъ своими грабительствами, такъ и оружіемъ. И еще ли отказанныя царства будутъ почитать жертвою ихъ добродѣтелямъ!

Наконецъ Помпей примѣтилъ свои ошибки.

696. Помпей вызываетъ изъ ссылки Цицерона, который доставляетъ ему новую власть.

Клодій пересталъ уважать его; и первый походъ Цесаря въ Галлію запмилъ, по видимому, всю его славу. Помпей, гнѣваясь на одного, завидуя другому, постарался возвратить изъ ссылки Цицерона, котораго онъ столь подлымъ образомъ отъ себя отвергъ. Ораторъ, по возвращеніи своемъ, осыпанъ былъ почестями; онъ проѣхалъ Италіею, какъ бы въ торжествѣ. Цицеронъ тотчасъ употребилъ довѣренность свою у Римлянъ въ пользу Помпея. По случаю недостатка въ хлѣбѣ, онъ доставляетъ Помпею на пять лѣтъ смотрѣніе надъ припасами во всей имперіи, съ чрезмѣрно великою властію. Такими порученіями привыкали ввѣрять общественное благосостояніе въ руки нѣкоторыхъ честолюбцевъ и пріучали ихъ составлять изъ онаго собственное свое благополучіе.

697. Тріумвирамъ уступлено на пять лѣтъ начальство.

Тріумвиры, имѣя другъ въ другѣ нужду, соединились между собою новыми узами. Помпей и Крассъ получили консульство и управленіе важными провинціями: первый имѣлъ Испанію; вторый Сирію, Египетъ и Грецію, оба на пять лѣтъ. Друзья Цесаревы съ тѣмъ только на сіе согласились, чтобъ позволили и ему также на пять лѣтъ управленіе Галліями. Сіи три полководца имѣли полную власть набирать столько войскъ и требовать отъ Царей и народовъ, союзныхъ Риму, столько денегъ и пособій, сколько они заблагоразсудятъ. И такъ они могли располагать всѣмъ самовластно.

Помпей почти царствовалъ въ Римѣ и опасался удалиться изъ онаго: онъ посылалъ въ Испанію только своихъ намѣстниковъ, какъ посылаетъ Государь чиновниковъ въ провинціи. Крассъ, который собиралъ сокровища на сокровища, который говорилъ, что гражданинъ ни сколько не богатъ, ежели онъ не можетъ содержать войска; который безъ сомнѣнія самъ среди обилія своего почиталъ себя бѣднымъ, Крассъ тотчасъ отправился въ Азію, гдѣ надѣялся насытить свою жадность. Онъ, разграбивши храмъ Іерусалимскій, отправился въ безразсудный походъ противъ Парѳянъ, не имѣя другой причины къ войнѣ, кромѣ своего обогащенія. Но Парѳяне были народъ воинственный, ужасный даже и въ бѣгствѣ своемъ по причинѣ искусства стрѣлять изъ лука и управлять лошадьми. Войско Римское было истреблено совершенно; Крассъ убитъ и съ своимъ сыномъ. Онъ составлялъ равновѣсіе между Цесаремъ и Помпеемъ. Смерть его должна была разрушить сіе равновѣсіе и возжечь раздоры. Въ Римѣ видѣли одни только мятежи и раздоры всякаго рода. Тамъ все продавалось явно: насиліе соединялось съ происками; деньгами покупали голоса; съ мечемъ нападали на своихъ соперниковъ; законы были попраны; мятежники жертвовали всѣмъ для личной своей пользы. Милонъ убилъ Клодія, и сіе убійство было знакомъ къ сраженіямъ и возмущеніямъ внутри города.

700. Крассъ разбитъ и убитъ Парѳянами.

Убійство Клодія.

701. Помпей одинъ Консуломъ.

Приверженцы Помпея успѣли сдѣлать его Диктаторомъ Сего то онъ и домогался тайно. Катонъ для защищенія свободы и удержанія Помпея подъ игомъ законовъ, предложилъ избрать одного Консула, потому что онъ бы по крайней мѣрѣ оставался обязаннымъ давать отчетъ въ своихъ поступкахъ. Сему не бывало еще примѣра, однако такъ случилось. Помпей былъ одинъ Консуломъ. Ему поручили новыя войска и дали 1000 талантовъ доходу для содержанія его воиновъ; оставили за нимъ управленіе Испаніею, съ позволеніемъ посылать туда намѣстниковъ. Къ концу своего консульства онъ избралъ себѣ товарища. Вотъ ложная скромность для ослѣпленія Сенаторовъ!

Онъ нарушаетъ свои законы.

Два новые закона, обнародованные имъ противъ насилія и происковъ, хороши бы были, ежели бы исполненіе оныхъ было возможно. Милонъ осужденъ былъ на изгнаніе за убійство Клодія, не смотря на краснорѣчіе Цицерона, друга его и защитника. Таково было слѣдствіе перваго закона; но Помпей самъ явно нарушилъ вторый законъ, ибо онъ началъ защищать Метелла Сципіона, обвиненнаго въ происках и почти приговореннаго къ наказанію. Когда сила и корысть владычествуютъ, то воля сильнаго остается единственнымъ закономъ.

Тяжба Милонова.

Тяжба Милонова послужила также причиною къ ужаснѣйшему безпорядку. Бѣшеная чернь сперва угрожала его защитникамъ,

Помпей приказалъ взять оружіе и окружилъ стражею площадь (forum) для укрощенія народа. Сіе военное приготовленіе, до того времени неслыханное, новое смятеніе, вопли приверженцевъ Клодія устрашили Цицерона. Рѣчь его была слаба въ сравненіи съ тою, которую онъ написалъ послѣ суда. Милонъ былъ обвиненъ, и по справедливости. Онъ, не дождавшись приговора, самъ по себѣ уѣхалъ въ Марсель. Когда Цицеронъ послалъ ему сіе превосходное произведеніе, онъ, прочитавши, сказалъ: *какое благополучіе, что онъ дѣйствительно и не сказалъ сей рѣчи! я не ѣлъ бы столь прекрасныхъ смоквъ.* Милонъ былъ всегда твердъ: онъ выдержалъ духъ сей и въ заточеніи, и характеръ его представляетъ удивительную противоположность въ разсужденіи духа Цицеронова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Завоеваніе Галліи Римлянами — Помпей въ распрѣ съ Цесаремъ. — Междоусобная война.

Успѣхи Цесаря въ Галліи съ 696 года отъ созданія Рима.

Цесарь менѣе, нежели въ десять лѣтъ укротилъ Гельвеціанъ, побѣдилъ Аріовиста, Государя Германскаго, похитителя части владѣній у Секвановъ; покорилъ Белговъ, ужаснѣйшихъ изъ Галловъ; обратилъ въ провинцію Римскую всю Галлію и простиралъ ужасъ своего оружія дважды за Рейнъ, дважды въ Великобританію. Къ подвигамъ его относятъ 800 взятыхъ крѣпостей,

300 покоренныхъ народ въ, 3,000,000 человѣкъ побитыхъ на многихъ сраженіяхъ. Галлы были весьма храбры, но раздѣлены на небольшія владѣнія подъ управленіемъ начальниковъ, имѣвшихъ власть весьма ограниченную. Цесарь покорилъ ихъ не только своимъ мужествомъ и воинскими добродѣтелями, но и хитрою политикою; онъ возбуждалъ между ими раздоры, вооружалъ однихъ противъ другихъ и не опускалъ ни одного средства къ распространенію и удержанію за собою завоеваній.

Побѣды его надъ Ферценгеториксомъ.

702. Впрочемъ одинъ знаменитый Арвернецъ Ферценгеториксъ едва не лишилъ его вдругъ всѣхъ завоеваній. Во время отсутствія Римскаго полководца, провождавшаго обыкновенно зимнее время за Альпами, всѣ почти Галлы заключили ужасный союзъ для освобожденія своего отъ ненавистнаго ига. Ферцингеториксъ былъ главою сего союза и показалъ себя того достойнымъ. Цесарь прибѣгаетъ съ неимовѣрною поспѣшностію, преодолѣваетъ всѣ препятствія, разсѣваетъ нещастія; беретъ Аварикъ (Bourges), который защищало многочисленное войско; извѣстясь объ отложеніи Эдуанцовъ, онъ снимаетъ осаду съ Гергобіи въ Овернѣ (можетъ быть Клермонтъ; переходитъ въ бродъ чрезъ Лигеръ (Лоаръ) въ виду непріятелей; разбиваетъ потомъ Ферцингеторикса и принуждаетъ его запереться въ Алезіи или Алексіи (Alise), укрѣпленнѣйшемъ городѣ, лежащемъ на гористомъ мѣстѣ

въ странѣ, нынѣ называемой Оксуа, въ Бургоніи. При осадѣ Алезіи Цесарь показалъ всѣ свои дарованія; производитъ чудеса; обращаетъ въ бѣгство войско, осаждающее его станъ, состоящее изъ 250,000 человѣкъ; принуждаетъ осажденныхъ къ сдачѣ по седмимѣсячномъ сопротивленіи, столь отчаянномъ, что въ военномъ ихъ совѣтѣ предположено было употреблять въ пищу людей безполезныхъ. Таковъ былъ седьмый походъ Цесаря.

Что дѣлаетъ Цесарь для полученія владычества надъ Римомъ.

Неустрашимый, бодрый, неутомимый, всегда готовый къ сраженію, всегда внимательный къ дѣламъ, Цесарь въ то самое время, какъ онъ преслѣдовалъ непріятелей, употреблялъ и происки въ Римѣ; сыпалъ щедро золото для снисканія голосовъ и привлеченія людей на свою сторону: Консулъ Эмилій одинъ стоилъ ему 150 талантовъ. Онъ обогатилъ своихъ чиновниковъ и воиновъ, кои уже мало думали о отечествѣ. У него было 12 легіоновъ, пріобыкшихъ къ побѣдамъ подъ его предводительствомъ, приверженныхъ къ нему любовію и корыстію. Наконецъ онъ, для достиженія владычества, почиталъ все для себя позволеннымъ, и его великій умъ торжествовалъ надъ всѣми препятствіями.

Явная распря между Цесаремъ и Помпеемъ.

Конецъ правленія Цесарева приближался. Безъ начальства надъ войсками Цесарь остался бы простымъ гражданиномъ. Такова была надежда Помпея, который настоялъ, чтобъ немедленно его вызвали въ

Римъ. Но Трибунъ Куріонъ, преданный Цесарю, такъ искусно отвратилъ ударъ сей, что никто не замѣтилъ его въ присіпрастіи. Онъ предложилъ на рѣшеніе, оставлять ли еще при прежней должности сихъ двухъ полководцевъ, равно способныхъ причинить безпокойство республикѣ, или снять съ нихъ начальство. Какъ Помпей, при всемъ своемъ притворномъ хладнокровіи, первый по неосторожности не согласился сложить съ себя начальства; то Куріонъ заключилъ объявить и того и другаго врагами Римскаго народа, ежели они захотятъ удержать за собою правленіе. Цесарь тѣмъ болѣе раздражился, что позволили Помпею, вопреки законовъ, домогаться даже Консульства, хотя онъ не пріѣзжалъ въ Римъ и не выступилъ изъ своей провинціи; впрочемъ предложилъ, что онъ сложитъ съ себя начальство, только бы и соперникъ его отказался отъ онаго. Помпей не столько былъ искусенъ и прозорливъ; онъ увѣренъ былъ, что войска Цесаревы оставятъ своего предводителя, и столько на сіе надѣялся, что сказалъ: *стоитъ только топнуть ногою въ землю, и явится изъ оной войско.* Юлія, жена его, умерла; почему ничто уже не привязывало его къ своему тестю: все заставляло его почитать врагомъ Цесаря.

Помпей, по безразсудной увѣ-

Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, Помпей несогласіемъ своимъ на примиреніе сдѣлалъ междоусобную войну неизбѣжною. Со

стороны его были Консулы и Сенатъ; съ другой народъ и побѣдоносное войско, подъ предводительствомъ величайшаго изъ всѣхъ полководца. Тамъ было болѣе, по видимому, справедливости; здѣсь болѣе искусства, мужества и пособій. Самая очевидная справедливость была бы весьма слаба въ таковыхъ обстоятельствахъ. рительности не соглашается ни на какое примиреніе.

Объявили Цесаря врагомъ Рима, ежели онъ не захочетъ сложить съ себя начальства; поручили Помпею защищать республику, хотя онъ и не былъ Консуломъ. Уже Цесарь на берегу Рубикона, небольшей рѣчки, отдѣляющей Цизальпинскую Галлію отъ Италіи. Большая часть его легіоновъ была еще въ Галліи Транзальпинской. Безъ сомнѣнія, въ семъ заключалась глубокая политика: съ одной стороны Цесарь производилъ въ непріятеляхъ слѣпую самонадѣянность; съ другой онъ запасался средствами къ истребленію войскъ Помпеевыхъ въ Испаніи. Между тѣмъ, по словамъ Плутарха, онъ колеблется сомнѣніемъ на берегу сей рѣки, чрезъ которую переходъ означаетъ явное непріятельское нападеніе. *Ежели я не перейду*, говоритъ онъ, *то погибъ; естьли же перейду, то какія бѣдствія будутъ угрожать Риму!* Но, размысливъ о ненависти враговъ своихъ, вскричалъ: *рѣшено!* Онъ переходитъ чрезъ Рубиконъ; беретъ тотчасъ Римини; производитъ смятеніе въ самомъ Римѣ. Сенатъ объявляетъ о превогѣ, то есть, что городъ 704. Цесарь переходитъ чрезъ Рубиконъ. Римъ въ унынiи.

находится въ опасности, и всѣ граждане должны приняться за оружіе.

705. Междоусобная война Сраженіе на поляхъ Фарсальскихъ.

Не было ничего въ готовности противъ врага столь дѣятельнаго и столь ужаснаго. Цесарь вездѣ находитъ однихъ бѣглецовъ, пристающихъ къ его войскамъ. Помпей уѣзжаетъ изъ города и Италіи. Цесарь, захвативъ государственную казну, и взявъ изъ оной великое множество денегъ, пошелъ для покоренія Испаніи, гдѣ противная сторона была велика. Онъ возвратился побѣдителемъ. Марсель, съ котораго онъ повелъ осаду, и котораго намѣстники его не могли взять, при первомъ появленіи его отворяетъ ворота. Преторъ Эмилій Лепидъ, противъ уставовъ, опредѣляетъ его Диктаторомъ; потомъ сеймы избираютъ Консуломъ. Цесарь идетъ въ Эпиръ за своимъ соперникомъ, вездѣ предлагая ему миръ и вездѣ производя войну съ жаромъ. Помпей, обладатель моря, и имѣя превосходныя силы, опускаетъ случай побѣдить. Цесарь поднялъ лагерь, завелъ его въ Ѳессалію, одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду на поляхъ Фарсальскихъ. Изъ сего дѣйствія замѣтить можно, что превосходство по числу ничего не значитъ въ разсужденіи искусства и мужества. Толпа юныхъ патриціевъ, изнѣженныхъ отъ роскоши, полагались слѣпо на Помпея. Побѣда имъ казалась несомнительною, и они прежде времени раздѣляли плоды оной. Ихъ нетерпѣніе, раздражаемое упомленія-

ми отъ войны и прелестію удовольствій въ Римѣ, много участвовало въ опрометчивости предводителя, которому бы надлежало тщательно избѣгать сего сраженія. Цесарь приказалъ своимъ заслуженнымъ воинамъ поражать патриціевъ въ лице: онъ предвидѣлъ, что страхъ быть обезображенными сдѣлаетъ болѣе на нихъ впечатлѣнія, нежели желаніе славы. Въ самомъ дѣлѣ, они скоро приведены были въ безпорядокъ. Побѣдитель нашелъ въ непріятельскомъ лагерѣ всѣ признаки Азіатской роскоши. 15,000 убитыхъ, 24,000 плѣнныхъ, между тѣмъ какъ Цесарь потерялъ только 200 воиновъ и 30 Центуріоновъ (сотниковъ): вотъ что удивительно въ побѣдѣ даже самаго Цесаря, особливо надъ такимъ непріятелемъ, каковъ Помпей.

Скромность побѣдителя.

Цесарь бросилъ въ огонь бумаги своего соперника, не прочитавши ни одной изъ нихъ. *Для меня лучше*, сказалъ онъ, *не знать злодѣяній, нежели быть принуждену наказывать за оныя.* Онъ тяжело вздохнулъ, взглянувъ на поле сраженія, покрытое трупами; и по крайней мѣрѣ онъ постарался милостію своею загладить бѣдствія, по его словамъ, противъ воли причиненныя.

Дворъ Египетскій приказываетъ умерщ-

Тотъ знаменитый Помпей, который столь долго былъ повелителемъ республики и самаго, такъ сказать, щастія, теперь побѣжденный, обращенный въ бѣгство, блуждаетъ безъ пристанища; наконецъ на-

Взятіе Помпея.

правляетъ путь къ Египту, гдѣ онъ возвелъ на престолъ Птоломея Авлета, свергнутаго Александрійцами. Онъ льстился видѣть признательность со стороны юнаго Птоломея, сына и наслѣдника Авлета. Но въ нещастіи весьма мало остается друзей! Цесарь неутомимо его преслѣдовалъ. Дворъ Египетскій не зналъ, къ которой сторонѣ пристать. По совѣту Ѳеодота, подлаго Ритора, рѣшились на вѣроломное убійство, какъ единственное средство угодить Цесарю. Простерши руки для принятія Помпея, умертвили его. Представили голову его непріятелю; но, вмѣсто ожидаемой радости, Цесарь оказалъ негодованіе и сожалѣніе.

Цесарь вручаетъ Египетъ Клеопатрѣ.

Клеопатра, сестра и жена Царя Египетскаго, по завѣщанію отца своего, должна быть участницею въ коронѣ. Она подтверждала право сіе оружіемъ. Цесарь хотѣлъ прекратить ссору сію именемъ народа Римскаго; но красота Клеопатры, плѣнивъ сердце Цесаря, заставила его сдѣлаться пристрастнымъ. Фотинъ, правитель Птоломея, видя сіе, возбудилъ войну Александрійскую, въ которой погибли и Царь и правитель. Цесарь подвергался величайшимъ опасностямъ. Словесность потерпѣла невозвратную потерю, потому что лучшая часть библіотеки Птоломеевъ содѣлалась добычею пламени.

Война Александрійская.

Цесарь, посадивъ на престолъ Клеопатру, пошелъ скоро на Фарнака, сына Митри-

Побѣда Цесаря

датова, Царя Восфорскаго, который началъ простирать свои завоеванія въ Азіи. Быстрота сего похода оправдываетъ его въ трехъ знаменитыхъ словахъ, коими онъ украсилъ свои побѣды: *пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.* на дъ Фарнакомъ.

Цесарь, опредѣленный Консуломъ на пять лѣтъ, Диктаторомъ на одинъ годъ, начальникомъ несмѣннымъ трибунскаго собранія, имѣющій право заключать миръ и вести войну по своему произволенію, по истеченіи двухъ лѣтъ послѣ перехода чрезъ Рубиконъ, явился опять въ Римѣ съ неограниченною властію; онъ не только власти своей, по примѣру Силлы, не утверждалъ кровію гражданъ, но съ удовольствіемъ простилъ имъ, даже осыпалъ благодѣяніями многихъ изъ главныхъ враговъ своихъ. Не всѣ были еще укрощены. Во время пребыванія его въ Египтѣ, гдѣ безумная страсть препятствовала ему вникать въ дѣла свои, Сципіонъ, Катонъ, съ сыновьями Помпеевыми, и другіе республиканцы собрали силы въ Африкѣ. Катонъ отказался отъ начальства надъ войскомъ, потому что оно принадлежало Сципіону, такъ какъ бывшему Консуломъ. У нихъ былъ союзникомъ Юба, Царь Мавританскій. Они начали приготовляться къ храброму защищенію. Но кто могъ побѣдить Цесаря! 706. Онъ возвращается въ Римъ обладателемъ.

Цесарь, переправившись чрезъ море безъ военныхъ снарядовъ и запасовъ, скоро показалъ новые опыты своего превосходства. Африканская война.

Онъ хотѣлъ сразиться. Непріятелямъ надлежало избѣгать сраженія. По долговременныхъ движеніяхъ, наконецъ онъ заманилъ ихъ подъ стѣны Ѳаспа, держаннаго имъ въ осадѣ, разбилъ ихъ, и имѣлъ быстрые успѣхи. Катонъ безполезно совѣтовалъ избѣгать сраженія. Онъ, запершись въ Утикѣ, воскресилъ, по видимому, Римскій Сенатъ и свободу. Наконецъ надежды его изчезли. Онъ видитъ повсюду отчаяніе; заставляетъ друзей своихъ бѣжать или просить помилованія у побѣдителя. Что-жъ касается до него, онъ, рѣшившись, съ потерею свободы отечества, кончитъ жизнь свою, побесѣдовавъ спокойно съ двумя философами; потомъ, прочитавши Платоновъ разговоръ о безсмертіи души и посмотрѣвъ на остріе меча своего, сказалъ: *наконецъ я властенъ надъ собою.* Засыпаетъ; пробудившись, умерщвляетъ себя. Прибѣгаютъ на шумъ, перевязываютъ рану; онъ снова открываетъ ее и умираетъ. Цесарь, извѣстившись о семъ, сказалъ: *о Катонъ! я завидую смерти твоей, потому что ты завидовалъ мнѣ въ славѣ сохранить жизнь твою.* Спасти такого врага дѣйствительно было славнѣе, нежели побѣдить его. Ничто болѣе не противилось въ Африкѣ. Юба изъ отчаянія умертвилъ себя; Сципіонъ погибъ; дѣти Помпеевы уѣхали въ Испанію.

Катонъ убиваетъ себя.

Ежели бы Катонъ не простиралъ своей добродѣтели до изступленія, и вмѣсто

Сей добродѣтельный

строгаго нападенія на нравы своего вѣка искалъ бы средствъ удобныхъ для исправленія безпорядковъ: то любовь его къ отечеству и великость души много бы произвели добраго, или бы множество отвратили золъ. Но замѣчаніе Цицерона справедливо: *послику онъ велъ себя какъ бы въ республикѣ Платоновой, а не какъ среди выродковъ Ромуловыхъ*, почему строгость его рѣдко была полезна, а иногда и вредна. Прошли уже времена Фабриціевы. Римъ, развратившись совершенно, не могъ уже управляться древними республиканскими правилами. И такъ, должно было соображаться въ оныхъ съ обстоятельствами и нуждами. Катонъ, соблюденіемъ сихъ великихъ правилъ добродѣтели, пришедшихъ въ забвеніе, заслужилъ почтеніе. Чрезмѣрно строгое соблюденіе оныхъ отклонило его отъ цѣли. Мудрость должна ли покушаться на невозможное?

Римлянинъ имѣлъ недостатокъ въ благоразумии.

Сверхъ того въ добродѣтели Катоновой замѣчаютъ такія странности, кои почти всегда показываютъ болѣе слѣпой ревности, нежели благоразумія. Онъ часто показывался въ народѣ безъ нужнаго одѣянія, дабы пріучиться, какъ говорилъ онъ, ни отъ чего не краснѣть, кромѣ въ самомъ дѣлѣ постыднаго. Не смотря на великую любовь къ женѣ своей Марціи, отъ которой у него было много и дѣтей, онъ уступилъ ее Гортензію, а по смерти сего Римлянина опять взялъ ее къ себѣ. Посмѣяніе ни-

Его добродѣтель, простирающаяся за предѣлы.

сколько его не оскорбило; потому что обида, по его правиламъ, не могла до него дойти. Уважимъ въ немъ великаго человѣка, добродѣтельнаго гражданина, мученика за свободу и законы; но признаемся, что добродѣтель благоразумная болѣе достойна любви смертныхъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Цесарь дѣлается обладателемъ республики. Смерть его.

708. Чрезмѣрныя почести, оказанныя Цесарю.

Почести, оказанныя Цесарю по возвращеніи его, ясно доказываютъ, что оставалась уже одна только тѣнь республики. Принесли торжественное благодареніе богамъ за его побѣды; оставили его еще Диктаторомъ на десять лѣтъ, а потомъ и на всю жизнь; поручили ему, подъ именемъ *преобразователя нравовъ*, всю власть цензорства, которое прежде исправляли два начальника; объявили его особу священною и неприкосновенною; поставили статую его подлѣ статуи Юпитеровой съ сею святотатственною надписью: *Цесарю полубогу* Опредѣлили ему четыре торжества за побѣды въ Галліяхъ, Египтѣ, надъ Фарнакомъ и Юбою. Поднесли ему золотые и серебряные сосуды, цѣною въ 65,000 талантовъ.

Его расточительность.

Щедрость Цесаря къ воинамъ и народу, столы, игры, великолѣпныя зрѣлища, очаровали чернь, которую прелесть забавъ подвергала рабству. Двадцать двѣ тысячи

столовъ, накрытыхъ въ улицахъ города для празднества, даютъ знать о его расточительности. Нравы столько унизились, что всадники Римскіе не устыдились сражаться съ гладіаторами.

Кротость Цесаря, рачительность въ правленіи и мудрыя узаконенія служили лучшими средствами для прикрытія его честолюбивыхъ намѣреній. Онъ возстановилъ порядокъ въ Римѣ; привлекъ въ оный гражданъ; возбудилъ къ народонаселенію наградами; пресѣкъ излишнюю роскошь; положилъ одинъ годъ для преторства и два для консульства.

Онъ возстановляетъ порядокъ и учреждаетъ благоразумныя узаконенія.

Цесарь, въ званіи первосвященника, исправилъ календарь. Прежде бывшіе первосвященники, то по невѣжеству, то по корыстолюбію своему, страннымъ образомъ запутали оный. Годъ состоялъ изъ двенадцати лунныхъ мѣсяцевъ. Надлежало прибавлять чрезъ каждые два года высокосный мѣсяцъ изъ двадцати двухъ или трехъ дней попеременно; но прибавляли, или опускали высокосъ произвольно, судя по тому, сократить ли, или продлить надобно время для правительства. Почему порядокъ совершенно былъ разрушенъ. Созигенъ, Астрономъ Александрійскій, пояснилъ сіе затрудненіе, и Цесарь учредилъ солнечный годъ изъ трехъ сотъ шестидесяти пяти дней, съ прибавленіемъ высокоснаго дня чрезъ четыре года. Въ первый годъ должно было, сверхъ высокоснаго мѣ-

Онъ исправляетъ календарь, который былъ запутанъ первосвященниками.

сяца, присовокупишь еще шестьдесятъ семь дней.

Сіе прекрасное дѣло подверглось порицанію.

Сіе столь достохвальное дѣло, такъ какъ противное принятымъ обыкновеніямъ и простонароднымъ понятіямъ, подверглось порицанію. Хотя Цицеронъ могъ болѣе прочихъ чувствовать всю важность онаго, однакожъ непристойнымъ образомъ надъ симъ издѣвался. Онъ, услышавши нѣкогда, что одно созвѣздіе должно было взойти завтра, сказалъ: *Да, и при томъ по приказанію Цесаря.* СейОраторъ жертвовалъ всемъ остротъ словъ своихъ. Истинный мудрецъ можетъ ли когда нибудь почесть для себя несправедливость позволенною?

Цесарь опредѣленъ несмѣннымъ Диктаторомъ послѣ сраженія при Мундѣ.

Когда два Помпеева сына усилились въ Испаніи, Цесарь, тотчасъ пришедши туда, своею побѣдою при Мундѣ нанесъ послѣдній ударъ свободѣ. Онъ, какъ самъ говорилъ, въ другихъ мѣстахъ сражался для побѣды, но при Мундѣ сразился за себя. Толикимъ онъ подвергался опасностямъ, прежде нежели сдѣлался побѣдителемъ! *Развѣ не стыдно вамъ предавать меня дѣтямъ?* многократно говорилъ онъ своимъ воинамъ въ жару сраженія. Онъ въѣхалъ въ Римъ торжественно, какъ бы съ побѣды надъ врагами республики. Тогда, сдѣлавшись несмѣннымъ Диктаторомъ и повелителемъ, началъ еще болѣе стараться о привлеченіи къ себѣ сердецъ и умовъ. Распустилъ отъ себя даже тѣлохранителей; приказалъ снова воздвигнуть всѣ ста-

туи Помпеевы; умножилъ число судебныхъ мѣстъ для умноженія наградъ; щедро облагодѣтельствовалъ даже многихъ враговъ своихъ; наполнилъ Сенатъ своими приверженцами, но унизилъ его тѣмъ, что присовокупилъ къ нему 600 Сенаторовъ, большею частію недостойныхъ сего званія. Они были необходимыя орудія для его честолюбія. Военный титулъ Imperator (Императоръ), даваемый прежде воинами для одной почести, не оставался уже при военачальникахъ послѣ торжества за побѣды; но оный скоро будетъ титуломъ верховной власти.

709. Онъ раздражаетъ республиканцевъ.

Нѣкоторые ревностные республиканцы ужасались власти, разрушающей республику. Диктаторъ раздражилъ ихъ своею гордостію или неосторожностію. Однажды весь Сенатъ пришелъ къ нему для возложенія на него новыхъ почестей; а онъ не всталъ и съ мѣста своего. Сей знакъ презрѣнія оскорбилъ и самый народъ. Нѣсколько времени спустя, Маркъ-Антоній, товарищъ Цесаря въ консульствѣ, предложилъ ему при собраніи народномъ корону. Отказъ отъ оной произвелъ плески; но намѣреніе Цесаря было узнать расположеніе народа, и скоро замѣтили, что онъ желалъ титула царскаго, столь ненавистнаго для народа. Иногда слово много дѣйствуетъ на людей. Цесарь имѣлъ верховную и неограниченную власть; для чего же ему требовать титула, который могъ только взволновать умы?

Заговоръ Кассія и Брута.

Вскорѣ составился заговоръ. Кассій былъ главою онаго. Онъ принудилъ приступить къ нему Марка Брута, потомка перваго Консула, зятя и подражателя Катонова, котораго Цесарь любилъ какъ своего сына, котораго осыпалъ милостями, спасши его отъ смерти, и почиталъ своимъ другомъ; впрочемъ не могъ укротить его ненависти къ похищенному владычеству. Безымянныя письма, найденныя Брутомъ (онъ былъ тогда Преторомъ) на своемъ преторскомъ мѣстѣ, возбудили въ душѣ его республиканскія чувства. *Ты слишъ, Брутъ*, замѣчали ему: *ты теперь уже не тотъ*. И такъ Кассій, поколебавъ Брута стороною, наконецъ убѣдилъ его своими разговорами.

Мужество Порціи.

Порція, дочь Катонова, супруга Брутова, примѣтила, что мужъ ея былъ въ ужасномъ волненіи и скрывалъ отъ нее нѣчто важное. Она для испытанія силъ своихъ въ перенесеніи боли здѣлала на ногѣ у себя глубокую рану. Увѣрившись, что и въ самомъ мученіи можетъ сохранить тайну, она показала рану свою Бруту, увѣдомила его о причинѣ сего мужественнаго поступка и получила желаемую довѣренность. *Дай Богъ*, вскричалъ Брутъ, *чтобъ я показалъ себя достойнымъ супругомъ Порціи!* Душа Катонова дышала въ сей женщинѣ, которую философія вознесла превыше мужей того вѣка. Впрочемъ въ назначенный день для исполненія заговора она не могла преодолѣть себя. Она, нахо-

дясь въ сильномъ безпокойствѣ, смущаясь при малѣйшемъ шумѣ, посылала одного человѣка за другимъ для освѣдомленія о мужѣ. Наконецъ упала въ обморокъ; ее почли умершею, извѣстили тотчасъ о семъ Брута. Онъ пораженъ былъ величайшею скорбію, однакожъ не сошелъ съ своего мѣста. Женщина можетъ спорить съ мущиною въ мужествѣ, хотя и не можетъ преодолѣть чувствительности, которая въ самомъ мужествѣ часто обнаруживаетъ слабость.

Цесарь умерщвленъ.

Надлежало умертвить Диктатора при полномъ Сенатѣ, когда онъ готовился итти войною въ Азію противъ Парѳянъ для отмщенія за пораженіе Красса. Подозрѣнія, предчувствія болѣе, нежели мнимыя предсказанія, помѣщенныя во всѣхъ исторіяхъ, привели его въ недоумѣніе, итти ли ему въ собраніе. Но представляя слова льстецовъ своихъ, что жизнь его соединена съ благомъ республики, и что никто не отважится покуситься на оную, онъ подвергся опасности безъ всякой осторожности. Злоумышленники извлекаютъ кинжалы свои и поражаютъ его. Цесарь, взглянувъ на Брута, вскричалъ: *И ты также, сынъ мой Брутъ!* Тогда онъ пересталъ защищаться, и, закрывши лице свое плащемъ, умеръ какъ такой человѣкъ, который не долженъ уже сожалѣть о жизни. Сей герой былъ тогда 55 лѣтъ.

Размышленія о его умерщвленіи.

По правилам и законам республики, всякой, кто хотѣл присвоить себѣ верховную власть, был врагь отечества, котораго каждый изь гражданъ могь умертвить. Такимь образомь Цесарь, какь обладатель республики, кажется, былъ виновенъ: убійство дополняло слабость правосудія. Но ежели Римъ не могъ уже оставаться свободнымъ, ежели по необходимости онъ долженъ былъ подпасть подъ законъ какого честолюбца, потому что нравы и правила, подпоры свободы, истребились; ежели примѣръ Силлы, ежели величайшія богатства и довѣренность нѣкоторыхъ частныхъ людей должны были рано или поздно превратить республику въ монархію: то Цесарь не достоинъ ли былъ того, чтобъ владычество его было предпочтено новымъ междоусобнымъ войнамъ? Безчеловѣчіе Брута, убивающаго своего благодѣтеля, друга, въ пустой надеждѣ спасти государство, есть знакъ того безумнаго республиканскаго ослѣпленія, котораго неистовства во многомъ подобны буйствамъ слѣпой ревности къ вѣрѣ.

По мнѣнію Цицерона надлежало убить всѣхъ друзей Цесаря.

Цицеронъ, по извѣстной его трусости, не бывъ допущенъ участникомъ въ заговорѣ, жаловался, по умерщвленіи Цесаря, что заговорщики не умертвили всѣхъ главныхъ друзей его. *Они съ геройскимъ мужествомъ совершили дѣтскій замыслъ*, писалъ онъ къ Аттику: *древо срублено, но корни остаются.* Истребить корни

тиранніи было тогда невозможно: они основывалась на нравахъ, коихъ невозможно уже было перемѣнить. Можетъ быть, между самыми заговорщиками скоро увидятъ похитителя власти. Цицеронъ скоро ошибется въ своей политикѣ: онъ будетъ виновникомъ и жертвою щастія Августа.

Коль скоро Цесарь умеръ, убійцы его побѣжали по городу съ кинжалами въ рукахъ, крича, что Царя Римскаго не было уже въ живыхъ. Нѣкоторые изъ Патриціевъ присоединились къ нимъ; но народъ показалъ только уныніе и скорбь. Убійцы, обманувшись въ своемъ чаяніи, удаляются въ Капитолію. Консулъ Маркъ Антоній и Лепидъ, предводитель конницы, тогда готовятся отмстить за Диктатора, то есть, похитить верховную власть, предметомъ ихъ честолюбія. Сенатъ собирается. Разсуждаютъ, тираномъ ли должно объявить Цесаря, или законнымъ правителемъ. Хотѣли уже помрачать память его, какъ Антоній дѣлаетъ хитрое представленіе, что Диктаторъ почти ко всѣмъ должностямъ назначилъ чиновниковъ; почему судіи и правители принуждены будутъ сложить съ себя званіе, коль скоро тотъ, отъ кого они его получили, будетъ объявленъ похитителемъ власти; а отъ сего можетъ произойти пагубное безначаліе, возмущенія и междоусобныя войны. Заканчиваютъ дѣло; соглашаются оставить безъ разысканія убійцъ Диктатора;

Злоумышленники не успѣваютъ предъ народомъ.

Безразсудное разсужденіе Сената.

и въ то же самое время подтверждаютъ всѣ его узаконенія. Сіе обоюдное опредѣленіе, или лучше противорѣчущее не могло возстановить спокойствія. Нужно было показать твердость, или проститься съ свободою. Маркъ Антоній, захвативъ бумаги Цесаревы, внесъ въ нихъ, что ему угодно было, и дѣйствовалъ сообразно съ своими выгодами.

Ложный миръ.

Маркъ Антоній возбуждаетъ народъ противъ убійцъ Цесаря.

Между тѣмъ утихло, по видимому, волненіе. Убійцы вышли изъ Капитоліи; Антоній и Лепидъ приняли ихъ какъ гражданъ: но одинъ поступокъ Антонія тотчасъ возродилъ несогласіе. Онъ велѣлъ прочитать завѣщаніе Цесаря: о многихъ изъ убійцъ его упоминалось въ ономъ съ почтеніемъ, а народу Римскому отказывалось важное наслѣдство. Когда любовь и признательность тронула сердца, Антоній наконецъ воспламенилъ оныя похвалами сему великому мужу, повѣствованіемъ о его подвигахъ, изображеніемъ его добродѣтелей; разкрылъ окровавленный плащъ его; показалъ раны, нанесенныя ему убійцами: ибо тѣло его было вынесено для погребенія. Впечатлѣніе было столь велико, что чернь въ бѣшенствѣ своемъ хотѣла сжечь домы убійцъ. Они выѣхали изъ Рима. Консулъ, для склоненія потомъ на свою сторону Сената, показавъ себя ревностнымъ республиканцомъ, предложилъ о вызовѣ въ Римъ Секста, Помпеева сына, скрывавшагося въ Испаніи послѣ сраженія при Мундѣ.

Онъ обманываетъ Сенатъ.

Самъ Цицеронъ обманулся и превознесъ похвалами того Антонія, котораго вскорѣ потомъ онъ долженъ былъ поражать язвительнѣйшими укоризнами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Отважная политика Октавія. — Триумвирство. Филиппинское сраженіе, на которомъ истреблена сторона Республиканская.

Октавій усыновленный Цесаремъ, объявляетъ себя его наслѣдникомъ.

Молодый осмнадцатилѣтній человѣкъ вдругъ явился на театрѣ и началъ представлять первое лице. Это былъ Октавій, внукъ Юліи, сестры Цесаревой, который потомъ столько прославился подъ именемъ Августа. Диктаторъ, дѣдъ его, усыновивъ его, оставилъ ему три четвертыхъ части наслѣдства. Октавій обучался краснорѣчію въ Аполлоніи на берегахъ Эпира, какъ услышалъ о плачевномъ происшествіи, перемѣнившемъ ходъ дѣлъ. Ему совѣтовали скрыть свои чувства, ожидать времени и даже отказаться отъ усыновленія и наслѣдства. Совѣтъ сей несообразенъ былъ съ великимъ честолюбіемъ Октавія; онъ пріѣхалъ въ Римъ и объявилъ себя наслѣдникомъ Цесаря. Антоній, владычествовавшій тогда въ Римѣ, ни мало не былъ къ нему благосклоненъ. Впрочемъ онъ посредствомъ политики, сколько твердой, столько и хитрой, всегда стремился къ своей цѣли. Когда Консулъ сей отказалъ ему въ деньгахъ Диктатора, онъ, для выполненія

статей, содержащихся въ завѣщаніи, продалъ отеческое имущество: вотъ вѣрное средство привязать къ себѣ народъ и вооружить противъ того человѣка, который, оскорбляя сына, показывалъ себя неблагодарнымъ къ отцу и несправедливымъ къ народу.

Явная ссора у Антонія съ Октавіемъ.

Антоній съ Октавіемъ примирялись и ссорились многократно. Октавій хотѣлъ отмстить за смерть Цесаря; Антоній, по видимому, желалъ того же, потому что народъ сего желалъ; но, въ самомъ дѣлѣ, Антоній старался только о своемъ возвышеніи. Противуположныя ихъ выгоды произвели наконецъ войну. Многіе члены Сената восхищались оною, въ той надеждѣ, что они истребятъ другъ друга. Нѣкоторые держались средины; но Цицеронъ, по неосторожности своей, присталъ къ сторонѣ Октавія, возсталъ на Антонія, и получилъ упрекъ отъ Брута, что *онъ не столько старался о свободѣ своего отечества, сколько о выборѣ добраго для себя господина.* Цицеронъ, личный врагъ одному, обольщенный ласкательствами и притворною довѣренностію другаго, удовлетворялъ ненависти своей и тщеславію, думая, можетъ быть, что онъ старается единственно о отечествѣ. Можно такъ обмануться въ самомъ себѣ, что не узнаешь ясно и побудительныхъ причинъ своихъ дѣйствій, между тѣмъ какъ другіе видятъ ихъ обстоятельно.

Цицеронъ пристаетъ къ сторонѣ послѣдняго.

Изображеніе сего знаменитаго Оратора,

начертанное Монтескю, объяснитъ намъ тайну его поступковъ. «Кажется, говоритъ »онъ, ежели бы Катонъ сохранилъ себя »для республики, онъ далъ бы дѣламъ со- »всѣмъ другой оборотъ. Цицеронъ имѣлъ »удивительныя дарованія для представле- »нія втораго лица, но неспособенъ былъ »играть первое; онъ имѣлъ превосходный »умъ, но душу часто обыкновенную. У »Цицерона посторонними была добродѣ- »тель; у Катона слава. Цицеронъ всегда »видѣлъ себя перваго; Катонъ всегда за- »бывалъ себя. Катонъ хотѣлъ спасти »республику для нея самой; Цицеронъ для »своего тщеславія.»

Какой былъ характеръ его Оратора.

Таковая приверженность къ суетной славѣ есть вѣрный знакъ слабой души, которую маловажныя причины могутъ вовлечь въ великіе проступки. Впрочемъ Цицеронъ, превознося юнаго Цесаря, надѣялся найти въ немъ для себя подпору. Его краснорѣчивыя Филиппическія рѣчи весьма подозрительны въ пристрастіи; однакожъ столько же, какъ и Димосѳеновы, служатъ превосходными образцами для свѣтскихъ ораторовъ.

Маловажныя причины вовлекаютъ въ великіе проступки.

Правленіе Цизальпинской Галліи, присвоенное себѣ Антоніемъ для обузданія всей Италіи, послужило поводомъ къ войнѣ. Децимъ Брутъ, одинъ изъ главныхъ убійцъ Цесаря, получилъ отъ Диктатора въ управленіе сію провинцію и хотѣлъ остаться въ оной. Антоній выступаетъ въ походъ съ легіонами. Октавій имѣлъ уже войско,

Цицеронъ заставляетъ наградить почестями Октавія.

хотя и не имѣлъ званія, приличнаго для начальства надъ онымъ. Воины заставляютъ его принять званіе Пропретора. Онъ по политической скромности отрекается, предвидѣвъ, что Сенатъ вознаградитъ его за сей отказъ. Въ самомъ дѣлѣ, Сенатъ, по совѣту Цицерона, не только опредѣляетъ его Пропреторомъ, но еще воздвигаетъ ему статую и позволяетъ требовать консульства, за десять лѣтъ до возраста, предписаннаго законами. Цицеронъ весьма часто жертвовалъ законами для тѣхъ, съ коими онъ искалъ дружества.

Побѣжденный Антоній соединяется съ Лепидомъ.

Уже Антоній осаждалъ Децима въ Моденѣ (Mutina). Цицеронъ заставляетъ объявить его врагомъ отечества, ежели онъ не снимет тотчасъ осады и не выйдетъ изъ Галліи Цизальпинской. Антоній презираетъ опредѣленіе Сената, и два новые Консула, Гирцій и Панса, получаютъ приказаніе идти противъ него войною, а Октавій долженъ соединиться съ ними. Панса разбитъ и убитъ; Гирцій, выигравъ сраженіе, погибаетъ. Антоній, принужденъ будучи бѣжать, переходитъ въ Галлію Транзальпинскую, находившуюся подъ управленіемъ Лепида. Онъ является воинамъ въ печальномъ одѣяніи; производитъ въ нихъ состраданіе. Войска сіи провозглашаютъ его предводителемъ; почему и Лепидъ, чтобъ самому ему не остаться совершенно безъ всего, принужденъ былъ принять его сторону.

По разбитіи Антонія, Сенатъ переставъ поблажать юному Цесарю. Начальство надъ войскомъ отдали Дециму. Республиканская сторона начала оживать. Октавій чувствовалъ, что время уже было снять личину. Когда Цицеронъ, еще не проникая хитростей Октавія, тщетно предлагалъ о доставленіи ему консульства въ надеждѣ быть его товарищемъ; когда предложеніе сіе обращено было въ посмѣяніе: то наслѣдникъ Диктатора рѣшился подражать политикѣ и дерзости того же самаго Диктатора. Онъ употребилъ все, деньги и обѣщанія, для привлеченія къ себѣ воиновъ, кои начали уже располагать правленіемъ; пошелъ къ Риму съ войскомъ, принудилъ избрать себя Консуломъ, хотя едва ли имѣлъ 20 лѣтъ отъ роду; соединилъ выгоды свои съ выгодами Антонія и Лепида; наконецъ пріобрѣлъ способы болѣе хитростію, нежели мужествомъ, удовлетворить честолюбію, его терзавшему. Тріумвирство было утверждено голосами народа, ибо давно уже сильнѣйшіе управляли голосами. Децимъ, оставленный своими войсками, захваченный и умерщвленный, былъ какъ бы первою жертвою ненасытимой кровожадности. 710. Октавій составляетъ съ ними тріумвирство.

Брутъ и Кассій удалились, одинъ въ Грецію, другой въ Азію. Побѣда усилила ихъ сторону, и подъ ихъ предводительствомъ было 20 легіоновъ. Первымъ стараніемъ юнаго Консула было обвинить ихъ вмѣстѣ со всѣми убійцами Цесаря. Они условились преслѣдовать убійцъ Цесаря.

Какъ онъ не могъ побѣдить ихъ безъ помощи Антонія и Лепида, то опредѣленіе, постановленное противъ сихъ послѣднихъ Сенатомъ, тотчасъ было уничтожено. Октавій соединился съ ними при Моденѣ. Переговоры ихъ продолжались три дни. Они условились раздѣлить между собою верховную власть на пять лѣтъ; что Лепидъ останется въ Римѣ, доколѣ Октавій и Антоній будутъ вести войну противъ убійцъ Цесаря; что они прежде истребятъ враговъ своихъ изгнаніемъ, отъ чего получатъ имущество для содержанія своихъ войскъ. Такимъ образомъ должны были возобновиться всѣ ужасы Силлы, заглажденные нѣсколько милостію Цесаря. Но Цесарь, не смотря на его милосердіе, былъ умерщвленъ: Тріумвиры сего не забывали.

Хотятъ истребить враговъ своихъ.

Невозможно изобразить безчеловѣчія, оказаннаго Тріумвирами при семъ гоненіи. Тираны начинаютъ сперва жертвовать другъ другу головами своихъ родственниковъ и друзей, Лепидъ головою своего брата, Антоній своего дяди; а Октавій головою Цицерона, который весьма много помогалъ ему. Запрещаютъ подъ смертною казнію помогать, или скрывать кого нибудь изъ изгнанниковъ; обѣщаютъ награду тому, кто будетъ убивать ихъ, и даже право гражданства невольникамъ за умерщвленіе господъ своихъ. Среди кровопролитія и измѣнъ, нѣкоторые невольники умирали произвольно вмѣсто господъ своихъ;

Ужасное гоненіе.

нѣкоторыя женщины показали героическіе опыты вѣрности; но злодѣйство обратило Римъ въ поле кровопролитія. При взорѣ на голову Цицерона, убитаго однимъ Трибуномъ, котораго онъ спасъ своимъ краснорѣчіемъ, Антоній восторжествовалъ отъ радости: Фульвія, жена сего Тріумвира и вдова Клодія, получила несказанное удовольствіе отъ того, что проколола иглою языкъ сего знаменитаго Оратора. 300 Сенаторовъ и болѣе 2000 всадниковъ было умерщвлено. Богатства служили преступленіемъ для тѣхъ, кои сами по себѣ не заслужили ненависти. Между тѣмъ какъ имѣній описныхъ было еще недостаточно, наложили подать на матерей, дочерей и родственниковъ изгнанныхъ. Наконецъ здѣсь открывается то ужасное позорище, гдѣ люди, зараженные страстями, спорятъ между собою о превосходствѣ въ неистовствѣ тигровъ. И кто были мучители республики? Молодый человѣкъ, котораго все достоинство состояло въ великомъ искусствѣ обманывать; пьяный военачальникъ, который непрестанно погублялъ свои дарованія въ подлыхъ распутствахъ; другій полководецъ, о которомъ ни слова бы никогда не сказали, ежели бы случай, какъ бы для оскорбленія природы, не возвелъ на почести. Коликаго Цесарь достоинъ былъ удивленія и сожалѣнія, ежели сравнить его поступки съ дѣлами новыхъ утѣснителей Рима!

Октавій и Антоній идутъ на Брута и Кассія.

Послѣ толикаго кровопролитія и хищничества, Тріумвиры принялись поспѣшно за исполненіе своего намѣренія въ разсужденіи республиканцевъ. Лепидъ остался въ Римѣ. Два товарища его пошли въ Македонію противъ соединенныхъ силъ Бруша и Кассія. Кассій прибылъ туда изъ Сиріи, куда онъ ходилъ для собранія податей съ Азіятцомъ и удобнаго продолженія сей войны. Никогда не сходилось столь многочисленныхъ Римскихъ войскъ, какъ сошлось теперь для рѣшенія жребія республики. Съ обѣихъ сторонъ было болѣе 100,000 воиновъ, пріобыкшихъ къ сраженіямъ и воспламененныхъ жаромъ, проистекающимъ отъ честолюбія, сребролюбія или чувствій свободы. Кассій хотѣлъ избѣгать сраженія, потому что непріятели, по причинѣ недостатка въ свѣстныхъ припасахъ, сами по себѣ должны были истребиться. Сей благоразумный совѣтъ не одобренъ былъ Брутомъ. Воины уклоненіе отъ сраженія почитали трусостію; начали роптать, разбѣгаться: ихъ нетерпѣливость заставила чиновниковъ и полководцевъ вступить въ сраженіе.

711. Сраженіе Филиппинское.

Филиппинское сраженіе, на границахъ Македоніи и Ѳраціи, было погибелію для стороны республиканской. Октавій, столько трусливый въ сраженіяхъ, сколько отважный въ кабинетѣ, по причинѣ болѣзни дѣйствительной или притворной, не показался во время битвы. Брутъ привелъ

въ безпорядокъ его легіоны. Но между тѣмъ какъ побѣдитель сей преслѣдовалъ бѣгущихъ болѣе, нежели сколько должно, Антоній врубился въ войска Кассія и разсѣялъ оныя. Кассій, не зная о побѣдѣ своего товарища, велѣлъ себя умертвить одному изъ его вольноотпущенныхъ. Два войска, частію побѣжденныя, частію побѣдоносныя, возвращаются въ свой станъ. Войско Тріумвировъ начинало терпѣть во всемъ недостатокъ. Тогда Брутъ принимается за исполненіе Кассіева предположенія. Успѣхъ былъ бы несомнителенъ, ежели бы возмущеніе воиновъ не принудило его рѣшиться на второе сраженіе. Брутъ, разбивши совершенно крыло, состоявшее подъ начальствомъ Октавія, проигралъ сраженіе, и почитая свободу истребленною, по примѣру своего товарища, поразилъ себя мечемъ.

Смерть Кассія и Бруша.

Сіи два полководца, изъ почтенія къ нимъ, названы были *послѣдними Римлянами*. Они могли еще болѣе заслужить сіе названіе. Кассій, человѣкъ пылкаго и надмѣннаго характера, былъ подозрѣваемъ въ томъ, что онъ дѣйствовалъ не столько изъ ревности къ отечеству, сколько по ненависти къ Цесарю. Брутъ, добродѣтельный по своимъ правиламъ, соблюдавшій свято законы, исполненный человѣколюбія и справедливости, уважающій даже въ врагахъ своихъ достоинство гражданина, предавался до излишества изступленію, кото-

Недостатки сихъ двухъ Римлянъ.

рое препятствуетъ размышленіямъ. Онъ, то слабо дѣйствовалъ, опасаясь преступить предѣлы; то, хотя и рѣдко, почиталъ насиліе позволеннымъ для достиженія своего конца. Предъ вторымъ сраженіемъ Филиппинскимъ Брутъ обѣщалъ своимъ воинамъ отдать на разграбленіе Ѳессалонику и Спарту, ежели бы они одержали побѣду. Онъ въ семъ случаѣ, по замѣчанію Плутарха, подражалъ тѣмъ людямъ, у которыхъ право сильнѣйшаго замѣняло все. Давно уже сею цѣною платили воинамъ; покупали ихъ услуги подарками, обѣщаніями раздѣла земель. Они сами себѣ служили правомъ; ихъ клятвы основывались на одной надеждѣ удовлетворить жадности. Чему надлежало отсюда произойти, чему, кромѣ неограниченнаго самовластія воинскаго? Тщетно Брутъ льстился освободить отъ сего бича свое отечество, хотя бы остался и побѣдителемъ. *Я ожидаю случая*, писалъ онъ къ Аттику: *свобода или смерть будетъ слѣдствіемъ онаго.* Римъ былъ ли свободенъ еще при Помпеѣ? Кассій, можетъ быть, захотѣлъ бы заступить мѣсто Цесаря.

Размышленія о самоубійствѣ, которое тогда было въ обыкновеніи.

Брутъ и Кассій, умертвивши себя, погребли вмѣстѣ съ собою и республику. Ихъ справедливо порицаютъ за сіе неумѣстное отчаяніе. Но не должно приписывать недостатку мужества сего самоубійства, столь обыкновеннаго тогда между Римлянами. «Извѣстно, говоритъ знаменитый «Монтеске, что люди сдѣлались не столь-

»ко свободны, не столько мужественны, »не столько способны къ великимъ пред»пріятіямъ, сколько они таковыми были »тогда, когда, посредствомъ власти надъ »самими собою, могли ежеминутно избѣ»гать всякой посторонней власти.« Христіянская Вѣра справедливо внушаетъ отвращеніе къ самоубійству, и примѣры онаго, встрѣчающіеся нынѣ, почти всѣ произтекая отъ порока и развращенія, довольно тѣмъ доказываютъ, сколь необходимы божественныя ея правила и наставленія. Впрочемъ очевидно и то, что Катоны и Бруты были не низкіе люди, когда они лучше захотѣли лишиться жизни, нежели потерять свою свободу. Тонкія умствованія о семъ предметѣ ни мало не ослабляютъ доказательствъ чувствій сердца.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Ошибки Антонія полезны для Октавія. — Сраженіе Актійское и конецъ республики.

Новыя жестокости Октавія.

Октавій, послѣ побѣды, одержанной для него Антоніемъ, еще обагрился кровію. Много знаменитыхъ мужей предано было на смертную казнь, и между прочими Сенаторъ Фавоній, философъ, другъ Брута, хотя и не участвовалъ ни мало въ убійствѣ Цесаря. Самая несправедливая жестокость, по мнѣнію его, была предпочтительнѣе междоусобной войны: вотъ правило, которое часто было подтверждаемо опытомъ.

Фавоній казненъ.

Щедрость къ воинамъ.

Поелику одна корысть и жадность къ богатствамъ привязывали воиновъ къ тираннамъ, то Тріумвиры должны были заплатить каждому воину по 5000 драхмъ, кромѣ награжденій чиновникамъ. Изъ сего можно понять, какія насилія терпѣли народы! Антоній отправился для истощенія Азіи, гдѣ Брутъ и Кассій мало уже серебра оставили. *Какъ вы усугубляете наши налоги*, сказалъ Антонію одинъОраторъ, *то удвойте у насъ лѣта и осени, безъ чего мы не можемъ вамъ удовлетворить.* Но сколь слабы доказательства противъ силы!

Антоній плѣненъ Клеопатрою.

Антоній, бывши въ Киликіи, вызвалъ къ себѣ Египетскую Царицу Клеопатру, которой поступки во время войны были обоюдны. Вѣроятно, онъ былъ согласенъ съ Клеопатрою, и воспользовался симъ случаемъ только для привлеченія ее къ себѣ. Сія Государыня явилась въ Тарсѣ, не какъ обвиняемая въ проступкахъ, но какъ торжествующая Венера. Ей не трудно было уловить своими прелестями человѣка, жаднаго къ удовольствіямъ. Великій полководецъ, честолюбивый политикъ, засыпаетъ въ нѣдрѣ любви: онъ забылъ все прочее. Октавій, заботясь единственно о своихъ выгодахъ и рѣшившись царствовать одинъ, воспользовался столь слѣпою страстію; онъ тонкостію своею замѣнялъ воинскія качества, коихъ не имѣлъ.

Земли, раздѣ-

Октавій, по обѣщанію своему, раздѣлилъ старымъ воинамъ земли въ Италіи, или

лучше, онъ позволилъ несправедливымъ хищничествомъ завладѣть лучшими участками. Мирные граждане, между которыми былъ и Виргилій, лишились отеческаго наслѣдія для удовлетворенія сихъ похитителей. Мало заботились о неудовольствіяхъ, причиняемыхъ таковыми насиліями: съ пріобрѣтеніемъ приверженности воиновъ пріобрѣтали средства къ утвержденію и распространенію владычества. И такъ, коль скоро Октавій пересталъ опасаться Секста, сына Помпеева, обладателя Сициліи и Сардиніи, коего флоты причиняли величайшее безпокойство, тотчасъ нашелъ причину развязаться съ Лепидомъ, человѣкомъ безъ всякихъ достоинствъ, одолженнаго своимъ возвышеніемъ однимъ подлостямъ. Сей Тріумвиръ унизился предъ нимъ, просилъ о помилованіи, и былъ доволенъ тѣмъ, что позволили ему провождать жизнь свою въ презрѣніи и неизвѣстности, не смотря и на то, что онъ былъ первосвященникомъ до 740 года.

ленныя воинамъ

Паденіе Лепида.

Одинъ странный поступокъ доставитъ намъ понятіе о семъ человѣкѣ. Онъ, добившись нѣкогда торжества за одинъ маловажный походъ, самъ, съ согласія своихъ товарищей, написалъ опредѣленіе, сими словами начинающееся: *всѣмъ тѣмъ, кои уважатъ наше торжество, спасеніе и честь; а прочимъ, бѣдствіе и изгнаніе.*

Его подлая надменность.

Секстъ Помпей не столько по своимъ способностямъ, сколько по крѣпости сто-

Смерть юнаго Помпея.

роны своей, долго держался въ Сициліи, даже былъ страшенъ. Тріумвиры даже заключили съ нимъ мирный договоръ, когда онъ пресѣкъ ввозъ съѣстныхъ припасовъ въ Италію, и народъ началъ бунтовать. Но при первомъ случаѣ разрыва опять принялись за оружіе. Наконецъ, знаменитый Агриппа, полководецъ Октавія, разбилъ его на морскомъ сраженіи. Онъ уѣхалъ въ Азію, гдѣ и былъ убитъ, по приказанію Антонія, въ 718 году. Антоній одинъ могъ спорить съ своимъ товарищемъ о Имперіи: напротивъ онъ доставилъ ему средства къ похищенію оной, и погибъ отъ своихъ непростительныхъ и непрестанныхъ ошибокъ.

Антоній приходитъ въ ненависть и презрѣніе.

Фульвія, жена его, какъ мстительная, такъ и мужественная, для исторженія изъ рукъ Клеопатры Антонія, поссорила его съ Октавіемъ. Сіе послужило поводомъ къ небольшой войнѣ, отъ которой пострадала Перузія, (въ 713). Антоній съ Октавіемъ примирились; они раздѣлили между собою всѣ провинціи. Антоній безъ всякой причины уѣхалъ изъ Италіи, въ которую потомъ опять возвратился. Сказываютъ, будто онъ, играя въ кости съ Октавіемъ, всегда проигрывалъ, сердился на сіе, и будто одинъ Египетскій Астрологъ, безъ сомнѣнія изъ угожденія Клеопатрѣ, присовѣтовалъ ему удалиться отъ сего соперника: *ибо духъ твой*, сказалъ онъ ему, *робѣетъ при немъ: духъ твой высокъ въ удаленіи отъ него, но при немъ не имѣетъ муже-*

ства. Ежели такова была причина его удаленія, то можно примѣтить здѣсь всю слабость ума человѣческаго.

Аѳиняне, у которыхъ онъ захотѣлъ провесть зиму, приняли его какъ бога и предложили ему богиню свою Минерву въ супружество. Антоній наградилъ ихъ за лесть, потребовавъ съ нихъ 2000 талантовъ въ приданое. По возвращеніи изъ нещастнаго похода противъ Парѳянъ, онъ сдѣлался ненавистенъ и презрѣнъ, по причинѣ новыхъ сумазбродствъ своихъ. Онъ представляетъ для Клеопатры зрѣлище торжества послѣ побѣды надъ Артабазомъ, Царемъ Арменскимъ; и сіе знаменитое торжество сдѣлано было для забавы его любовницы. Октавія, сестра Октавіева, на которой онъ женился, и которая достойна была любви его и почтенія, Октавія поѣхала къ нему для свиданія; она ожидала отъ него приказаній въ Аѳинахъ. Антоній опасается оскорбить Клеопатру приняшіемъ Октавіи, и посылаетъ ей приказаніе возвратиться домой. Онъ уже провозгласилъ Клеопатру Царицею Египта, Кипра, Африки, Келе-Сиріи; даритъ провинціи и царства побочнымъ дѣтямъ; посрамляетъ ежеминутно имя Римское. Клеопатра обѣявлена его супругою; Клеопатра для Антонія все.

Поступокъ его въ разсужденіи Аѳинянъ и Клеопатры.

719.

Октавій воспользовался искусно случаями къ посрамленію Антонія и къ обвиненію его потомъ предъ Сенатомъ. Назначаютъ войну. Антоній приготовляется къ

Октавій объявляетъ себя врагомъ Антонію.

оной среди плясокъ и забавъ. Разводъ, учиненный имъ съ скромною Октавіею, лишилъ его всякой надежды къ примиренію. Многіе изъ друзей оставили его изъ презрѣнія къ поступкамъ его съ Клеопатрою. Пышность и высокомѣріе сей Царицы умножали неудовольствіе. Обнародовали, что она хотѣла царствовать въ Римѣ. Октавій, въ званіи Консула, объявилъ ей войну. Онъ съ непонятною хитростію умѣлъ представить, будто защищаетъ отъ иностраннаго врага права республики, между тѣмъ какъ старался только покорить ее подъ свое иго.

722. Сраженіе Актійское, и смерть Антонія и Клеопатры.

Два соперника, до рѣшенія раздора своего оружіемъ, поносятъ другъ друга язвительными словами. Наконецъ морское Актійское сраженіе опредѣляетъ жребій Имперіи. Клеопатра не хотѣла отстать отъ Антонія, не по причинѣ мужества Царицы, но по ревнивости женщины; Антоній, по слабости своей, согласился на ея желаніе, не смотря на благоразумные совѣты, ему представляемые; онъ еще изъ пагубнаго ей угожденія рѣшился сразиться на морѣ, между тѣмъ какъ имѣлъ превосходство надъ непріятелемъ на сухомъ пути. Клеопатра во время сраженія обратилась въ бѣгство съ своими галерами. Любовникъ ея, извѣстный по своей храбрости, забываетъ самаго себя и, оставивъ все, гонится за нею. Октавій, или лучше Агриппа, одерживаетъ побѣду. Сухопутное войско Антонія, со-

стоящее изъ 19 легіоновъ и 12,000 конныхъ, тщетно его ожидало, и наконецъ, увѣрившись о его побѣгѣ, переходитъ подъ знамена побѣдителя. Египетъ тотчасъ былъ покоренъ. Антоній убиваетъ себя въ Александріи. Клеопатра осталась въ живыхъ для украшенія торжества побѣдителя; но она избѣгаетъ сего поношенія, скончавшись мужественно или отъ жала аспида, или отъ яда. Царство ея было обращено въ провинцію.

724 Октавій становится обладателемъ республики.

Такимъ образомъ внукъ Цесаря пронырствами, гибкостію, дерзостію и жестокостію достигъ верховной власти, которой желалъ съ самаго юношества. Политика его всегда была въ равновѣсіи съ честолюбіемъ. Корысть управляла его поступками: онъ не обманулся ни въ благопріятныхъ минутахъ, ни въ надежнѣйшихъ средствахъ; то ласкался къ Сенату для возбужденія его противъ Антонія, то примирялся съ Антоніемъ для укрощенія Сената. Октавій умѣлъ привлечь на свою сторону воиновъ и удалить искусно изъ войска не только невольниковъ, посрамлявшихъ воинство, но и старыхъ воиновъ, замѣченныхъ въ невѣрности. Бракъ съ Скрибоніею доставилъ ему на короткое время связь съ молодымъ Помпеемъ, въ которомъ онъ имѣлъ тогда нужду. Вскорѣ потомъ онъ развелся съ нею, не смотря на то, что она давно уже была беременна, и женился на Ливіи, которая его любила и могла быть для него по-

лезнѣе. Мы увидимъ, какимъ образомъ онъ утвердилъ свое владычество при всемъ видимомъ своемъ уваженіи къ законамъ. Римъ потерялъ навсегда свободу. Сія знаменитая республика была уничтожена. Осталась одна только ея тѣнь, льстившая гордости Римлянъ.

Пороки, произтекшіе отъ богатствъ должны были истребить свободу.

Переворотъ сей должно приписать порокамъ, пришедшимъ вмѣстѣ съ богатствами. Когда все сдѣлалось продажнымъ; когда немногіе изъ частныхъ людей могли все покупать; когда чрезмѣрное имущество сихъ людей умножало нужды и бѣдность другихъ: то безъ сомнѣнія правила должны были уступить развращенію, честность должна изчезнуть, корысть служить правиломъ, а развращенные нравы должны заразить правительство Любовь къ отечеству должна погаснуть отъ множества противоборствующихъ страстей; роскошь, удовольствія и распутство свергнуть иго обязанностей; честолюбіе преодолѣть препятствія вооруженною рукою; наконецъ сильнѣйшій долженъ поработить слабыхъ. Видя народъ, обольщенный чрезмѣрною щедростію, воиновъ проданныхъ полководцу, ихъ обогащающему; правителей, старающихся поддержать себя пронырствами; полководцевъ, не хотящихъ слагать съ себя начальства, не смотря на важность законовъ, ихъ къ тому принуждающихъ, видя все сіе, всякой смѣло можетъ заключить, что вольность изчезла.

Въ теченіи одного года (715) было болѣе 60 Преторовъ, кои то являлись, то изчезали по произволенію Тріумвировъ. Они заставляли также переходить и консульству скоро отъ одного человѣка къ другому. Оно было почтеннымъ титуломъ, который давался для удовлетворенія тщеславія или въ награду за услуги. Но что всего страннѣе, одинъ Сенаторъ до того унизился, что хотѣлъ сражаться съ гладіаторами при собраніи народа, и для удержанія отъ сего безчестнаго поступка потребно было опредѣленіе Сената. Другіе уже безъ всякаго стыда скоро подадутъ тому примѣръ; ибо мы къ тѣмъ временамъ приближились, когда уже ничего не будутъ стыдиться. Ужасныя злоупотребленія.

ДЕСЯТАЯ ЭПОХА.

ИМПЕРАТОРЫ.

РЕСПУБЛИКА, ПРЕВРАЩЕННАЯ ВЪ ВОЕННУЮ МОНАРХІЮ.

Съ 726 отъ созданія Рима, за 27 лѣтъ до Рождества Христова, до царствованія Константина.

АВГУСТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Царствованіе Августа до смерти Агриппы.

Понятіе о царствованіи Августа.

Хитрая политика Августа (такъ Сенатъ наименовалъ Октавія по его прозванію) до сего времени показывала только злаго человѣка, который жертвуетъ всемъ буйному желанію утвердить противозаконное свое владычество. Ежели онъ не перемѣнитъ своего характера и правилъ, по крайней мѣрѣ не будетъ уже обагряться кровію человѣческою; онъ даже покажетъ себя столько добрымъ Государемъ, сколько польза его того потребуетъ. Льстецы будутъ осыпать его похвалами; республиканецъ всегда будетъ его ненавидѣть, какъ утѣснителя; безпристрастный человѣкъ иногда одобритъ его за употребленіе власти.

»Августъ, говоритъ Монтескье, учре»дилъ порядокъ, то есть, постоянное и »продолжительное рабство: ибо въ свобод»номъ государствѣ, послѣ похищенія само»державія, называютъ благоустройствомъ »все, что можетъ утверждать безпредѣль»ную власть одного; а смятеніемъ, раздо»ромъ, дурнымъ правленіемъ именуютъ все »то, что можетъ поддерживать свободу »подданныхъ.« Но какъ Римляне потеряли уже свою свободу, то сей порядокъ, учрежденный Августомъ, въ отношеніи къ прежнимъ неустройствамъ и бѣдствіямъ, и заглаждаетъ отчасти пятна его памяти. Храмъ Янусовъ былъ затворенъ; Римъ дышалъ спокойно во время царствованія Августа: сего уже было весьма довольно послѣ ужасовъ междоусобныхъ браней. Августъ, по возвращеніи своемъ изъ Египта съ добычами, раздѣлилъ великое множество денегъ войску и народу; открылъ великолѣпныя празднества; умножилъ тѣ пагубныя щедроты, кои давно уже развращали чернь, питали лѣность и своевольство, но погашали совершенно любовь къ отечеству, чувствіе чести и свободы.

Учрежденіе порядка послѣ потери свободы было нѣкоторое благополучіе.

725. Августъ хочетъ по видимому сложить власть съ себя.

Августъ, стараясь единственно о утвержденіи своего могущества и отвращеніи при томъ отъ себя посредствомъ притворной скромности ударовъ, повергшихъ въ гробъ Цесаря, показываетъ видъ, будто хочетъ сложить съ себя начальство. Онъ совѣтуется, сказываютъ, съ двумя своими

Мнѣніе Агриппы и Мецената.

наперстниками, Агриппою и Меценатомъ. Первый, какъ благородный гражданинъ, совѣтуетъ ему исполнить сіе намѣреніе; вторый, какъ искусный придворный, доказываетъ ему, что собственная безопасность и общественное благо должны отклонить его отъ таковаго предпріятія. Августъ соглашается на послѣднее мнѣніе, которое, вѣроятно, было согласно съ его желаніемъ.

726. Сею притворною скромностію Августъ утверждаетъ свое могущество.

Между тѣмъ Августъ, уничтоживъ всѣ постановленія тріумвирства и показавъ опыты мудраго правленія, началъ дѣйствовать въ званіи Консула и какъ бы равный товарищу своему Агриппѣ, и относить все, по видимому, къ благоустройству республики, объявилъ въ ученой рѣчи своей, что онъ верховную власть предоставляетъ Сенату. Ежели рѣчь сія была такова, какъ выставляетъ ее Діонъ Кассій, то она служитъ важнымъ памятникомъ дарованій и искусства Августа. Онъ возвышаетъ въ ней великость своего пожертвованія государству; увѣряетъ въ искренности столь знаменитаго поступка; предлагаетъ Сенаторамъ превосходныя правила для правленія; совѣтуетъ имъ лучше держаться принятаго порядка, сколь бы онъ ни былъ несовершенъ, нежели приступать къ новому преобразованію, которое жребій людей дѣлаетъ зыблющимся и ненадежнымъ; предувѣдомляетъ ихъ, что они, уклонившись отъ сихъ началъ, заставятъ его разкаяваться въ своемъ рѣшеніи и погрузятъ

снова республику въ тѣ безпорядки, изъ коихъ онъ, по щастію, извлекъ ее. Августъ принялъ благоразумныя мѣры; онъ надѣялся, что не согласятся на его предложеніе. Въ самомъ дѣлѣ, начали просить его, чтобъ онъ не оставлялъ правленія республикою. Онъ, для удовлетворенія прозьбамъ, принялъ на себя еще на десять лѣтъ сію тяжесть; впрочемъ обѣщался сложить оную и ранѣе, ежели можно будетъ безъ него обойтися. По всѣмъ признакамъ большая часть Сенаторовъ проникали его намѣренія: всѣ прежніе его поступки довольно ясно то показывали. Но наконецъ согласіе и желаніе гражданъ, по видимому, доказали власть его законною; и онъ сохранилъ ее до смерти, возобновляя по временамъ тотъ же самый обрядъ. Рѣдко не успѣваютъ въ намѣреніи политическомъ, хорошо соображенномъ и вѣрно въ дѣйствіе производимомъ, когда сила бываетъ соединена съ хитростію.

Всѣ власти соединены въ одной его особѣ подъ видомъ древняго правленія.

Августъ, тщательно стараясь прикрыть монархію наружными видами республиканскаго правленія, раздѣляетъ провинціи съ Сенатомъ и, по хитрости своей, назначаетъ ему самыя спокойныя, то есть, въ которыхъ совсѣмъ не было войскъ. Такимъ образомъ военная сила остается у него въ рукахъ. Онъ не только не возмущаетъ умовъ присвоеніемъ себѣ царскаго титула, но не принимаетъ даже и званія Диктатора; онъ доволенъ былъ, когда наименовали

Титулъ Императора.

его Императоромъ: титулъ сей почтенный, но безъ всякой власти во время республики. Съ симъ титуломъ, какъ и во время Цесаря, соединена власть покорять государства, соединено начальство надъ войсками совокупно съ правомъ вести войну и заключать миръ. Августъ, принимая поперемѣнно власть консульскую и проконсульскую, власть трибунскую, хотя и не былъ Трибуномъ (ибо патриціи не могъ быть онымъ), цензорство, подъ названіемъ преобразователя нравовъ, титулъ первосвященства, столь важнаго по вліянію на дѣла вѣры, дѣлается полнымъ всего обладателемъ и скрываетъ свое самовластіе. Къ симъ титуламъ присовокупляютъ названіе *отца отечества*.

Сенатъ и народъ удерживаютъ, по видимому, права свои.

Августъ уступаетъ Сенату древнія достоинства, древнія украшенія; но ослабляетъ его какъ сильнымъ числомъ Сенаторовъ, простирающихся до тысячи, такъ и помѣщаетъ въ оный людей, преданныхъ его волѣ. Онъ ласкаетъ и льститъ народу, дѣлаетъ для него празднества, доставляетъ ему благоденствіе; приказываетъ собирать его, по обыкновенію, для избранія судей; но управляетъ сеймами, располагаетъ голосами, и ничто не рѣшится безъ его воли.

Но свобода въ самомъ дѣлѣ уже не существуетъ.

Таково было правленіе Императоровъ. Они всегда дѣйствовали самовластно, хотя верховная власть, по видимому, принадлежала Сенату и народу. Вотъ пустая наружность свободы, которая уже не суще-

ствовала. Какая въ томъ польза, что сохраняютъ нѣкоторые слѣды свободнаго государства, ежели въ самомъ дѣлѣ находятся подъ игомъ неограниченнаго обладателя? Какая въ томъ польза, что соглашаются, по видимому, на то, въ чемъ отказать не можно? Императоръ повелѣлъ освободить себя отъ законовъ. Я уже не говорю о томъ, что таковое освобожденіе показываетъ изпроверженіе законовъ; кто бы препятствовалъ ему самому по себѣ освободиться отъ оныхъ? Слова имѣютъ странную власть надъ людьми. Августъ царствовалъ, потому что не выдавалъ себя за Царя; почитали республику существующею, потому что имена Сената, Консула и проч. остались въ монархіи. Такимъ образомъ часто бываетъ лучшимъ средствомъ для изтребленіи силы во мнѣніи то, ежели, уничтоживши вещь, оставимъ названіе оной.

Освобожденіе отъ законовъ.

Частный образъ жизни Августа, его наружная скромность, ласковость, благодѣянія, безъ сомнѣнія были для него полезны. Сія хитрая душа умѣла принимать на себя всѣ виды. Вѣроломство и жестокости служили основаніями его щастія: онъ долженъ былъ загладить воспоминаніе о нихъ наружностію добродѣтели. Онъ даже оказалъ должное почтеніе памяти Брута. Когда начали порицать при немъ Катона за непреклонное упорство, онъ сказалъ: *кто поддерживаетъ утвержденное правленіе, тотъ*

Политическія добродѣтели Августа для заглажденія его злодѣяній.

добрый гражданинъ и честный человѣкъ. Сіе защищеніе Катона клонилось къ пользѣ Государя. Историкъ Титъ Ливій прославилъ Помпея, не потерявъ съ Августомъ дружества. Августъ назвалъ его въ шуткахъ Помпеевымъ другомъ (Pompejanum), но не подалъ и вида, что непріятны для него похвалы, сообразныя съ понятіями республиканскими.

Его мирное царствованіе мало заключаетъ происшествій.

Сіе долговременное царствованіе немного заключаетъ въ себѣ произшествій, достойныхъ Исторіи, потому что оно было мирно, а сверхъ того мы не имѣемъ и хорошихъ историковъ, (ибо Светоній и Діонъ Кассій весьма недостаточны). По разбитіи Кантибровъ и Астурійцевъ тишина водворилась въ Испаніи. Кандакія, Ѳіопская Царица, напавши на Египетъ, была побѣждена и, поправивъ свои обстоятельства, заключила миръ. Мужество Римлянъ, усовершившись отъ междоусобныхъ браней, возторжествовало бы надъ непріятелями и ужасѣе сихъ, ежели бы Императоръ имѣлъ наклонность къ оружію; но для него важнѣе было пещись о Римѣ и покоить его въ нѣдрахъ пріятнаго мира.

Онъ отдаетъ дочь свою въ супружество Агриппѣ.

752. Марцелъ, племянникъ и зять Августа, рожденный отъ перваго брака Октавіею, предназначенный вѣроятно въ преемники имперіи, молодый Князь, великія подававшій о себѣ надежды, къ несказанному сожалѣнію Римлянъ, умеръ. Агриппа находился въ удаленіи отъ двора. Для удаленія сего

полководца изъ Рима, гдѣ Марцеллъ не могъ на него взирать безъ досады, поручили ему въ управленіе Сирію. Августъ почелъ за нужное вызвать его въ Римъ, дабы имѣть въ немъ подпору въ разсужденіи тайныхъ враговъ, на него покушавшихся. Онъ отдалъ за Агриппу дочь свою Юлію, вдову Марцеллову, самъ же женился на сестрѣ его. Еспьли должно вѣрить въ томъ историкамъ, Меценатъ склонилъ его къ сему слѣдующими словами: *ты Агриппу столько возвысилъ, что должно или умертвить его, или сдѣлать вашимъ зятемъ.* Агриппа безъ труда развелся съ племянницею и женился на дочери Августа.

Императоръ, поручивъ Агриппѣ Римъ въ управленіе, отправился для обозрѣнія Азійскихъ провинцій. Онъ, къ вящшей славѣ своей, получилъ обратно безъ сраженія знамена легіоновъ Крассовыхъ. Фраатъ, Парѳянскій Царь, опасаясь силъ имперіи, отослалъ сіи памятники безчестнаго пораженія и возвратилъ плѣнныхъ, остававшихся у него послѣ разбитія Антонія. Сіе произшествіе ознаменовано торжествомъ, какъ бы за побѣду. Вся Римская сила, находясь въ рукахъ одного человѣка, удобно могла приводить въ трепетъ самыхъ мужественныхъ непріятелей; но сія держава въ своемъ собственномъ величіи имѣла причину неизбѣжнаго паденія.

Отправленіе въ Азію.

Царь Парѳянъ отдаетъ ему знамена, отнятыя у Римлянъ.

Августъ, по возвращеніи своемъ, увидѣлъ новые знаки преданности, оказанной Сенатомъ в раще-

По возв-

ніи его Сенатъ унижается до подлости.

и народомъ. Онъ отказался отъ консульства, которымъ одиннадцать разъ его украшали; вмѣсто пустаго титула онъ принялъ на всю жизнь власть консульскую, съ преимуществомъ предъ Консулами. Сенаторы такое оказали униженіе, что хотѣли предварительно поклясться въ соблюденіи всѣхъ его узаконеній; однако Императоръ отвергъ сію подлую клятву. *Ежели законы будутъ хороши*, сказалъ онъ, *то непремѣнно ихъ соблюдать будутъ; если же худы, то клятва послужитъ только во вредъ.* Онъ зналъ, что законодательная власть, совокупно съ воинскою, была довольно сильна.

Августъ причиною, что законы его, изданные для пресѣченія пороковъ, слабо соблюдаютъ. Онъ развращаетъ народъ.

Различные законы, имъ изданные или возобновленные въ сіе время въ разсужденіи дѣвства, прелюбодѣйства, развода безъ правильной причины и роскошныхъ столовъ, подали между тѣмъ случай къ роптамъ и произвели мало добра, потому ли, что онъ слабо требовалъ исполненія оныхъ, или уже всеобщее развращеніе служило поводомъ къ неуваженію ихъ. Сколь слабы законы противъ стремленія пороковъ! Августъ, удовлетворяя склонности народа, ничего другаго не искавшаго, кромѣ хлѣба и зрѣлищъ, учреждая непрестанно игры и позволяя раздавать хлѣбъ, не столь ревностно старался о нравахъ, сколько о своей личной выгодѣ. Сіе служило средствомъ истребить воспоминаніе о прежней свободѣ и чувствованіе настоящаго рабства.

Пиладъ и Батиллъ, славнѣйшіе комедіанты,

обратили на себя вниманіе тѣхъ Римлянъ, кои нѣкогда столь ревностно занимались дѣлами общественными. Пиладъ былъ выгнанъ за продерзость; Римляне начали сожалѣть о немъ; его опять вызвали; онъ сказалъ Императору: *Цесарь, порадуйся тому, что народъ занимается мною и Батилломъ.* Слова сіи значили много; смыслъ ихъ не могъ быть неизвѣстенъ столь прозорливому политику.

Пиладъ и Батиллъ, комедіанты, заставляютъ забыть правленіе.

Какъ странно: тотъ самый Августъ, который прежде старался унизить Сенатъ, вознамѣрился возвратить ему прежнюю его славу. Единственное для сего средство было уменьшить число Сенаторовъ и исключить тѣхъ, кои по рожденію своему или по поступкамъ недостойны были сего званія. Отъ тысячи Сенаторовъ уменьшили до шести сотъ; преобразованіе произведено было съ великимъ благоразуміемъ и справедливостію. Но какъ обыкновенно, чѣмъ люди бываютъ недостойнѣе, тѣмъ болѣе желаютъ почестей, то сіе преобразованіе и подало случай къ происканъ.

Преобразованіе Сената послужило поводомъ къ происканъ.

Хотя Императоръ никогда не выходилъ въ народъ безъ латъ, прикрытыхъ сверху плащемъ, однако онъ оградилъ себя и другою защитою, раздѣливъ прибунскую власть съ Агриппою, симъ толико почтеннымъ героемъ, и назначивъ его своимъ преемникомъ. Между тѣмъ какъ онъ еще безпокоился, Сенаторы вознамѣрились охранять его попеременно. Правоискусникъ Лабеонъ, рес-

Предосторожности Августа для своей безопасности.

Отважныя слова Лабеона.

публиканецъ, прервалъ о семъ разсужденіе слѣдующею шуткою: *я охотникъ слать, на меня не полагайтесь.* Недовольные были казнены смертію, неизвѣстно, за вину ли, или только за подозрѣніе; впрочемъ не льзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, чтобъ Императоръ не могъ быть слишкомъ тонокъ въ судопроизводствѣ.

Недовольные казнены смертію.

Опасности воинскаго правленія.

Правленіе воинское, гдѣ мечь служилъ вмѣсто всѣхъ главныхъ законовъ, тѣмъ болѣе должно было опасаться злоумышленій и мятежей, что, не смотря на развращеніе Римлянъ, междоусобныя войны подкрѣпляли въ нихъ мужество, и прежнія чувствованія свободы еще пробуждались въ нѣкоторыхъ душахъ благородныхъ. Ежели Августъ избѣгаетъ всѣхъ опасностей, то сіе произходитъ отъ его хитрости, соединенной съ могуществомъ. Мы увидимъ, сколь неограниченное самовластіе будетъ пагубно для большей части его преемниковъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Германскія войны. — Конецъ царствованія Августа. — Законы и словесность.

742. Смерть Агриппы.

Агриппа на возвратномъ пути изъ Панноніи умеръ: невозвратная потеря для имперіи! Два сына его отъ Юліи, Кай и Луцій, были усыновлены Августомъ; но они были весьма молоды и неспособны къ дѣламъ.

Тиверій, зять Нерона.

Сей Государь, желая найти привязанность къ себѣ въ новомъ зятѣ, избралъ противъ

воли своей Тиверія, сына Ливіи, жены Императора, рожденнаго отъ Тиверія Нерона, перваго ея мужа; принудилъ его развестись съ дочерію Агриппы, нѣжною супругою, и жениться на его Юліи, которой распутства были всѣмъ извѣстны. Тиверій повинуется съ видомъ удовольствія; ибо жадность къ почестямъ подавляла въ немъ чувствованіе честности.

Германцы, народъ свободный, воинственный, даже добродѣтельный, сколько позволено быть варварамъ, причиняли безпокойство имперіи. Со времени нападенія Кимвровъ они вознамѣрились перейти за Рейнъ и поселиться въ странѣ благопріятнѣйшей. Дикіе лѣса расли только въ ихъ странѣ, которую раченіе содѣлало плодоносною и перемѣнило самый климатъ. Августъ провелъ три года въ Галліи для приведенія въ безопасное состояніе сей провинціи. Онъ оставилъ тамъ Друза, младшаго брата Тиверіева, который зашелъ въ Германію съ Океана и совершилъ тамъ четыре славныхъ похода. Преждевременная смерть пресѣкла его побѣды. Друзъ, превосходный полководецъ, добрый гражданинъ, умеръ на 31 году отъ рожденія. Тиверій также отличился противъ Паннонцевъ, Даковъ, Далматовъ. Его послали въ Германію, и онъ укротилъ варваровъ. Владычество Римское, по видимому, утвердилось и распространилось въ самомъ нѣдрѣ сей страны; но неукротимые Германцы ожидали только случая для начатія новой войны.

Германская война.

Друзъ умираетъ въ Германіи.

Тиверій имѣетъ тамъ успѣхи.

Августъ отказывается отъ почести за побѣды.

По случаю сихъ походовъ назначили торжественную почесть для Августа. Императоры, такъ какъ начальники всѣхъ войскъ, съ Князьями своего дома, имѣютъ право на почесть, которая возбуждаетъ къ соревнованію великое множество полководцевъ. Однакожъ Августъ отказался отъ оной. Политика его отчасти состояла и въ томъ, чтобъ избѣгать всякой наружной пышности: чѣмъ менѣе онъ показывалъ себя Государемъ, тѣмъ безопаснѣе владычествовалъ. Храмъ Янусовъ, который до Августа дважды только затворялся, затворенъ былъ тогда въ третій разъ во время его царствованія. Около 12 лѣтъ наслаждались миромъ: достопримѣчательное явленіе въ исторіи народовъ.

Храмъ Янусовъ затворенъ.

Постыдныя узаконенія для допущенія въ свидѣтельство невольниковъ противъ господъ своихъ.

Изъ числа новыхъ узаконеній Августа вотъ одно, которое обнаруживаетъ его недовѣрчивость. Запрещено было принимать невольниковъ въ свидѣтели противъ господъ своихъ. Онъ, не смѣя уничтожить сего закона, а почитая его вреднымъ для своей безопасности, сдѣлалъ оборотъ постыдный: приказалъ, что, въ случаѣ измѣны, невольники обвиняемаго въ оной могутъ быть проданы Государю или республикѣ, и тогда ихъ можно допускать во свидѣтельство. Вотъ явное злоупотребленіе законовъ, произтекающее отъ самой законодательной власти; вотъ доказательство, что выгода одного служила для всего закономъ.

Грабитель одобренъ Императоромъ.

Діонъ Кассій выставляетъ важную черту сей своекорыстной политики, которой всегда слѣдовалъ Императоръ. Отпущенникъ Лициній, одинъ изъ его любимцевъ, хитрый и жестокій сборщикъ податей, обременялъ Галловъ налогами по причинѣ своей жадности. Какъ подати платились помѣсячно, а мѣсяцы Іюль и Августъ (прежде Quintilis и Sextilis) еще недавно такъ начали называться, то онъ сдѣлалъ изъ нихъ четыре мѣсяца подъ прежними и новыми названіями, и бралъ двойныя подати. Императоръ, по полученіи многихъ жалобъ, хотѣлъ наказать Лициніа. Но Лициній, открывъ Августу богатства свои, сказалъ: «для тебя я ихъ собралъ; Галлы »могли богатства свои противъ тебя употребить: возьми сіи деньги.« Послѣ того грабитель показался честнымъ человѣкомъ. Многіе Августовы поступки обольщаютъ по наружности добродѣтелію; но чѣмъ болѣе вникаешь въ его характеръ, тѣмъ болѣе находишь обмана; и какъ Октавію можно было сдѣлаться добродѣтельнымъ?

Смерть Мецената.

Августъ весьма много одолженъ былъ своею славою Меценату. Впрочемъ онъ завелъ любовныя связи съ женою сего друга, сего вѣрнаго совѣтника, и дружество охладѣло. Меценатъ былъ Эпикуреецъ, любилъ покой и науки, столь хладнокровный къ почестямъ, что всегда оставался въ званіи всадника; превосходный политикъ, и столько преданный своему Государю, что

выгоды его почиталъ государственными; столько откровенный и даже смѣлый, что объявлялъ ему иногда колкую правду. Однажды Августъ хотѣлъ сдѣлать жестокій приговоръ; Меценатъ, не могши пробраться къ нему сквозь толпу, написалъ на дощечкѣ и бросилъ къ нему оную съ слѣдующими словами: *палачъ, выйди изъ судилища.* Августъ вышелъ, не сдѣлавъ приговора. Скромность сего Государя, по уничтоженіи triумвирства, вѣроятно, была плодъ совѣтовъ Мецената, равно какъ похвалы, приписываемыя ему учеными, были слѣдствіемъ милостей, имъ же Меценатомъ на нихъ изливаемыхъ. Меценатъ умеръ въ 745 году. Августъ сожалѣлъ о семъ человѣкѣ, котораго замѣнить было весьма трудно.

Августъ нещастенъ въ кругу своего семейства.

На верху щастія и могущества, среди божескихъ почестей, рабски воздаваемыхъ, Августъ узналъ наконецъ, что онъ могъ быть нещастливъ. Собственное семейство было для него неизсякаемымъ источникомъ горестей. Дочь его Юлія, которой распутства ему одному только были неизвѣстны, такъ явно предалась волокитству, что онъ почелъ за долгъ донести на нее Сенату и осудить на изгнаніе. Внука его, Юлія же, слѣдовала примѣру матери своей, и подверглась тому же наказанію. Каій и Юлій, предметы его нѣжности и его надежды, коихъ онъ самъ хотѣлъ быть учителемъ, мало соотвѣтствовали его попеченіямъ; и они оба въ удаленіи отъ него умерли, одинъ въ Азіи, а другой въ Марселѣ.

Тиверій, зять Августа, можетъ быть огорчившись предубѣжденіемъ его къ дѣтямъ, или негодуя на поведеніе жены своей, удалился въ Родосъ. Онъ провелъ тамъ 7 лѣтъ, какъ бы въ ссылкѣ. Августъ, не смотря на отвращеніе къ нему, усыновилъ его; потому что, по смерти Цесарей, онъ почиталъ его необходимымъ, и ненавидя его, сдѣлалъ своимъ преемникомъ. Уединеніе Тиверія. Его усыновленіе.

Новый ударъ пронзаетъ душу Августа. Цинна, внукъ Помпеевъ, покушается на жизнь его. Онъ увѣдомляется о семъ; желаніе отмстить и страхъ сдѣлаться ненавистнымъ новыми жестокостями долго колебали его душу. Мудрые совѣты Ливіи убѣждаютъ его простить. Онъ призываетъ Цинну, упрекаетъ его въ вѣроломствѣ, опредѣляетъ его Консуломъ. Цинна здѣлался ревностнымъ отъ того другомъ. Милосердіе ли здѣсь дѣйствовало, или политика; впрочемъ поступокъ сей достойно прославленъ Корнелемъ. Злоумышленіе Цинны.

Когда Германцы и другіе варвары приняли за оружіе, то воины, сражавшіеся уже изъ одной корысти, для умноженія своихъ выгодъ, начали жаловаться на свой жребій. Весьма благоразумно уничтожили раздѣлъ земель, столь часто для нихъ производимый со временъ Силлы и столь вредный для народнаго спокойствія. Имъ опредѣлено было денежное награжденіе. Августъ обѣщалъ имъ выдавать болѣе положеннаго, по двадцати тысячъ сестерцій преторіан- Воины, для умноженія наградъ жалуются на свою участь.

намъ за шестнадцатилѣтнюю службу, и по двенадцати тысячъ легіоннымъ воинамъ за двадцатилѣтнюю выслугу. Большой сестерціи или тысяча сестерціевъ стоили около 176 Французскихъ ливровъ; слѣдовательно каждому преторіанцу выдавалось въ награду около 8800 руб. серебряныхъ.

Ужасныя издержки на войска.

Между тѣмъ тогда было 10 когортъ преторіанскихъ, назначенныхъ для охраненія Императора, и составляющихъ 10,000 человѣкъ; легіоновъ же находилось 26 (*), кромѣ вспомогательныхъ войскъ, почти равныхъ по числу, и еще двухъ флотовъ. Жалованіе всѣмъ симъ войскамъ было несравненно болѣе получаемаго нынѣшними нашими воинами; все сіе производилось сполна. Ужасныя издержки! Но надлежало всемъ жертвовать войску для поддержанія похищенной власти. Августъ учредилъ казну для выдачи жалованья и наградъ воинамъ. Онъ первыя дѣлалъ выдачи такъ, какъ бы государственная казна была совсѣмъ не въ его распоряженіи. Наконецъ онъ учредилъ подать для вношенія въ сію казну, и народъ увидѣлъ себя принужденнымъ давать деньги тѣмъ, кои содержали его въ рабствѣ.

Казни и налоги, на сей предметъ назначенные.

(*) Легіонъ во время Полибія состоялъ обыкновенно изъ четырехъ тысячъ двухъ сотъ человѣкъ пѣхоты и трехъ сотъ конницы. Онъ послѣ умноженъ былъ до пяти и шести тысячъ человѣкъ.

Замѣтимъ здѣсь, что общая Христіянская эра началась, въ 753 году отъ созданія Рима, эпохою Рождества Христова, по древнему мнѣнію. Новѣйшіе хронологисты полагаютъ сію эпоху 4 годами ранѣе, хотя и сообразуются съ общею эрою, которая должна теперь и намъ служить правиломъ въ означеніи лѣтосчисленія. Здѣсь не мѣсто говорить о Христіянствѣ: оно долго было неизвѣстно, доколѣ не просвѣтило народы. Замѣчанія о общей эрѣ.

Тиверій и Германикъ, его племянникъ, сынъ знаменитаго Друза, усмирили Далматовъ и Паннонцовъ, кои возмущеніемъ своимъ произвели безпокойство въ Римѣ. Когда Тиверій спросилъ одного изъ ихъ начальниковъ о причинахъ, побудившихъ къ возмущенію, Ватонъ смѣло отвѣчалъ: *потому что вмѣсто пастырей, кои бы насъ защищали, посылаютъ къ намъ волковъ для терзанія насъ.* Бунтъ у пьсненниковъ варваровъ.

Среди радостныхъ восторговъ, произведенныхъ сею побѣдою, получили въ Римѣ горестное извѣстіе. Варъ, безпечный и сребролюбивый полководецъ въ Германіи, былъ обманутъ Германцами. Нѣкоторые ихъ начальники, особливо знаменитый Арминій, обольстивъ Вара наружными знаками дружества въ то время, когда они взбунтовали своихъ соотечественниковъ, завлекли его на одну засаду, гдѣ онъ увидѣлъ себя вдругъ окруженнымъ и безъ всякой помощи. Три легіона были изрѣзаны; полководецъ убилъ себя изъ отчаянія. Лѣта отъ Р. Хрис. 9. Варъ разбитъ Германцами.

Августъ, услышавъ о семъ, тотчасъ по малодушію своему предался великой печали, которая могла привесть гражданъ въ уныніе тогда, какъ они требовали ободренія. Говорятъ, что онъ бился головою о стѣны и кричалъ: *Варъ, отдай мнѣ мои легіоны.*

Тиверій пріобрѣтаетъ честь въ Германіи.

Императоръ, успокоившись, послалъ Тиверія противъ непріятелей. Въ два похода тишина была, по видимому, возстановлена. Тиверій заслужилъ честь своею бдительностію, точнымъ и строгимъ наблюденіемъ воинскаго порядка, и поступками столько благоразумными, сколько безразсудны были его предшественники. Онъ безъ всякаго громкаго дѣла исполнилъ желанія Августа, и, по возвращеніи своемъ, былъ допущенъ къ управленію Имперіи. 8 Легіоновъ охраняли Рейнъ подъ начальствомъ Германика, о которомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, и котораго рѣдкія достоинства возбудятъ наше сожалѣніе.

Онъ пріобщенъ къ правленію имперіи.

Самовластіе Августа.

Императоръ и въ старости своей сохранялъ всю дѣятельность ума и страсть къ владычеству. Онъ всегда, по наступленіи опредѣленнаго времени, слагалъ и принималъ власть свою, показывая тѣмъ, будто онъ отъ республики получаетъ владычество, которое ее разрушало. Успѣлъ учредить, чтобъ повелѣнія частнаго его совѣта такую же имѣли силу, какъ естьли бы они исходили изъ Сената; самъ по себѣ на одинъ годъ опредѣлялъ ко всѣмъ должностямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы

выборы происходили неспокойно. Словомъ, все зависѣло отъ него. Казнь за оскорбленіе величества, опредѣленная сочинителямъ ругательныхъ листковъ, доказываетъ, что онъ подъ старость сдѣлался строгъ. Сей законъ былъ орудіемъ къ безчеловѣчію въ рукахъ его преемниковъ.

Законъ противъ сочинителей подметныхъ записокъ.

Законъ противъ холостыхъ въ маломъ уваженіи.

Законъ противъ ведущихъ холостую жизнь столь мало былъ уважаемъ, что многіе всадники по распутству своему жили холостыми и безъ опасенія роптали на иго, которое старались возложить на нихъ. Тогда явился новый законъ, называемый Папіа-Поппея, по имени Консуловъ, который увеличивалъ предписанныя казни въ разсужденіи сего безпорядка. По сему закону отбирали въ государственную казну наслѣдства, доставшіяся холостымъ отъ сродниковъ и по завѣщаніямъ. Оба Консула Папій и Поппей сами были виновны противъ сего закона.

Развращеніе служило къ тому великимъ препятствіемъ.

Легко замѣтить, что развращеніе нравовъ во всякомъ родѣ служило препятствіемъ намѣреніямъ законодателя. Священные узы супружества, столь пріятные и столь драгоцѣнные для добродѣтели, суть ужасныя цѣпи для порока. Напрасно издаютъ законы, когда нравы содѣлываютъ ихъ почти ничтожными.

Дворянство унижало себя битвами гла-

Августъ запретилъ всадникамъ биться на шпагахъ, подобно гладіаторамъ; ибо сіе постыдное сумазбродство начало входить въ обыкновеніе у дворянства. Онъ столько

діаторскими.

нашелъ препятствій къ исполненію сего запрещенія, весьма необходимаго, что принужденъ былъ уничтожить оное. Въ послѣдствіи времени нѣкоторые Сенаторы, даже женщины, къ безчестію своему, вступили въ сіи битвы, столько же унизительныя, сколько варварскія и ненавистныя. Нравы Римлянъ всегда представляютъ въ себѣ нѣчто противное человѣчеству; но сей гнусности можно ли было найти что нибудь болѣе?

14. Смерть Августа.

Августъ на 76 году отъ рожденія, въ 44 лѣто царствованія, скончалъ свое поприщѣ съ большимъ мужествомъ, нежели какое показалъ онъ на сраженіяхъ. Онъ, чувствуя приближеніе кончины, сказалъ своимъ наперстникамъ: *не хорошо ли я игралъ свою роль? Комедія кончилась; рукоплещите.* Въ самомъ дѣлѣ, не много лицепредставителей было ему равныхъ на великомъ театрѣ честолюбія и политики. Онъ всегда почти возвышался предъ людьми обманомъ. Но мы, проклинная его лицемѣріе и злодѣянія, коими онъ осквернилъ себя во время тріумвирства, должны признаться, что Римъ, имѣя нужду покориться обладателю, былъ щастливъ, избравъ его, а не другаго. Онъ погасилъ пламя междоусобныхъ браней; возвратилъ изобиліе и миръ; оживилъ земледѣліе; положилъ законами преграду безпорядкамъ; былъ скроменъ въ частной жизни, кротокъ въ правленіи, искусенъ въ выборѣ совѣт-

Царствованіе его достойно нѣкоторой похвалы.

никовъ, постояненъ въ употребленіи оныхъ; наконецъ, онъ управлялъ болѣе какъ Царь, нежели тиранъ.

Его правило въ разсужденіи войны.

Вотъ одно изъ его правилъ: не должно ни предпринимать войны, ни отважиться на сраженіе, естьли не имѣешь много надежды, а мало страха. Поступающихъ иначе онъ сравнивалъ съ тѣми людьми, кои ловятъ рыбу золотыми удами: потеря одной уды можетъ разорить рыболова. Лестныя похвалы, принимаемыя имъ отъ Ораторовъ и Стихотворцевъ тогда только доказываютъ, что онъ покровительствовалъ наукѣ и награждалъ дарованія. Наслаждавшіеся до избыточества его благодѣяніями Виргилій и Горацій курили ему ѳиміамъ признательности ли, не знаю, или ласкательства? Имъ-то онъ особенно одолженъ своею славою. Много, безъ сомнѣнія, и политика заставляла покровительствовать такихъ людей, кои могли очаровать современниковъ и заслужить одобреніе отъ всѣхъ вѣковъ.

Онъ умѣлъ пріобрѣсть похвалы отъ ученыхъ.

Вкусъ до него образовался.

Грубо бы обманулись мы, ежелибъ Августу приписали всю честь учрежденія изящнаго вкуса, въ его время царствовавшаго. Лукрецій, Цицеронъ, Саллюстій, Цесарь и проч. до него процвѣтали. Римляне научились отъ Грековъ изображать и украшать природу. Вкусъ образовался, просвѣщеніе распространялось. Наконецъ Комедія, Краснорѣчіе, Исторія, Философія произвели отличныя свои тво-

ренія. Оставалось только спорить о преимуществѣ съ Гомеромъ и Пиндаромъ. Виргилій и Горацій, друзья Августовы и Меценатовы, потрудились надъ симъ съ успѣхомъ. Овидій, не смотря на его блестящіе недостатки, занимаетъ отличное мѣсто между сочинителями сего вѣка. Дурное поведеніе подвергло его немилости; онъ умеръ въ ссылкѣ, гдѣ непрестанно стенялъ въ стихахъ своихъ, и, что всего постыднѣе, воспѣвалъ подлыя похвалы Императору, думая лестію пріобрѣсть окончаніе своимъ горестямъ.

Греки превосходнѣе Римлянъ въ Философіи.

Римляне, по щастливымъ своимъ дарованіямъ, способны были ко всему, и они, подражая Грекамъ, многіе роды словесности такъ усовершенствовали, что кажутся творцами. Что же касается до Философіи, Лукрецій и самый Цицеронъ старались только изъяснить съ пріятностію приняты отъ другихъ мнѣнія. Новѣйшимъ предоставлено было превзойти всѣхъ древнихъ Философовъ, и вмѣсто догадокъ употребить наблюденіе, а вмѣсто системъ разумъ.

ТИВЕРІЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отъ восшествія на престолъ Тиверія до смерти Германика и Пизона.

Говорили, будто Августъ для того избралъ своимъ преемникомъ Тиверія, чтобъ противоположностію умножить свою славу. Подозрѣніе, столь мало сообразное съ истиною, происходило отъ злобы человѣческой, которая любитъ намѣренія великихъ людей обращать въ пороки. Но правленіе Тиверіево дѣйствительно было ничто иное, какъ ненавистная тиранія, которая могла доставить новый блескъ памяти Августа. 14. Тиверій восходитъ на престолъ.

Сей Государь, потомокъ древняго поколѣнія Клавдіевъ, вступивъ на престолъ 55 лѣтъ, имѣя великій умъ, великія способности и съ опытностію соединялъ качества души черной, недовѣрчивой, жестокой и вѣроломной. Всѣ чувствованія свои онъ прикрывалъ личиною, и дѣлалъ ихъ для другихъ тѣмъ болѣе опасными. Онъ съ первыхъ поступковъ показалъ себя тираномъ хитрымъ и кровожаднымъ. Августъ усыновилъ одного изъ дѣтей Агриппы, и замѣтивъ въ немъ одни только пороки, свойственные душѣ жестокой, сослалъ его въ заточеніе. Юный Агриппа былъ живъ еще въ своемъ заточеніи. Тиверій опасается Его характеръ. Онъ прика-

зываетъ умертвить юнаго Агриппу.

его, приказываетъ умертвить, и убійцѣ, исполнителю его приказаній, угрожаетъ, что онъ донесетъ на него правосудію. Кто же не замѣтитъ злодѣйства, прикрывающаго свои мерзости личиною лицемѣрія?

Онъ заставляетъ просить себя о принятіи правленія.

Послѣ таковаго начала, Тиверій, вступивъ уже въ управленіе верховною властію и возобладавъ начальствомъ надъ войсками, дѣлаетъ видъ Сенату, будто отказывается отъ власти, управляемой имъ, какъ наслѣдникомъ Августа. Увеличиваетъ труды, съ нею соединенные; представляетъ, что не довольно для того одного человѣка; что тяжесть сія, раздѣленная на многихъ, будетъ сноснѣе; что между толикимъ множествомъ знаменитыхъ гражданъ есть такіе, кои могутъ подкрѣплять его. Показываютъ видъ, будто не проникаютъ его сердце; повергаются въ ноги, умоляя его не оставить республики. Онъ еще сопротивляется. Наконецъ, какъ бы преклонившись на прозьбы Сената, соглашается принять на себя правленіе, доколѣ не сочтутъ за нужное облегчить его старость.

Онъ хотѣлъ узнать мысли Сенаторовъ

Сія комедія, безъ сомнѣнія, сдѣлана тотъ конецъ, чтобъ ослѣпить народъ и разставить сѣти Сенаторамъ, коихъ мысли хотѣлъ о себѣ узнать Тиверій. Тѣ изъ нихъ, кои отъ негодованія или малодушія изъяснялись вольно, скоро испытали его ненависть. Почти всѣ учились, какъ говорить, какія дѣлать пѣлодвиженія, дабы избѣгнуть

подозрѣнія. Вотъ искусные невольники тирана свирѣпаго и подозрительнаго. Вздумали украсить почестями Ливію, мать его, вдову Августа, потому что она довѣренностію своею у Августа основала щастіе Тиверія. Тиверій, подъ видомъ скромности, сему воспротивился, опасаясь, чтобъ собственное его величіе не потерпѣло какого умаленія. Онъ, подобно Августу, отвергъ титулъ *Государя, повелителя. Я повелитель моихъ невольниковъ*, говорилъ онъ, *предводитель воиновъ и начальникъ гражданъ.*

Поступки его сначала соотвѣтствовали симъ выраженіямъ. Онъ извѣявилъ Сенату необычайное уваженіе, совѣтовался съ нимъ, распространилъ даже власть его, перенесъ право избранія отъ народа, коимъ онъ еще пользовался, по крайней мѣрѣ по наружности. Почиталъ Консуловъ, уважалъ законы и обыкновенія; заставлялъ судить справедливо, облегчалъ отъ тяжести провинціи; онъ говорилъ, что *добрый пастырь долженъ стричъ овецъ, а не сдирать съ нихъ кожи.* Терпѣливо сносилъ злорѣчіе и колкости; *потому что*, говорилъ онъ, *въ государствѣ свободномъ мысли и языкъ должны быть свободны.* Сіе благоразумное поведеніе вѣроятно проистекало отъ страха, чтобъ Германикъ, покрывшій себя славою въ Германіи, не свергнулъ его съ престола. Тиранъ тотчасъ снялъ съ себя личину, коль скоро могъ предаться свободно стремленію страстей своихъ.

Онъ сначала управлялъ престъ мудро, опасаясь, чтобъ Германикъ не свергнулъ его съ престола.

Возмущеніе войскъ въ Паннониі.

Два возмущенія въ войскахъ возродили въ немъ безпокойство. Первое случилось въ Паннониі, гдѣ были 3 легіона подъ начальствомъ Блеза. Воины во время нѣсколькихъ дней спокойствія, размышляя о трудахъ, соединенныхъ съ ихъ состояніемъ, отъ ропотовъ простерлись къ злоумышленіямъ. Они безъ всякаго опасенія потребовали себѣ прибавки жалованья; сверхъ того, чтобъ по прошествіи 16 лѣтъ въ службѣ не удерживали ихъ подъ знаменами и вдругъ съ отставкою выдавали бы имъ и награжденіе. Дошли до такой наглости, что начали оскорблять дерзко своихъ чиновниковъ и учредили трибуналъ, какъ бы для возведенія Императора. Тиверій столько почелъ зло сіе опаснымъ, что тотчасъ послалъ сына своего Друза. Безъ затмѣнія луны, безъ тучь, потрясшихъ суевѣріе воиновъ, сей юный Князь, можетъ быть, не успѣлъ бы привести ихъ къ послушанію. Нѣкоторые казнены были смертію, прочіе возвратились къ повиновенію.

Другое возмущеніе въ Германіи.

Тѣ же самыя причины и такое же произвели дѣйствіе въ Германіи, съ тою только разностію, что войско тамъ было гораздо многочисленнѣе, и Германикъ, предводительствовавшій онымъ, обожаемый своими воинами, могъ бы воспользоваться симъ обстоятельствомъ для похищенія власти Императорской. Тиверій, противъ собственнаго желанія, усыновилъ его: онъ взиралъ

завистливымъ окомъ на достоинства Германика, на его славу и общую всѣхъ любовь къ нему. Не смотря на то Германикъ пребылъ вѣренъ. Онъ тогда по должности полководца, занимаясь дѣлами въ Галліи, услышалъ тамъ о возмущеніи своихъ войскъ. Они надѣялись, что Германикъ тотчасъ поведетъ ихъ для отнятія престола, котораго онъ весьма достойнымъ себя показывалъ, и на которомъ возсѣдая тиранъ, уже заставлялъ себя проклинать. Но юный Князь любилъ болѣе свои обязанности, нежели щастіе. При первомъ извѣстіи о возмущеніи онъ отправляется поспѣшно для погашеніе его: воины въ бѣшенствѣ; ни упреки его, ни прозьбы ихъ не трогаютъ. Германикъ поднимаетъ руку и хочетъ предъ ними поразить себя. Между тѣмъ какъ его отъ того удерживаютъ, одинъ изъ бунтовщиковъ подаетъ ему мечь свой съ сими словами: *этотъ лучше*. Не взирая на сіе ужасное неистовство, Германикъ погашаетъ бунтъ своею твердостію, соединенною съ кротостію. Воины приходятъ въ чувство и умерщвляютъ главнѣйшихъ виновниковъ. Они, для заглажденія своего преступленія, просятъ, чтобъ полководецъ выступилъ съ ними противъ Германцевъ; нападаютъ на нихъ, истребляютъ. Великая побѣда, одержанная надъ Арминіемъ, въ такое привела уныніе сихъ варваровъ, что Германикъ льстился покорить ихъ въ короткое время. Тиверіи, мучимый подозрѣ-

Германикъ, вмѣсто того, чтобъ воспользоваться онымъ, усмиряетъ его.

16. Онъ разбиваетъ Арминія.

ніями и всегда скрывающій оныя, вызвалъ въ Римъ Германика, будто для доставленія ему спокойствія и почестей.

Тиверій начинаетъ обнаруживать свою жестокость.

Коварство Тиверія обнаруживалось по временамъ посредствомъ знаковъ жестокости, предвѣщавшихъ плачевную будущность. Имѣніе Августа, отказанное народу, сперва не было выдано; почему одинъ острякъ, подошедши къ мертвецу, выносимому для погребенія, просилъ его напомянуть Августу, что завѣщанія его не выполняютъ. Тиверій узналъ о семъ, призвалъ къ себѣ сего человѣка, выдалъ ему часть, слѣдующую по завѣщанію, и приказалъ тотчасъ его умертвить. *Поди*, сказалъ онъ, *донеси отцу моему, что я выполняю его завѣщаніе.* Кротость, оказываемая имъ къ поносителямъ, вскорѣ оказалась ложною. Скоро преступленіе въ оскорбленіи величества, на письмѣ или и на словахъ выраженное, вооружило злобу доносителей противъ добродѣтели честныхъ гражданъ.

Преступленіе въ оскорбленіи величества.

Обвиненіе въ святотатствѣ.

Два гражданина, подъ самымъ пустымъ предлогомъ, обвинены были въ святотатствѣ въ разсужденіи почитанія Августа. Императоръ весьма благоразумно остановилъ розысканія, сказавши: *богамъ должно предоставить мщеніе за свои оскорбленія.* Но жизнь его содѣлалась непонятною смѣсію превосходныхъ правилъ и жестокости, правосудія и тиранства. Знать добро, повелѣвать дѣлать оное часто, чаще дѣлать зло, и дѣлать его съ злобнымъ намѣреніемъ, вотъ жизнь Тиверія.

Германикъ, по возвращеніи своемъ, былъ удостоенъ великолѣпнаго торжества за свои побѣды. Чѣмъ болѣе вообще оказывали ему почтенія и любви, тѣмъ болѣе тайная ненависть Императора противъ него воспалялась. Для удаленія предмета столь ненавистнаго, а можетъ быть и для освобожденія отъ онаго посредствомъ злодѣянія, онъ послалъ Германика предводителемъ въ Азію, гдѣ многія провинціи потрясаемы были возмущеніями и гдѣ вѣрность легіоновъ была сомнительна. Въ то же самое время онъ поручилъ правленіе Сиріи Пизону, человѣку наглому и высокомѣрному, весьма способному къ произведенію великаго злодѣянія. Германикъ посланъ въ Азію по злобѣ Императора. Пизонъ, правитель Сиріи.

Двенадцать лучшихъ городовъ въ Малой Азіи были сего года разрушены землетрясеніемъ. Бѣдствія, происходящія отъ природы, по видимому, были предвозвѣстіемъ золъ гораздо ужаснѣйшихъ. Первыя, по крайней мѣрѣ, погубляли только нѣкоторое число людей въ одной какой странѣ; другія, имѣя начало свое въ злобѣ Государя и въ порокахъ подданныхъ, должны были нанесть глубокую рану всей вообще Имперіи. Землетрясеніе.

Все, чего надлежало ожидать отъ Князя любезнаго, храбраго, искуснаго, все то здѣлалъ Германикъ на Востокѣ. Онъ вездѣ возстановилъ спокойствіе; далъ Царя Арменіи, раздираемой несогласіемъ; Комагену и Каппадокію обратилъ въ провинціи Римскія, и, исполняя свое порученіе, привлекъ Успѣхи Германика.

Ему противорѣчитъ во всемъ Пизонъ.

къ себѣ всѣхъ сердца. Но, пріѣхавши въ Сирію, онъ находитъ Пизона столько грубымъ и высокомѣрнымъ, сколько иностранцы были послушны. Сей правитель противится его намѣреніямъ, презираетъ приказанія, умножаетъ непрестанно поводы къ жалобамъ. Онъ столь далеко простеръ свою дерзость, что Германикъ наконецъ повелѣваетъ ему удалиться. Вскорѣ потомъ Князь сей впадаетъ въ опасную болѣзнь, и, умирая въ Антіохіи, заклинаетъ друзей своихъ отмстить за смерть его Пизону, который, какъ онъ полагалъ, отправилъ его ядомъ. Онъ жилъ 34 года.

19. Германикъ къ величайшему сожалѣнію умираетъ.

Пизонъ обвиненъ въ Римѣ.

Азіятцы, Римляне, всѣ погрузились въ отчаяніе; всѣ, казалось, лишились своего отца, своей единственной надежды. Пизонъ успѣлъ вступить въ свое правленіе. Онъ выгнанъ былъ и принужденъ возвратиться въ Италію, гдѣ ожидали его обвинители. Агриппина, вдова покойнаго знаменитаго Князя, переноситъ въ Римъ прахъ его. Она принята была съ чрезвычайными почестями. Народныя чувствованія обнаруживаются при погребательныхъ обрядахъ. Негодованіе заглушаетъ стоны. Пизонъ тотчасъ обвиненъ былъ лично. Тиверій желалъ бы отвратить ударъ. Смерть Германика, естественная ли, или насильственная, была для него виною радости среди всеобщаго унынія, въ которомъ и онъ, по видимому, участвовалъ. Его самаго почитали главнымъ виновникомъ въ оной. Находясь

—

не въ силахъ остановить суда и желая показаться безпристрастнымъ, Тиверій отослалъ дѣло въ Сенатъ; впрочемъ успѣлъ дать ему на замѣчаніе, что чрезмѣрная горячность, съ каковою возставали противъ обвиняемаго, для него непріятна.

Много было представлено причинъ къ обвиненію: совершенное своевольство, позволенное воинамъ, для привлеченія ихъ на свою сторону; дурные поступки съ честными людьми, и особливо съ друзьями Германика; ядъ и чародѣйство, употребленные для истребленія сего Князя. Пизонъ опровергнулъ послѣднее доказательство, но въ прочихъ не могъ защититься. Онъ, примѣтивъ, что Тиверій не оказывалъ никакого знака участія, ни жалости, удалился безъ надежды; написалъ Императору письмо о неоставленіи дѣтей своихъ, и на другой день нашли его мертваго въ своемъ покоѣ. Его дѣла и смерть.

Нѣкоторые думали, что Тиверій велѣлъ умертвить его, опасаясь, дабы онъ въ оправданіе свое не показалъ повелѣній, данныхъ ему въ разсужденіи Германика. Все основывается на подозрѣніяхъ и догадкахъ. «Важнѣйшія дѣла, говоритъ Тацитъ, весьма »обоюдны; потому что одни носящіеся слу»хи принимаютъ всѣ за достовѣрные, другіе »съ намѣреніемъ скрываютъ истину, и сіи »противорѣчія изъ вѣка въ вѣкъ переливаются.» Сіе правило большею частію относится до дѣлъ двора, покрытыхъ таинственнымъ мракомъ, и способныхъ къ при- Подозрѣнія на Тиверія въ разсужденіи сего дѣла.

нятію всѣхъ на себя оборотовъ, какіе только можетъ имъ дать умъ пристрастный.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Правленіе Тиверія до заговора Сеянова.

Поступки Императора возбуждаютъ страхъ.

Угрюмый характеръ Императора, обоюдныя слова, тонкая хитрость, уединеніе, куда онъ началъ удаляться отъ взоровъ людей, умножили страхъ и недовѣрчивость. Поведеніе Друза, его сына, бывшаго тогда Консуломъ, друга роскоши и забавъ, казалось превосходнѣе. *Шутъ* говорили, *лучше проводитъ онъ дни на зрѣлищахъ, а ночи убиваетъ въ пиршествахъ, нѣтъ предается наединѣ и безъ забавъ унылой задумчивости и пагубнымъ заботамъ.* Слово, невинная шутка, самая бездѣлка, истолкованная въ худую сторону, обращаемы были въ преступленіе оскорбленнаго величества. Старый Преторъ едва не былъ осужденъ за то, что во время исправленія естественной нужды не снялъ перстня, на которомъ было изображеніе Тиверія. Одинъ всадникъ Римскій, видя Друза крайне больнымъ, написалъ похвальныя стихи на смерть его, и по неразумію своему прочиталъ ихъ въ нѣкоторомъ собраніи; на него донесли Сенату; осудили на смертную казнь и казнили. Тиверій не опорочилъ сего рѣшенія; онъ жаловался на то только, что не дождались его приказаній, и учредилъ, чтобъ приговоры Сенатскіе не прежде были

Ужасное злоупотребленіе доносителей.

Исполненіе сенатскихъ приговоровъ

исполняемы, какъ по прошествіи 10 дней; впрочемъ не для того онъ положилъ сіе, чтобъ смягчить ихъ, но чтобъ въ небытность можно было увѣдомлять его въ надлежащее время о всѣхъ приговорахъ.

ровъ отложено на 10 дней.

Римляне, стенающіе подъ игомъ тиранства, радовались о возмущеніи Галловъ, которое подавало имъ нѣкоторую надежду къ перемѣнѣ Государя. Они обманулись въ своей надеждѣ. Какъ они, такъ и Галлы были опять укрощены. Но что думать о такомъ правленіи, гдѣ радуются возмущенію?

Радуются, что Галлы взбунтовались.

Между тѣмъ Тиверій посредствомъ политическихъ предосторожностей всегда избѣгалъ того, чтобы могло привесть его въ большую ненависть, безъ всякой для него выгоды. Многократно убѣждали его пресѣчь излишнюю роскошь, которая, особливо при столахъ, была чрезвычайна: за рѣдкую рыбу въ четыре фунта съ половиною платили по пяти тысячь сестерціевъ; добрый поваръ, лакомый кусокъ стоили чрезмѣрно дорого; раззорялись одни предъ другими на безумныя прихоти. Императоръ любилъ умѣренность и служилъ примѣромъ въ оной, однако не захотѣлъ посрамить власть свою безполезнымъ умноженіемъ законовъ и наказаній, увѣренъ будучи, какъ и Тацитъ думаетъ, что лучше не безпокоить пороковъ, сильно укоренившихся, нежели показать слабость въ истребленіи оныхъ. Онъ замѣтилъ, что послѣдніе за-

Тиверій не соглашается издать законовъ для пресѣченія роскоши, потому что предусматриваетъ безполезность оныхъ.

коны противъ излишней расточительности, сіи законы, отъ которыхъ ожидали много добра, не только не обуздали или не искоренили роскоши, но еще умножили страсть къ оной; «ибо ежели желаютъ «чего незапрещеннаго, то еще опасаются «запрещенія, присовокупилъ онъ; но когда «запрещеніе здѣлано и безъ наказанія нарушено, то ни страхъ, ни стыдъ, ничто «уже не удерживаетъ.«

Онъ въ семъ случаѣ справедливъ.

Тиверій въ семъ случаѣ справедливъ. Издать законы мудрые сами по себѣ, но не видѣть возможности къ исполненію оныхъ значитъ подать поводъ къ величайшему злу, къ презрѣнію законовъ. Въ такомъ государствѣ, гдѣ крайнее неравенство въ имѣніяхъ пораждаетъ всѣ пороки, какъ удержать буйство богачей? Предпиши правила для издержекъ тѣмъ богачамъ, кои сыплютъ золото, но не знаютъ правильнаго его употребленія: они будутъ наполнять имъ свои кладовыя; кругообращеніе прервется; бѣдные отъ того будутъ еще бѣднѣе. Гораздобъ удобнѣе можно было изгнать роскошь посредствомъ освобожденія народа отъ податей, отъ которыхъ онъ стенаетъ весьма часто, и наложить оныя на тѣхъ, кои до излишества богаты. Но для исполненія сего предположенія много потребно и благоразумія и твердости.

Средство изгнать роскошь.

Злоупотребленіе суевѣрія, весьма иногда опасныя, столь же трудно исправить, какъ и злоупотребленія богатствъ. Жаловались

Злоупотребленіе убѣ-

на множество убѣжищъ, учрежденныхъ въ Греціи, въ которыхъ невѣрные рабы, вѣроломные должники и вообще всѣ злодѣи обрѣтали пагубную безопасность отъ наказанія. »Никакая власть, по мнѣнію Тацита, »не могла укротить возмущеній того на»рода, который преступленія свои прикры»валъ обязанностями вѣры.« О семъ предметѣ было разсуждаемо въ Сенатѣ. Повѣренные отъ многихъ Греческихъ городовъ защищали здѣсь то, что почитали для себя полезнымъ зломъ. Какъ бы то ни было, Сенатъ, потому ли, что водился предразсудкомъ, или опасался отъ суевѣрнаго народа возмущеній, оставилъ убѣжища, съ нѣкоторыми только важными ограниченіями.

жищѣ въ Греціи удержано съ нѣкоторыми ограниченіями.

22. Раболѣпство и подлость Сената.

Съ нѣкотораго времени Императоръ, удалившись въ Кампанію, сѣтовалъ въ своемъ уединеніи; опасность и безпокойство вездѣ его сопровождали. Онъ, по причинѣ болѣзни матери своей, пріѣзжаетъ въ Римъ. Сенатъ предъ нимъ еще болѣе пресмыкается, еще болѣе унижается. Тиверій даже наскучилъ его подлостями и обнаружилъ свое неудовольствіе. Повѣствуютъ, что онъ при выходѣ изъ собраній сказалъ: *о, какіе друзья рабства!*

Происшествіе сего рода.

Происшествія, упоминаемыя Тацитомъ, могутъ показать характеръ сихъ невольниковъ тираніи. На Эннія, всадника Римскаго, донесли, что онъ серебряное изображеніе Тиверія употребилъ въ посуду. Государь отвергъ столь подлый доносъ.

Капитонъ, знаменитый правоискусникъ, но подлый ласкатель, изъ лести къ Государю жаловался на сіе, будто бы онъ, по скромности своей, оставилъ злодѣйство противъ республики безъ наказанія.

Сынъ обвиняетъ отца.

Между тѣмъ доносы, ободряемые наградами, непрестанно умножались. И вотъ чудо: сынъ обвиняетъ отца! Отецъ предсталъ въ узахъ, поражаемый печалію; сынъ доносилъ на него съ веселымъ и увѣрительнымъ видомъ. Нещастный отецъ былъ отправленъ въ ссылку. Нѣкоторые изъ судей приговорили его къ смерти, потому что Тиверій его ненавидѣлъ. Чего не могутъ здѣлать, когда управляются единственно своею корыстію и страстями другаго!

Кремуціево дѣло въ разсужденіи сочиненій.

Кремуцій Кордъ, откровенный историкъ, выхвалилъ Брута, назвалъ Кассія *послѣднимъ изъ Римлянъ*. Онъ обидѣлъ Сеяна, достойнаго любимца, достойнаго совѣтника такого Императора, почему не могъ избѣжать мщенія. Кордъ обвиненный, видя погибель свою, не измѣнилъ мужеству.

Защищеніе Кремуція.

Такъ Тацитъ представляетъ его говорящимъ въ Сенатѣ: «обвиняютъ слова мои, «потому что поступки мои невинны. Всѣ «историки съ почтеніемъ говорили о Брутѣ и Кассіи. Остается и теперь много «колкихъ сочиненій на Августа и Цесаря. «Сіи великіе люди сносили ихъ терпѣливо, «съ толикимъ, можетъ быть, благоразуміемъ, съ коликою и кротостію: ибо руга-

»тельства исчезаютъ, когда ихъ презира»ютъ: они кажутся справедливыми, когда »ими оскорбляются. Всегда позволено было »говорить свободно о умершихъ, которые »не имѣютъ нужды въ милости и не стра»шатся ненависти. Потомство отдаетъ »каждому справедливость; и ежели я осуж»денъ, то вспомнятъ не только о Брутѣ и »Кассіи, но еще и о мнѣ.«

Онъ вышелъ изъ Сената и рѣшился избавиться отъ приговора произвольною смертію. Вотъ средство обмануть жадныхъ доносителей, которые получали добычи отъ обвиненныхъ уже послѣ осужденія. Не смотря на то, онъ исполнилъ свое намѣреніе. Книги его осуждены были Сенатомъ на сожженіе, но они скоро опять явились въ народѣ и заслужили великое одобреніе. Тацитъ, въ разсужденіи Кремуція и его сочиненій, замѣчаетъ, что свирѣпость противъ умовъ умножаетъ ихъ власть, и никто не простирался до такової жестокости, не посрамивъ себя и не возвысивъ славы писателей.

Смерть его.

Книги его напрасно осуждены.

Пребываніе въ Римѣ сдѣлалось несноснымъ для Императора. Онъ здѣсь былъ какъ бы связанъ, потому что всѣ видѣли его пороки. Свобода, которой едва оставались нѣкоторые слѣды, и ласкательство, повергающееся предъ нимъ, равно его раздражали. Онъ не могъ терпѣть высокомърія Ливіи, своей матери, которой одолженъ былъ Имперіею; мысль о семъ благодѣяніи

26. Императоръ оставляетъ Римъ и удаляется въ Капрею.

оскорбляла его самолюбіе. Наконецъ онъ простился навсегда съ городомъ, взявъ съ собою одного Сенатора, нѣсколько всадниковъ и небольшое число ученыхъ Грековъ, коихъ общество его увеселяло. Онъ запретилъ всѣмъ его безпокоить, и пребываніе въ Кампаніи не почитая довольно уединеннымъ, удалился на островъ Капрею, извѣстный его неистовствами и распутствомъ. Тамъ, въ удаленіи отъ людей и дѣлъ, Тиверій старался оживить свою дряхлость всемъ, что только порокъ можетъ выдумать безчестнѣйшаго. Сеянъ, котораго намѣренія скоро обнаружатся, не мало способствовалъ къ тому, чтобъ Императоръ жилъ въ своемъ уединеніи. Онъ возбуждалъ въ немъ искусно отвращеніе къ столицѣ Имперіи. Сей злодѣй возвышалъ чрезъ то свое могущество.

Случайныя бѣдствія.

Пятдесятъ тысячь зрителей, убитыхъ или изувѣченныхъ въ Фиденахъ по причинѣ паденія амфитеатра, и вся четвертая часть Рима, обращенная въ пепелъ отъ пожара, суть маловажныя происшествія въ Исторіи въ сравненіи съ бѣдствіями, проистекающими отъ злобы, соединенной съ могуществомъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Заговоръ Сеяна. — Конецъ царствованія Тиверія.

Сеянъ, совѣтникъ столько же злый, какъ и Государь, имѣлъ безпредѣльную власть надъ симъ недовѣрчивымъ умомъ, которому все казалось подозрительнымъ. Изъ простаго всадника Сеянъ взошелъ происками на верхъ щастія, и возвысившись, простеръ свои желанія къ полученію достоинства своего обладателя. Разсмотримъ черты его честолюбивой политики. Какая нужда въ соблюденіи порядка временъ, только бы мы знали людей и цѣпь происшествій.

Сеянъ, полновластный совѣтникъ Государя, домогается верховной власти.

Сеянъ, сдѣлавшись Префектомъ когортъ проторіанскихъ, сообразилъ, что онъ можетъ получить великія выгоды отъ сего воинскаго начальства, которое до сего времени было маловажно. Подъ видомъ благоустройства въ войскѣ, онъ собралъ въ одинъ станъ всѣ когорты, разсѣянныя въ Римѣ или по сосѣдственнымъ городамъ. Такимъ образомъ Сеянъ подъ начальствомъ своимъ имѣлъ цѣлое войско, которое тѣмъ ему полезнѣе было, что оно расположено было станомъ у воротъ столицы.

Онъ составилъ для себя войско изъ Проторіанскихъ тѣлохранителей.

Хотя домъ Императорскій былъ многолюденъ, однако онъ смѣло вознамѣрился возвыситься на погибели онаго. Друзъ, сынъ Императора, котораго Сеянъ лично ненавидѣлъ, палъ первый отъ его ударовъ,

Его злодѣянія для истребленія Именитыхъ

ператорскаго дома. Онъ развратилъ жену Друза, сестру Германикову, хотѣлъ на ней жениться, обнадеживъ ее полученіемъ власти Императорской. Друзъ скончался отъ медлительнаго яда. По прошествіи двухъ лѣтъ Сеянъ началъ просить у Тиверія вдовы себѣ въ замужество. Сей Монархъ не подозрѣвалъ Сеяна въ злодѣяніи; однако съ кротостію отказалъ ему въ желаемомъ, или лучше представилъ ему неудобства къ браку слишкомъ несоразмѣрному. Сыновья Германиковы, наслѣдники Императора, мать ихъ Агриппина, Княгиня гордая и мужественная, знали также злодѣйство Сеяново. Сеянъ употребилъ средства къ погубленію ихъ: присмотрщиковъ, тайныя сѣти, ложные доносы. Они были Германиковы; а сего уже и довольно было для ненависти Тиверія. Тиранъ всему повѣрилъ; онъ написалъ на нихъ въ Сенатъ. Агриппина со старшимъ сыномъ отправлены были въ ссылку, какъ враги отечества. Вторый сынъ заключенъ въ темницу. Третій, Каій Калигула, былъ въ послѣдствіи времени усыновленъ Тиверіемъ и униженіемъ своимъ сыскалъ для себя безопасность.

29. Его успѣхъ. Съ сего времени Сеянъ болѣе началъ владычествовать надъ Имперіею, нежели самъ Императоръ. Тиверій, окруженный присмотрщиками, по слѣпой довѣренности, дѣлалъ все по его желаніямъ. Сеянъ, располагая всемъ: однихъ привязывалъ къ себѣ надеждою, другихъ страхомъ.

Сеянъ покушается на жизнь Императора.

Онъ ничѣмъ не отличался отъ Императора; ему отдавали тѣ же почести. Ему оставался одинъ только шагъ для увѣнчанія своихъ злодѣяній, то есть, погубить Тиверія и похитить верховную власть. Все, можетъ быть, было къ тому приготовлено. Тайный доносъ, или недовѣрчивость и зависть, открыли наконецъ глаза Государю, котораго дружество, при малѣйшемъ подозрѣніи, могло обратиться въ непримирную ненависть.

31. Тиверій хитрымъ образомъ избавляется отъ Сеяна.

Пробудилась политика Императора, и спасла его. Онъ, не смѣя вдругъ обнаружить тайны, ни употребить строгости, прибѣгаетъ къ хитрости, ослѣпаетъ Сеяна ласками, опредѣляетъ его Консуломъ, и слѣдовательно почтеннымъ образомъ его удаляетъ. Коль скоро новый Консулъ явился въ Римѣ, Тиверій непонятнымъ образомъ испытываетъ умы, держитъ ихъ въ недоумѣніи: то оказываетъ Сеяну знаки неудовольствія, и отдаляетъ отъ него обожателей; то извѣщаетъ къ нему довѣренность, и останавливаетъ его въ своемъ предпріятіи. Мало по малу истина открывается; проникаютъ намѣренія самовластнаго обладателя, и отклоняются отъ Консула. Наконецъ приходитъ Макронъ, новый Префектъ Преторіянскихъ войскъ, съ письмами въ разсужденіи Сеяна. Письмо прочитали въ Сенатѣ. Взяли Сеяна подъ стражу, почти въ то же время осудили его и казнили.

Вѣроломство друзей Сеяновыхъ.

За минуту предъ симъ Сенаторы, обманувшись въ молвѣ, распущенной Макрономъ, будто Императоръ дѣлаетъ Сеяна участникомъ въ Трибунской власти, усугубили предъ нимъ свои ласкательства и преданность. Какъ корысть унижаетъ людей! Тѣ, кои съ величайшимъ раболѣпствомъ повергались предъ Сеяномъ въ щастіи, самымъ дерскимъ образомъ оскорбляли его въ нещастіи. Никогда ложные придворные друзья не обнаруживали болѣе своего обмана, а народъ буйнаго легкомыслія. Трупъ Сеяновъ поверженъ былъ на поруганіе, статуи его были разбиты; дѣтей его осудили на смерть, даже и дочь, хотя она и была въ самомъ нѣжномъ возрастѣ.

Тиверій предается безъ пощады жестокости.

Тиверій затрепеталъ и съ самаго начала сего позорища до совершеннаго окончанія онаго укрывался. Тщетно народъ льстился видѣть облегченіе, какъ бы главною причиною жестокости былъ правитель Сеянъ. Но Императоръ, давъ свободу страстямъ своимъ и наклонности, превзошелъ все, что видали подобное. Жизнь гражданъ была игралищемъ его безчеловѣчія. Мало того, чтобъ умерщвлять, но чтобъ и смерть ихъ была жестокая. Когда одинъ изъ сихъ нещастныхъ умертвилъ себя своею рукою, Императоръ вскричалъ съ досадою: *онъ ушелъ отъ рукъ моихъ.*

Ужасные доносы.

Безчестное ремесло доносщика вошло въ такое обыкновеніе, что члены Сената не краснѣли онаго. Происшествія, повѣствуе-

мый Тацитомъ и Светоніемъ, заставляютъ трепетать отъ ужаса. Для насъ довольно одного. Фузія, мать друга Сеянова, женщина весьма старая, была казнена за слезы о смерти своего сына. Сіи убійства исполнялись судебнымъ порядкомъ по приговору Сената; и вотъ крайнее безчеловѣчіе: судилище, бывшее нѣкогда столь священнымъ, содѣлалось орудіемъ жестокости. Наконецъ Тиверій утомился ожиданіемъ судопроизводствъ. Онъ приказалъ умертвить всѣхъ содержавшихся въ темницѣ по дѣлу Сеянову. Взоръ на кучи труповъ поражалъ живѣйшимъ прискорбіемъ; однакожъ не позволено было показывать и малѣйшаго знака горести.

Умерщвленіе подозрѣваемыхъ людей.

Среди сихъ жестокостей Тиверій непрестанно погружался въ свои распутства и старался скрывать поступки свои отъ взоровъ народа. Онъ, не зная никакой болѣзни и презирая врачебное искусство, смѣялся надъ тѣмъ, кто достигнувъ 30 лѣтняго возраста, не умѣлъ самъ управлять своимъ здоровьемъ. Между тѣмъ, чувствуя старость, началъ помышлять о избраніи преемника. Изъ дѣтей Германиковыхъ одинъ младшій, Каій, оставался въ живыхъ. Юноша 24 лѣтъ, любимый народомъ, изъ уваженія къ отцу, велъ себя, какъ искусный придворный льстецъ. Императоръ не любилъ его, примѣчалъ непостоянство характера и хотѣлъ предпочесть ему Тиверія Гемелла, сына Друзова, внука

Тиверій колеблется въ избраніи своего преемника и ничего не дѣлаетъ рѣшительнаго.

Каій Калигула.

по крови; напротивъ того Каій имѣлъ право на преемство по одному усыновленію. Но Гемелль былъ только 17 лѣтъ, и распутство матери его Ливиллы заставляло сомнѣваться о законномъ его рожденіи. Тиверій, находясь въ замѣшательствѣ, предоставилъ судьбѣ на рѣшеніе.

37. Тиверій умерщвленъ Макрономъ.

Каій привязывалъ къ себѣ Макрона, а Макронъ искалъ себѣ подпоры въ милости сего юнаго Князя. Императоръ падаетъ въ обморокъ. Его почитаютъ умершимъ. Макронъ тотчасъ приказываетъ воинамъ провозгласить того Императоромъ, съ кѣмъ соединяли его выгоды. Когда больный пришелъ въ чувство, и ужасъ овладѣлъ умами, Макронъ приказываетъ удушить его подушками. Такимъ образомъ Тиверій умеръ на 78 году отъ рожденія и 23 своего царствованія. Народъ готовъ былъ ругаться надъ его тѣломъ. Мудрость, великодушіе, правосудіе, изрѣдка показывавшіяся во время царствованія, ни сколько не истребляли ненависти къ его имени; потому что злоба и коварство управляли его поступками, и онъ при великомъ умѣ имѣлъ злое сердце. Впрочемъ Веллей Патеркулъ превознесъ его похвалами. Придворный Тиверія и Сеяна могъ ли писать Исторію? Какой тотъ историкъ, который въ томъ же сочиненіи, гдѣ хвалилъ по достоинству многихъ великихъ людей, сплетаетъ длинныя похвалы и симъ двумъ чудовищамъ и ихъ правленію. Вотъ чрез-

Его хвалитъ Веллей Патеркулъ.

мѣрное ласкательство, которое должно быть безчестно даже и для стихотворца.

Душа вельможъ унизилась, когда народъ переставъ избирать судей.

Я заключу главу сію важнымъ замѣчаніемъ Монтескье. «Августъ отнялъ у народа власть издавать законы и судить въ государственныхъ преступленіяхъ; но онъ уступилъ ему, или по крайней мѣрѣ такъ казалось народу, уступилъ ему власть избирать судей. Тиверій, опасаясь народныхъ собраній, столь многочисленныхъ, отнялъ у народа и сіе право, отдалъ его Сенату, то есть, самому себѣ. Не можно повѣрить, колико сей упадокъ народной власти унизилъ душу вельможъ. Когда народъ разпредѣлялъ достоинства, правители, добиваясь оныхъ, много дѣлали подлостей; но и сіи самыя подлости соединены были съ нѣкоторымъ великолѣпіемъ, которое прикрывало ихъ; они то давали народу пиры и игры, то раздѣляли деньги или хлѣбъ. Хотя побудительная причина была и низка; но средство имѣло въ себѣ нѣчто благородное, потому что великому человѣку всегда прилично щедростію снискивать любовь у народа. Но когда народъ не могъ уже ничего давать, и Государь, именемъ Сената, располагалъ всѣми должностями, то начали просить оныхъ, и получали недостойными средствами. Лесть, безславіе, преступленія сдѣлались необходимыми искусствами для достиженія оныхъ.» Можно бы простѣе сказать, что душа дворянъ унизилась, коль

скоро они возымѣли нужду сдѣлаться придворными, дабы имъ чѣмъ нибудь быть.

КАІЙ, прозванный КАЛИГУЛОЮ.

37. Калигулу сперва любили, хотя онъ былъ того и недостоинъ.

Каій, вообще новѣйшими называемый Калигулою (*), какъ сынъ Германика, былъ идоломъ народа Римскаго. Мольбы народа, такъ сказать, посадили его на престолъ, и Сенатъ имѣлъ одно только удовольствіе изтребить завѣщаніе Тиверія, который назначилъ Калигулѣ товарищемъ внука своего Тиверія. Но достоинство не переливается съ кровію; даже рѣдко случается, чтобъ дѣти великихъ людей не помрачили славы отцовъ своихъ. Калигула, юноша снисходительный до своего возвышенія, сдѣлался чудовищемъ среди величія. Вошло въ присловицу, что никогда не бывало ни лучше слуги, ни хуже господина.

Онъ учинилъ нѣсколько дѣяній, свойственныхъ доброму Государю.

Впрочемъ Калигула сначала своего царствованія показалъ нѣкоторыя добродѣтели. Онъ вызвалъ ссылочныхъ, уничтожилъ доносы, возстановилъ права судей и народа; позволилъ чтеніе вольныхъ и запрещенныхъ сочиненій; не принялъ записокъ ни о какихъ злоумышленіяхъ, истинныхъ или подложныхъ, и отвѣчалъ съ благородствомъ, что, какъ онъ ничего не сдѣлалъ ненавистнаго, то и не могъ вѣрить таковымъ

(*) Сіе проименованіе произошло отъ обуви, подобной полусапожкамъ (caliga), которые онъ носилъ въ молодыхъ лѣтахъ.

обвиненіямъ. Безъ сомнѣнія, страхъ соперника заставлялъ Калигулу притворяться. Онъ, всевозможно стараясь плѣнить сердца и ослѣпить народъ, вызвалъ пантомимовъ, выгнанныхъ Тиверіемъ; на игры, зрѣлища и глупыя забавы расточалъ безмѣрно множество денегъ, по обнявленію Светонія до 300 милліоновъ сестерціевъ. Сія расточительность, когда бы Калигула и не имѣлъ самъ пристрастія къ зрѣлищамъ, показывала дурное правленіе. Но что думать о такомъ Государѣ, который, истощая казну на игры сіи, всегда сопровождаемыя варварствомъ, для того только давалъ ихъ народу, чтобъ самому позабавиться?

Но онъ расточаетъ все для обольщенія народа.

Скоро все перемѣняетъ видъ свой: законы, обычаи, человѣчество, разсудокъ, все попирается. Калигула обагряется въ крови. Онъ начинаетъ убійствомъ Тиверія и Макрона; безчеловѣчіе почитаетъ для себя забавою. Ни кровосмѣшенія съ своими сестрами, ни прелюбодѣйства со всѣми знатными женщинами, и никакой другой мерзости не стыдится, кромѣ одного того, что имѣетъ дѣдомъ своимъ великаго Агриппу, человѣка незнатнаго происхожденія, и хочетъ, чтобъ мать его Агриппину почитали рожденною отъ Августа и Юліи, дочери Августа, то есть, отъ гнуснаго кровосмѣшенія, которое онъ поставляетъ за честь себѣ. Онъ принимаетъ на себя лица всѣхъ боговъ, заставляя покланяться то какъ Юпитеру, то какъ Юнонѣ, Бахусу,

Онъ дѣлается чудовищемъ жестокости.

Его сумазбродства.

Геркулесу и проч. Наконецъ, по безпримѣрному сумазбродству, Императоръ дѣлаетъ любимцомъ свою лошадь и намѣревается возвести ее на консульство.

Что должно думать о произшествіяхъ, повѣствуемыхъ Светоніемъ.

Сіи происшествія, собранныя Светоніемъ, писателемъ не весьма разборчивымъ, предполагаютъ явное сумасшествіе; и мы не можемъ представить, какъ Римляне повиновались столь бѣшеному сумазброду. Подробное изчисленіе расточительности Калигулы, его хищничествъ и безчеловѣчныхъ мучительствъ превосходитъ всякое вѣроятіе. Они значатъ или глупость, незанимательную для здраваго разсудка, или невѣроятныя неистовства, выступающія изъ круга дѣлъ человѣческихъ.

Черты жестокости.

Вся возможная жестокость заключается въ нѣсколькихъ словахъ Калигулы. *Бей такъ, чтобъ чувствовалъ смерть свою. О, есть-ли бы Римскій народъ имѣлъ одну голову, тогда бы можно было ссѣчь ее однимъ ударомъ.* Онъ, нѣкогда засмѣявщись громко предъ Консулами, сказалъ имъ: *какъ жаль, что не могу васъ обоихъ умертвить однимъ взглядомъ моимъ.*

59. Смѣшные походы воинскіе.

Сколько кровожадный, столько напрошивъ трусливый Калигула, вздумалъ нѣкогда предводительствовать войскомъ и показалъ такую глупость, которую историки, можетъ быть, слишкомъ уже дѣлаютъ смѣшною. Онъ отправляется на берега Рейна; приказываетъ одному отряду своихъ войскъ укрыться въ лѣсочкѣ; нападаетъ на него,

какъ бы на непріятелей; потомъ повелѣваетъ поставить трофей и воспѣть побѣду. Онъ идетъ къ Океану для завоеванія Великобританіи; ставитъ на берегу войско въ боевый порядокъ; даетъ знакъ къ сраженію, не видя совсѣмъ никакого непріятеля; приказываетъ воинамъ собирать раковины, и гордясь сими добычами Океана, возвращается въ Римъ для принятія торжественной почести за побѣду.

41. Умерщвленіе Калигулы.

Сколько Римляне ни унизились въ рабствѣ, но невозможно было, чтобъ ужасная тиранія, управляемая сумазбродомъ, не произвела заговоровъ. Херей, Трибунъ когорты преторіанской, освободилъ Римъ отъ сего чудовища, но не освободилъ его отъ пороковъ, всегда поражающихъ бѣдствіями. Тиранъ былъ убитъ къ концу четвертаго года своего царствованія. Слабый человѣкъ заступаетъ престолъ его, и слѣдовательно должно ожидать плачевныхъ позорищъ.

Замѣчанія о историкахъ Калигулы.

Часть Тацитовой лѣтописи, содержащая царствованіе Калигулы, къ нещастію нашему, затерялась. Ничто не можетъ замѣнить сочиненія сего историка-философа, который зналъ столь хорошо людей и дворы, и который въ самыхъ мѣлочахъ занимателенъ для разума. Впрочемъ встрѣчаемъ мы только множество бездѣлокъ, и даже глупыхъ и отвратительныхъ ребячествъ, которыми новѣйшіе писатели не должны бы наполнять свои сочиненія.

КЛАВДІЙ.

41. Воины провозглашаютъ Императоромъ Клавдія, который трепеталъ, чтобъ его не умертвили.

Херей и Сенаторы, по умерщвленіи Калигулы, хотѣли возстановить республику; они сперва сдѣлали нѣсколько отважныхъ шаговъ, даже осудили покойныхъ Цасарей. Воины желали Императора, потому что они находили выгоды въ воинской власти. Клавдій, братъ Германиковъ и дядя Калигулы, не только не домогался имперіи, но трепеща отъ ужаса, помышлялъ только о своемъ спасеніи и укрывался въ тайномъ мѣстѣ. Одинъ воинъ по случаю усматриваетъ его и провозглашаетъ Императоромъ; другіе приходятъ, влекутъ его, противъ воли, клянутся ему въ вѣрности. Онъ обѣщаетъ по 15,000 сестерціевъ каждому преторіанцу, соразмѣрныя съ симъ награды чиновникамъ и, не успѣвъ опомниться отъ страха и удивленія, видитъ уже себя обладателемъ государства. Сенатъ принужденъ былъ признать его. Херей осужденъ былъ на смертную казнь; съ головою его изчезла вся надежда къ полученію свободы.

Клавдій не способенъ царствовать.

Клавдій имѣлъ болѣе 50 лѣтъ, но онъ былъ еще какъ бы въ ребячествѣ. Слабый умъ, притупленный грубымъ воспитаніемъ, ни къ чему неспособный, *человѣкъ необдѣланный*, какъ называла мать его Антонія, вотъ что былъ Клавдій. Глупая улыбка, принужденная осанка, подлые поступки служили вывѣскою его дурачества и глупости. Вотъ что возбуждало къ нему отвращеніе въ

родителяхъ, и сіе-то безъ сомнѣнія нещастіе увеличило его природные недостатки. Одинъ только Августъ оказывалъ ему снисхожденіе, впрочемъ ни къ чему не могъ его употребить. Можно ли представить, чтобы щастіе со временемъ посадило его на самомъ престолѣ Августа?

Вступивъ на престолъ Калигулы, Клавдій, отъ природы кроткій, могъ по крайней мѣрѣ снискать отъ подданныхъ любовь ссбѣ. Поступки, совершенно противные его предшественнику, наградили его въ семъ успѣхомъ. Онъ сжегъ двѣ записки, подъ заглавіемъ: *мечъ* и *кинжалъ*, въ которыхъ чудовище Калигула помѣщалъ имена опредѣляемыхъ на казнь. Уничтожилъ подарки въ новый годъ, подлое и ненавистное средство хищничества. Запретилъ всякому, кто имѣлъ родственниковъ, назначать его наслѣдникомъ. Вотъ другой способъ, посредствомъ котораго Государи не стыдились обогащаться. Милосердіе, человѣколюбіе, казалось, воцарилось на престолѣ варварства; но не должно было полагаться на слабость головы, способной принимать всѣ впечатлѣнія, которая могла дѣлать безъ всякаго различія добро и зло, судя по тому, добрыми или злыми управляется совѣтами.

Онъ, по добропѣ своей, сначала доставляетъ нѣкоторое благо.

Подарки отмѣнены.

Запрещеніе дѣлать наслѣдникомъ Императора.

Женщина, поношеніе своего пола, Мессалина, супруга Клавдіева, возобладала совершенно симъ Государемъ вмѣстѣ съ безчестными служителями, съ Нарциссомъ, Палласомъ и другими отпущенниками,

Онъ скоро сдѣлался невольникомъ Мессa-

лины и отпущенниковъ.

которые однѣмъ злодѣйствомъ пріобрѣли чрезмѣрное богатство. Скоро почувствовали, сколь ужасна власть въ таковыхъ рукахъ. Отпущенники продавали все, управляли дѣйствіями и, такъ сказать, особою своего Государя; отворяли и затворяли двери, кому хотѣли; писали или перемѣняли указы: наконецъ они царствовали подъ именемъ Клавдія; а Мессалина употребляла ихъ къ произведенію мерзкихъ своихъ намѣреній.

42. Какъ Мессалина умерщвляетъ Силана, котораго она не могла прельстить.

Сія безчестная Государыня имѣла страсть къ Силану, своему отчиму. Какъ она не могла соблазнить его, то поклялась погубить. Она соглашается въ средствахъ съ Нарциссомъ. Однажды, весьма рано поутру, Нарциссъ входитъ въ великомъ ужасѣ въ комнату къ Императору и сказываетъ, будто бы во снѣ грезилось ему, что Силанъ вонзаетъ въ Императора кинжалъ. Мессалина увѣряетъ, что ей многократно то же самое видѣлось. Вдругъ является Силанъ по мнимому требованію Императора. Робкій Клавдій, имѣя встревоженное воображеніе, мнитъ, что видитъ убійцу, и тотчасъ приказываетъ его умертвить. Изъ сего поступка пусть заключаютъ и о прочихъ.

Заговоръ открытъ и виновные казнены по произволенію

Едва Клавдій успѣлъ учинить сію столь оскорбительную жестокость, какъ составился заговоръ. Камиллъ, правитель Далмаціи, поднялъ оружіе, принявъ титулъ Императора. Но воины оставили его, и одинъ изъ нихъ пронзилъ его кинжаломъ.

Между тѣмъ какъ чинили строгіе розыски въ разсужденіи сообщниковъ Камилловыхъ, Мессалина и служители постарались употребить сей случай къ удовлетворенію своей ненависти или хищничества. Клавдій самъ производилъ надъ обвиненными судъ въ Сенатѣ. Отпущенники его имѣли также въ ономъ засѣданіе; но по крайней мѣрѣ Нарциссъ получилъ тамъ для себя наставленіе. Когда Нарциссъ спросилъ одного отпущенника Камиллова, чтобы онъ сдѣлалъ, ежели бы господинъ его утвердился Императоромъ, сей весьма къ стати отвѣчалъ Нарциссу: *я бы стоялъ за нимъ, не разѣвая рта.* Къ нещастію, дерзкіе щастливцы мало внимаютъ истинѣ.

Отпущенники.

Нарциссъ въ Сенатѣ.

Въ сіе время знаменитая Аррія показала удивительный опытъ мужества. Петъ, мужъ ея, бывый Консулъ, замѣшался въ семъ заговорѣ и не могъ избѣгнуть смерти. Аррія совѣтовала ему предупредить наказаніе. Видя его нерѣшимость, она вонзаетъ кинжалъ въ грудь себѣ, извлекаетъ оный, подаетъ ему, сказавъ: *Петъ! это ничего не больно.* Мужъ убиваетъ себя по примѣру жены своей.

Смерть Арріи и Пета.

43. Какъ можно подумать, чтобъ Клавдію пришли на мысль честолюбивыя предпріятія и завоеванія? Однако онъ вознамѣрился покорить Великобританію, которую Цесарь, по выраженію Тацита, показалъ, и только что не далъ Римлянамъ. Когда Галліи покорены, то завоеваніе сіе уже было

Походъ въ Великобританію.

не столько трудно. Но отдаленный, не воздѣланный, бѣдный, населенный дикими людьми островъ долженъ ли привлекать оружіе той державы, которая уже чувствуетъ тягость отъ множества и обширности своихъ провинцій? Плавтій получилъ приказаніе начать походъ. Воины взбунтовались; не хотѣли, по ихъ словамъ, идти сражаться за предѣлы свѣта. Явился Нарциссъ для укрощенія бунта. Бунтовщики въ насмѣшку послали его на *празднества Сатурновы* (*), напоминая ему симъ о прежнемъ его рабствѣ, и лучше захотѣли повиноваться полководцу, нежели послушать приказаній служителя.

Нарциссъ оскорбленъ войсками.

Первые успѣхи Плавтіевы ободрили Императора. Онъ захотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ; пришелъ въ Великобританію; провелъ тамъ 16 дней; взялъ нѣсколько крѣпостей и торжествовалъ побѣды. По четырехлѣтней войнѣ Плавтій знатную часть острова по Темзу обратилъ въ Римскую провинцію. Вскорѣ и Мавританія подверглась тому же жребію. Сіи приращенія имперіи ускоряли ее паденіе.

Великобританія и Мавританія обращены въ провинціи Римскія.

Клавдій, прославивъ себя воинскими подвигами, приступилъ къ гражданскому правленію и принялъ званіе Цензора. Множество смѣшныхъ указовъ было слѣдствіемъ трудовъ его. Присовокупленіе трехъ буквъ

Клавдій издаетъ смѣшные указы и нѣсколько полезныхъ.

(*) На Сатурновыхъ празднествахъ невольники наслаждались въ Римѣ полною свободою у господъ своихъ.

къ алфавиту казалось ему важнымъ преобразованіемъ, которое кончилось вмѣстѣ съ его жизнію. Но между сими нелѣпостями находятся и мудрыя учрежденія, кои, по нещастію, должны были остаться въ такомъ же презрѣніи, въ какомъ былъ и Государь.

Стряпчіе благородное свое званіе начали обращать въ безчестное ремесло; они продавали перо свое и языкъ неправдѣ, клеветѣ, только бы кто заплатилъ имъ за злоупотребленіе способностей. Силій, вступивъ въ консульское званіе, возсталъ противъ сего грабительства. »Умножаютъ, »сказалъ онъ, доносы, вражды, обиды для »того, чтобъ обогатиться крючкотвор»ствомъ, такъ какъ врачи обогащаются »болѣзнями. Не будетъ толикаго множе»ства дѣлъ, ежели они никому не будутъ »доставлять прибытка.« Стряпчіе отвѣчали, что они пренебрегали собственныя дѣла для другихъ; что краснорѣчіе есть самое почтенное средство обогащенія; что, ежели отнимутъ у наукъ плодъ, науки вѣрно придутъ въ упадокъ. Императоръ запретилъ стряпчимъ брать болѣе 10,000 сестерціевъ.

Онъ учреждаетъ плату стряпчимъ.

Не то уже было время, когда бы слава, общественное благо, когда бы надежда возвыситься на почести были единственными побужденіями къ прохожденію сего званія. Не позволить пользоваться выгодами не имѣющимъ хорошаго состоянія или благо-

Могло ли тогда быть сіе званіе безмездно.

родства, значило то же, что и затворить судебныя мѣста. Однакожь слѣдовало также, чтобъ и честное имя стряпчихъ, между которыми всегда находилось нѣсколько Сенаторовъ, прикрывало ихъ отъ всякаго подозрѣнія въ подлости. Древнее правило было возстановлено Траяномъ.

Иностранцы допущены въ число гражданъ и въ Сенатъ.

Императоръ рѣшилъ другое дѣло, гораздо важнѣйшее для государства. Галліи Цизальпинская и Нарбонская пользовались всѣми правами, соединенными съ званіемъ Римскаго гражданина. Званіе сіе перешло къ начальникамъ и прочей Галліи, завоеванной Цесаремъ, но безъ права вступать въ Сенатъ, безъ того права, котораго они настоятельно просили. Они получили его, не смотря на сильнѣйшія противъ сего представленія, и Клавдій думалъ, что онъ, допуская иностранцевъ къ первѣйшимъ почестямъ, (право сіе въ послѣдующее время простерлось до безконечности), умножалъ тѣмъ силы имперіи.

Добро сіе было, или зло.

«Наступило время, говоритъ Боссюэтъ, «когда всѣ подданные имперіи начали почитать себя Римлянами. Достоинства «бѣдноснаго народа мало по мало сообщились побѣжденнымъ народамъ. Сенатъ отворился для нихъ, и они могли домогаться самой имперіи. Такимъ образомъ, по «милосердію Римлянъ, изъ всѣхъ народовъ «составился только одинъ народъ, и Римъ «почитался общимъ отечествомъ.« Напротивъ можно бы сказать, что не было то-

гда Римлянъ, когда всѣ сдѣлались Римлянами; что сія смѣсь всѣхъ народовъ уничтожила господствующій народъ; что Римъ пересталь уже быть отечествомъ, когда большая часть его гражданъ должны были предпочитать ему другое, и что сіе самое было одною изъ главныхъ причинъ его паденія.

Сіе нещастіе покажется неизбѣжнымъ, ежели размыслить, что въ самомъ Римѣ не оставалось уже почти ни одного истиннаго Римлянина. Счисленіе гражданъ, учиненное Клавдіемъ, простирается почти до 7 милліоновъ; число сіе до безконечности превышаетъ бывшее въ то время, когда республика покаряла всѣ народы.

Между неограниченнымъ множествомъ гражданъ мало Римлянъ.

Между тѣмъ какъ Императоръ занимался, или такъ казалось, что занимался правленіемъ, жена, самовластно повелѣвавшая имъ, предавалась всенародно безчестнѣйшимъ распутствамъ, и пресыщенная удовольствіями, единственною для себя поставляла забавою безславіе. Она, влюбившись въ Силія, заставила его развестись съ своею женою знаменитѣйшаго происхожденія. Сего было недовольно: Мессалина торжественно вышла за него во время путешествія Клавдіева въ Остіумъ. Дѣло невѣроятное, ежели бы всѣ историки не засвидѣтельствовали онаго. Безразсудный Императоръ увѣдомленъ былъ о томъ отпущенниками, которые до сихъ поръ были орудіями, употребляемыми Мессалиною къ отправленію людей и дру-

48. Мессалина въ тайнѣ отъ мужа выходитъ за Силія.

гимъ злодѣяніямъ, но которыхъ она по неосторожности раздражила.

Она предана на смерть.

При семъ извѣстіи Клавдій въ изумленіи и гнѣвѣ вскричалъ: *Императоръ ли я теперь?* Увѣряютъ его, чтобъ не безпокоился. Силій, пантомимъ Мнестеръ и многіе другіе соучастники распутствъ жены его, были преданы смерти. Мессалина хотѣла преклонить Императора; она вѣрно успѣла бы въ семъ, ежели бы Нарциссъ не далъ повелѣнія убить ее. Клавдій не показалъ ни радости, ни печали; онъ узнавъ, что Мессалины не было уже въ живыхъ, даже не спросилъ, какимъ образомъ она умерла.

Клавдій женится на племянницѣ своей Агриппинѣ, и Сенатъ одобряетъ сей бракъ.

Клавдій вступалъ уже въ три брака. Прислужники его, или лучше повелители, убѣдили его вступить и въ четвертый. Агриппина, племянница Императора, вдова Домиція, получила предпочтеніе предъ всѣми по одобренію Палласа, одного изъ ея любовниковъ. Вотъ другая Мессалина, которой поведеніе менѣе было соблазнительно, но которая столько же была честолюбива, столько же склонна къ злодѣяніямъ, какъ и первая. Родство наводило нѣкоторое сомнѣніе Клавдію. Одинъ придворный тотчасъ вывелъ изъ онаго, заставивъ Сенатъ одобрить бракъ сей. Нѣкоторые Сенаторы до того простерли лесть свою, что, въ случаѣ несогласія Императора, должно было, по ихъ словамъ, его къ тому принудить. Между тѣмъ всякой зналъ, что Клавдій

пользовался всѣми правами брачными съ Агриппиною. Постановили опредѣленіе, по которому дозволялось дядямъ вступать въ бракъ съ родными племянницами. Можетъ быть въ другомъ случаѣ дозволяли бы и братьямъ жениться на родныхъ сестрахъ: такъ легко перемѣняли законы для удовлетворенія двора. Одинъ только или два человѣка воспользовались симъ опредѣленіемъ Сената; безъ сомнѣнія сіе отъ того происходило, что обыкновенія всегда удерживаютъ нѣкоторую власть надъ людьми, даже у народовъ самыхъ развращенныхъ, или отъ того, что таковые браки по необходимости должны быть рѣдки, хотя бы и позволены были.

Честолюбіе Агриппины; какъ она доставляетъ имперію Нерону.

Главнымъ стараніемъ Агриппины было возобладать всемъ и доставить имперію юному Домитію, своему сыну. Ссылки, ядъ, убійства, всѣ злодѣйскія средства истребили людей, кои бы могли быть ей вредны. Агриппина женила сына своего на Октавіи, дочери Императора; успѣла склонить Императора къ усыновленію Домитія, въ предосужденіе Британнику, брату Октавіи.

Сенека и Бурръ при дворѣ.

Сенека, знаменитый по своему уму и блистательной философіи, осужденъ былъ на изгнаніе, какъ виновный въ прелюбодѣяніи съ одною Княжною. Агриппина, почитая его полезнымъ для Нерона (новое имя Домитія), исходатайствовала ему возвращеніе изъ ссылки для поправленія дурнаго воспитанія сего Князя. Она сдѣлала начальни-

комъ надъ преторіанцами Бурра, храбраго и добродѣтельнаго полководца, въ признательности коего не сомнѣвалась. Словомъ, Клавдій, смотрѣвшій глазами жены своей, позволилъ ей дѣлать все, что было угодно. Она опасалась, чтобъ Домитія, сестра перваго ея мужа, не уменьшила власти ея надъ Нерономъ. Домитія была обвинена въ волшебствѣ и осуждена на смерть за ложное преступленіе.

Домитія осуждена за волшебство.

54. Императоръ отправленъ своею женою.

Между тѣмъ Императоръ преклонилъ ухо свое къ Нарциссу, который не терпѣлъ тогда Агриппины за то, что она всѣ милости изливала на Палласа. Онъ, раскаявшись въ обидѣ, причиненной Британнику, поговорилъ нѣкогда грозно съ своею супругою. Агриппина предупредила послѣдствія. Она не только отдалила Нарцисса отъ двора, но и воспользовалась искусствомъ знаменитой Локусты для отравленія своего мужа. Клавдій умеръ 63 лѣтъ.

Онъ предалъ провинціи сборщикамъ.

Правители Клавдія, простые всадники или еще отпущенники, коимъ поручено было собирать доходы въ провинціяхъ, имѣли столь великую власть, что ихъ рѣшенія также уважались, какъ и Императорскія. И такъ провинціи преданы были на расхищеніе сборщикамъ.

Почести, оказанныя Паллассу, подлому

Сенатъ, по опредѣленію своему, украсилъ Палласа достоинствами Претора, испросилъ у Императора позволеніе носить ему золотый перстень; назначилъ ему въ награду за его услуги жалованья 15 милліоновъ

сестерціевъ. Оппущенникъ отказался отъ приняшія сихъ денегъ. Прибили новое опредѣленіе въ честь его, гдѣ описали его возобновителемъ древнихъ нравовъ, хотя онъ имѣлъ безчисленныя богатства. Унижало ли самовластіе болѣе людей и въ самой Азіи? оппущеннику

Во время сего царствованія Митридатъ, Царь Арменскій, былъ свергнутъ съ престола и преданъ смерти Радамистомъ, своимъ племянникомъ и вмѣстѣ шуриномъ и зятемъ. Злодѣйства честолюбія, столь обыкновенныя во всемъ Востокѣ, ни мало не любопышны, потому что народы подлые и дворы самовластные не очень занимательны для ума человѣческаго. Но Римъ, погруженный въ злодѣянія, подпавшій всѣмъ ужасамъ тиранніи, Римъ владыка свѣта и дошедшій до крайняго униженія, служитъ такимъ позорищемъ, которое весьма достойно нашего вниманія. Радамистъ, по своимъ злодѣяніямъ, сдѣлался Царемъ Арменскимъ. Римъ въ униженіи.

Развращеніе возраждалось постепенно. Какихъ злодѣйствъ оно не произвело въ республикѣ? Впрочемъ Римляне еще сохраняли нѣкоторые останки величія душевнаго: они, даже продавая себя честолюбцамъ, показывали гордость и мужество своихъ предковъ. Теперь они влачатъ подлые свои оковы и курятъ ѳиміамъ даже безчестнымъ порокамъ своихъ утѣснителей. Такъ потеря нравовъ подвергаетъ рабству; такъ рабство изтребляетъ вовсе нравы. Постепенность сего униженія.

НЕРОНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отъ возшествія на престолъ Нерона до войны Британской.

54. Смѣшное обоготвореніе Клавдія.

Смерть Клавдія была неизвѣстна, доколѣ Агриппина не приняла мѣры, которыя требовали обстоятельства. Буррѣ принудилъ когорты преторіанскія признать Нерона Императоромъ, а Сенатъ ревностно послѣдовалъ ихъ примѣру. Включили въ число боговъ глупаго Государя, который кончилъ дни свои отъ яда. Неронъ произнесъ надъ нимъ надгробное слово, въ которомъ превознесъ его благоразуміе и мудрость. Похвала сія произвела смѣхъ въ собраніи, хотя она происходила и изъ устъ Императора. Сенека, творецъ сего сочиненія, самъ написалъ сатиру на божество Клавдія. Какъ онъ не устыдился позволить своему воспитаннику говорить смѣшную ложь? До сего времени Императоры показывали болѣе или менѣе способности къ произношенію и составленію рѣчей. Неронъ, бывъ еще на 18 году, устремился ко всякому роду упражненій, или лучше забавъ. Склонности его, находясь еще подъ покрываломъ, не представляли ничего вѣтренаго, даже ничего порочнаго. Онъ, будучи врагомъ труда, одолженъ былъ своею славою двумъ человѣкамъ, за него трудившимся.

Сенека способствуетъ сему и насмѣхается.

Бурръ и Сенека, тѣсные пріятели, произвели подъ именемъ Нерона нѣсколько превосходныхъ дѣлъ. Судебныя мѣста возпріяли свою власть; самовластіе на время перестало безпокоить гражданъ; рѣчь, исполненная мудрости, произнесенная Государемъ Сенату, потомъ вырѣзанная на серебряныхъ доскахъ, была предвозвѣстіемъ народнаго благополучія; нѣкоторыя трогательныя изреченія Нерона очаровали сердца. *О, если бы я не умѣлъ писать!* сказалъ онъ до подписыванія одного смертнаго приговора. Какъ нѣкогда Сенатъ свидѣтельствовалъ Императору свою признательность, онъ отвѣчалъ: *я надѣюсь получить оную, когда заслужу.* Нѣтъ ничего столь удобнаго для Государей, какъ при изящныхъ правилахъ ослѣплять превосходными наружностями; но мы дѣлаемся гораздо нещастнѣе, когда дѣйствія выводятъ насъ изъ обмана.

Неронъ сдѣлалъ доброе начало, потому что Сенека и Бурръ за него управляли.

Мы видѣли, что самыя ненавистныя царствованія начинались выгоднымъ образомъ для государства. Кажется, Государи сперва старались вдохнуть къ себѣ довѣренность, дабы усыпить подданныхъ подъ игомъ тираніи. Новое царствованіе не менѣе будетъ ужасно, потому что правители, сдѣлавшіе въ началѣ благо, не могли вдохнуть къ оному склонности въ своего Государя, котораго все увлекало ко злу.

Начало царствованія обольщало народъ.

Уже Неронъ, развращенный льстецами, началъ гнушаться своею женою и прилѣп-

55. Развра-

щенный Неронъ хочетъ освободиться отъ Британника.

ляшься къ одной отпущенницѣ. Сенека и Бурръ ни сколько не препятствовали его страсти, опасаясь, чтобъ сопротивленіе не произвело величайшихъ золъ. Но Агриппина, весьма досадуя на то, что она не имѣла уже прежней власти, обнаружила при семъ случаѣ гнѣвъ свой. Она даже угрожала сыну, что вступится за Британника, котораго она для Нерона отдалила отъ престола, и который, имѣя 13 или 14 лѣтъ отъ роду, могъ скоро сдѣлаться страшнымъ соперникомъ.

Онъ отравляетъ его ядомъ и дурно поступаетъ съ Агриппиною.

Съ сего времени Неронъ оставляетъ свое принужденіе. Ужасное злодѣяніе его не устрашаетъ. Онъ приказываетъ отравить ядомъ юнаго Князя за столомъ въ присутствіи своемъ и своей матери. Раздѣляетъ имущество умершаго Бурру, Сенекѣ, главнымъ придворнымъ, какъ бы для пріобрѣтенія ихъ одобренія. Объявляетъ указомъ, что, какъ у него не осталось брата, онъ возлагаетъ всю надежду на республику. Агриппина приходитъ въ ярость; ее выгоняютъ изъ дворца. Она, обвиненная въ измѣнѣ, оправдывается, и опять, по видимому, получаетъ прежнюю довѣренность, которая и заставляетъ ее успокоиться.

Его ночныя прогулки.

Неронъ, по учиненіи столь ужаснаго злодѣянія, съ хладнокровіемъ попралъ всю благопристойность, такъ что, переодѣвшись, бѣгалъ ночью по улицамъ съ молодыми распутными людьми; иныхъ ругалъ, другихъ грабилъ; подвергался безчисленнымъ оскорб-

леніямъ, получалъ побои подъ неизвѣстнымъ именемъ и восхищался своими подлостями. Сенаторъ Монтанъ во время одной ночной прогулки поколотилъ его жестоко, и узнавъ, что то былъ Императоръ, столько былъ глупъ, что написалъ къ нему извинительное письмо. Онъ въ отвѣтъ получилъ двѣ строчки: *какъ! тотъ человѣкъ, который билъ Нерона, еще живъ?* Для Монтана оставалось одно средство: умертвить себя.

Правленіе поддерживается, но не можетъ поддерживаться долго.

Государственныя дѣла въ рукахъ двухъ правителей весьма были различны отъ безпорядковъ Государя. Многіе налоги были отмѣнены; грабительства сборщиковъ прекращены указомъ. Не нужно болѣе для обольщенія народа, который ограничиваетъ виды свои настоящимъ и не проникаетъ въ будущее. Но умерщвленіе Британника, распутства и глупости Нерона предвѣщали всѣ ужасы тиранніи. Ни Сенека, ни Бурръ не могли долго оставаться въ довѣренности у Императора. Безстыдная и развратная женщина содѣлалась причиною новыхъ злодѣяній.

Поппея склоняетъ Нерона къ убійству матери.

Поппея отличалась въ Римѣ стройностію стана, прелестями, умомъ, богатствами; удивительная женщина, ежели бы она была добродѣтельна! Отонъ, человѣкъ сладострастный, безъ правилъ и нравовъ, жилъ съ нею распутно при мужѣ и послѣ на ней женился. Императоръ влюбился въ нее до безумія. Она хотѣла быть

его женою; но предусматривая, что Агриппина не позволитъ ему развестись съ Октавіею, рѣшилась погубить самую Агриппину. Поппея описала ее самыми черными красками; возбудила противъ сей гордой Княгини зависть въ ея сынѣ. Мать ваша царствуетъ, говорила она ему: ты не имѣешь даже свободы. Наконецъ Поппея склонила Нерона къ убійству матери.

59. Неронъ приказываетъ умертвить мать свою Агриппину.

Какъ мечь и ядъ казались неприличными для исполненія сего злодѣянія, которое по важности своей должно быть скрытно, то одинъ отпущенникъ предложилъ, что онъ построитъ такой корабль, котораго часть вдругъ можетъ отвалиться въ море и кораблекрушеніе будетъ неизбѣжно, такъ однакожь, что не можно будетъ узнать и причины онаго. Сіе адское предложеніе показалось достойнымъ одобренія. Неронъ, для вовлеченія матери своей въ сѣти, началъ оказывать ей притворную нѣжность, которою она легко обманулась. Агриппина поѣхала для свиданія съ нимъ въ Беи. Она сѣла на корабль. Махина худо подѣйствовала: не умертвила ее, какъ надѣялись, и между тѣмъ какъ люди, при ней находящіеся, погибли, она приплыла къ берегу. Одна женщина, надѣясь помощи, кричала, что она Императрица; но ее убили веслами. Агриппина, не смотря на бѣшенство свое, приняла притворный видъ и послала извѣстить сына о кораблекрушеніи, отъ котораго она спаслася.

Хитрости, употребленныя для сего убійства.

При семъ извѣстіи Императоръ пришелъ въ уныніе. Ему представляется, что онъ видитъ мать свою, вооружающую противъ него и воиновъ и народъ. Онъ требуетъ къ себѣ Бурра и Сенеку. Сіи совѣтники, коимъ, какъ думаютъ, извѣстенъ былъ первый умыселъ, сперва недоумѣваютъ; но изъ постыдной ли трусости, или по презрѣнной политикѣ, наконецъ соглашаются съ Нерономъ. Приказываютъ умертвить Агриппину; отпущенникъ Анитетъ обѣщается тотчасъ исполнить сіе порученіе. Агриппина сказала начальнику убійцъ: *поражай утробу, носившую Нерона.* Она умерщвлена. За толикое множество злодѣяній, учиненныхъ Агриппиною для щастія своего сына, или лучше для того, чтобъ ей съ нимъ царствовать, самъ сынъ наказалъ ее жесточайшимъ злодѣйствомъ!

Совѣтуется съ Бурромъ и Сенекою

Мало такихъ злодѣевъ, которые бы по жестокосердію своему не чувствовали угрызеній совѣсти. Самый Неронъ терзался оными, и ужасъ, соединившись съ воплями совѣсти, довелъ его почти до отчаянія. Но лесть умѣла разогнать сіи тучи. Бурръ ободрилъ Нерона, представляя ему предъ очи преданность преторіанцовъ. Сенека сочинилъ для него защитительную рѣчь, въ которой обвинялъ онъ Агриппину въ мнимомъ злоумышленіи. Вскорѣ Сенатъ, народъ и войска изъявили свою радость о произшествіи столь ужасномъ. Оно подало

Они успокоиваютъ угрызенія Императора.

причину къ празднествамъ и жертвоприношеніямъ.

Сомнительные знаки небеснаго гнѣва.

Между тѣмъ различныя явленія воздушныя: затмѣніе, громъ, въ которыхъ боги, по словамъ Тацита, столь мало имѣли участія, что Неронъ послѣ того еще много лѣтъ царствовалъ и продолжалъ свои злодѣянія, почли знаками небеснаго гнѣва. Тайны Провидѣнія непроницаемы; не можно видѣть ихъ въ естественныхъ произшествіяхъ, кои каждый толкуетъ по своему произволенію. Богъ накажетъ, или вознаградитъ нѣкогда: вотъ все, что намъ знать нужно; суевѣріе хочетъ отгадывать, и обманывается.

Неронъ предается смѣшнымъ забавамъ.

Агриппина служила уздою для Нерона. Коль скоро онъ освободился отъ нее, предался неумѣренно своимъ наклонностямъ; началъ заниматься только колесницами, конями, музыкою, комедіями; представлялъ зрѣлища сперва своимъ придворнымъ, потомъ и народу, какъ кучеръ или комедіантъ; платилъ деньги весьма многимъ людямъ, прибраннымъ единственно для того, чтобъ рукоплескали его глупостямъ. Благороднѣйшія его забавы состояли въ сочиненіи какихъ нибудь дурныхъ стиховъ, которые низкіе стихотворцы поправляли по своему вкусу; или въ собираніи философовъ, кои забавляли его своими спорами. Во время четвертаго своего консульства (ибо Императоры всегда принимали по временамъ званіе Консуловъ, иногда даже на

Игры Неронiанскія.

нѣсколько мѣсяцевъ), онъ установилъ, по обыкновенію Грековъ, игры и назвалъ ихъ *Неронianскими*. Ихъ должно было отправлять чрезъ каждыя пять лѣтъ. Неронъ спорилъ въ Римѣ съ первыми о наградѣ за стихотворство и краснорѣчіе. Хотя бы онъ имѣлъ соперниками Цицероновъ и Виргиліевъ, и тогда бы не обошли его наградою. Пантомимы скоро вошли въ уваженіе, и ихъ искусство приведено было въ удивительное совершенство. Сказываютъ, что одинъ философъ, пораженный представленіемъ нѣкотораго изъ сихъ нѣмыхъ комедіантовъ, вскричалъ: *я понимаю тебя, ты говоришь руками.* Пантомимы.

Замѣтимъ, что ежели Римляне всегда имѣли страсть къ зрѣлищамъ, хотя и не имѣли разборчивости въ оныхъ, свойственной просвѣщенному народу; то страсть и сей дурной вкусъ долженъ былъ возрастать, коль скоро перестали имѣть участіе въ дѣлахъ государственныхъ, какъ скоро начали угождать своенравію двора. Хорошая трагедія была извѣстна. Никогда Теренцій не могъ получить преимущества предъ плясунами. Гладіаторы всегда предпочитались стихотворцамъ. По крайней мѣрѣ пантомимы не обагряли кровію театра, но они часто оскорбляли нравы. Дурный вкусъ Римлянъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Великобританская война. Римскія дѣла до перваго заговора.

Возмущеніе въ Великобританіи.

Чѣмъ болѣе Государи предаются забавамъ, тѣмъ болѣе народъ обыкновенно страждетъ. Великобританія стенала подъ игомъ жестокаго правленія. Жаловались на жестокость воиновъ и притѣсненія зборщиковъ. Духъ возмущенія стремительно разливался въ свирѣпомъ народѣ, который уступалъ одной только силѣ, и въ роптаніи расторгалъ узы.

Завоеваніе острова Моны.

Свѣтоній Павлинъ, знаменитый полководецъ, прибывшій вновь въ страну сію, не зная состоянія дѣлъ, вознамѣрился завоевать островъ Моны (Англезея), который служилъ средоточіемъ буйства Друидовъ. Онъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи, не смотря на изумленіе, въ которое сперва привели Римлянъ сіи ужасные жрецы, бѣгая во всѣ стороны подобно фуріямъ съ свирѣпыми женами, вооруженными факелами; видъ ихъ, вопли, заклинанія представляли изображеніе ада. Свѣтоній, по разбитіи сихъ варваровъ, велѣлъ вырубить священныя рощи, гдѣ Друиды проливали съ благоговѣніемъ на жертвенникахъ кровь человѣческую.

61. Свѣтоній разбиваетъ Царицу

Свѣтоній, побѣдитель Моны, не зналъ, что позади его происходило. Бретоны приялись за оружіе, подъ знаменами Царицы Боадицеи, героини, торжествующей надъ

всѣми опасностями. Они взяли нѣсколько крѣпостей и перерѣзали множество Римлянъ. Военачальникъ спѣшилъ на помощь: онъ принужденъ былъ выступить изъ Лондона; но составивъ десятитысяное войско, занимаетъ столь выгодное мѣсто, что непріятели, несравненно числомъ превосходнѣйшіе, были совершенно разбиты. Ихъ погибло, сказываютъ, 80,000 тысячъ. Боадицея, чтобъ не быть свидѣтельницею нещастія своего народа, умертвила себя. Боадицею.

Свепоній, по зависти правителя сей страны, не пожалъ плодовъ побѣдъ своихъ. Неронъ послалъ отпущенника, по имени Поликтета, для разсмотрѣнія его поступковъ. Пышность и дерзость посланнаго показались презрѣнными самымъ Бретонамъ, кои съ изумленіемъ взирали на то, что слуга повелѣвалъ побѣдоснымъ полководцомъ. Свепоній былъ вызванъ въ Римъ. Преемники его всевозможно старались избѣгать войны, и поставляли себѣ за честь спокойствіе, которое происходило отъ ихъ нѣги. Такимъ образомъ они были безопасны со стороны двора, хотя и теряли провинцію. Вызываютъ сего Полководца въ Римъ

Нѣкоторыя дѣла въ Римѣ достойны большаго вниманія. Префектъ города былъ убитъ однимъ изъ его невольниковъ; почему и разсуждали, всѣхъ ли прочихъ невольниковъ, числомъ до 400, предавать на казнь, по варварскому обыкновенію, издавна введенному. Народъ противился сему своимъ 400 невольниковъ казненъ смертію за то, что одинъ изъ нихъ

Убилъ своего госпо-дина.

крикомъ; часть Сената судила сообразно съ народомъ; но правоискусникъ Кассій сильно настоялъ въ разсужденіи древняго обыкновенія. «Возражаютъ, говорилъ онъ, «что погибнутъ невинные; сіе случается, «когда въ войскахъ десятаго казнятъ за «побѣги; храбрые мечутъ жребій съ винов-«ными. Всякой таковой примѣръ строго-«сти имѣетъ нѣчто несправедливое; но «крайней мѣрѣ частное зло вознаграждает-«ся общественнымъ благомъ.» Жестокій совѣтъ сей одержалъ верхъ надъ человѣчествомъ.

Какъ правовѣденіе въ семъ случаѣ заблудило.

Такимъ образомъ самыя ненавистныя варварства иногда поддерживаютъ тѣ люди, кои бы болѣе прочихъ должны знать несправедливость оныхъ. По сему для блага общественнаго тысяча головъ должна отвѣтствовать за безопасность одной, и за преступленіе одного должно казнить всѣхъ смертію! Безъ сомнѣнія невольники не почитались въ числѣ людей. Впрочемъ законъ Петроніевъ запретилъ предавать ихъ звѣрямъ безъ позволенія начальства: законъ сей можетъ быть утѣшителенъ въ толикихъ ужасахъ, ежели предположимъ, что правительство человѣколюбиво. Могло ли оно быть таково при тиранѣ и съ предразсудками тираніи?

Преступленіе въ оскорбленіи вели-

По случаю нѣкоторыхъ сатиръ, Неронъ приказалъ возобновить казнь, положенную за оскорбленіе величества. Антистій Преторъ былъ бы за сіе казненъ смертію,

ежели бы мужественный Сразей не приговорилъ его только на изгнаніе. Веентіонъ, другой знаменитый мужъ, былъ также отправленъ въ ссылку, а сочиненія его осуждены на сожженіе. Чѣмъ болѣе запрещали ихъ читать, тѣмъ болѣе ихъ отыскивали; забыли ихъ, коль скоро прошла опасность. Такова участь многихъ симъ подобныхъ сочиненій. чества возобновлено.

62. Смерть Бурра и уединеніе Сенеки.

Совѣты Бурра и Сенеки, не смотря на ихъ угожденіе, могли только умѣрять жестокость Нерона. Къ нещастію, первый умеръ, и Государя почитали виновникомъ его преждевременной смерти. Вторый, видя себя почти уже въ немилости, рѣшился предупредить свое паденіе удаленіемъ отъ двора. Онъ предложилъ Императору безмѣрныя свои сокровища. Неронъ не согласился на принятіе оныхъ; оказалъ ему новые знаки довѣренности и любви, и представляя свое сожалѣніе о Сенекѣ, радовался его удаленію отъ двора. Сочиненія Сенеки исполнены почтеннаго Стоичества, которое не можетъ быть совмѣстно съ его богатствомъ и роскошію. Мы увидимъ мужественную смерть его; слабости жизни его гораздо поразительнѣе сего мужества.

Тигеллинъ, новый Преторіанскій Префектъ, злодѣй достойный Нерона, содѣлался орудіемъ его злодѣяній. Скоро Октавія не только была свергнута Нерономъ, сослана въ заточеніе, но и умерщвлена Голова ея послужила, такъ сказать, убійство Октавіи и другія злодѣянія Нерона.

свадебнымъ подаркомъ для Поппеи, безчестной ея соперницы. Къ вящшему безславію, дабы взвести на Октавію какое преступленіе, отпущенникъ Аницетъ обвинилъ ее въ прелюбодѣйствѣ съ нимъ: онъ не могъ лучше услужить Императору. По смерти Октавіи принесено было торжественное богамъ благодареніе. Обрядъ сей всегда совершался по учиненіи убійства знаменитой особы. Такимъ образомъ Неродъ издѣвался и надъ богами и надъ человѣчествомъ.

ужасныя распутства

Распутства Нерона не уступали его жестокости. Во время празднества, приготовленнаго для него Тигеллиномъ, онъ, какъ бы женщина, вышелъ за мужъ за нѣкотораго Пиѳагора; въ другомъ случаѣ, женился, вмѣсто женщины, на евнухѣ. Мерзости сіи не должны бы осквернять Исторію, естьли бы онѣ не открывали, до какой степени злоупотребленіе власти и буйство страстей можетъ унизить Государя, по крайней мѣрѣ естьли бы онѣ не научили, какому Неронъ подвергся безславію, поправъ законы общества и природы.

Пожаръ Рима.

Нерона обвиняли въ пожарѣ, истребившемъ болѣе двухъ третей Рима. Разглашено было, что онъ смотрѣлъ на оный съ башни съ удовольствіемъ, воспѣвая поэму на созженіе Трои. Вѣроятно ненависть разнесла сіи слухи; ибо чего она не могла приписать Нерону? Онъ съ досадою взиралъ на неправильное расположеніе города, на тѣс-

ныя и непрямыя улицы; онъ выстроилъ его прекраснѣе и при томъ безопаснѣе отъ пожаровъ. На развалинахъ народныхъ зданій воздвигнутъ былъ величественный дворецъ, блистающій златомъ и драгоцѣнными камнями, который въ окружности своей имѣлъ лѣса, озера и поля со всѣми богатствами искусства. Когда Неронъ увидѣлъ его совершенно оконченнымъ, сказалъ: *я начинаю жить, какъ должно человѣку.* Великій человѣкъ не возъимѣлъ бы нужды въ семъ зданіи.

Новый дворецъ Нерона.

Неронъ, по глупости своей, вознамѣрился провесть судоходный каналъ изъ Аверискаго озера до устья Тибра, по мѣстамъ сухимъ и скаламъ безводнымъ, пространствомъ на 160 миль. Дѣло было невозможное, а польза отъ онаго долженствовала быть посредственная. Много надъ нимъ трудились, и только за ничто попеpяли трудъ и проливали потъ. Ужасная расточительность Государя и безразсудныя его предпріятія пожирали продовольствіе имперіи. И такъ онъ поставлялъ для себя правиломъ все грабить.

Раззорительный и невозможный каналъ.

Хотя Неронъ подавалъ народу послѣ пожара пособія, однакожъ сіе не уменьшило въ народѣ обвиненія. Онъ вздумалъ оправдаться, сложивъ обвиненіе на невинныхъ. Христіяне умножились уже, однакожъ не явно, и неизвѣстную ихъ вѣру смѣшивали со грубѣйшими суевѣріями. Ихъ ненавидѣли, потому что почитали врагами человѣ-

Христіяне обвинены въ зажигательствѣ и жестоко казнены.

ческаго рода. Самый Тацитъ имѣетъ сіе ложное понятіе. Сей важный историкъ называетъ ихъ *злодѣями, достойными жесточайшихъ казней*, не смотря на то, что они пали жертвами несправедливости Нерона. Оклеветали Христіянъ въ зажигательствѣ. Погубили ихъ великое множество жестокими казнями. Сіе служило зрѣлищемъ для Римлянъ. Самъ Императоръ, сидя на колесницѣ, взиралъ съ удовольствіемъ на сіи нещастныя жертвы, или пожираемыя звѣрями, или сожигаемыя подобно факеламъ; думали, что ихъ обвиненіе и казнь были единственно забавою его жестокости.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Конецъ царствованія Нерона.

65 Заговоръ Пизона и Эпихарисы.

Сіе чудовище вывело наконецъ изъ терпѣнія подданныхъ. Составился заговоръ; Пизонъ былъ главою онаго; многіе изъ первыхъ гражданъ вступили въ оной, а отпущенница Эпихариса воспламенила мужество заговорщиковъ. Тайну хранили неизмѣнно. Но одинъ невольникъ проникнулъ въ оную по приготовленіямъ своего господина. Взяли подъ стражу нѣсколько виновныхъ, кои по слабости своей обнаружили другихъ. Эпихариса выдержала пытку, какъ героиня. Вотъ примѣръ мужества, достойный замѣчанія, особливо въ сладострастной женщинѣ. Тотчасъ полилась кровь со

всѣхъ сторонъ. Пизонъ предъ смертію здѣлалъ завѣщаніе, въ которомъ Нерона превознесъ похвалами, дабы тѣмъ самымъ исходатайствовать милость для невѣрной жены, имъ обожаемой.

Напротивъ два неустрашимые соумышленника отличились своими чувствованіями свободы. Когда Императоръ спросилъ Субрія, для чего онъ нарушилъ свою клятву, Трибунъ сей отвѣчалъ: *Я ненавидѣлъ тебя. Никто не былъ тебѣ вѣрнѣе, доколѣ ты былъ достоинъ любви. Увидѣвъ тебя убійцею матери твоей, убійцею жены, кучеромъ, шутомъ, зажигателемъ, я тебя возненавидѣлъ.* Слова сіи *поразили* тирана. Центуріонъ Сулпицій на таковой же вопросъ отвѣчалъ: *я учинилъ заговоръ изъ ревности къ тебѣ: сіе есть единственное средство прекратить твои злодѣянія.* Мужество нѣкоторыхъ соумышленниковъ.

Смерть Сенеки и Лукана, знаменитыхъ мужей, должна быть занимательнѣе. Первый, хотя и нѣтъ достовѣрнаго доказательства, можетъ быть, обвиненъ справедливо въ томъ, что былъ участникомъ въ заговорѣ. Воспитанникъ, хранящій тайную къ нему ненависть, охотно воспользовался симъ случаемъ къ освобожденію отъ него. Сенекѣ велѣно избрать смерть. Онъ велѣлъ пустить кровь, также какъ и жена его Паулина. Поелику Сенека не могъ получить позволенія прибавить къ своему завѣщанію нѣсколько статей въ Сенека принужденъ пустить кровь.

пользу друзей своихъ, то сказалъ имъ: *я оставляю вамъ то, что остается при мнѣ драгоцѣннѣйшаго — примѣръ моей жизни.*

Онъ служитъ дурнымъ образцемъ.

Сенека никогда не будетъ служить образцемъ истинныхъ философовъ и хорошихъ писателей, хотя сочиненія его и наполнены прекрасными мыслями и превосходными правилами. Принужденный слогъ его испортилъ вкусъ; а дѣла его противорѣчили нравственнымъ его правиламъ, наводящимъ скуку по своей строгости.

Смерть Лукана.

Луканъ, Сенека между стихотворцами, умеръ такимъ же образомъ. Онъ превознесъ похвалами Нерона въ поэмѣ своей: Фарсальское сраженіе; потомъ сдѣлался ему смертельнымъ врагомъ по сочиненіямъ, потому что Государь, вмѣшиваясь въ стихотворенія, уязвилъ его самолюбіе, какъ ревностный соперникъ.

Смерть Петронія, Серана и Тразея.

Въ Римѣ непрестанно валились головы знаменитыхъ людей по малѣйшему подозрѣнію. Я не буду говорить о Петроніи, семъ славномъ Эпикурейцѣ, учителѣ Неронномъ въ наукѣ сладострастія, творцѣ соблазнительной и остроумной поэмы, отъ которой остались нѣсколько отрывковъ. Но я долженъ упомянуть о Соранѣ и Тразеи, двухъ Сенаторахъ, достойныхъ древняго Рима по своимъ добродѣтелямъ, и по сему самому виновныхъ при дворѣ столь гнусномъ.

Достопримѣ-

Тразею вмѣнили въ преступленіе, что онъ не приносилъ жертвъ о сохраненіи

Государя и его *божественаго голоса*; поричалъ его за то, что онъ представлялъ комедіи на театрѣ; вышелъ изъ Сената, когда начали читать защитительную рѣчь въ разсужденіи убійства Агриппины; отлучился, когда опредѣлили божескія почести Поппеѣ, содѣлавшейся богинею послѣ того, какъ мужъ, ударивъ въ гнѣвѣ ногою, умертвилъ. Прочія доказательства были таковы же. Какъ обвиняемый былъ Стоикъ по нравамъ и мнѣнію, то постарались описать ученіе его вреднымъ для государства; потому что оно внушало любовь къ вольности. Сей знаменитый Римлянинъ, осужденный Сенатомъ, получилъ дозволеніе избирать для себя казнь; милость сію оказывали охотно. Оразей безъ всякаго смятенія приготовился къ смерти, велѣлъ пустить себѣ кровь, обагрилъ оною полъ и сказалъ: *принесемъ жертву Юпитеру избавителю.* Онъ при всей стоической твердости былъ снисходителенъ. Онъ часто повторялъ сіе правило: *кто ненавидитъ пороки, тотъ ненавидитъ людей.* Но не лучше ли должны мы ненавидѣть пороки, а терпѣть порочныхъ?

чательное дѣло послѣдняго.

Его стоицизмъ.

Во время сихъ ужасныхъ позорищъ пріѣзжаетъ Тиридатъ, братъ Вологеса, Царя Парѳянскаго, который недавно получилъ Арменскую корону въ подарокъ, воевавъ долго для возобладанія оною. Онъ былъ принятъ великолѣпно; и чѣмъ болѣе унижался, тѣмъ болѣе осыпали его щедростями.

Тиридатъ въ Римѣ, льститъ Нерону и презираетъ его.

Тиридатъ, бывъ очевидцемъ глупыхъ и непристойныхъ забавъ Нерона, наконецъ презираетъ того, предъ кѣмъ онъ повергался. Корбулонъ, величайшій полководецъ того времяни, до сихъ поръ обуздывалъ и укрощалъ Парѳянъ, содѣлавшихся весьма страшными для Римлянъ. Римъ полагалъ въ немъ свою надежду, и его желали имѣть Императоромъ. Таковыя достоинства вмѣнялись въ уголовное преступленіе. Корбулонъ былъ вызванъ и получилъ на дорогѣ повелѣніе избрать для себя родъ смерти.

Корбулонъ осужденъ за то, что онъ былъ великій человѣкъ.

Вологесъ отвергаетъ прозьбу Императора.

Вологесъ, приглашаемый Нерономъ пріѣхать въ Римъ для свиданія съ нимъ, по примѣру брата его Тиридата, написалъ Императору: *ты удобнѣе, нежели я, можешь переѣхать море; пріѣзжай въ Азію, и мы договоримся о свиданіи.* Императоръ съ досады хотѣлъ отправиться въ походъ противъ Парѳянъ; другой родъ честолюбія отвлекъ его въ иную страну.

Смѣшное путешествіе Нерона въ Грецію.

67. Неронъ вздумалъ ѣхать въ Грецію для одержанія побѣдъ на театрѣ. Онъ отправился съ войскомъ, состоящимъ изъ музыкантовъ и комедіантовъ. Былъ на всѣхъ играхъ, получилъ осмьнадцать вѣнковъ, и возмнилъ, что онъ помрачилъ славу героевъ республики. Объявилъ изъ признательности Грецію свободною, которая удивлялась его способностямъ, или лучше льстила его тщеславію: но сія мнимая свобода не избавила ее ни сколько отъ грабительствъ. Неронъ возвратился торжест-

венно въ Италію. Въѣздъ его въ Римъ служилъ страннымъ зрѣлищемъ для всего города, уставленнаго памятниками побѣдъ. Сенатъ, всадники, народъ, сопровождая его колесницу, наполняли воздухъ поспѣдными восклицаніями: *да здравствуетъ побѣдитель на Олимпійскихъ и Пиѳійскихъ играхъ! Неронъ вторый Геркулесъ! Неронъ Аполлонъ! Онъ одинъ побѣдилъ на всѣхъ родахъ сраженій и игръ, и проч.* Въ то же самое время, какъ тиранія доводила Римлянъ до подлостей столь жалкихъ, усугубляла и ихъ ненависть къ тирану. Заговоръ почти всеобщій скоро избавитъ отъ него.

Оказываютъ ему подлую лесть по возвращеніи.

Виндексъ, предводитель въ Галліи, подалъ знакъ къ сему. Онъ былъ Галлъ знаменитаго происхожденія и ревностный къ своему отечеству. Ему не трудно было взбунтовать нѣкоторые народы, кои и подъ игомъ тиранства не теряли своей гордости. Онъ, чувствуя нужду въ пособіи, обращается къ Гальбѣ, правителю Испаніи, человѣку миролюбивому, который, происходя отъ первыхъ Римскихъ домовъ, отвращалъ отъ себя удары тиранніи однимъ скромнымъ поведеніемъ и неизвѣстностію жизни. Гальба недоумѣваетъ, совѣтуется съ своими друзьями. Ему представляютъ, что и разсуждать о семъ дѣлѣ значитъ уже быть преступникомъ; что должно немедленно или итти противъ Виндекса, предлагающаго ему имперію, или поднять оружіе

68. Возмущеніе Виндекса и Гальбы.

противъ тирана. Наконецъ онъ рѣшается на бунтъ; но отказывается отъ титула Императорскаго, который войска хотѣли на него возложить, и объявляетъ себя простымъ намѣстникомъ Сената и народа.

Смерть Виндекса и скромность Виргинія

При семъ извѣстіи, прочіе правители провинціи восхищаясь тѣмъ, что нашли начальника, пристаютъ къ его сторонѣ. Виргиній предводительствовалъ въ Германіи. Хотя онъ былъ тайный врагъ Нерона, однако выступилъ противъ Виндекса, и наконецъ согласился съ нимъ во время одного свиданія. Виндексъ, по сдѣланному условію, пошелъ для занятія Безансона. Римское войско, не зная сихъ переговоровъ, почло приходъ Виндекса нападеніемъ, устремилось на его войска, разбило ихъ совершенно, и Виндексъ съ отчаянія умертвилъ себя. Виргиній могъ бы сдѣлаться Императоромъ. Онъ не уважалъ Гальбы, ненавидѣлъ Нерона. Онъ не приставалъ ни къ сторонѣ перваго, и ожидалъ дальнѣйшихъ произшествій, рѣшившись, сколько возможно будетъ, служить отечеству. Въ послѣдствіи различныхъ перемѣнъ онъ многократно отказывался отъ имперіи, и умеръ Консуломъ при Нервѣ.

Неронъ поражается страхомъ.

Ежели бы тиранъ имѣлъ сколько нибудь мужества, можетъ быть, онъ нашелъ бы нѣкоторыя пособія во время сихъ бурныхъ временъ. Онъ не только не прибѣгалъ ни къ какимъ мѣрамъ, не только не имѣлъ

твердой рѣшимости, но и показалъ одно глупое малодушіе. Нимфидій, преторіанскій Префектъ, товарищъ Тигеллина, измѣняетъ своей обязанности, подкупаетъ преторіанцевъ, обѣщая имъ безчисленное множество денегъ именемъ Гальбы. Неронъ, оставленный тѣлохранителями, укрывается въ домѣ одного отпущенника. Сенатъ собирается, объявляетъ Нерона врагомъ государства, осуждаетъ на казнь *по древнему обыкновенію*, и провозглашаетъ наконецъ Гальбу Императоромъ. Отпущенникъ приноситъ сіе ужасное извѣстіе своему Государю; изъясняетъ ему *древнее обыкновеніе*, то есть, что должно привязать виновнаго къ столбу и бить разгами до смерти. Мысль сія была несносна для Нерона; онъ хватается трепещущею рукою за остріе двухъ кинжаловъ. Робость обезоруживаетъ его: онъ говоритъ, что роковый часъ еще не наступилъ. Между тѣмъ воины приближаются схватить его. Что дѣлать? Онъ ободряется, приставляетъ кинжалъ къ горлу и проситъ помощи у своего Секретаря, который и помогаетъ ему вонзить оный. Такимъ образомъ умеръ тридцати лѣтъ Государь, коего одно имя, кажется, выражаетъ всѣ злодѣянія.

Его осуждаютъ на смерть.

Онъ съ трудомъ умерщвляетъ себя.

Поколѣніе Августа пресѣклось въ Неронѣ. Тиверій, Калигула, Клавдій, Неронъ: вотъ для кого Августъ похитилъ владычество надъ вселенною! Вотъ для кого Римъ покорилъ толикіе народы! Вотъ Государи,

Въ немъ пресѣклось Августово поколѣніе.

коихъ богатства, развращеніе нравовъ, презрѣніе добродѣтели и погруженіе въ пороки давно приготовляли Римлянамъ!

ГАЛЬБА, ОТОНЪ, ВИТЕЛЛІЙ.

68. Гальба, обладатель Имперіи дѣлаетъ великія ошибки.

По разбитіи Виндекса, Гальба, удалившись въ одинъ Испанскій городъ, почиталъ уже себя погибшимъ. Онъ хотѣлъ умертвить себя, какъ увѣдомился о перемѣнѣ. Онъ поспѣшилъ воспользоваться оною; но будучи дряхлъ, строгъ, бережливъ до скупости, неспособенъ примѣняться къ обстоятельствамъ, и имѣя 73 года, по старости лѣтъ своихъ не въ силахъ былъ носить бремя правленія, въ верховной власти нашелъ только камень претыканія и погибели. Обозримъ кратко его недостатки и откроемъ источникъ его бѣдствій.

Онъ приходитъ у воиновъ въ ненависть.

Не было конечно опаснѣе, какъ раздражать воиновъ, кои вручили ему имперію и могли опять отдать ее другому. Между тѣмъ Гальба, едва прибылъ въ Италію, какъ велѣлъ казнить морскій легіонъ, вновь учрежденный, который требовалъ подтвержденія на свое учрежденіе. Преторіанцы полагались на обѣщанныя имъ деньги, или по крайней мѣрѣ ожидали части отъ нихъ. Гальба лишилъ ихъ надежды, сказавъ, что Императоръ *избираетъ себѣ воиновъ, а не покупаетъ.* Съ сего времяни воины сдѣлались ему непріятелями. А могъ ли Гальба безъ нихъ царствовать.

Онъ даетъ народу поводъ къ жалобамъ.

Съ другой стороны народъ, ослѣпленный зрѣлищами и щедростями Нерона во время его ширанiи, ропщетъ на скупость Государя, отказывающаго въ самыхъ забавахъ. Множество гражданъ, лишившись выгодъ, получаемыхъ ими во время прежняго царствованiя, негодуютъ на разрушенiе своего щастiя. Поступки сiи тѣмъ были безразсуднѣе, что множество примѣровъ неправосудiя закрывали отъ глазъ совершенно справедливость, въ нихъ находящуюся. Нимфидiй учинилъ заговоръ для возобладанiя ему имперiею, а Гальба приказалъ казнить по воински множество знаменитыхъ людей по однимъ доносамъ безъ всякаго доказательства. Онъ пощадилъ безчестнаго Тигеллина, между тѣмъ какъ жестоко поступалъ съ людьми не столько ненавистными. Гальба, страшившiйся малѣйшихъ издержекъ, потерпѣлъ грабительства трехъ правителей, которые продавали все и съ жадностiю изыскивали случаи къ своему обогащенiю. И такъ онъ казался скупымъ или бережливымъ только для того, чтобъ правителямъ своимъ доставить средства къ грабительствамъ.

Несправедливость.

Неблагоразумная бережливость.

69. Уже войско Германское требовало другаго Императора, то есть, намѣревалось сдѣлать новаго. Возмущенiе долженствовало вскорѣ сдѣлаться опаснымъ. Гальба, чувствуя слабость свою, искалъ подпоры въ Пизонѣ, не столько отличающемся знаменитымъ своимъ происхожденiемъ, сколько

Гальба усыновляетъ Пизона и даетъ ему мудрые совѣты.

добродѣтелями. Онъ усыновилъ его. Наставленіе Гальбы Пизону, помѣщенное въ Тацитѣ, достойно великаго мудреца. Императоръ, совѣтуя своему наслѣднику вести себя благоразумно и скромно, говоритъ: «здѣсь не такъ дѣла идутъ, какъ въ другихъ государствахъ, гдѣ царствуетъ одинъ «домъ, а прочіе всѣ невольники. Ты долженъ управлять такими людьми, которые «не могутъ сносить ни совершеннаго раб«ства, ни совершенной свободы.« Пизонъ не имѣлъ времени доказать на опытѣ пользу сихъ совѣтовъ.

Отонъ намѣревается похитить имперію

Одинъ бунтовщикъ, досадуя на предпочтеніе, оказанное Гальбою Пизону, поклялся погубить и того и другаго. Сей соперникъ былъ Отонъ, мужъ Поппеи, любимецъ Нерона, доколѣ жена его не прельстила сего Государя; безчестный придворный по своимъ распутствамъ и роскоши, задолжавшій 200 милліоновъ сестерціевъ и полагающій спасеніе свое въ одномъ только отчаянномъ поступкѣ. Погибнуть на сраженіи или пасть подъ тяжестію правосудія, для него, какъ самъ онъ говорилъ, было одно и то же. Друзья и невольники побуждали его на все отважиться. Сверхъ того онъ былъ ободряемъ и обѣщаніями Астрологовъ, «такими людьми, говоритъ Тацитъ, кои «играютъ вельможами, коихъ всегда бу«дутъ обвинять въ нашемъ отечествѣ и «всегда будутъ удерживать въ ономъ.« Они обѣщали имперію Отону: вотъ средство заставить себѣ вѣрить.

Два предпріимчивыхъ воина управляли злоумышленіемъ. Въ назначенный день привозятъ Отона въ преторіанскій лагерь. Воины провозглашаютъ его Императоромъ; чиновники подражаютъ ихъ примѣру. Тщетно Пизонъ и Гальба стараются пресѣчь безпорядокъ: они убиты. Отонъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на ихъ головы, обагренныя кровію. Напротивъ Гальба сказалъ воину, похвалявщемуся умертвить Отона, сіи слова, достойныя великаго человѣка. *Товарищъ, кто тебѣ приказалъ сіе?* Прежнія гоненія и ссылки, жестокость Августовыхъ преемниковъ такъ истребили древнія поколѣнія, что со временъ Гальбы не было ни одного такого Императора, который бы велъ родъ свой отъ оныхъ.

Преторіанцы провозглашаютъ его Императоромъ.

Кончина Гальбы и Пизона.

Между тѣмъ какъ Отонъ, безъ всякаго шума признанный Сенатомъ, принималъ обыкновенныя почести отъ льстецовъ, одинъ соперникъ возобладалъ верховною властію. Германскіе легіоны еще прежде умерщвленія Гальбы провозгласили Императоромъ Вителлія, своего полководца, для посрамленія коего довольно бы было и одной его безчестной юности, проведенной съ Тиверіемъ, хотя бы онъ и не вдавался въ новыя распутства: въ пьянство, подлость и всѣ пороки, свойственныя низкой душѣ. Часть Галловъ пристала къ его сторонѣ. Валентъ и Цецина, полководцы Вителлія, должны были замѣнять въ войнѣ Импера-

Вителлій провозглашенъ въ Германіи Императоромъ.

Его пороки.

Пособія Отона.

тора, неспособнаго къ оной. Отонъ располагался выдержать войну. На его сторонѣ былъ Римъ, преторіанцы, многочисленные легіоны, и возвышеніе Вителлія какъ бы придавало силу его способностямъ, подавляемымъ прежде нѣгою.

Война была неизвѣстна въ Римѣ; худо приготовляются къ оной.

Война въ Италіи была неизвѣстна съ того времени, какъ Августъ посредствомъ политики и насилій сдѣлался тамъ обладателемъ. Преторіанцы вели жизнь спокойную и своевольную; они тѣмъ болѣе развратились, что Государи всегда привязывали ихъ къ себѣ одними щедростями. Сенаторы, всадники были вообще такъ удалены отъ воинской науки, что ихъ приготовленія показывали болѣе великолѣпныя торжества, нежели имѣющія быть сраженія. Ужасъ распространялся по всему городу, и мысль о войнѣ нравилась тѣмъ только безпокойнымъ умамъ или тѣмъ раззорившимся людямъ, кои въ народныхъ бѣдствіяхъ полагали свои надежды. Не то уже было время, когда бы Римъ, при всемъ развращеніи своемъ, еще былъ наполненъ героями.

Сраженіе Бедріакское, рѣшительное для Вителлія.

Первыя непріятельскія дѣйствія были неудачны для Вителлія. Цецина снимаетъ осаду съ Піаченцы и терпитъ важный уронъ до прибытія своего товарища. Валентъ и Цецина, соединившись, презираютъ и порицаютъ другъ друга. Совѣтуютъ Отону помедлить: лучшее было средство въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; но Отонъ,

скучая неизвѣстностію и, можетъ быть, опасаясь, чтобъ приверженцы его не охладѣли, рѣшился на удачу пуститься на сраженіе. Странѣе была его погрѣшность, что онъ самъ тамъ лично не былъ. Льстецы заставили его скрыться, между тѣмъ какъ сражались за его щастіе. Часть преторіанцовъ пошла за нимъ; прочее войско безъ него не могло имѣть ни ревности одинакой, ни искусства. Два искусные полководца, предводительствовавшіе войскомъ, потеряли совершенно власть надъ нимъ. Наконецъ Бедріакское сраженіе, между Кремоною и Мантуею, рѣшилось въ пользу Вителлія. На ономъ погибло съ обѣихъ сторонъ болѣе 40,000. Во время междоусобныхъ браней нѣтъ никакой пользы въ плѣнныхъ, потому что они не почитались невольниками, и для того съ ожесточеніемъ проливали кровь. Извѣстіе о семъ нещастіи доставлено было однимъ воиномъ, который, видя къ нему недовѣрчивость, въ доказательство словъ своихъ умертвилъ себя и палъ къ ногамъ Отона.

Кровопролитіе во время междоусобныхъ браней.

Императоръ самъ рѣшился умереть послѣ пораженія. Не смотря на убѣжденія друзей своихъ и войскъ, онъ остался непреклоненъ въ своемъ намѣреніи, представляя тому въ причину свое великодушіе, которое трудно почесть искреннимъ. Онъ отдалъ спокойно послѣднія свои приказанія; занялся, подобно Катону, безопасностію своихъ приверженцовъ, и потомъ пронзилъ

Отонъ умерщвляетъ себя, царствовавъ три мѣсяца.

себя кинжаломъ. Многіе воины, изъ привязанности къ нему, умерщвили себя. Отонъ царствовалъ три мѣсяца. Кротость его правленія въ столь краткое время не препятствуетъ заключить, что онъ, сдѣлавшись полнымъ обладателемъ имперіи, началъ бы подражать Нерону, потому что онъ имѣлъ его пороки. Доброе начало царствованія есть средство утвердиться на престолѣ.

Вителлій приходитъ въ ненависть и презрѣніе.

Между тѣмъ Вителлій, еще болѣе недостойный царствовать, увѣдомился въ Галліи, что Сенатъ возложилъ на него верховную власть. Онъ отправился поспѣшно въ Италію, и безъ всякихъ прикрасъ поставилъ себѣ за удовольствіе обозрѣть поле сраженія, еще покрытое трупами. Когда запахъ, происходящій отъ нихъ, произвелъ въ нѣкоторыхъ изъ его придворныхъ дурноту, онъ сказалъ имъ: *отъ убитаго врага всегда хорошо пахнетъ, особливо отъ гражданина.* Сіи, проклятія достойныя слова, заключаютъ въ себѣ всѣ роды безчеловѣчія. Римъ увидѣлъ глупаго тирана, всегда плавающаго въ винѣ или крови; который по алчности своей пожиралъ милліоны; котораго дворецъ ежедневно представлялъ зрѣлище Бахусовыхъ празднествъ, и по примѣру коего воины, предаваясь всегда распутству, производили вездѣ безпорядокъ и ужасъ. Чтобъ изобразить его однимъ словомъ, присовокупимъ, что онъ дѣлами своими прославилъ память Нерона.

Таковое царствованіе въ то время, когда войска давали или отнимали имперію, не могло быть продолжительно. Веспасіанъ скоро началъ угрожать ему. Сей полководецъ, сынъ незнатнаго зборщика, подлостями своими нечувствительно возвысился при Калигулѣ и Клавдіи; ибо при дворахъ дурныхъ Государей и самые достойные люди не иначе восходятъ на высокія степени почестей. Словомъ, ему покровительствовалъ Нарциссъ, и посредствомъ сего покровительства онъ получилъ консульное достоинство. Хотя онъ и мало пресмыкался при Неронѣ, не угождалъ его смѣшнымъ прихотямъ, однако получилъ главное начальство надъ войскомъ во время Іудейской войны. (Мы упомянемъ объ оной въ другомъ мѣстѣ). Веспасіанъ велъ войну сію съ великимъ искусствомъ и мужествомъ; между тѣмъ три нечаянные переворота проложили ему путь къ предпріятію, за которое онъ принялся съ трепетомъ, или лучше, которое другіе для него обдумали. Мнимыя предсказанія, предвозвѣстившія ему имперію, беззаконное Іосифово примѣненіе къ нему пророчествъ въ разсужденіи Спасителя, должно почитать или хитростями политики, или лукавствомъ лести, или грезами суевѣрнаго легковѣрія.

Кто былъ Веспасіанъ, и какъ онъ составилъ свое щастіе.

Предсказанія для него полезныя.

Восточные легіоны, завидуя другимъ въ томъ, что они располагаютъ всѣмъ, захотѣли поставить и надъ собою Императора. Муціанъ, правитель Сиріи, принудилъ сво-

Веспасіанъ дѣлается Императоромъ

на Востокѣ.

ими совѣтами Веспасіана воспользоваться симъ случаемъ. Когда воины въ Египтѣ, Сиріи, Іудеи провозгласили его Императоромъ, то и весь Востокъ призналъ его въ семъ достоинствѣ. Муціанъ отправляется въ походъ. Антоній Примусъ упреждаетъ его съ войсками Мизійскими, Паннонскими и Далматскими. Вителлій, пораженный уже военныхъ шумомъ, пробуждается отъ усыпленія. Приказываетъ своимъ полководцамъ, Цицеѣ и Валенту, идти для пораженія непріятеля. Но первый былъ измѣнникъ; вторый человѣкъ распутный, коего спутники представляли сераль. Примусъ уже у воротъ Кремоны. Онъ одерживаетъ побѣду на сраженіи и береть потомъ сей городъ, который былъ совершенно разграбленъ и обращенъ въ пепелъ.

Сраженіе и взятіе Кремоны.

Глупость Вителлія въ опасности.

Вездѣ покарялись Веспасіану. Слабый Вителлій не зналъ сего, или хотѣлъ, чтобъ другіе не знали. Онъ жилъ, какъ бы въ совершенной тишинѣ; ни сколько не умалялъ распутства своего и роскоши; освобождалъ отъ налоговъ, продавалъ права и расточалъ свои сокровища на пагубныя и постыдныя забавы. Впрочемъ, когда опасность здѣлалась неминуемою; когда войско съ великимъ воплемъ потребовало Императора, онъ отправился въ лагерь: но тѣмъ только пришелъ въ большее презрѣніе, и скоро, обѣятый чрезмѣрнымъ страхомъ, уѣхалъ отсюда. Жители Римскіе, болѣе изъ жалости къ его униженію, нежели изъ любви къ нему,

показали великую ревность къ защищенію, которою онъ не умѣлъ воспользоваться.

Примусъ переходитъ Апеннинъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ, не встрѣчая на пути другихъ препятствій, кромѣ положенныхъ природою. Тогда Императоръ, находясь въ необходимости погибнуть, или отречься отъ Имперіи, избираетъ сторону, приличную его слабости. Онъ соглашается на условія, предложенныя Флавіемъ Сабиномъ, Префектомъ Римскимъ, старшимъ братомъ Веспасіана; обязывается уступить имперію за большое жалованье и за свободу кончить спокойно дни свои въ Кампаніи. По заключеніи договора, онъ прочиталъ его народу. Потомъ, поручивъ ему въ прокровительство свое семейство, кладетъ со слезами мечь свой; хочетъ сложить всѣ знаки верховной власти. Сіе плачевное зрѣлище тронуло и воспламенило народъ. Останавливаютъ его въ своемъ намѣреніи, уводятъ насильно во дворецъ. Нападаютъ на Сабина. Онъ, потерявъ нѣсколько воиновъ, уходитъ въ Капитолію. Германскія когорты его осаждаютъ и сожигаютъ ворота. Капище Юпитера обращено въ пепелъ. Сабинъ взятъ, приведенъ къ Вителлію и растерзанъ, не смотря на всѣ усилія, употребленныя симъ Государемъ для успокоенія разъяренныхъ воиновъ.

Онъ для спасенія своего заключаетъ постыдный заговоръ.

Онъ слагаетъ съ себя всѣ знаки начальства.

Народъ до сего не допускаетъ.

Ужасное возмущеніе.

Тогда не оставалось уже никакой надежды къ примиренію. Приходитъ Примусъ. Войско его беретъ городъ. Въ то время отправлялись Сатурновы празднества,

Примусъ, полководецъ Веспасіановъ,

беретъ Римъ. продолжающіяся съ великимъ своеволіемъ и глупостями. Тацитъ увѣряетъ, что кровопролитіе и ужасъ сего дня ни мало не воспрепятствовали народнымъ забавамъ. Таковы были Римляне въ своемъ униженіи.

Плачевная кончина Вителлія. Вителлій, схваченный въ дому одного невольника, у котораго онъ скрывался, содѣлался позорищемъ для того же самаго народа, который недавно оказывалъ ему великое усердіе: съ веревкою на шеѣ, съ завязанными назадъ руками, въ раздранномъ и поносномъ одѣяніи, онъ является на площади, какъ подлѣйшій преступникъ. Кидаютъ въ него грязью, ругаются надъ нимъ; по безчисленныхъ мученіяхъ, умерщвляютъ его, влекутъ багромъ трупъ его въ Тибръ, подымаютъ на копьѣ его голову. Какая кончина для Императора! Подобнымъ образомъ своевольство, сорвавъ съ себя узду законовъ и обыкновеній, въ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ, такія представляетъ позорища, которыя едва ли возможны и въ царствѣ варварства.

ВЕСПАСІАНЪ.

ДОСТОПАМЯТНОЕ ПРАВЛЕНІЕ ВЕСПАСІАНА.

Война Іудейская и взятіе Іерусалима.

Веспасіана признали Императоромъ въ Римѣ; но самаго его еще не было. Муціанъ, гордяся тѣмъ, что онъ доставилъ Веспасіану имперію, вступилъ вмѣсто его въ полное управленіе Римомъ. Сей нещастный городъ чувствовалъ нѣсколько времени всѣ жестокости побѣдителей. Примусъ, отъ котораго зависѣлъ весь успѣхъ оружія, для избѣжанія зависти высокомѣрнаго Муціана, не вступался уже ни во что: ибо при дворахъ заслуги безъ милости въ минуту исчезаютъ. 69. Веспасіанъ признанъ Императоромъ.

Императоръ въ Александріи ожидалъ благопріятныхъ вѣтровъ. Бережливость его, простирающаяся иногда до скупости, показалась странною Александрійцамъ, кои, присоединившись къ сторонѣ его, надѣялись сначала великихъ щедростей. Но два мнимыя чуда, о которыхъ упоминаетъ Тацитъ, основываясь въ томъ на свидѣтеляхъ еще живыхъ, заградили уста ропщущимъ. Слѣпый и сухорукій, оба по вдохновенію бога Сераписа, униженно просили Веспасіана, чтобъ онъ у перваго помазалъ глаза слиною, а у другаго подавилъ ногою руку. Веспасіанъ, по нѣкоторомъ сопротивленіи, сдѣлалъ сіе, и больные изцѣлились. Чудо, приписываемое ему въ Александріи.

Изъясненіе сего происшествія.

Для изъясненія сихъ чудесъ, присвоиваемыхъ ложными вѣрами, обыкновенно къ произведенію оныхъ употребляютъ орудіемъ дьявола: какъ будто бы ложь, обманъ или легковѣріе не могли доставить изъясненій гораздо правдоподобнѣе. Или обманулся Веспасіанъ, или хотѣлъ обмануть другихъ. Свидѣтели, означаемые Тацитомъ, могли быть изъ числа тѣхъ людей, которые вездѣ видятъ чудесное и свидѣтельствуютъ, какъ бы сами то видѣли. Уже ли весьма рѣдки примѣры сего въ Исторіи? И истинная Вѣра, которой чудеса носятъ на себѣ печать божественныхъ свидѣтельствъ, не должна ли отвергнуть всѣ басни суевѣрія и обмана?

70. Веспасіанъ управляетъ, какъ добрый Государь.

Вотъ истинное чудо другаго рода: Римъ, находившійся подъ властію семи чудовищъ, оскверненныхъ злодѣяніями, увидѣлъ наконецъ Императора, достойнаго надъ нимъ владычествовать. Веспасіанъ, бывъ нѣкогда ласкателемъ тирановъ, содѣлался любезнымъ и почтеннымъ по качествамъ истинно Царскимъ. Онъ, будучи скроменъ, трудолюбивъ, и занимаясь непрестанно попеченіями о правленіи, постарался возстановить порядокъ, испровергнутый тиранією и несогласіемъ. Содержалъ войска въ должномъ повиновеніи, не поблажая ихъ страстямъ; возвратилъ Сенату прежнюю славу, преобразовалъ его и сообщивъ ему государственныя дѣла, истребилъ великія бѣдствія посредствомъ правосудія; пресѣкъ роскошь

при столахъ, особливо своимъ примѣромъ, который дѣйствительнѣе всѣхъ законовъ; обуздалъ своеволіе нравовъ мудрыми узаконеніями. Безъ всякой пышности и гордости, онъ показывалъ себя Государемъ только въ споспѣшествованіи общественному благу; и вотъ въ чемъ достоинство Государя.

Но упрекаютъ его въ сребролюбіи и лихоимствѣ.

Впрочемъ укоряютъ его въ сребролюбіи, страсти, унизительной даже и для частныхъ людей. Говорятъ, что онъ продавалъ чины и милости, умножалъ налоги; употреблялъ къ собиранію оныхъ людей жестокихъ и жадныхъ, дабы послѣ выжать изъ нихъ всѣ сокровища и отдать подъ судъ, когда они набогатятся. Когда Титъ, сынъ его, не одобрялъ какого-то налога на мочу (urinae vectigal), Императоръ, показавъ ему деньги, чрезъ то собранныя, спросилъ: *дурно ли пахнетъ отъ сихъ денегъ?* Защитники Веспасіана оправдываютъ его въ семъ необходимостію обстоятельствъ, (ибо казна был аистощена совершенно), и еще благороднымъ употребленіемъ своихъ доходовъ. Веспасіанъ употреблялъ ихъ на украшеніе города, на поправленіе большихъ дорогъ, на вспоможеніе народу въ нуждѣ, на поддержаніе Сенаторовъ задолжавшихъ и на великолѣпное награжденіе ученыхъ людей и художниковъ. Но ничто не можетъ оправдать его въ жестокихъ взысканіяхъ податей, походящихъ болѣе на грабительства зборщика, нежели на дѣйствія самодержавной власти. Не нужно

Куда онъ употреблялъ деньги.

назначать учителямъ краснорѣчія въ жалованье по 100,000 сестерціевъ, ни давать въ подарокъ по 500,000 той же монеты стихотворцу, какъ поступалъ Веспасіанъ. Надобно собирать съ народа тѣ только налоги, коихъ требуетъ благо государства.

Онъ выгоняетъ философовъ, какъ враговъ Монархіи.

Сей Государь, столь щедрый для Стихотворцовъ и Риторовъ, изгналъ изъ Рима философовъ, какъ враговъ Монархическаго правленія. По истинѣ многіе, подъ личиною стоицизма, простирались до предосудительныхъ нелѣпостей. Циникъ, по имени Дмитрій, по дерзости своей остался въ Римѣ, даже явился предъ Императора безъ всякаго уваженія. Веспасіанъ чрезъ посланнаго сказалъ ему: *ты всячески заставляешь меня отнять у тебя жизнь; но я не убиваю лающей собаки.*

Ссылка Гельвидія Приска.

Впрочемъ онъ отправилъ въ заточеніе Гельвидія Приска, зятя Тразея и ревнителя его добродѣтелей, коего единственнымъ преступленіемъ была любовь къ свободѣ, любовь пламенная и подозрительная въ Монархическомъ правленіи. Веспасіанъ благороднѣе поступилъ съ Меціемъ Помпоніаномъ, котораго описывали ему опаснымъ соперникомъ; онъ возвелъ его на консульство и сказалъ: *ежели онъ будетъ Императоромъ, вспомнитъ о моихъ благодѣяніяхъ.*

Возмущенія Батавовъ и Цивилиса.

Двѣ важныя войны были окончаны съ успѣхомъ. Батавы, подъ предводительствомъ Цивилиса, одного изъ знаменитѣйшихъ ихъ

соотечественниковъ, свергли иго Римское. Галлы, подстрѣкаемые своими Друидами и ненавистію къ рабству, также взбунтовали. Классикъ, ихъ предводитель, принявъ знаки верховнаго начальства, въ предшествованіи ликторовъ, принудилъ легіоны присягнуть *имперіи Галловъ*. Отправили на Рейнъ 7 легіоновъ для прекращенія мятежа. Народы, раздѣленные другъ съ другомъ завистію, не могли противиться толикимъ силамъ: большая часть оныхъ тотчасъ покорилась. Цивилисъ твердо стоялъ въ своемъ намѣреніи. Онъ пріобрѣлъ различныя выгоды, претерпѣлъ уроны, и видя Батавовъ утомленныхъ столь опасною войною, наконецъ покорился военачальнику Цереалису, мужу умному, иногда нерадивому, впрочемъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ щастливому.

Галловъ прекращены. Классикъ. Цивилисъ. 80.

Въ томъ же году окончилась война съ Іудеями. Сей народъ, столько ненавидимый и презираемый всѣми прочими, сколько онъ ненавидѣлъ и презиралъ ихъ, народъ достойный уваженія только за сохраненіе Откровенія, которое ни сколько не препятствовало ему впасть въ самыя грубыя суевѣрія, сей, говорю, народъ столько былъ слабъ и униженъ, что не могъ быть важенъ въ дѣлахъ политическихъ. По освобожденіи изъ долговременнаго плѣна, онъ имѣлъ вмѣсто Государей своихъ Первосвященниковъ. Помпей покорилъ его подъ Римское владычество, рѣшивъ взятіемъ

Состояніе Іудеи.

Перемѣны въ всей землѣ.

Іерусалима ссору двухъ братьевъ, Гиркана и Аристовула, споривших о первенствѣ. Жестокій Иродъ, приверженецъ Марка Антонія, потомъ покровительствуемый Августомъ, долго носилъ титулъ Царя. Тиранія Архелая, одного изъ сыновей Иродовыхъ, раздражала Августа. Сей Императоръ отправилъ его въ ссылку, и обратилъ Іудею въ Римскую провинцію.

Предразсудки и изступленіе Іудеевъ.

Частыя возмущенія, производимыя особливо слѣпою ревностію и пустосвятствомъ, довели Іудеевъ до крайняго бѣдствія. Они почитали себя предназначенными къ покоренію всѣхъ народовъ. Они, не признавая Мессіи, предвозвѣщеннаго ихъ Пророками, коего таинства исполнились, ожидали ежедневно на мѣсто его избавителя, сообразнаго съ ихъ глупыми грезами. Кто представлялъ себя таковымъ, тотъ могъ произвесть возмущеніе. Фарисеи раздували пламя изступленія. Они почитали идолопоклонствомъ все, что не согласовалось съ ихъ понятіями и правилами вѣры. Знамена легіоновъ, изображенія Цесарей наводили имъ ужасъ. Одна искра вдругъ производила пожары въ Іудеи, потому что предразсудки и народный характеръ равномѣрно къ тому способствовали.

Осада Іерусалима.

Веспасіану поручено было отъ Нерона укротить сей бунтливый народъ. Ему оставалось только взять столичный городъ, какъ провозглашенный Императоромъ пошекъ на поприще своего щастія. Титъ,

70.

старшій сынъ его, продолжалъ и кончилъ войну осадою Іерусалима. Разрушеніе сего города не столько зависѣло отъ Римлянъ, сколько отъ Іудеевъ. Іудеи, раздѣлившись между собою и питая другъ на друга злобу, сами для себя содѣлались бичами. Благоразумнѣйшіе хотѣли покориться. Сторона бѣснующихся, присвоившихъ себѣ названіе *ревнителей*, по упорству своему оставалась при насильственныхъ предпріятіяхъ, мучила народъ, и въ то же самое время привлекала мщеніе непріятеля. Безчисленное ихъ множество было въ городѣ. Раздоры непрестанно возобновляли кровопролитіе. Самые ревнители, раздѣлившись на различныя стороны, терзали другъ друга съ такимъ же неистовствомъ, какое они показывали и къ Римлянамъ. Голодъ довершилъ сіи ужасы. Все употребляли въ пищу; мать, умертвивши своего сына, пожрала его. Сіи пустосвяты, вѣря своимъ ложнымъ пророкамъ, презирали мученія, опасности, смерть. Наконецъ Титъ видя, что всѣ кротkія средства остаются безполезны, беретъ крѣпость приступомъ. Храмъ преданъ огню; Іерусалимъ погребенъ былъ подъ своими развалинами. Злодѣйства ревнителей.

Историкъ Іосифъ, оставившій своихъ соотечественниковъ и служившій у Римлянъ, полагаетъ до милліона ста тысячъ Іудеевъ, убитыхъ при осадѣ. Свѣтоній и Корнелій Непотъ уменьшаютъ число сіе до половины. Іосифъ въ сочиненіи своемъ Замѣчаніе на Іосифа.

явно показываетъ лесть, легковѣріе и увеличеніе, такъ что въ разсужденіи многихъ мѣстъ онъ по справедливости внушаетъ недовѣрчивость. Кто предвѣщалъ Имперію Веспасіану, почитая его предметомъ древнихъ пророчествъ, тотъ долженъ ли почитаться въ числѣ добрыхъ историковъ?

79. Смерть Веспасіана.

Веспасіанъ, здѣлавшись отчаянно боленъ, сказалъ въ насмѣшку: *воображаю, что я теперь дѣлаюсь богомъ.* Имперія какъ бы давала нѣкоторое право на обоготвореніе. Веспасіанъ хотѣлъ подняться на своей постелѣ, сказавши: *Императоръ долженъ стоя и умереть:* такъ много обязанности верховной власти занимали его душу. Онъ вскорѣ потомъ умеръ 59 лѣтъ. Онъ, возносясь иногда превыше общенародныхъ понятій, смѣялся надъ тѣми предсказаніями, кои другихъ устрашали. По случаю явленія кометы онъ сказалъ: »Ежели сія косматая »звѣзда угрожаетъ кому, то подлинно Царю »Парѳянскому, имѣющему длинные волосы, »а не мнѣ плѣшивому.« Впрочемъ онъ вѣрилъ астрологіи и гаданію.

Насмѣшка въ разсужденіи явленія кометы.

Исчисленіе гражданъ. Старики.

Въ царствованіе Веспасіана полагаютъ послѣднее исчисленіе гражданъ. Полагаютъ, будто между Апенниномъ и По нашлось 81 человѣкъ, жившихъ за сто лѣтъ, изъ коихъ осмеро имѣли болѣе 130 лѣтъ отъ роду, а троимъ было по 140 лѣтъ. Таковыя происшествія кажутся сомнительны; тогда труднѣе было оправдать ихъ, нежели нынѣ.

Титъ.

79. Титъ жертвуетъ забавами должности.

При имени Тита всякой ощущаетъ радость; потому что понятіе о добромъ Государѣ представляетъ изображеніе народнаго благополучія. Юношескія заблужденія помрачили его славу и даже привели въ ненависть у народа. Какая была потребна услуга для заглажденія сего пятна! Обязанности верховной власти, по видимому, изъ Тита здѣлали другаго человѣка. Онъ для того только воцарился, чтобъ дѣлать другихъ благополучными, и не только не упоевался верховною властію, столь для страстей благопріятною, но и пожертвовалъ своими склонностями, когда увидѣлъ, что ему врученъ былъ жребій людей. Императоръ отослалъ Веренику, дочь Царя Іудейскаго Агриппы, въ которую влюбленъ былъ до безумія, и отослалъ ее единственно для того, дабы, женившись на иностранкѣ, не навлечь отъ Римлянъ порицанія. Желаніе дѣлать добро было господствующею страстію у Тита. *Друзья мои, я потерялъ день*, говорилъ онъ при окончаніи того дня, въ который не могъ оказать никакого благодѣянія.

Его благотворительность.

Милости, изливаемыя на придворныхъ, могутъ быть въ тягость народа. Менѣе бы должно было удивляться великодушію Тита, ежели бы онъ не соединялъ съ нимъ бережливости, и естьли бы, одаряя однихъ, не занимался вмѣстѣ и выгодою всѣхъ.

Благородная бережливость.

Правило его: *ни одинъ гражданинъ не долженъ выходить отъ Государя недовольнымъ* можетъ почестться превосходнымъ только въ устахъ Государя просвѣщеннаго, который удовлетворяетъ, или отказываетъ у мѣста, и умѣетъ показаться добрымъ даже и тогда, когда отказываетъ. Хвалятъ Тита за то, что онъ подтвердилъ всѣ награды его предшественниковъ: можетъ быть надобно бы было за сіе порицать его.

Онъ давалъ празднества; но облегчалъ и народъ въ нещастіяхъ.

Народъ имѣлъ нужду въ зрѣлищахъ. Великолѣпный амфитеатръ Тита, празднества, имъ даваемыя, сообразны были и со вкусомъ народа и съ величіемъ имперіи. Но онъ заслужилъ любовь гражданъ, особенно ревностными вспоможеніями въ народныхъ бѣдствіяхъ послѣ знаменитаго изверженія Везувія и послѣ пожара въ Римѣ.

Онъ не умертвилъ ни одного Римлянина.

Титъ, принявъ первосвященство, объявилъ, что онъ, по долгу первосвященника, почитаетъ себя обязаннымъ никогда не обагряться Римскою кровію. Онъ не пролилъ ни одной капли оной. Прощалъ, или наказывалъ милосердо. Свирѣпый Домиціанъ, братъ Тита и врагъ его, имѣлъ участіе въ благодѣяніяхъ его. Императоръ пригласилъ къ своему столу двухъ патриціевъ, обличенныхъ въ злоумышленіи и осужденныхъ Сенатомъ на смертную казнь. Будучи строгъ къ однимъ доносителямъ, онъ предупредилъ тѣмъ бѣдствія, кои бы они могли причинить.

81. Столь великій Государь, названный *утѣ-*

хою рода человѣческаго, Государь, при прославленіи коего добродѣтелей забываютъ о его подвигахъ, Титъ умираетъ сорока лѣтъ, по двухлѣтнемъ царствованіи, и оставляетъ имперію чудовищу для долговременнаго утѣсненія. Такъ жалокъ жребій народовъ! Смерть его.

Главное происшествіе, случившееся во время сего царствованія, было изверженіе горы Везувія. Цѣлые два города, Геркуланъ и Помпея, исчезли подъ громадами пепла, потомъ залиты лавою, текшею изъ огнедышущаго жерла. Плиній Натуралистъ, начальникъ Мизенскаго флота, вздумалъ вблизи разсмотрѣть сіе ужасное явленіе. Любопытство стоило ему жизни. Никогда человѣкъ не показалъ болѣе страсти къ ученію. За столомъ, въ банѣ, въ дорогѣ, и даже на улицахъ въ Римѣ Плиній занимался онымъ. Я не говорю о его сочиненіяхъ; онъ оставилъ 160 книжекъ выписокъ изъ чтенія сочинителей. Онъ, увѣрившись въ томъ, что изъ самыхъ дурныхъ книгъ можно извлечь что нибудь полезное, читалъ, или принуждалъ себѣ читать почти все. Такимъ образомъ въ безчисленномъ множествѣ предметовъ, заключающихся въ его Естественной Исторіи, есть чѣмъ заняться критикамъ. Недостанетъ жизни человѣческой на испытаніе толикаго множества вещей. Ужасное изверженіе Везувія. Плиній Натуралистъ.

ДОМИТІАНЪ.

81. Домитіанъ безумный и злый.

Домитіанъ, братъ Тита, есть Калигула и Неронъ. Жестокость и глупость суть отличительныя черты его поступковъ. Онъ почитаетъ забавою убивать мухъ у себя въ покоѣ; любуется также и умерщвленіемъ людей. Домитіанъ, предавшись постыднѣйшимъ порокамъ, принимаетъ титулъ *бога*. Показываетъ одну постыдную трусость, и присвояетъ всѣ титулы воинскіе. Издаетъ нѣсколько добрыхъ законовъ, и между прочими законъ, запрещающій дѣлать евнуховъ. Поступаетъ иногда какъ правосудный и великодушный Государь; но нѣкоторые поступки ложной добродѣтели только увеличиваютъ ужасъ его пороковъ.

Примѣръ злобы его.

Пусть судятъ о душѣ его по сему варварскому удовольствію, съ каковымъ онъ нѣкогда, собравъ главныхъ Сенаторовъ и всадниковъ въ покой, обитый чернымъ сукномъ, угощалъ ихъ среди знаковъ смерти и отпустилъ по домамъ съ увѣреніемъ, что они содѣлаются жертвами его жестокости. Повеселившись довольно безпокойствомъ гостей своихъ, утѣшилъ ихъ потомъ подарками, кои, бывъ принесены къ нимъ, послужили сперва новымъ предметомъ ужаса.

Онъ возбождаетъ и награж-

Возмущеніе въ Германіи подало случай тирану показать все свое неистовство. Тогда, по словамъ Тацита, родъ, богат-

ства, почести, особливо добродѣтели обратились въ преступленія. Награды доносителямъ, кажется, были столько же ненавистны, какъ и самая ихъ злоба; консульство, жречество, должности самыя прибыточныя раздавались симъ гнуснымъ людямъ. Подкупали невольниковъ для обвиненія господъ; и друзья въ случаѣ нужды служили вмѣсто враговъ. Самые почтенные граждане погибли, какъ преступники въ оскорбленіи величества. Сенатъ былъ ихъ судіею, то есть, принужденнымъ орудіемъ безчеловѣчія. Доноситъ доносителей.

И такъ нѣтъ ничего удивительнаго, ежели такій Государь и ненавидѣлъ ученыхъ людей, особливо историковъ. Всѣ философы были выгнаны, дабы не осталось никакого слѣда добродѣтели. Діонъ Хризостомъ и Епиктетъ, два знаменитѣйшіе мужа, удалились, не имѣя куска хлѣба. Императоръ не пощадилъ ни изящныхъ искусствъ, ни краснорѣчія, кои ни мало не могли быть для него подозрительны. *Наконецъ*, говоритъ также Тацитъ, *ужасный розыскъ препятствовалъ слушать и говорить; потеряли бы память и голосъ, ежели бы въ нашей волѣ было забывать и молчать.* Христіяне подверглись гоненію, коего причина, кажется, неизвѣстна; потому что языческіе писатели смѣшиваютъ ихъ съ Іудеями. Выгоняетъ философовъ и проч. Всетрепетало.

Страхъ, обыкновенный спутникъ безчеловѣчія, непрестанно поражалъ Домитіана,

96. Домиціанъ убитъ.

доколѣ онъ не подвергся общей участи мучителей. Заговоръ учиненъ былъ даже во дворцѣ его, и жена его была главною изъ заговорщиковъ. Они убили его. Сенатъ приказалъ испровергнуть его статуи. Воины хотѣли помѣстить его въ число боговъ, потому что онъ щедро изливалъ на нихъ милости.

Въ царствованіе сіе прославился Агрикола.

Агрикола тесть историка Тацита, и одинъ изъ первыхъ людей своего вѣка, прославилъ сіе царствованіе своими поступками и подвигами въ Великобританіи, куда Веспасіанъ послалъ его военачальникомъ. Добродѣтельная политика, неустрашимое мужество, удивительное благоразуміе ручались за успѣхъ во всѣхъ его предпріятіяхъ. Онъ утвердилъ владычество надъ народами уже покоренными, управляя ими человѣколюбиво и правосудно, и смягчая ихъ свирѣпые нравы прелестію искусствъ и выгодностями жизни. Онъ распространилъ завоеванія во время семи походовъ. Разбивши Каледонянъ, народъ Сѣверный (въ Шотландіи), онъ хотѣлъ покорить весь островъ; какъ Домитіанъ, изъ зависти къ его славѣ, вызвалъ его въ Римъ. Агрикола, всегда скромный, благоразумный, осторожный, умѣлъ избѣгнуть бѣдствія, поражавшаго тогда достоинство и добродѣтель. Онъ умеръ спокойно. Политика дѣйствовала при написаніи его завѣщанія; потому что Государь былъ помѣщенъ наслѣдникомъ вмѣстѣ съ женою и

Его завѣщаніе.

дочерію завѣщателя. Домитіанъ почелъ сіе знакомъ уваженія. *Ласкательство*, говоритъ Тацитъ, *такъ его ослѣпило и лишило разсудка, что онъ уже забылъ, что добрый отецъ не можетъ здѣлать своимъ наслѣдникомъ никого, кромѣ злаго Государя.*

При окончаніи сего отдѣленія, скажемъ нѣчто о знаменитомъ Пиѳагорейцѣ Аполлоніи Тіанскомъ, который представлялъ важное лицо при послѣднихъ Императорахъ, и котораго враги Христіянства дерзали сравнивать съ Іисусомъ Христомъ. Они приняли за истину басни, разсказанныя въ честь Аполлонія Филостратомъ, въ запискахъ нѣкоего Дамиса, слабоумнаго ученика сего Пиѳагорейца. Сей философъ ничто иное былъ, какъ дерзкій сумазбродъ, ревностный, строгій, тщеславный, способный обманывать простаковъ мнимыми пророчествами и чудесами. Онъ, по окончаніи своихъ путешествій по Индіи и Аравіи, пріѣхалъ во время Нерона въ Римъ, изъ любопытства, по его словамъ, видѣть, *что за звѣрь былъ сей тиранъ.* Исторія о Аполлоніи Тіанскомъ.

Онъ разговаривалъ въ Александріи съ Веспасіаномъ, и подалъ ему превосходные совѣты, особливо слѣдующій: »Не обогащайся обремененіемъ народа налогами. »Золото, купленное слезами твоихъ подданныхъ, будетъ ложное и пагубное. Облегчать нещастныхъ, предоставлять за »богатыми законное ихъ владѣніе, вотъ »лучшее употребленіе, какое только ты Его совѣты Веспасіану.

»можешь здѣлать изъ богатствъ. Пусть »законъ повелѣваетъ тобою: ты учредишь »добрыя узаконенія, ежели самъ первый »подчинишь себя онымъ.

Онъ обвиненъ въ Римѣ.

Аполлоній, обвиненный при Домитіанѣ философомъ Евфратомъ въ волшебствѣ и возмущеніи, безтрепетно пріѣхалъ въ Римъ, гдѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ весьма вольно говорилъ съ тираномъ, не бывъ за то наказанъ. Историкъ его увѣряетъ, что онъ въ бытность свою въ Ефесѣ предсказалъ смерть Домитіана въ тотъ самый день, въ который онъ былъ убитъ.

Смерть его. Нелѣпости въ его Исторіи.

Аполлоній для запечатлѣнія своихъ бредней хотѣлъ умереть безъ свидѣтеля; онъ вдругъ исчезъ, и распустили слухи, что онъ взятъ на небо. Исторія жизни его есть лучшее противъ него обличеніе: въ ней заключаются такія нелѣпости, кои явно показываютъ обманъ; но нелѣпость не устрашаетъ легковѣрныхъ или предубѣжденныхъ умовъ; и доколѣ язычество существовало, Аполлоній почитался божественнымъ человѣкомъ. Онъ родился около начала эры Христіянской.

НЕРВА.

Нерва добродѣтельный, но слабый.

96. Бунтовщики обратили взоръ свой на Нерву для возведенія его на мѣсто Домитіана. Нерва былъ почтенный старецъ, исполненный добродѣтели, но робкій и слабый какъ по своему характеру, такъ и по лѣтамъ. Онъ, управляя милостиво и право-

судно, даже наказывая доносителей, бывшихъ въ прежнее царствованіе, весьма удобно предавался впечатлѣніямъ, на него производимымъ. Всегда показывалъ болѣе слабости, нежели твердости, что и заставило одного стараго Консула сказать: *бѣда повиноваться такому Государю, у котораго нѣтъ никому ничего позволеннаго; бѣда также и то, когда всѣмъ все позволено.* Впрочемъ Тацитъ хвалитъ Нерву за то, что онъ умѣлъ соединить двѣ вещи, кои иногда бываютъ несовмѣстны, то есть самодержавную власть и свободу. Добрый Государь всегда имѣетъ право на почести добрыхъ гражданъ, не смотря на его недостатки.

Преторіанцы употребляютъ во зло его слабость; онъ усыновляетъ Траяна.

Преторіанцы, коихъ и при строгомъ соблюденіи порядка трудно было обуздывать, скоро употребили во зло слабость правленія: они взбунтовали; потребовали, чтобъ имъ выдали убійцъ Домитіана. Ни прозьбы Императора, ни представленія не могли ихъ успокоить. Они взирали хладнокровно на него, протягающаго свою шею, и исторгли изъ него желаемое. Тогда Нерва, для поддержанія себя и вмѣстѣ имперіи, усыновилъ Траяна, человѣка весьма достойнаго повелѣвать народами. Траянъ велъ войну въ Паннониі, и совсѣмъ не думалъ о семъ щастіи. Онъ управлялъ нѣсколько мѣсяцовъ подъ именемъ Императора, коего смерть можно бы почесть великимъ нещастіемъ, ежели бы не Траянъ долженствовалъ быть

ему преемникомъ. Нерва умеръ отъ сильной запальчивости на одного Сенатора, который былъ достоинъ наказанія.

ТРАЯНЪ.

98. Траянъ управляетъ, какъ начальникъ республики.

Траянъ, родившись въ Испаніи отъ бывшаго Консула, имѣлъ всѣ достоинства, кромѣ просвѣщенія, котораго недостатокъ замѣнялъ онъ своимъ уваженіемъ къ ученымъ. Одинъ примѣръ доставитъ намъ понятіе о его правилахъ. Траянъ, вводя въ должность новаго Преторіанскаго Префекта, сказалъ ему: *употребляй мечъ сей для защищенія меня, ежели я буду хорошо управлять; противъ меня, ежели буду поступать худо.* Онъ, почитая себя главою, а не обладателемъ государства, поклялся соблюдать законы; тѣмъ только отличался отъ Сенаторовъ, что съ большимъ рвеніемъ трудился и жилъ среди своихъ подданныхъ, какъ отецъ, старающійся о единомъ благополучіи дѣтей своихъ.

Прекрасное правило.

„Каковыхъ я желалъ себѣ Императоровъ,
„бывъ частнымъ человѣкомъ, такимъ хочу
„быть для частныхъ, здѣлавшись теперь
„Императоромъ.“ Вотъ законъ и правило его поступковъ. Почему правосудіе и милость царствовали въ лицѣ его.

Доносители укрощены.

Траянъ очистилъ совершенно Римъ отъ тѣхъ безчестныхъ доносителей, кои все невиннымъ обращали въ преступленіе. Какъ обвиненія позволены были законами, а не

было учреждено особеннаго мѣста для розысканія преступниковъ, то онъ увеличилъ казни, учрежденныя противъ несправедливыхъ доносителей. Главнѣйшимъ его стараніемъ было воспретить, чтобъ, подъ видомъ ревности къ его выгодамъ, не разоряли гражданъ незаконными зборами. *Государственная казна*, говоритъ Плиній, *которая никогда не бываетъ въ худомъ состояніи, развѣ только при добромъ Государѣ, часто проигрывала свою тяжбу.* Благоразумная бережливость, сокровище неистощимое, доставила средства Императору уменьшить налоги и не имѣть отъ того никакой нужды.

Бережливость и уменшеніе налоговъ.

Примѣръ Траяна столько былъ дѣйствителенъ въ исправленіи безпорядковъ, что народъ самъ началъ просить о изгнаніи пантомимовъ. Нерву принудили возвратить ихъ. Таковую власть имѣетъ Государь мудрый и обожаемый на обычаи народные, столь часто противуборствующіе законамъ. Впрочемъ онъ послѣ опять вызвалъ пантомимовъ, потому что народъ не могъ долго жить безъ нихъ.

Пантомины выгнаны и возвращены.

Домитіанъ присвоилъ себѣ титулъ бога; Римляне дали Траяну титулъ *преблагаго.* Онъ тѣмъ болѣе былъ достоинъ сего, что къ обѣтамъ, возсылаемымъ ежегодно о его благоденствіи, присовокупилъ имянно сіе условіе; *ежели онъ будетъ управлять хорошо республикою для общей пользы.*

Траяну данъ титулъ преблагаго.

Траянъ любилъ славу оружія, и бывъ

Даки по-

лучшіе съ Римлянъ дань, покорены.

столько же великій полководецъ, сколько и великій Государь, имѣлъ случай отличиться на поприщѣ героевъ. Даки, при Царѣ своемъ Декевалѣ, содѣлались страшными Домиціану, который, по гордости своей выступивши противъ нихъ, тѣмъ только кончилъ походъ свой, что заплатилъ имъ дань. Траянъ хотѣлъ загладить пятно сіе съ имени Римскаго, и движенія Царя варвара подали ему новыя причины къ войнѣ. Онъ отказался отъ платежа дани, принялъ самъ начальство надъ войскомъ, разбилъ Даковъ и предписалъ имъ унизительныя мирныя условія. Вѣроломство Декевала принудило его къ новому походу. Императоръ, рѣшившись завоевать Дакію, пограничную съ Оракіею и Мизіею, построилъ на Дунаѣ знаменитый мостъ (не столько важный, по доказательствамъ Графа Марсигли, какъ описываетъ его Діонъ Кассій.) Побѣжденный Декевалъ умертвилъ себя. Дакія обращена въ Римскую провинцію, содержащую въ себѣ часть Венгріи, Трансильванію, Валахію и Молдавію. Столбъ Траяновъ, который и нынѣ еще существуетъ, служитъ памятникомъ торжества Траянова надъ непріятелями имперіи.

Мостъ на Дунаѣ.

Столпъ Траяновъ.

Безполезныя завоеванія Траяновы въ Азіи.

Мы болѣе бы начали удивляться Траяну, ежели бы онъ не предался опасной склонности къ завоеваніямъ. Онъ переходитъ въ Азію по нѣкоторымъ неудовольствіямъ на Хозроя, Царя Парѳянскаго; посвящаетъ тамъ много лѣтъ на войну, о которой не

дошло до насъ никакой важной подробности; завоевываетъ Арменію, Месопотамію и Ассирію; переправляется чрезъ заливъ Персидскій, приближается къ Океану и восклицаетъ съ жаромъ Александра: *ежели бы я былъ моложе, простеръ бы войну въ Индію* Но по причинѣ болѣзни возвратившись въ Римъ, онъ поручилъ начальство Адріяну, который не могъ удержать за собою ни одного изъ его завоеваній. Прочныя завоеванія бываютъ иногда вредны; потому что они стоятъ весьма дорого, или привлекаютъ много непріятелей; что же сказать о тѣхъ завоеваніяхъ, коихъ не можно удержать за собою?

117. Траянъ умираетъ въ Киликіи.

Траянъ умеръ въ Киликіи по 19-лѣтнемъ царствованіи. Упрекаютъ его за великую приверженность къ вину. Онъ, сказываютъ, запретилъ исполнять тѣ приказанія, кои онъ давалъ послѣ важныхъ пирушекъ. Порицаютъ также и за предосудительнѣйшее сладострастіе. Вотъ чудо, достойное удивленія: слабости человѣческія не вредили обязанностямъ Государя!

Былъ ли онъ гонителемъ Христіянъ.

Таковаго Государя, коего милосердіе достойно толикихъ похвалъ, можно ли почитать гонителемъ Христіянъ? Правда, полагаютъ, что много было мучениковъ въ его царствованіе. Но народныя возмущенія, предубѣжденія властителей, ненависть къ Іудеямъ, всегда готовымъ къ бунту, понятіе о Іудействѣ, соединяемое съ новою Вѣрою, собранія вѣрныхъ, почитаемыя святотат-

ственнымъ возмущеніемъ, отъ что послужило поводомъ къ казнямъ во многихъ провинціяхъ, хотя и не было общаго противъ Христіянъ указа.

Письмо Плиніево въ защищеніе Христіянъ.

Весьма извѣстно письмо Плинія, правителя Виѳинскаго, и отвѣтъ Траяна о томъ, какъ должно поступать съ Христіянами. Плиній, обвиняя Христіянъ только въ глупыхъ суевѣріяхъ, и свидѣтельствуя о ихъ благонравіи, совѣтуется съ Государемъ, предлагаетъ ему кроткія мѣры, коихъ онъ держался; опытомъ своимъ увѣряетъ, что можно обратить великое множество Христіянъ, ежели имъ отворить дверь раскаянія. Траянъ одобряетъ поступокъ Плинія и даетъ

Отвѣтъ Траяновъ.

рѣшеніе, что не должно Христіянъ подвергать пыткамъ, ни принимать доносовъ безъ подписанія имени; но должно ихъ наказывать, ежели они приведены будутъ предъ судъ и обличены. Много возставали противъ сего рѣшенія. Траянъ и Плиній, не вѣдая святости Христіянства, распространявшагося ежедневно, хотѣли пресѣчь успѣхи онаго, но щадить, сколько возможно было, кровь его послѣдователей. Они почитали Христіянъ обществомъ непріязненнымъ для всякой извѣстной вѣры, возстающимъ противъ обрядовъ и обыкновеній имперіи, держащихся правилъ, несовмѣстныхъ съ учрежденнымъ порядкомъ; наконецъ обществомъ тѣмъ болѣе подозрительнымъ, что ученіе онаго было неизвѣстно. Таковый предразсудокъ, толико тогда

укоренившійся, подлинно побудилъ бы къ большей строгости, ежели бы Государь и правительство имѣли менѣе правосудія.

Младшій Плиній, пріемышъ и племянникъ Натуралиста, съ Тацитомъ, другомъ своимъ, служилъ украшеніемъ сего благополучнаго царствованія. Сіи два мужа не столько знамениты по достоинствамъ консульства, сколько по своей честности, по своимъ дарованіямъ и сочиненіямъ. *Блаженный тотъ вѣкъ*, говоритъ Тацитъ, *въ которомъ позволено думать, что угодно, и говорить, что думаютъ!* Сія свобода, столь благопріятная для людей съ обширными способностми, столь полезная для государствъ, когда она заключается въ должныхъ предѣлахъ, произвела совершеннѣйшее твореніе историка и чувствованія добродѣтели, воодушевляющія сочиненія Оратора. Въ сіе время Ювеналъ писалъ свои сатиры, въ которыхъ онъ сильно возставалъ противъ пороковъ, но въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ прогательныхъ прелестей мудрости. Траянъ любилъ мудраго Плутарха и сдѣлалъ его Консуломъ. Сей Віотянинъ составилъ изъ исторіи нравственную школу: онъ достоинъ за сіе величайшихъ похвалъ.

Плиній, Тацитъ, Ювеналъ, Плутархъ.

АДРІАНЪ.

127. Адріанъ приказываетъ воинамъ провозгласить себя Императоромъ.

Подложное усыновленіе, вѣроятно потому, что оно подписано было только Плотиною, женою Траяна, послужило единственнымъ правомъ Адріану, ближнему родственнику сего Государя, который его не любилъ, получить имперію. Онъ приказалъ сперва провозгласить себя Императоромъ воинамъ въ Антіохіи, написалъ извиненіе Сенату, что предупредилъ его выборъ и уступилъ усердію легіоновъ. Сія хитрая политика показываетъ честолюбца, болѣе старающагося о полученіи власти, нежели славы за правоту. Прекрасныя слова сіи, часто имъ послѣ повторяемыя: *я буду управлять республикою не какъ моимъ собственнымъ благомъ, но какъ благомъ народа*, доказываютъ только, что онъ умѣлъ искусно говорить языкомъ добродѣтели. Адріанъ при великомъ умѣ и познаніяхъ иногда велъ себя сомнительно, такъ что зло, соединившись съ добромъ, представляло его побужденія подозрительными. Можно обмануться въ побужденіяхъ; однако правленіе его во многихъ отношеніяхъ не менѣе достойно похвалъ.

Его обоюдное поведеніе.

Онъ отказывается отъ завоеваній

Адріанъ, подобно Траяну, Нервѣ и Титу, далъ сперва обѣщаніе не умерщвлять ни одного изъ Сенаторовъ. Между тѣмъ четыре старые Консула, по случаю одного

заговора, были казнены. Адріянъ увѣрялъ, что сіе случилось противъ воли его; однакожъ ему не повѣрили. Отреченія отъ завоеваній Траяновыхъ, разрушеніе моста на Дунаѣ, подъ видомъ удержанія варваровъ отъ набѣговъ; миръ съ Сарматами и Роксоланами, (жителями Польши), купленный за деньги, могли служить доказательствомъ трусости въ началѣ сего царствованія. Но народная тишина представлялась благополучіемъ государства. Адріанъ облегчилъ народъ, освободивъ его отъ вноса въ казну всѣхъ недоимокъ, простиравшихся до девяти сотъ милліоновъ сестерціевъ. Онъ каждому гражданину оказывалъ щедрость. Обращаясь съ Сенатомъ съ великимъ уваженіемъ, показывая себя ласковымъ, скромнымъ, снисходительнымъ, истребилъ невыгодное о себѣ мнѣніе. Онъ даже простилъ оскорбленія; и какъ скоро сдѣлался Государемъ, сказалъ одному изъ тѣхъ, кои болѣе должны были опасаться его гнѣва: *вы теперь безопасны.*

Траяновыхъ и предпочитаемъ онымъ спокойствіе государства. Его мнимыя добродѣтели.

Политика или тщеславіе было по видимому побужденіемъ къ сему милосердію, потому что оное во многихъ случаяхъ оказалось ложнымъ. Императоръ, будучи завистливъ къ достоинствамъ другихъ, подозрителенъ и недовѣрчивъ, сдѣлался несправедливъ въ разсужденіи лучшихъ друзей своихъ. Симилисъ, преторіанскій Префектъ, видя паденіе другихъ, постарался заблаговременно предупредить свое нещастіе, и

Онъ дѣлается несправедливъ.

Удаленіе Семилиса.

удалился отъ двора тогда, когда еще былъ въ милости. Онъ, препроводивъ семь лѣтъ въ мирномъ своемъ сельскомъ уединеніи, умеръ, и приказалъ вырѣзать сію весьма остроумную надпись: *Здѣсь лежитъ Симилисъ, который провелъ на землѣ семдесятъ шесть лѣтъ, но жилъ только семь.* Для обыкновеннаго придворнаго показались бы сіи семь лѣтъ годами смерти.

Адріанъ издаетъ благоразумные законы.

Адріанъ, по своимъ благоразумнымъ установленіямъ, достоинъ титула законодателя. Онъ отнялъ у господъ власть въ разсужденіи жизни и смерти своихъ невольниковъ; ограничилъ довольно варварскій законъ, повелѣвающій казнить всѣхъ невольниковъ за одного убитаго господина; наконецъ онъ началъ возстановлять драгоцѣнныя права природы.

Его непремѣняемый законъ.

Изъ всѣхъ указовъ, ежегодно издаваемыхъ древними Преторами, въ которыхъ законы изъяснялись весьма различно, Адріанъ приказалъ выбрать лучшія рѣшенія, и составилъ изъ нихъ непремѣняемый наказъ, дабы оный служилъ всегда закономъ.

Онъ смотритъ рачительно за исправленіемъ правосудія.

Адріанъ смотрѣлъ особливо за исправленіемъ правосудія въ провинціяхъ, за поведеніемъ правителей и судей, симъ предметомъ столь важнымъ въ такомъ обширномъ государствѣ, гдѣ неправосудіе, по причинѣ отдаленности, скрывается отъ глазъ Государя, не смотря иногда на всю его бдительность.

Военная наука не въ меньшемъ была наб-

людении. Государь подавалъ примѣръ воинамъ. Онъ ходилъ пѣшкомъ, подобно Траяну, въ тяжеломъ вооруженіи. Будучи взыскателенъ и великодушенъ, строгъ и кротокъ, щедръ и благоразуменъ, самымъ подчиненіемъ воиновъ должности заставилъ ихъ любить себя. Тишина и безопасность были плодомъ его попеченій. Онъ поддерживаетъ воинское искусство.

Дальнія путешествія, предпріемлемыя Адріаномъ изъ любопытства или изъ политической ревности, не только не препятствовали исправленію власти его и дѣлъ, но и доставляли ему средство видѣть все своими глазами и исправить злоупотребленія въ провинціяхъ. Такимъ образомъ онъ обтекъ безмѣрное пространство имперіи; воздвигъ въ Великобританіи стѣну отъ устья Тины до Сольвайскаго залива для защищенія отъ набѣговъ полуденной части острова. Присутствіе его вездѣ было полезно. Онъ обозрѣваетъ имперію.

Письмо, посланное имъ изъ Александріи, подаетъ весьма дурное понятіе о Египтѣ. Ничего, говоритъ онъ, тамъ не нашелъ, кромѣ легкомыслія, своенравія, неблагодарности. Іудеи и Христіяне сего города не знаютъ, по словамъ его, другаго бога, кромѣ своей корысти. Торговля и богатства Александрійскія безъ сомнѣнія повредили нравы у многихъ Христіянъ. Истинные ученики Евангелія были мало извѣстны. Письмо его о Египтянахъ, Іудеяхъ и Христіянахъ.

Что касается до Іудеевъ, кои всегда были одинаковы, то есть, пустосвяты, 134 Возму-

щеніе Іудеевъ.

безпокойны и мятежны; нещастія, претерпѣваемыя ими, сдѣлали ихъ еще свирѣпѣе. Храмъ, сооруженный Юпитеру въ Іерусалимѣ, воспламенилъ ихъ ненависть къ Римлянамъ до неистовства. Они думали обрѣсти Мессію въ Бархохабасѣ, разбойникѣ, который по дерзости своей присвоилъ себѣ сіе имя. Іудеи собрались подъ его знамена, и возмущеніе было столь велико, что Адріанъ, вызвавъ изъ Великобританіи Юлія Севера, превосходнаго полководца и послалъ его въ Іудею. Наказаніе бунтовщиковъ соотвѣтственно было ихъ свирѣпому безчеловѣчію. Полагаютъ, что въ три похода истреблено было 580,000 Іудеевъ. Прочіе всѣ были проданы и перевезены въ другія мѣста. Имъ запрещено было вступать ногою въ Іерусалимъ, который Императоръ выстроилъ вновь подъ именемъ *Эліи Капитолины*. Потомки ихъ, разсѣянные по вселенной, всегда питали ненависть къ другимъ народамъ и были сами предметомъ ихъ презрѣнія и поношенія.

Они были истреблены или разсѣяны.

138. Адріанъ усыновляетъ Антонина и умираетъ.

Адріанъ, впавши въ разслабленіе, сдѣлался запальчивъ и жестокъ: онъ пролилъ кровь многихъ знаменитыхъ особъ. Императоръ, не имѣя дѣтей, усыновилъ Вера, презрѣннаго по своимъ порокамъ. Къ щастію, Веръ недолго наслаждался своимъ щастіемъ. Усыновленіе Антонина загладило стыдъ, происшекающій отъ сего перваго выбора. Не было ни одного человѣка достойнѣе

Антонина для управленія имперіи, и между тѣмъ онъ сомнѣвался принять оное. Адріанъ, погрузившись въ крайнюю задумчивость, хотѣлъ умертвить себя; требовалъ оружія, яду. Антонинъ не велѣлъ его слушать. По смерти Императора, Антонинъ съ трудомъ исходатайствовалъ у Сената, чтобъ не уничтожили его постановленій и по обыкновенію включили бы въ число боговъ.

Зависть Адріана къ ученымъ.

Хотя бы Адріанъ имѣлъ только ложны добродѣтели, впрочемъ и тогда бы надобно было его почитать въ числѣ великихъ Государей: онъ составилъ благополучіе своихъ народовъ. Адріанъ, сверхъ науки правленія, имѣлъ наклонность къ просвѣщенію и искусствамъ. Но искусные люди, допускаемые къ нему въ дружество, подвергались его зависти, которой слѣдствія были опасны. Философъ Фаворинъ сколько ни откровененъ былъ въ своихъ чувствованіяхъ, уступилъ нѣкогда Императору въ одной спорной грамматической, которую онъ рѣшилъ несправедливо. Друзья Фаворина начали порицать его за таковую уступчивость; онъ сказалъ имъ: *вы ошибаетесь; тотъ, кто имѣетъ 30 легіоновъ подъ своимъ начальствомъ, можетъ ли обманываться?* Можно судить о нравахъ Адріана по его страсти къ безчестному Антиною, которому онъ посвятилъ капища.

Поступокъ Фаворина.

Писатели были во время сего царствованія Флоръ, Светоній, Арріанъ, ученикъ Епиктета, человѣкъ искусный въ дѣлахъ

Флоръ, Светоній, Ар-

ріанъ и Епиктетъ.

государственныхъ, и историкъ несравненно превосходнѣйшій двухъ первыхъ. Исторія Римская со временъ Тацита ничто иное есть, какъ безпорядочная смѣсь произшествій. Нравственная философія Епиктета гораздо почтеннѣе. Онъ ученіе свое сокращалъ въ слѣдующія два выраженія: *сносить съ терпѣніемъ*, *наслаждаться съ умѣренностію*. Епиктетъ доказалъ на опытѣ свое ученіе, и его добродѣтель была искушаема нещастіемъ.

Антонинъ.

138. Добродѣтели Антонина.

Пусть представятъ на престолъ истиннаго философа, украшеннаго всѣми добродѣтелями, неимѣющаго никакого порока, посвящающаго всю жизнь свою для соблюденія общественнаго блага, гражданина съ гражданами, отца отечества, не по одному имени, которое, какъ бы для поруганія, давали злѣйшимъ государямъ; но по самымъ дѣяніямъ, которыя болѣе приносятъ чести, нежели титулъ: таковъ точно былъ мудрый Антонинъ, уроженецъ Немаускій (Нимъ), потомокъ древняго поколѣнія, не за долго предъ симъ прославившагося. Ежели бы былъ у него историкомъ Тацитъ, то бы двадцати-двухлѣтнее его царствованіе доставило лучшія наставленія въ добродѣтели и человѣколюбіи. Мы должны собирать разсѣянныя черты. Довольно нѣкоторыя изъ нихъ выставить.

Съ самаго начала Антонинъ, запретивъ дѣлать розысканіе въ разсужденіи одного заговора, отличился своимъ милосердіемъ. *Какое бы для меня нещастіе*, говорилъ онъ, *ежели бы открылось, что великое множество сограждан меня ненавидятъ!* Онъ не только берегъ тщательно государственные доходы, но и собственное свое имущество почиталъ принадлежащимъ республикѣ. Когда жена его Фавстина начала упрекать его за то, что онъ, щадя казну, расточаетъ отеческое свое наслѣдіе, Антонинъ отвѣчалъ: *коль скоро достигли мы Императорскаго престола, не имѣемъ уже собственности.* Впрочемъ сіи великодушныя чувствованія не воспрепятствовали ему уничтожить жалованья, многимъ безъ всякой причины выдаваемаго изъ казны; *ибо*, сказалъ онъ, *самое недостойное и безчеловѣчное дѣло значитъ допустить, чтобъ поядали республику тѣ, которые никакой не оказываютъ ей услуги.* Столь благоразумная бережливость безъ сомнѣнія гораздо лучше, нежели Титова щедрость.

Некоторыя черты, изображающія его чувствованія.

Имѣніе его есть имѣніе республики.

Жалованья уничтожены.

Упоминаютъ о двухъ мудрыхъ узаконеніяхъ сего Императора. Первымъ запрещается гнать человѣка, за то самое преступленіе, въ которомъ онъ былъ прощенъ; вторымъ уничтожаетъ обыкновеніе, по которому переходило въ казну, или къ другимъ какимъ поколѣніямъ наслѣдство послѣ отца, здѣлавшагося гражданиномъ Римскимъ, у коего дѣти оставались гражданами

Достопамятные законы.

прежняго своего отечества. Блаж. Августинъ выхваляетъ третіе узаконеніе, по которому мужъ, гнавшій жену свою за прелюбодѣяніе, долженъ быть также наказанъ, какъ и жена его, ежели онъ окажется виновнымъ въ томъ же преступленіи. Хотя порокъ и кажется равнымъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны; однакожъ слѣдствія относительно къ обществу не одинаковы, и сіе различіе достойно вниманія законодателя.

161. Смерть Императора.

Всѣ вообще сожалѣли о смерти Антонина, случившейся на семьдесятъ четвертомъ году отъ рожденія. Онъ, еще при жизни своего предшественника, усыновилъ Марка Аврелія и Вера. Но, какъ справедливый цѣнитель достоинства, отдалъ въ супружество дочь свою за перваго, который подлинно имѣлъ право на полную его довѣренность, и отдалилъ отъ правленія Вера, который занимался одними забавами. Такимъ образомъ онъ назначилъ себѣ преемника. Императоръ оставилъ имя Антонина столь почтеннымъ, что всѣ Императоры почти чрезъ цѣлый вѣкъ почитали за честь себѣ носить оное, также какъ и имя Августа. Впрочемъ весьма немногіе могли поддержать оное.

МАРКЪ АВРЕЛІЙ.

161. Маркъ Аврелій избранъ съ Веромъ Сенатомъ.

Когда Нерва и Траянъ возвратили Сенату часть его достоинства и изгнали ужасы неограниченнаго самовластія, то имперія не состояла уже во власти войскъ. Сенатъ избиралъ, или казалось, что избиралъ Императора, какъ перваго правителя. Мы видѣли, что Адріанъ признавалъ сіе право, слабый памятникъ древней свободы. Маркъ Аврелій провозглашенъ былъ отъ Сенаторовъ Императоромъ, равно какъ и Веръ, братъ его по усыновленію, котораго онъ по великодушію своему принялъ себѣ въ товарищи. Потомъ оба они уѣхали въ лагерь къ преторіанцамъ и обѣщали каждому изъ нихъ выдать по двадцати тысячь сестерціевъ; ибо опасно было бы не оказать сей щедрости, по нещастію, вошедшей въ обыкновеніе.

Первый до излишества великодушенъ къ другому.

Такимъ образомъ два Государя для того раздѣлили власть, чтобъ управлять оною совокупно. Взирая на Марка Аврелія, какъ на человѣка, жертвующаго такою выгодою, мы не можемъ ему довольно надивиться. Но общественное благо пострадало нѣкоторымъ образомъ отъ частнаго безкорыстія. Веръ, рабъ страстей и распутства, не имѣющій ни добродѣтели, ни мужества, могъ ли быть возведенъ на престолъ добродѣтельнѣйшимъ изъ Государей? Чрезмѣрная доброта есть зло. Вотъ единственный

порокъ, за который можно упрекать Марка Аврелія.

162. Безпорядки Вера. Маркъ Аврелій думая, что война исторгнетъ товарища его изъ пагубныхъ сѣтей сладострастія, поручилъ ему вмѣсто себя укротить Парѳянъ, напавшихъ на Арменію и разбившихъ Римское войско. Веръ, отправившись, останавливался вездѣ, гдѣ находилъ увеселеніе, назначилъ мѣстомъ своего пребыванія Антіохію, и въ теченіи четырехъ лѣтъ, доколѣ война продолжалась, предавался постыднѣйшимъ страстямъ. Полководцы одерживали вмѣсто его побѣды. Украшенный пышными титулами, онъ возвратился; пороки заразили его сердце; онъ началъ презирать совѣты своего брата и готовъ былъ пожрать государство для удовлетворенія своимъ склонностямъ. Одинъ пиръ стоилъ ему, какъ говорятъ, шести милліоновъ сестерціевъ, хотя и было на ономъ не болѣе двенадцати человѣкъ; подарки для гостей, состоящіе въ невольникахъ, сосудахъ и коляскахъ, составляли большую часть сей ужасной и глупой расточительности.

Удивительное поведеніе Марка Аврелія. Съ другой стороны, Маркъ Аврелій оправдывалъ слѣдующія Платоновы слова: *благополучными содѣлаются народы, когда они будутъ имѣть царями философовъ, или когда Цари ихъ будутъ философы.* Онъ не повелѣвалъ Сенатомъ, но самъ принималъ отъ него совѣты и поступалъ по онымъ. Ни одинъ Сенаторъ не ходилъ

щательнѣе его въ собранія. Онъ столько ревновалъ къ общественному благу, что почиталъ невозможнымъ награждать воиновъ съ убышкомъ народа. Послѣ одной побѣды онъ сказалъ имъ: *что бы вамъ ни дали сверхъ должнаго, все то надлежитъ почерпнуть въ крови вашихъ отцовъ и родственниковъ.* Въ крайней нуждѣ, когда по необходимости надлежало увеличить налоги, Императоръ скорѣе рѣшался продать все, что у него было во дворцѣ драгоцѣннѣйшаго, нежели разорить провинціи, объявивъ при томъ, что онъ выкупитъ сіи вещи, ежели кто захочетъ ихъ перепродать.

Онъ не преступалъ предѣловъ благоразумія.

Маркъ Аврелій, будучи образцемъ всѣхъ добродѣтелей и ревнителемъ благонравія, никогда не предавался излишней строгости, потому что онъ зналъ слабость естества. *Поелику невозможно людей здѣлать такими,* говорилъ онъ, *какими бы желали, то надобно терпѣть ихъ и таковыми, каковы они суть, и извлекать отъ нихъ всевозможную пользу.* Вотъ превосходное правило, которое должно обличить чрезмѣрныхъ ревнителей въ суетности совершенства ихъ системъ. По сему правилу Маркъ Аврелій снисходилъ склонности, или лучше безумной страсти Римлянъ къ зрѣлищамъ, даже къ пантомимамъ; самъ давалъ великолѣпныя сіи зрѣлища, присутствовалъ на оныхъ, но впрочемъ занимаясь государственными дѣлами.

Онъ отправляется съ Веромъ противъ Германцовъ.

Между тѣмъ многіе Германскіе народы, около Паннониі и Дуная, Квады, Языги, особливо Маркоманы, начали угрожать предѣламъ имперіи. Маркъ Аврелій выступилъ противъ нихъ съ Веромъ; ибо опытъ доказалъ ему, что Государь сей не могъ одинъ управлять государствомъ, не причинивъ великаго вреда, ниже одинъ предводительствовать войсками, не подвергнувъ государство великимъ бѣдствіямъ. Нечаянная смерть Вера избавила отъ безпокойствъ, кои пороки его наводили. Безъ сомнѣнія, Императоръ мало жалѣлъ о немъ; но подозрѣвать его съ нѣкоторыми въ прекращеніи жизни Вера значитъ самую безумную и злую клевету. Справедливѣе бы можно было упрекать его за включеніе въ число боговъ такого человѣка, ежели бы обыкновеніе не здѣлало священнымъ сего смѣшнаго обряда.

169. Смерть Вера.

Война Паннонская

Императоръ провелъ пять лѣтъ въ Паннониі, подвергаясь чрезмѣрнымъ трудностямъ, и своимъ примѣромъ возбуждая войско къ перенесенію оныхъ. Онъ одержалъ надъ варварами знаменитую побѣду, почитаемую вообще слѣдствіемъ небеснаго покровительства. Римляне умирали отъ жажды. Вдругъ нашла туча, пролила на нихъ дождь, а непріятелей поразила градомъ и молніей. По мнѣнію церковныхъ писателей, молитвы молніеноснаго легіона, который, какъ говорятъ они, состоялъ изъ однихъ Христіянъ, были причиною сего чуда, и

Молніеносный легіонъ.

Маркъ Аврелій признался въ семъ письмомъ своимъ, помѣщеннымъ у Тертуліана. Но какъ истина Христіянства не зависитъ отъ таковыхъ преданій, то мы безъ всякаго опасенія признаемся съ превосходными критиками Паяіемъ, Тиллемономъ и проч. въ сомнительности сего произшествія, которое не имѣетъ основательныхъ доказательствъ. На Антониновомъ столбѣ представленъ Юпитеръ (Pluvius) *дожжащій* на воиновъ. Маркъ Аврелій смѣшалъ ли бы Христіянскаго Бога съ Юпитеромъ? Впрочемъ извѣстно, что молніеносный легіонъ такимъ образомъ именовался и при Траянѣ: слѣдовательно онъ имя сіе получилъ не въ признательность отъ Марка Аврелія. Наконецъ письмо его уже не существуетъ, а приписываемое ему, безъ сомнѣнія, есть подложное. Гоненіе, которому вскорѣ потомъ подверглись Христіяне, можетъ служить другимъ доказательствомъ. Смотр. Memoire de l' Academie des Inscrip. T. 18.

Миръ уступленъ Германцамъ.

Сколь ни страшны были Германцы, но они неминуемо должны были уступить усиліямъ войска многочисленнаго, весьма опытнаго и непобѣдимаго, подъ предводительствомъ столь великаго Императора. Они начали просить мира и получили оный. Имъ позволили даже заводить селенія въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыя они хотѣли ворваться силою. Сей неукротимый и жадный народъ ожидалъ только случая для опустошенія всего.

175. Бунтъ Кассія.

Гораздо опаснѣйшій врагъ возсталъ противъ Марка Аврелія. Авидій Кассій, величайшій воинъ, ревностный подражатель строгости древнихъ нравовъ, строгій наблюдатель воинскаго порядка, предводительствовалъ войсками во время Парѳянской войны съ великимъ успѣхомъ. Ему поручено было привесть въ совершенство легіоны Сирійскіе. Онъ, крайнее свое честолюбіе прикрывая республиканскою ревностію, взбунтовалъ противъ Императора, разсѣялъ ложный слухъ о его смерти и заставилъ воиновъ провозгласить себя Императоромъ. Маркъ Аврелій получилъ о семъ извѣстіе въ Панноніи: онъ жаловался только на неблагодарность Кассія, изъявилъ только желаніе простить его послѣ побѣды. Но ему не нужно было вступать въ сраженіе: протекли только три мѣсяца отъ начала бунта, и мятежникъ убитъ былъ своими чиновниками. Семейство Кассія и его соумышленники были Императоромъ помилованы, равно какъ и онъ самъ, безъ сомнѣнія, былъ бы прощенъ.

Чрезмѣрная доброта Императора къ женѣ своей Фавстинѣ и Коммоду сыну.

Сей добрый Государь, какъ мы уже замѣтили, впадалъ въ заблужденія по самой своей добротѣ, которая иногда слишкомъ была неосмотрительна и почти вредна. Фавстина, супруга его, была вторая Мессалина. Онъ не только не развелся съ нею, или не только не заставилъ ее уважать благопристойность, но еще наградилъ почестями соучастниковъ ея распутства.

Жену украсилъ неизвѣстнымъ титуломъ, назвавъ ее *матерію лагерей и войскъ*. По смерти же ея приказалъ воздавать ей божескія почести, и для прославленія ея сооружилъ памятники. Хотя сынъ Императора, Коммодъ, былъ чудовище; однако отецъ, до чрезмѣрности снисходительный, для утвержденія за нимъ имперіи, возложилъ на него Трибунскую власть и объявилъ его Августомъ: примѣръ, до сего времени неслыханный! Потомъ выгналъ изъ дворца людей развращенныхъ, окружавшихъ молодаго Князя; но наконецъ опять ихъ возвратилъ для исцѣленія сына своего отъ болѣзни притворной или дѣйствительной; и Коммодъ предался свободно страстямъ своимъ. Императоръ имѣлъ зятя, способнаго къ правленію; онъ могъ его усыновить. Учрежденный образъ правленія не связывалъ его въ избраніи преемника, и отеческая нѣжность должна была уступить благу государства. Развѣ тѣмъ только можно извинить Императора, что нѣжность закрывала ему глаза.

180. Смерть Марка Аврелія.

Маркъ Аврелій умеръ въ Панноніи, куда завлекла его война съ Маркоманами. Царствованіе его заставило уважать истинную философію, раждающую мудрецовъ, а не краснобаевъ. «Ученіе Стоиковъ, говоритъ «Монтескье, начало распространяться и «входить въ уваженіе въ имперіи. Казалось, что естество человѣческое поста«ралось произвесть само по себѣ сіе уди-

Стоическое ученіе въ силѣ.

» вительное ученіе, которое подобно было » растѣніямъ, возникающимъ изъ земли въ » тѣхъ мѣстахъ, гдѣ никогда не видали » солнца..... При имени сего Императора » всякій ощущаетъ въ себѣ нѣкоторое тай- » ное удовольствіе; не можно читать жиз- » ни его безъ нѣкотораго услажденія: оно » производитъ то, что мы лучшее получа- » емъ о себѣ мнѣніе, потому что лучше » начинаемъ думать о людяхъ.«

Правила Марка Аврелія.

Чтеніе правилъ Марка Аврелія возвыша- етъ душу, равно какъ и картина его жизни. Здѣсь видимъ мы Государя-философа, посвятившаго себя должностямъ своимъ, дышущаго единымъ правосудіемъ и человѣколюбіемъ, почитающаго за ничто всякое наружное достоинство, не имѣющее основаніемъ истиннаго достоинства, добродѣтели. Часть оныхъ сочинена имъ въ лагерѣ, во время войны съ варварами. Нѣтъ ничего столь плѣнительнаго и благороднаго, какъ та простота, съ которою онъ изображаетъ благоразумныя наставленія, добрые примѣры, полученные имъ отъ родителей и наставниковъ. Императоръ благодаритъ боговъ, что онъ не достался въ руки какому нибудь хитросплетателю, который бы напоилъ его одними пустыми тонкостями; что онъ научился у одного безъ принужденнія вести жизнь простую; отъ другаго совѣтоваться съ разумомъ и въ самыхъ маловажныхъ предметахъ; отъ того никогда не говоритъ безъ нужды:

я не имѣю времени, когда дѣло идетъ о исполненіи должностей человѣчества, или дружества; отъ сего, не возставать противъ слабостей съ досадою, но исправлять оныя искусно, такъ какъ бы ты совсѣмъ, по видимому, не давалъ наставленій, и проч. Онъ, описывая отца своего Антонина, говоритъ: «онъ всегда дѣлалъ то, что «долженъ былъ дѣлать; всегда и при занятіяхъ своихъ находилъ по видимому «отдохновеніе, между тѣмъ какъ обращалъ «свое вниманіе и на самые маловажные «предметы.» Словомъ, сіе сочиненіе изображаетъ душу Марка Аврелія.

Обманщики подъ философскою епанчею.

При такомъ Государѣ нравственная философія не могла не притти въ цвѣтущее состояніе. Но, какъ вездѣ можетъ быть злоупотребленіе, то многіе прикрывали страсти свои *философскою епанчею*, и для пріобрѣтенія славы мудреца дѣлались лицемѣрами. Остроумный Лукіанъ смѣялся надъ ложными мудрецами, равно какъ и надъ ложными богами. Онъ показалъ намъ двухъ знаменитыхъ обманщиковъ, Перегрина и Александра. Первый, осквернивши себя злодѣяніями, вступилъ въ Христіянство, здѣлался священникомъ, былъ посаженъ въ темницу въ Римѣ, гдѣ Христіяне почитали его исповѣдникомъ и мученикомъ. Онъ же, будучи отпущенъ на волю, потомъ изключенъ изъ общества Христіянскаго за нѣкоторый проступокъ; началъ представлять себя Циникомъ и ругаться надъ всѣми

Перегринъ и Александръ, описанные Лукіаномъ.

пришелъ въ ненависть и презрѣніе и сожегъ себя торжественно на играхъ Олимпійскихъ, желая симъ образомъ пріобрѣсть славу Геркулесову. Александръ выдалъ себя за пророка; обманывалъ двадцать лѣтъ легковѣрную чернь, а иногда и вельможъ. Онъ возставалъ противъ Христіянъ и Эпикурейцовъ, обвиняя и тѣхъ и другихъ въ безбожіи, потому что они старались его обезславить.

Цельсъ, Эмпирикъ, Апулей, Галенъ.

Главные Философы въ сіе царствованіе были: Цельсъ, смертельный врагъ Христіянства, коего сочиненія опровергнуты Оригеномъ; Секстъ Эмпирикъ, который, увеличивая слабость разума, впалъ въ Пирронизмъ; Апулей, Африканецъ, котораго обвинили въ волшебствѣ, и котораго язычники сравнивали съ Іисусомъ Христомъ, какъ Аполлонія Тіанскаго; Галенъ, возстановитель врачебной науки, пріобрѣлъ уваженіе и довѣренность Марка Аврелія.

Христіяне гонимые въ Галліи.

Напрасно обвиняютъ сего Государя въ жестокомъ гоненіи, которое Христіяне претерпѣли въ Галліи. Онъ не издалъ противъ нихъ ни одного указа; увѣряютъ даже, что онъ запретилъ обвинять ихъ за то, что они Христіяне. Но съ одной стороны слѣпая ревность народа и начальниковъ, съ другой удары, явно наносимые въ имперіи вѣрѣ, можетъ быть также и отвращеніе Христіянъ къ философамъ, а философовъ къ нимъ, произвели безъ сомнѣнія сіи бури. Христіянство начало вы-

ходить изъ неизвѣстности; потому что въ немъ явились ревностные писатели противъ язычества, неутомимые въ трудахъ проповѣдники и такіе мученики, коихъ непоколебимость возбуждала удивленіе.

КОММОДЪ.

180. Коммодъ вооружаетъ противъ себя своими пороками и жестокостію.

Послѣ пяти славныхъ царствованій опять настали ужасы жестокаго самовластія. Вотъ самое естественное состояніе дѣлъ человѣческихъ. Двухъ или трехъ съ ряду Государей, достойныхъ престола, можно почесть нѣкоторымъ чудомъ. Почти всѣ прочіе, кажется, предназначены были искушать терпѣніе своихъ подданныхъ. Коммодъ, съ начала показывавшій только нѣкоторую слабость, подъ управленіемъ безчестныхъ соблазнителей, развратившись, получилъ всѣ склонности Нерона, пошелъ по слѣдамъ его, вмѣсто того, чтобъ подражать Марку Аврелію. Онъ кончилъ Германскую войну, купивъ миръ у варваровъ. Возвратился торжественно въ Римъ, посадивъ на колесницу одного изъ своихъ любимцовъ. Предавшись ужаснѣйшимъ распутствамъ, и посрамивъ себя безчестными дѣлами, за удовольствіе почиталъ проливать кровь. Родная сестра его Луцилла составила заговоръ. Въ тотъ день, когда назначено было умертвить Коммода, Квинтіанъ, молодый Сенаторъ, желая первый поразить его, обнажилъ мечь свой и сказалъ: *вотъ*

Заговоръ сестры его.

что посылаетъ тебѣ Сенатъ. Безразсудная успѣли схватить. Заговоръ разрушился; Луцилла со многими знатными людьми была казнена. Два брата, тѣсно между собою соединенные, отличные по учености, услугамъ и достоинствамъ, Максимъ и Кондіанъ, кои вмѣстѣ были Консулами, вмѣстѣ составили одно сочиненіе, вмѣстѣ и погибли отъ руки тирана. Императоръ, пораженный словами Квинтіана, возымѣлъ отвращеніе къ Сенату; и сіе знаменитое судилище, извлеченное добрыми Государями изъ рабства, подверглось величайшему утѣсненію.

Злоумышленіе Перенниса открыто однимъ Циническимъ Философомъ.

Переннисъ, Преторіанскій Префектъ, вкрался въ полную довѣренность у Коммода своими подлостями, отдаливъ правителей, данныхъ Маркомъ Авреліемъ своему сыну. Онъ началъ управлять государствомъ, какъ человѣкъ жестокій. Честолюбіе его простиралось къ большему. Обвиняютъ его въ томъ, что онъ для похищенія престола умыслилъ на жизнь Государя. Циническій философъ, взошедши на театръ, въ присутствіи Императора, открылъ злоумышленіе Перенниса. Сей любимецъ велѣлъ тотчасъ взять философа; но Государь запретилъ. Враги правителя воспользовались случаемъ; представили на него доказательства; онъ объявленъ врагомъ отечества, преданъ воинамъ и убитъ. Клеандръ, подлый отпущенникъ, заступилъ мѣсто Перенниса для учиненія новыхъ злодѣяній.

Отпущенникъ подлый и ненави-

Ужасное возмущеніе было слѣдствіемъ оныхъ; и Коммодъ, сколько жестокій, столько и робкій, велѣлъ отрубить ему голову для усмиренія черни. стный правитель.

Съ сего времени Коммодъ, волнуемый недовѣрчивостію и ужасомъ, страшась достойныхъ людей и внимая всѣмъ клеветникамъ, непрестанно умножалъ казни, особливо для тѣхъ, коихъ богатства льстили его жадности. Шуринъ его, племянникъ, двоюродная сестра, шесть старыхъ Консуловъ вдругъ погибли по его повелѣнію. Въ то же самое время онъ предавался крайнему распутству и глупостямъ; плѣнялся славою убивать въ амфитеатрѣ стрѣлами львовъ и другихъ свирѣпыхъ звѣрей; принялъ названіе *Геркулеса Римскаго*, какъ бы равенъ былъ Геркулесу сими глупыми подвигами. Честолюбіе заставило его сойти на площадь подъ именемъ гладіатора. Онъ одержалъ многія побѣды надъ людьми, опредѣленными къ сему подлому ремеслу, и хвалился наименованіемъ *Секутора* (гладіатора, заступавшаго мѣсто убитаго), столько же смѣшнымъ, какъ и названіе *Геркулеса*. Жестокости, распутства и подлости Императора.

192. Тиранъ убитъ съ своею наложницею

Сіе презрѣнное и ненавистное чудовище не имѣло даже и той предосторожности, какую употребляли другіе тираны, предосторожности привлечь къ себѣ народъ щедростями; вся его политика состояла въ томъ, чтобъ развращать воиновъ пагубнымъ своеволіемъ. Наконецъ онъ не ща-

дилъ никого, и собственныхъ прислужниковъ здѣлалъ для себя врагами. Коммодъ написалъ уже списокъ людей, при дворѣ его находящихся, коихъ онъ опредѣлилъ скоро казнить. По случаю нашли сіе не за долго предъ исполненіемъ. Марція, одна изъ его женщинъ, которую онъ болѣе всѣхъ любилъ, будучи назначена съ прочими (*), старается предупредить роковую минуту. Она составляетъ заговоръ, отравляетъ ядомъ тирана, и потомъ приказываетъ одному гладіатору удавить его. Сенатъ и народъ оказали ненависть къ его памяти. Онъ, бывъ тридцати одного года, кажется, исполнилъ всѣ ужасы злодѣйства.

Униженіе Римлянъ.

Безъ сомнѣнія, Римляне ужасно развратились, что царствованія многихъ добродѣтельныхъ Государей не защитили ихъ отъ столь гнуснаго мучительства. Не предположивъ крайняго униженія рабскаго народа, неимѣющаго ни правилъ, ни благонравія, ни чувствованій, можемъ ли представить, чтобъ Государь способенъ былъ предаться такимъ мерзостямъ, каковымъ въ исторіи варваровъ нѣтъ почти ни одного примѣра? Всегда отчасти сами народы бываютъ въ томъ виновны, когда властители въ упоеніи своемъ дерзко преступаютъ всѣ должные предѣлы. Часто одно народное мнѣніе, ежели оно имѣетъ въ себѣ нѣчто

(*) Она благопріятствовала Христіянамъ, почему и не было на нихъ гоненія въ царствованіе сего тирана.

мужественное и благородное, довольно бываетъ сильно склонить къ уваженію законовъ тѣхъ людей, кои бы безъ сего, можетъ быть, нарушали безбоязненно оные. Народные нравы, ежели они имѣютъ своимъ основаніемъ добродѣтель и мужество, еще несравненно болѣе заключаютъ въ себѣ силы.

ПЕРТИНАКСЪ. ДИДІЙ ІУЛІАНЪ.

193. Пертинаксъ возведенъ на престолъ воинами.

Пертинаксъ былъ старикъ низкаго происхожденія, который при Маркѣ Аврелiѣ возвысился своими воинскими услугами и добродѣтелями. Онъ былъ справедливъ, честенъ, воздержанъ, скроменъ, ревностенъ къ воинской службѣ и доброму порядку; почему и имѣлъ по справедливости право на царство и могъ загладить бѣдствія прежняго царствованія. Онъ спасся отъ жестокости Коммода можетъ быть потому, что презирали его происхожденіе, котораго впрочемъ онъ самъ не стыдился, и одолженъ былъ имперіею Лету, Преторіанскому Префекту, главному заговорщику. Летъ привелъ его въ лагерь къ Преторіанцамъ и заставилъ ихъ, почти принужденно, провозгласить его Императоромъ, обѣщая каждому изъ нихъ по 12,000 сестерціевъ. Сенатъ и народъ съ восторгомъ признали Государя, по истинѣ почтеннаго. Пертинаксъ, для исполненія обѣщанной награды, къ нещастію необходимой, продалъ все, что безразсудная роскошь

Коммода ни собрала драгоцѣннаго. Онъ принялся поспѣшно за исполненіе намѣренія, предположеннаго для преобразованія; намѣренія, можетъ быть, весьма тонкаго и слишкомъ, судя, по обстоятельствамъ, отважнаго, но достойнаго великой души, жертвующей собою для отечества.

Мудрое его правленіе.

Вскорѣ начало возникать правленіе Антониновъ. Въ три мѣсяца законы восприняли прежнюю силу, долги были уплачены, казна приведена въ порядокъ; нашлись даже деньги для общественныхъ работъ: столько благоразумная бережливость доставляетъ пособій, когда не дѣлаютъ издержекъ на пышность! Пертинаксъ находитъ средство умножить свои доходы безъ накладки податей: онъ отдаетъ невоздѣланныя земли всякому, кто бы только захотѣлъ ихъ обработать; ободряетъ сихъ земледѣльцевъ освобожденіемъ отъ податей на 10 лѣтъ. Онъ справедливо увѣренъ былъ въ томъ, что земледѣліе есть неисчерпаемый источникъ богатства частныхъ людей, а слѣдовательно и государства.

Преторіанцы его убиваютъ.

Но Преторіанцы столько были своевольны, что не могли сносить терпѣливо строгости воинской науки: имъ Государь преобразователь казался тираномъ. Самъ Летъ, взиравшій на Государя съ честолюбивыми намѣреніями, возбудилъ ихъ противъ него къ возмущенію. Они прибѣжали во дворецъ, умертвили сего великаго человѣка. Императоръ умеръ безъ всякаго защищенія,

закрывшись только епанчею и призывая въ отмщеніе Юпитера. Онъ испросилъ у Сената прощеніе одному Сенатору, обвиненному въ злоумышленіи. Трехмѣсячное царствованіе его достойно быть безсмертнымъ. Смерть его есть одно изъ тѣхъ произшествій, коихъ начало влечетъ за собою длинную цѣпь неизбѣжныхъ бѣдствій.

Они выставляютъ имперію на продажу.

Увидѣли тогда, до чего могутъ дойти необузданные и безчестные воины. Они продавали имперію за деньги, кто дастъ за нее болѣе. Являются два покупщика, Сулпиціанъ, тесть Пертинаксовъ, и Дидій Іуліанъ, человѣкъ знаменитаго происхожденія. Послѣдній получаетъ имперію, выдавъ по 25,000 сестерціевъ на каждаго Преторіанца, и страхъ заставляетъ Сенатъ подтвердить сію безчестную куплю.

Три вдругъ Императора, Дидій, Нигеръ и Септимій Северъ.

При вступленіи Іуліана на поруганный престолъ, народъ въ негодованіи оказалъ явно свое неудовольствіе. Обращаютъ взоръ на Нигра, правителя Сиріи, знаменитаго полководца; призываютъ его къ отмщенію и правленію государствомъ. Войска, при немъ находящіяся, провозглашаютъ его Императоромъ; Восточныя провинціи признаютъ его въ семъ званіи. Ежели бы онъ употребилъ стараніе, то все бы, безъ сомнѣнія, удалось по его желанію; но, между тѣмъ какъ онъ предается весьма безпечно забавамъ, опасный совмѣстникъ пользуется обстоятельствами. Паннонскіе легіоны были подъ начальствомъ Септимія Севера, чело-

вѣка весьма умнаго, дѣятельнѣйшаго, искуснѣйшаго въ дѣлахъ и честолюбиваго. Онъ, оплакивая убійство Пертинакса, изъявляя желаніе отмстить за оное и не требуя, по видимому, имперіи, заставилъ себя провозгласить Императоромъ. Правда, онъ обѣщалъ наградить весьма щедро каждаго воина. Вотъ вѣрное средство преклонять на свою сторону, и вотъ вдругъ три Императора, получившіе свое достоинство отъ воиновъ.

Севериъ идетъ къ Риму и освобождается отъ Дидія.

Северъ идетъ къ Риму; онъ не находитъ нигдѣ сопротивленія. Италія не знала уже войны; войска охраняли границы имперіи; а Преторіанцы не столько были воины, сколько тѣлохранители. Императоръ въ уныніи дѣлаетъ предложенія о раздѣлѣ верховной власти. Въ самомъ дѣлѣ, Сенатъ назначаетъ ему товарищемъ врага его. Северу не хотѣлось раздѣла. Онъ съ удивительною поспѣшностію приближается. Преторіанцы, подкупленные имъ, оставляютъ Іуліана; Сенатъ тотчасъ обвиняетъ его. Іуліанъ при исполненіи надъ нимъ смертной казни жалуется: *какое я учинилъ преступленіе?* Сей слабый старецъ, не смотря на то, что торговался и купилъ имперію, почиталъ себя невиннымъ; потому что онъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ своего царствованія не учинилъ новаго преступленія. Впрочемъ надобно признаться, привычка часто такъ ослѣпляетъ, что истребляетъ самыя ясныя понятія о нравственныхъ правилахъ. Римляне, взирая на щедрости, каждымъ

Дидій казненъ.

Императоромъ изливаемыя для собственной выгоды на воиновъ, пріобыкли почитать и самую верховную власть продажною. И чего можно стыдиться, коль скоро деньги доставляютъ всѣ права?

СЕПТИМІЙ СЕВЕРЪ.

193. Септимій Северъ худо принимаетъ Сенаторовъ и выключаетъ изъ службы Преторіанцевъ

Севера опасались въ Римѣ, и не безъ причины. Сенатъ отправилъ къ нему посланныхъ. Онъ, прежде нежели допустилъ ихъ къ себѣ, велѣлъ осмотрѣть; принялъ ихъ посреди тѣлохранителей; но при отправленіи одарилъ ихъ щедро. Всѣ изъ Преторіанцевъ, участвовавшіе въ убійствѣ Пертинакса, были казнены. Прочихъ Северъ выключилъ изъ службы; войско его окружило ихъ; отобрали у нихъ оружіе и имущество. Императоръ изгналъ ихъ изъ Рима и подъ смертною казнію запретилъ являться въ ономъ. Онъ, для составленія когортъ Преторіанскихъ, выбралъ лучшихъ воиновъ изъ своихъ легіоновъ. Войска сего прежде было 12,000 человѣкъ; онъ умножилъ до 50,000 и болѣе. Въ Новой Исторіи мы увидимъ, что нѣкоторые Государи утверждали престолъ свой подобными строгостями власти.

Онъ клянется, что не умертвитъ ни одного Сенатора, но не

Императоръ, вступивъ въ Римъ съ 60,000 почти человѣкъ войска, пришелъ въ Сенатъ, изъяснилъ причины своего поведенія, обѣщалъ правленіе правосудное и кроткое, даже поклялся уважать жизнь Сенаторовъ. Но ежели правила не-

сохраняетъ своей клятвы.

ограниченнаго самовластія еще не укоренились, то власть меча удобно заставляла признавать самодержца повелителемъ законовъ. Северъ во время своего царствованія обагрилъ себя кровію многихъ Сенаторовъ. Какое различіе между обѣщаніями Тита и такого Государя, который первымъ правиломъ поставляетъ корысть свою!

194. Нигеръ побѣжденъ и убитъ въ Азіи.

Такимъ образомъ кончивъ поспѣшно дѣла въ Римѣ, пошелъ въ Азію, гдѣ Нигеръ собралъ сильную сторону. Три сраженія, выигранныя полководцами Севера, одно при Кизикѣ, другое при Никеѣ въ Виѳиніи, третіе близъ Нисса въ Киликіи, утвердили за нимъ имперію. Нигеръ на сраженіи при Иссѣ потерялъ 20,000 человѣкъ и былъ убитъ въ бѣгствѣ. Можно замѣтить, что легіоны Азіятскіе таковы же почти были, какъ и народы сей страны: они, заразившись ядомъ роскоши, вообще дѣлали слабое сопротивленіе легіонамъ Европейскимъ, болѣе опытнымъ въ воинскомъ дѣлѣ и приобыкшимъ къ трудамъ. Византія, по трехлѣтней осадѣ, начатой Императоромъ и оконченной его полководцами, здалась на волю побѣдителей. Сей важный городъ превращенъ былъ въ груды камней и пепла. Северъ вездѣ показывалъ себя жестокимъ: безъ сомнѣнія, онъ почиталъ страхъ нужнымъ для утвержденія своего могущества.

Северъ освобождается отъ Ал-

Северъ до отбѣзда своего изъ Рима далъ титулъ Цесаря Албину, правителю Великобританіи, который могъ съ нимъ спорить

о престолѣ, и симъ политическимъ при-
общеніемъ къ своей власти предупредилъ
его въ предпріятіяхъ. Императоръ, обез-
печивъ себя со стороны Азіи, замышляетъ
теперь, какъ освободиться отъ Албина.
Онъ лишаетъ его Цесарскаго достоинства,
раздражаетъ для того, чтобъ имѣть какую
нибудь причину для его пораженія. Сей
полководецъ, видя неизбѣжную свою поги-
бель, заставляетъ провозгласить себя Им-
ператоромъ и отправляется въ Италію.
Северъ выступаетъ противъ него, одержи-
ваетъ рѣшительную побѣду между Ліономъ
и Тревольтомъ (Trevoux). Албинъ умерщ-
вляетъ себя. Императоръ, поругавшись надъ
его трупомъ, посылаетъ голову въ Сенатъ
при грозномъ письмѣ, въ которомъ упре-
каетъ Сенаторовъ за ихъ привязанность
къ сопернику, котораго самъ присоеди-
нилъ себѣ въ товарищи.

бина, кото-
раго онъ здѣ-
лалъ Це-
саремъ.

197.
Смерть
Албина.

За сею побѣдою послѣдовали ужасныя
казни. Северъ не только бумагъ Албино-
выхъ не сжегъ, по примѣру другихъ побѣ-
доносныхъ полководцевъ, но и съ любо-
пытствомъ отыскивалъ въ нихъ имена дру-
зей его. Двадцать девять, или, по мнѣнію
Спартіана, сорокъ одинъ Сенаторъ по по-
дозрѣніямъ подверглись мщенію. Божескія
почести, которыя Северъ приказалъ возда-
вать Коммоду, были, можетъ быть, вели-
чайшимъ посрамленіемъ для Сената. Но
между тѣмъ зрѣлища, щедрость, своеволіе
привязывали народъ и воиновъ къ правленію.

Северъ,
льстя
народу и
воинамъ,
предает-
ся жес-
токости.

Императоръ позволилъ воинамъ имѣть женъ своихъ въ лагеряхъ. Воинскій порядокъ ослабѣвалъ ежедневно. Северъ самъ на сіе жаловался (*). Государь, не столько хитрый, испыталъ бы, безъ сомнѣнія, пагубныя отъ того слѣдствія. Северъ безъ опасенія опять пошелъ въ Азію, гдѣ Парѳяне движеніями своими наводили безпокойство. Онъ провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ, имѣлъ нѣсколько безполезныхъ успѣховъ. Арабы дважды принудили его снять осаду съ Атры, того города, который чинилъ отпоръ Траяну. Всѣ сіи походы не могутъ быть для насъ занимательны.

Плавтіанъ управляетъ имъ какъ Сеянъ управляетъ Тиверіемъ.

Не смотря на превосходный умъ, почти равный Тиверіеву, не смотря на всю недовѣрчивость, пронырливость и жестокость, Северъ попалъ въ сѣти ласкательства: у него былъ другой Сеянъ. Плавтіанъ, какъ и Северъ, уроженецъ Африканскій, управлялъ имъ и имперіею, и дерзкимъ образомъ употреблялъ во зло власть свою. Онъ опредѣлялъ казни; набогащаяся хищеніемъ, показывалъ всю пышность, все высокомѣріе любимца злонравнаго и необузданнаго. Одному изъ судей Императоръ велѣлъ положить дѣло на столъ свой. Судья отвѣчалъ ему: *я не могу сего здѣлать безъ прика-*

(*) Онъ писалъ одному изъ полководцевъ приказаніе о поправленіи войскъ; прибуны должны быть первыми предметами исправленія, потому что *чиновникъ, теряющій уважсніе воиновъ своихъ, не можетъ требовать отъ нихъ повиновенія.*

занія Плавтіанова. Сей правитель имѣлъ всѣ почести: былъ Преторіанскимъ Префектомъ, Консуломъ; отдалъ дочь свою за Бассіана (названнаго потомъ Каракаллою), старшаго сына Императорскаго, который имѣлъ уже титулъ Августа. По словамъ Діона Кассія, очевиднаго свидѣтеля, но легковѣрнаго историка и не очень разборчиваго, хотя и Сенатора, приданое, отпущенное за его дочерью, довольно бы было для пятидесяти Царицъ.

Сей знаменитый бракъ былъ причиною Плавтіановой погибели. Бассіанъ не терпѣлъ Плавтіана, не терпѣлъ и супруги, противъ желанія за себя взятой. Онъ вымышляетъ на шестя своего доносъ и представляетъ его виновнымъ. Императоръ, призвавъ къ себѣ сего любимца, кротко укоряетъ его въ неблагодарности. Между тѣмъ какъ Плавтіанъ хочетъ оправдываться, молодый Князь бросается на него въ бѣшенствѣ, обезоруживаетъ и приказываетъ воину убить его въ присутствіи Севера. Паденіе и смерть сего любимца.

Изъ сего поступка можно заключать о бѣшеномъ и жестокомъ характерѣ Бассіана. Съ самаго дѣтства была у него непримиримая ненависть съ братомъ своимъ Гетою, изъ которыхъ и тотъ и другой преданы были пороку и всѣмъ гнусностямъ распутства. Придворные служители, гладіаторы, шуты, составлявшіе единственное ихъ общество, непрестанно ихъ развращали. Се- 208. Бассіанъ и Гета, злые дѣти Императора.

верѣ, видя напоминанія свои недѣйствительными и не получивѣ никакого успѣха отѣ наказанія развратителей, слишкомѣ позднаго, надѣялся, что онѣ, взявши дѣтей своихѣ на войну сѣ собою, пресѣчетѣ ихѣ безпорядки. Каледоняне, Сѣверные Бретоны, зашли вѣ Римскую провинцію и производили тамѣ великія опустошенія. Императорѣ тѣмѣ охотнѣе воспользовался симѣ случаемѣ, что старость и болѣзнь ни сколько не уменьшили вѣ немѣ любви кѣ славѣ. Сверхѣ ужасныхѣ трудностей, онѣ, претерпѣвая непрестанные набѣги отѣ сихѣ варваровѣ и не находя средствѣ сразиться сѣ ними цѣлымѣ войскомѣ, зашелѣ вѣ Сѣверную часть острова. Но сей походѣ, стоившій ему 50,000 человѣкѣ, доставилѣ вѣ награду только кусокѣ земли. Онѣ расширилѣ нѣсколько предѣлы провинціи, сдѣлалѣ новый валѣ между заливами Фортомѣ и Клидомѣ. Молодые Августы (ибо и Геta получилѣ сей титулѣ), оставались такими же развращенными, такими же между собою врагами, какѣ и прежде.

Севергѣ беретѣ дѣтей сѣ собою вѣ Великобританію, гдѣ малый получаетѣ успѣхѣ.

Между тѣмѣ какѣ Императорѣ продолжалѣ мирные переговоры сѣ Бретонами, Бассіанѣ, вѣ виду двухѣ войскѣ, подходитѣ кѣ отцу для умерщвленія его. Великій вопль останавливаетѣ Бассіана. Севергѣ оканчиваетѣ спокойно свое дѣло. Потомѣ призываетѣ сына своего изверга кѣ себѣ вѣ палатку; подаетѣ ему при Папиніанѣ, Преторіанскомѣ Префектѣ, мечь сѣ сими сло-

Онѣ прощаетѣ своему сыну, хотѣвшемуубить его.

вами: «ежели ты рѣшился быть убійцею «твоего отца, то исполни здѣсь твое на- «мѣреніе; или ежели ты самъ не смѣешь «пролить моей крови, прикажи Папиніану «сіе сдѣлать. Ты Императоръ его: онъ «послушаетъ.« Сіе трогательное наставле- ніе не много надъ нимъ подѣйствовало. Чудовище, не чувствующее угрызеній со- вѣсти, въ слѣдующемъ году составилъ за- говоръ для сверженія съ престола Импе- ратора, который, наказавъ мятежниковъ, опять пощадилъ своего сына.

Северъ, будучи уже боленъ, не могъ пе- ренести толикихъ горестей. Онъ, чувствуя приближеніе смерти, сказалъ: *я былъ все, и все сіе весьма мало значитъ.* Говорятъ, что онъ приказалъ принести урну, въ ко- торую прахъ его надлежало положить, и посмотрѣвши на нее, сказалъ: *ты заклю- чишь того, котораго вселенная не могла вмѣщать.* Присовокупляютъ, что онъ, чи- тая дѣтямъ своимъ рѣчь умирающаго Ми- ципсы въ Саллустіи, отнесъ къ себѣ слова сіи: *я оставляю дѣтямъ своимъ сильную имперію, ежели они будутъ добродѣтель- ны; слабую, ежели злы.* Впрочемъ Діонъ Кассій помѣщаетъ у себя самое безчело- вѣчное правило, которое будто бы Северъ далъ молодымъ Князьямъ: *обогащайте воиновъ, о прочихъ не заботьтеся.* Северъ умеръ въ Йоркѣ (Eborakum) на 66 году отъ рожденія. Онъ при всѣхъ порокахъ своихъ имѣлъ почтенныя качества и вели-

Правило, данное дѣтямъ.

кія способности; характеръ его былъ непоняшный: странная смѣсь добра и зла. Онъ любилъ науки и сочинилъ на Латинскомъ языкѣ записки своей жизни.

Тертулліанъ и другіе писатели.

Во время сего царствованія Тертулліанъ написалъ знаменитое защищеніе Христіянъ, коихъ гнали тогда, по древнимъ законамъ. «Мы наполняемъ, говоритъ онъ «ваши города, ваши села, вашъ Сенатъ, ваши «войска; оставляемъ вамъ только ваши капища и театры.» Слова сіи ясно показываютъ успѣхи Христіянства. Оно проникло даже во дворецъ Императора: кормилица и учитель Каракаллы были Христіяне.

Упадокъ вкуса.

Діогенъ Лаэрціи, Филостратъ, Солонъ и другіе того времени писатели, а также и Аѳиней, современникъ Коммода, вообще своими сочиненіями доказываютъ упадокъ вкуса. Наступило время, когда умы начали имѣть недостатокъ въ соревнованіи и образованности; когда начали погружаться въ такое оцѣпенѣніе, которое весьма недалеко отъ варварства.

КАРАКАЛЛА и ГЕТА, МАКРИНЪ.

211. Каракалла и Гета царствуютъ вмѣстѣ и ненавидятъ другъ друга.

Когда Северъ вознамѣрился пріобщить къ правленію имперіи старшаго сына Бассіана, то имя сіе перемѣнено было на Марка Аврелія Антонина. Можетъ ли сіе почтеннѣйшее имя быть прилично тирану? Почему прозваніе Каракаллы и осталось при Бассіанѣ въ Исторіи. Гета сперва цар-

ствовалъ совокупно съ своимъ братомъ. Когда взаимная ихъ ненависть начала ежедневно болѣе воспламеняться; когда, не смотря на мнимое примиреніе, начали они разставлять другъ другу сѣти: то согласились учинить раздѣлъ. Старшему достался Западъ, а младшему Востокъ. Мать Императоровъ Юлія отклонила ихъ отъ такой новизны, которая была возмутительна для умовъ; впрочемъ раздѣлъ сей служилъ единственнымъ средствомъ къ примиренію.

212. Первый убиваетъ своего брата.

Каракалла приказываетъ убить своего брата даже въ обятіяхъ Юліи. Онъ летитъ въ лагерь къ Преторіанцамъ, скрываетъ отъ нихъ свое злодѣяніе, осыпаетъ ихъ щедростями, и онъ одинъ признанъ Императоромъ. Онъ, окруженный тѣлохранителями, приходитъ въ Сенатъ, оправдывается сколько можно и соглашается включить брата своего въ число боговъ, сказавъ, по словамъ Спартіана: *пусть онъ будетъ богомъ, только бы не былъ живъ.* Возвращаетъ всѣхъ изъ ссылки, какъ преступниковъ, такъ и невинныхъ, дабы показать себя милосердымъ: какъ будто бы, послѣ величайшихъ опытовъ злобы, можно было изгладить столь жестокія неистовства и показаться добрымъ.

Онъ производитъ ужасныя жестокости.

Скоро изъ самыхъ дѣлъ узнали цѣну сего милосердія. Угрызенія, терзавшія Каракаллу, служили только къ воспаленію его безчеловѣчія. Всѣ друзья Геты были умерщвлены. Двадцать тысячъ человѣкъ, ежели

должно въ томъ вѣрить Діону, погибло во время сего кровопролитія. Самые знаменитые Сенаторы пали отъ сѣкиры палача, въ числѣ которыхъ былъ и Папиніанъ, Преторіанскій Префектъ Севера. Сей правоискусникъ всегда былъ въ такомъ уваженіи, что Валентиніанъ III однимъ закономъ повелѣлъ, въ разсужденіи раздѣла, соображаться съ его мнѣніемъ. Императоръ просилъ Папиніана, чтобъ онъ написалъ защищеніе въ разсужденіи убійства Геты. Вотъ Папиніановъ отвѣтъ, свойственный мужественнѣйшей добродѣтели: *не такъ легко оправдать въ братоубійствѣ, какъ учинить оное; а поругать невиннаго, по отнятіи у него жизни, есть второе братоубійство.* Дочь Марка Аврелія, Помпеянъ, внукъ его, сынъ Пертинаксовъ, двоюродный братъ Каракаллы, также принесены были въ жертву безчеловѣчію.

Убійство Папиніана.

Никакое злодѣйство не должно уже казаться удивительнымъ въ Каракаллѣ. Поддѣльная монета, хищенія, грабительства всякаго рода составляютъ малѣйшую часть его злодѣяній. Имущество народовъ назначено въ удѣлъ воинамъ; ибо тиранъ въ нихъ только имѣлъ себѣ подпору. Однажды Юлія представила ему, что не осталось у него ни одного уже средства къ полученію денегъ. Онъ, указавъ на мечь свой, отвѣчалъ ей: *доколѣ онъ будетъ при мнѣ, со всѣмъ не буду имѣть недостатка въ деньгахъ.* Каракалла далъ право гражданства

Онъ бережетъ только воиновъ.

всѣмъ подданнымъ имперіи; потому что граждане платили такія подати, коихъ не брали съ иностранцевъ. Такимъ образомъ гнусная корысть смѣсила совершенно Римлянъ со всемъ, что было подлаго и варварскаго въ провинціяхъ имперіи. Ужасное пораженіе жителей Александріи, учиненное, по приказанію Императора въ наказаніе за маловажное оскорбленіе, пораженіе, при которомъ онъ самъ былъ спокойнымъ зрителемъ, не возбудило въ немъ ни малѣйшей жалости. Онъ написалъ Сенату, что избѣгнувшіе наказанія столько же достойны смерти, какъ и тѣ, кои погибли.

Право гражданства данное всѣмъ подданнымъ. Кровопролитіе Александрійское.

Военные походы Каракаллы служили только опытами его глупости. Онъ столько обожалъ Александра, что вознамѣрился завести у себя фалангу Македонскую и гналъ Перипатетиковъ изъ ненависти къ Аристотелю, котораго онъ, по глупости своей, почиталъ виновникомъ смерти сего Греческаго героя. Каракалла мечтая, что онъ идетъ по слѣдамъ Александра, обошелъ большую часть провинцій не какъ военачальникъ, но какъ воинъ, или лучше онъ такъ поступалъ для хвастовства, что ведетъ жизнь воинскую. Галлія, Германія, Азія, Африка были свидѣтелями его трусости и насилій; боялись его и презирали. Онъ купилъ миръ съ Германцами; занялъ у Галловъ одежду, называемую *каракалла*, отъ которой и получилъ себѣ наименованіе; присвоилъ себѣ проименованіе Парѳянскаго,

Смѣшные походы Каракаллы.

не только не побѣдивши, но даже и не видавши Парѳянъ; истребилъ измѣннически образомъ Александрійцевъ, въ отмщеніе за ихъ насмѣшку. Новый Александръ былъ вездѣ Каракалла.

217. Макринъ убиваетъ Императора и заступаетъ его мѣсто.

Каракалла намѣревался освободиться отъ Макрина, Преторіанскаго Префекта, человѣка случайнаго, уроженца Мавританскаго, который, посредствомъ ученія и прудовъ, вышелъ изъ низкаго состоянія, предназначеннаго ему рожденіемъ. Макринъ позналъ опасность и предупредилъ ее. Онъ умертвилъ Императора; скрылъ свое преступленіе; заставилъ войска провозгласить себя Императоромъ, и въ то же время принудилъ Сенатъ признать избраніе. Сколько Каракалла былъ ненавистенъ для гражданъ, столько напротивъ любили его воины, которымъ онъ расточалъ свои сокровища. Макринъ, для упѣшенія воиновъ, приказалъ Каракаллу включить въ число боговъ. Столько уже чудовищъ здѣлано богами!

Похититель презрителенъ и ненавистенъ.

Не долго сей похититель престола наслаждался своимъ щастіемъ. Съ одной стороны онъ, уплачивая великое множество денегъ Артабану, Царю Парѳянскому, и предаваясь Антіохійскимъ забавамъ, сдѣлался презрителенъ; съ другой, стараясь прикрыть низкость своего происхожденія пышностію и высокомѣріемъ, учинился ненавистенъ. Наконецъ онъ не могъ удовлетворить войскамъ, пріобыкшимъ къ безмѣрнымъ щедростямъ и повиновавшимся

на семъ только условіи. Зло сіе было неизлечимо. Весьма долговременный опытъ показалъ, что мечемъ все производили, а безъ него ни въ чемъ не успѣвали.

218. Меза заставляетъ провозгласить Императоромъ Геліогабала, своего внука.

Меза, честолюбивая женщина, сестра Императрицы Юліи, была причиною перемѣны. Она представила молодаго Бассіана, своего внука, жреца Солнца, родственника Каракаллы, извѣстнаго подъ именемъ Геліогабала или Елагабала. Не устыдилась разсѣять слухъ, что сей Сирійскій жрецъ родился отъ прелюбодѣянія дочери ея съ покойнымъ Императоромъ. Она подкупила своими подарками легіонъ, стоявшій близъ Эмеза въ Финикіи, гдѣ она родилась. Легіонъ принимаетъ Геліогабала и провозглашаетъ его Императоромъ. Войска, посланныя Макриномъ противъ мятежниковъ, присоединяются къ нимъ. Макринъ, приказавъ объявить своего соперника государственнымъ врагомъ, самъ былъ побѣжденъ. Онъ уѣзжаетъ изъ Антіохіи, убѣгаетъ въ Малую Азію. Его принимаютъ и умерщвляютъ. Намѣреніе исправить воинскій порядокъ навлекло Макрину ненависть отъ войскъ.

ГЕЛІОГАБАЛЪ.

218. Геліогабалъ чудовище.

Калигулы, Нероны, Домитіаны, кажется, ожили въ молодомъ четырнадцатилѣтнемъ человѣкѣ; или лучше Геліогабалъ, кажется, для того только возшелъ на престолъ, чтобъ всѣхъ ихъ превзойти. Онъ написалъ Сенату, что принимаетъ званія Трибуна и Проконсула, коихъ никто до сего времени, ниже самые тираны не присвояли себѣ безъ Сенатскаго опредѣленія. Онъ объявляетъ себя подражателемъ Августа и Марка Аврелія, между тѣмъ какъ въ умѣ у него одна глупость, а въ сердцѣ подлость и безчестные пороки.

Онъ убиваетъ Ганниса, своего дядьку.

До отъѣзда своего изъ Азіи, Геліогабалъ не только приказалъ умертвить важнѣйшихъ соучастниковъ Макриновыхъ, но и собственною рукою убиваетъ Ганниса, своего дядьку, которому болѣе всѣхъ обязанъ былъ своимъ щастіемъ. Оказываетъ всю свою довѣренность Евтихіану, подлому шуту, и украшаетъ его первыми достоинствами. Презираетъ одѣяніе Римское; вмѣсто онаго вводитъ шелковое съ золотою нашивкою; наконецъ все то, что изнѣженная роскошь можетъ представить сладострастнаго и пышнаго. По прибытіи въ Римъ, Геліогабалъ вводитъ въ Сенатъ Мезу, свою бабку. Вотъ единственный примѣръ въ сей исторіи. Учреждаетъ Сенатъ изъ женщинъ для опредѣленія нововводимыхъ обыкновеній, колясокъ и другихъ подобныхъ бездѣлокъ.

Учреждаетъ Сенатъ изъ женщинъ.

Перемѣняетъ женъ ежегодно; выходитъ, подобно женщинѣ, въ замужство за невольника и поручаетъ ему полную власть; погружается всенародно въ такія ужасныя распутства, о которыхъ гнусно и слышать. Положимъ, что историки много увеличили; но таковыя увеличенія всегда падаютъ на одно чудовище. Его распутства.

Къ симъ гнуснымъ распутствамъ присовокупилось безразсудное суевѣріе. Геліогабалъ оскверняетъ, грабитъ всѣ капища для бога Сирійскаго, коего онъ былъ первосвященникомъ, и которому хочетъ учредить почтеніе, истребивъ богослуженіе даже Юпитеру. Приказываетъ привесть изъ Карѳагена статую одной богини и женить на оной своего бога. Сей бракъ стоилъ ему чрезмѣрнаго множества денегъ. Приноситъ, какъ повѣствуютъ, въ жертву дѣтей любимому своему божеству; принимаетъ изъ почтенія къ нему обрѣзаніе; ничего не почитаетъ для себя важнѣе, какъ исправленіе своего жречества; словомъ, Геліогабалъ въ глазахъ однихъ дѣлается смѣшнымъ, другимъ представляется святотатцемъ, по причинѣ глупаго сего суевѣрія. Его суевѣрія.

222. Онъ убитъ.

Поелику предвидѣли, что Геліогабалъ не долго будетъ царствовать, то и присовѣтовали ему усыновить двоюроднаго своего брата Алексіана, извѣстнаго подъ именемъ Александра Севера. Новый Цесарь скоро сдѣлался предметомъ его неистов-

ства: онъ многократно покушался умертвить его. Преторіанцы взбунтовали для Александра и убили Геліогабала съ матерію его Соемисою. Ему не болѣе было 18 лѣтъ отъ рожденія. Всего 13 уже Императоръ умираетъ насильственною смертію. Большая часть преемниковъ Геліогабаловыхъ такимъ же образомъ кончатъ дни свои. Однако честолюбіе никогда не переставало домогаться сего мѣста, а жестокость привлекать мщеніе людей. Мы видимъ нынѣ деспотическое правленіе у Турокъ; но совсѣмъ не видимъ столь ужасныхъ царствованій. Турки имѣютъ нравы; Римляне вообще ихъ уже не имѣли. Всего, безъ сомнѣнія, одна изъ главныхъ и неоспоримыхъ причинъ благополучнаго или нещастнаго состоянія народовъ и государствъ. Кто любитъ дѣтей своихъ и свое отечество, тотъ лучше почувствуетъ, что добродѣтель должна быть главнымъ предметомъ его попеченій. О, естьли бы правительства вникнули, что для пріобрѣтенія подданныхъ, достойныхъ Государя и отечества, надобно содѣлать людей добродѣтельными!

АЛЕКСАНДРЪ СЕВЕРЪ.

222. Александръ сдѣлалъ доброе начало,

Александръ, юноша въ 16 лѣтъ, удобно могъ предаться соблазну и по своей молодости и по власти Императорской. Но человѣкъ отъ природы добрый, рачительно воспитываемый, извлекаетъ пользу изъ

самыхъ примѣровъ порока и прилѣпляется къ добродѣтели. Меза, бабка Александра, и Мамея, мать его, сохранили сего Государя отъ сѣтей ласкательства, отдаливъ отъ него соблазнителей. Мамея особливо пеклась о Александрѣ; и сколько она ни любовалась властію, впрочемъ составила для него совѣтъ изъ 16 почтенныхъ Сенаторовъ. Въ числѣ семъ были знаменитые правоискусники Ульпіанъ и Павелъ. Такимъ образомъ законы должны были наконецъ воспринять свою важность, или лучше представляться только таковыми; ибо тогда только они, по истинѣ, владычествуютъ, когда имѣютъ власть надъ сердцами. не смотря на его молодость.

Правленіе Александрово заключаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели добрыхъ Государей: правосудіе и милосердіе, скромность и твердость, благотворительность и бережливость, ревность и благоразуміе. Довольно на сіе привесть въ доказательство, что Александръ большую часть времени занимался государственными дѣлами; что чтеніе Цицерона, Виргилія, Горація, Платона составляло величайшее для него удовольствіе, равно какъ и бесѣды небольшаго числа благоразумныхъ друзей; что въ извѣстные часы допускалъ къ себѣ подданныхъ съ прозьбами, и всегда имѣлъ предъ глазами сіе правило, освященною Вѣрою Христіянскою: *дѣлай другимъ то, чего себѣ отъ нихъ хочешь.* Его добродѣтели.

Можетъ быть, по недостатку въ поли- Онъ вру-

Получаетъ чрезмѣрную власть Преторіанскому Префекту.

тикѣ, Александръ захотѣлъ Преторіанскихъ Префектовъ сдѣлать вмѣстѣ и Сенаторами. Званіе ихъ, и само по себѣ уже весьма важное, вмѣстило чрезъ сіе въ себѣ власть гражданскую и воинскую. Они производили судъ именемъ Государя, или разсуждали съ нимъ о дѣлахъ важнѣйшихъ. Императоръ для того учинилъ сію перемѣну, дабы Сенаторы не судились предъ всадниками. Благоразумный Ульпіанъ былъ тогда Преторіанскимъ Префектомъ, и вѣроятно добродѣтели его воспрепятствовали обратить вниманіе на то, чего надлежало опасаться отъ его преемниковъ.

Своевольство Преторіанцевъ.

Привычка къ необузданному своеволію истребила въ Преторіанцахъ подчиненность. Покушеніе привесть ихъ въ порядокъ производило непрестанныя возмущенія. Ульпіанъ, другъ и правитель Александровъ, погибъ въ одномъ изъ сихъ возмущеній. Историкъ Діонъ, предводительствуя войсками въ Паннониі, подвергся ихъ ненависти за ревностное соблюденіе порядка. Они, по дерзости своей, потребовали головы его. Наглость ихъ заставила сперва украсить Діона новыми почестями. Александръ сдѣлалъ его своимъ товарищемъ въ консульствѣ; между тѣмъ присовѣтовалъ ему удалиться. Консулъ отправился въ Виѳинію, свою отчизну. Толикое своевольство воиновъ полагало препятствія правительству!

Парѳяне

Важный оборотъ перемѣнялъ дѣла на

Востокѣ и занималъ Римлянъ. Имперія Парѳянъ, основанная Арзакомъ въ 502 году отъ созданія Рима, непрестанно укрѣплялась, не смотря на всѣ удары, причиняемые ей по временамъ завоевателями вселенныя. Парѳяне могли хвалиться и почитать себя непобѣдимыми. Вдругъ они изчезли, какъ бы были поглощены другою державою. Артаксеркъ, герой Персидскій, желая возстановить престолъ Кировъ, взбунтовалъ противъ Артабана, послѣдняго Царя Парѳянскаго, одержалъ надъ нимъ три побѣды и умертвилъ его. Наконецъ онъ овладѣлъ имперіею Арзакидовъ, существовавшею 475 лѣтъ, и состоявшею тогда изъ осмнадцати царствъ или великихъ провинцій. Имя Персовъ возникло изъ неизвѣстности, въ которую погрузила его превратность дѣлъ человѣческихъ послѣ толикихъ вѣковъ блеску и величія. Сіе явленіе не тѣмъ ли должно изъяснить, что Персы составляли одинъ и тотъ же народъ съ Парѳянами; что Римскіе войны воспалили въ нихъ мужество, и что все почти состоитъ въ одной перемѣнѣ имени? исчезаютъ.

Артаксеркъ, гордясь своимъ могуществомъ и успѣхами, вознамѣрился объявить войну Римлянамъ. Онъ началъ у нихъ требовать Месопотаміи, Сиріи, всей Малой Азіи, до Эгейскаго моря, какъ завоеванныхъ Киромъ и зависѣвшихъ отъ его имперіи. Странно видѣть людей, основывающихъ подобныя требованія на такомъ правѣ, которое Артаксеркъ требуетъ обратно провинцій, завоеванныхъ Римлянами.

уничтожено вѣками; но какое право не можетъ быть сильно для честолюбивыхъ завоевателей? Хотя они и представляютъ, по видимому, причины; но не всегда ли на силѣ основываютъ дѣйствительность своего права? Римляне не знали права сего законнѣе; наконецъ обратили то же противъ нихъ оружіе, коимъ они низложили столько государствъ и народовъ.

232. Александръ отправился въ походъ противъ Персовъ. Взбунтовался одинъ легіонъ; Императоръ показалъ примѣрное мужество, исключивъ легіонъ сей изъ войскъ. *Граждане*, вскричалъ онъ, *возвратитесь, оставьте оружіе.* Мятежники укротились. Вскорѣ послѣ сего Александръ возстановилъ оный легіонъ. Строгость въ соблюденіи порядка онъ всегда соединялъ съ благоразуміемъ, снисхожденіемъ и кротостію. Поведеніе его весьма было бы успѣшно, ежели бы не все переродилось въ Римѣ.

Александръ идетъ для нападенія на него и возстановляетъ воинскій порядокъ.

По мнѣнію Иродіана и всѣхъ Восточныхъ писателей, Александръ побѣжденъ былъ Персами; напротивъ, по словамъ Лампридія, онъ одержалъ надъ ними совершенную побѣду. Изъ рѣчи Александровой къ Сенату, помѣщенной Лампридіемъ, видно, что непріятель, сверхъ прочаго, имѣлъ 700 слоновъ, 1800 колесницъ, вооруженныхъ косами, 120,000 конницы, и что войско сіе истребленно совершенно. Историкъ увѣряетъ, что онъ рѣчь сію почерпнулъ изъ Сенатскихъ записокъ. Большая часть писа-

Противорѣчія историковъ.

шелей, не смотря на противныя свидѣтельства, полагалась на свидѣтельство Лампридія. Но Лампридій, и Капитолинъ, и Евтропій, и всѣ вообще писатели исторіи *Августовъ* столько не вѣрны и такими наполнены противорѣчіями, что никакъ не можно во всемъ на нихъ полагаться. Геродіанъ разборчивѣе; слѣдовательно гораздо болѣе заслуживаетъ вѣроятія; впрочемъ и его повѣствованія сомнительны. Вотъ особенный примѣръ неизвѣстности, въ которую часто повергаютъ насъ дурные историки.

Германская война.

Императоръ возвратился въ Римъ, потому что Германцы опустошали Галлію. Онъ, исправя торжество послѣ побѣды надъ Персами, тотчасъ отправился въ Германію. Еще въ началѣ сего нещастнаго похода онъ познялъ, сколь мало добродѣтель имѣетъ власти надъ воинами, нетерпящими благоустройства и пріобыкшими къ пагубнымъ возмущеніямъ.

235. Максиминъ, родомъ варваръ, хочетъ свергнуть съ престола Александра и убиваетъ его.

Одинъ изъ важныхъ чиновниковъ воинскихъ былъ Максиминъ, изъ Ѳракіи, родомъ Готѳъ, который въ молодыхъ лѣтахъ былъ пастухомъ; поступилъ въ военную службу при Северѣ; Геліогабаломъ произведенъ въ Трибуны, которому наконецъ Александръ поручилъ образовать новыя войска, пришедшія изъ Панноніи. Исполинскій ростъ, удивительная сила, (*) муже-

(*) Увѣряютъ, что онъ могъ возить нагруженную телѣгу, исторгать изъ корня небольшія дерева, и проч.

ство, бдительность, исправное прохожденіе должностей воинскихъ споспѣшествовали его возвышенію. Сей варваръ (онъ и нынѣ заслуживаетъ сіе имя) дерзнулъ простирать свои желанія даже къ полученію престола. Онъ воспалилъ духъ возмущенія, коимъ воины всегда были заражены; изобразилъ имъ Александра Государемъ слабымъ, управляемымъ женщиною; (дѣйствительно, мать Александра пользовалась великою властію, и для удовлетворенія своей жадности употребляла во зло оную;) произвелъ въ нихъ желаніе къ щедрымъ наградамъ, послѣдовавшимъ всегда за перемѣнами Государей; наконецъ онъ собственными руками учинилъ убійство. Добродѣтельный Александръ былъ умерщвленъ на двадцать шестомъ году отъ рожденія.

Почтеніе Александра къ великимъ людямъ.

Почтеніе Александра къ великимъ людямъ во всякомъ родѣ (вѣрное доказательство величія), столь было искренно, что онъ нѣкоторымъ образомъ боготворилъ ихъ во дворцѣ своемъ. Онъ почиталъ между мудрецами Іисуса Христа, но смѣшивалъ его съ Аполлоніемъ Тіанскимъ. Всегда поставлялъ для себя обязанностію тѣмъ только поручать должности, кои по суду его были достойны оныхъ; продавать же достоинства почиталъ ненавистнымъ дѣломъ. *Кто покупаетъ*, говорилъ онъ, *тотъ равно и продаетъ. И позволивъ покупку,*

Онъ не хотѣлъ, чтобъ чины продавали.

что однажды выпилъ вина, около 25 бутылокъ, и съѣлъ отъ 30 до 40 фунтовъ мяса.

не можемъ наказывать за продажу. Не смотря на милосердіе его, онъ не щадилъ государственныхъ воровъ, лихоимцовъ, ни придворныхъ грабителей, коихъ называли *продавцами дыму.* Сіи послѣдніе торговали своею довѣренностію, истинною или ложною, у Государя, и выманивали деньги то обѣщаніемъ милостей, то угрозами. Продавцы дыму.

Мы приближаемся къ тѣмъ несчастнымъ временамъ, когда люди безъ упражненія, безъ размышленія, лишенные свѣта наукъ, представятся намъ лишенными самаго разума. Законы обратятся въ хаосъ; мечь будетъ рѣшить все, варварство непрестанно будетъ умножать успѣхи свои варварствами. Великіе правоискусники исчезаютъ. Послѣ Папиніана, Ульпіана, Павла, Модестина, ученика Ульпіанова, законовѣденіе, вмѣстѣ съ философіею, ученостію и словесностію начало помрачаться. Погружаются въ невѣжество. Послѣдніе правоискусники.

Діонъ Кассій, послѣдній порядочный историкъ сего времени, но едва ли достойный того названія, которое Ѳукидиды, Ксенофонты, Плутархи и проч. прославили на томъ же самомъ языкѣ. Большая часть его сочиненій затеряна. Потерю сію замѣняютъ сочиненіемъ Ксафилина, сократителя Діонова, писателя одиннадцатаго вѣка, еще менѣе просвѣщеннаго. Мы изобразимъ кратко все, что можетъ Исторія доставить занимательнаго среди смѣшенія и невѣжества. Діонъ Кассій и Кемфилинъ.

Христіяне во время сего царствованія

Успѣхи Христіянства.

наслаждались спокойствіемъ, которое продолжалось около сорока лѣтъ. Высокія добродѣтели, дарованія и просвѣщеніе нѣкоторыхъ членовъ Церкви обращали на себя вниманіе самаго двора. Маскея, мать Императора, пожелала увидѣть знаменитаго Оригена во время своего путешествія въ Антіохію. Она услаждалась его бесѣдою и оказала уваженіе къ его особѣ. Чѣмъ болѣе Вѣра выходила изъ первоначальной неизвѣстности, тѣмъ болѣе распространяла свое владычество. Сравненіе облегчало сужденіе и о небесномъ ученіи, которымъ она напоевала, о истинномъ Богѣ и о превосходной нравственности, которую она предписывала исполнять людямъ.

ПРЕЕМНИКИ АЛЕКСАНДРА СЕВЕРА до АВРЕЛІАНА.

Ужасное состояніе имперіи въ теченіи 50 лѣтъ.

По смерти Александра Севера, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, полагаютъ болѣе пятидесяти Цесарей, кои съ симъ титуломъ законнымъ, или похищеннымъ, для того только выступали на позорище, чтобъ спорить между собою о имперіи. Ихъ провозглашали и убивали воины, и они служили игралищемъ неистовства и случая. Римская имперія, по замѣчанію Монтескіе, была тогда »родъ неправильной »республики, подобной во всемъ почти »Алжирской аристократіи, гдѣ войско, облада»я верховною властію, опредѣляетъ и

«опрѣшаетъ правителя, называемаго Деемъ. «И можетъ быть правило сіе довольно общее, «что воинское правленіе есть, по нѣкото-«рымъ отношеніямъ, болѣе республиканское, «нежели монархическое.» Правленіе, учрежденное Августомъ, основано было на власти меча, почему оно и долженствовало подвергнуться сей перемѣнѣ, коль скоро развращенные воины узнали, что они были обладателями имперіи. Постараемся вездѣ вникать въ начала великихъ переворотовъ.

МАКСИМИНЪ, провозглашенный войсками Императоромъ, признанный, хотя и противъ воли, Сенатомъ, вступилъ на престолъ съ тѣмъ же природнымъ своимъ звѣрствомъ, которое, при взорѣ на памятники своего рожденія, еще болѣе отъ неудовольствія раздражалось. Жестокость и хищничество Максимина, не щадившее и самыхъ капищъ, тотчасъ произвели возмущенія. Нѣкоторыя войска провозгласили другаго Императора, по имени Квартина, котораго одинъ измѣнникъ умертвилъ по истеченіи шести дней. Побѣды надъ Германцами, Даками и Сарматами увеличили безчеловѣчіе. Вельможъ убивали, чернь попирали безъ жалости. 235. Жестокость Максимина производитъ возмущенія.

Наконецъ Африка бунтуетъ. ГОРДІАНЪ, Проконсулъ сей провинціи, старецъ почтенный, богатый и щедрый, ученый и добродѣтельный, достойный престола Траяна, родственника по матери, противъ воли своей соглашается на избраніе мя- Два Гордіана.

тежниковъ. Они поставляютъ его Императоромъ и пріобщаютъ сына ему въ товарищи. Сенатъ въ Римѣ подтверждаетъ избраніе; объявляетъ Максимина врагомъ государства: но правитель Нумидіи, врагъ Гордіановъ, идетъ противъ нихъ. Сынъ палъ на сраженіи; отецъ самъ себя убилъ изъ отчаянія.

233. Умерщвленіе Максимина.

Сенатъ назначаетъ имъ двухъ преемниковъ, МАКСИМА и БАЛЬБИНА, къ которымъ народъ присоединяетъ ГОРДІАНА III, въ званіи Цесаря. Сей юный Князь имѣлъ не болѣе тринадцати лѣтъ. Максиминъ, дышущій мщеніемъ, возвращается поспѣшно съ береговъ Дуная. Аквилея запираетъ ему вороша. Между тѣмъ какъ онъ осаждалъ сей городъ, Преторіанцы, терпѣвшіе недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, его убили вмѣстѣ и съ сыномъ. Его вообще называли Бузаридомъ или Циклопомъ; и сіи ненавистныя имена еще не выражали всей ненависти, возбуждаемой его жестокостію.

Максиминъ и Балбинъ также убиты.

Правосудное правленіе начало разсѣвать народныя бѣдствія. Преторіанцы тотчасъ сдѣлали сіи надежды тщетными. Они, взирая съ негодованіемъ на Императоровъ, не ими поставленныхъ, а съ своей стороны опасаясь достойнаго наказанія, бросились во дворецъ, когда народъ собрался на игры; схватили Максима и Бальбина, потащили по улицамъ, ругались надъ ними и били; наконецъ съ крайнимъ неистовствомъ умер-

явили. Сими только подвигами отличались тѣлохранители Императоровъ, или лучше обладатели имперіи.

Чтобъ избѣгнуть наказанія, Преторіанцы уводятъ въ станъ свой молодаго Гордіана, Государя любезнаго, котораго Сенатъ и народъ съ радостію признали. Евнухи, корыстолюбивые придворные, управлявшіе сначала его именемъ, навлекли бы на него ненависть своими несправедливостями, ежели бы онъ не избралъ себѣ въ правители искуснаго и добродѣтельнаго Мизиѳея, человѣка просвѣщеннаго, который дарованія свои употреблялъ на соблюденіе общественнаго блага. Императоръ женился на дочери его и сдѣлалъ его Преторіанскимъ Префектомъ. Возгорѣлась война на Востокѣ. Сапоръ, преемникъ Артаксерксовъ, наслѣдникъ его великихъ намѣреній и власти, нападаетъ на Месопотамію. Гордіанъ идетъ противъ него, отражаетъ, береть обратно Низибу, столицу сей страны. Но кровавый поносъ похищаетъ у него виновника успѣховъ, Мизиѳея; и Гордіанъ опредѣляетъ на его мѣсто ФИЛИППА, вѣроломнаго и честолюбиваго Аравлянина, человѣка низкаго происхожденія, который, подобно Максимину, почиталъ за ничто ужасное преступленіе для своего возвышенія.

Мизиѳей въ царствованіе Гордіана III управляетъ премудро.

Сапоръ отраженъ.

Мазиѳей умираетъ.

Новый Преторіанскій Префектъ безъ всякаго зазрѣнія строитъ сѣти своему благодѣтелю. Онъ для возбужденія войскъ къ

244. Филиппъ, Прето-

ріанскій Префектъ, похищаетъ имперію.

бунту производитъ недостатокъ въ свѣжихъ припасахъ. Обвиняетъ въ томъ Государя; говоритъ, что онъ неспособенъ къ правленію; такъ успѣшно возмущаетъ умы, что заставляетъ Гордіана принять его къ себѣ въ товарищи и опекуны. Филиппъ заключаетъ свое вѣроломство убійствомъ Гордіана, тайно учиненнымъ, и оказываетъ потомъ притворное уваженіе къ его памяти.

Декій Императоръ. Филиппъ убитъ.

За однимъ злодѣйствомъ всегда слѣдовало другое. Едва Филиппъ, по заключеніи мира съ Сапоромъ, возвратился въ Римъ, едва успѣлъ представить себя спокойнымъ владѣтелемъ, какъ войско Сирійское и Мизійское уже и назначаетъ двухъ Императоровъ, Готапіана и Марина. Оба они погибаютъ. Легіоны Паннонскіе и Мизійскіе провозглашаютъ ДЕКІЯ, который въ то же время отправляется въ походъ для нападенія на своего соперника. Филиппъ убитъ и съ сыномъ своимъ на сраженіи близъ Вероны. Церковные писатели предполагаютъ, что онъ былъ Христіянинъ.

Противуестественныя любодѣйства запрещены.

Весьма не важно для вѣры доказывать сіе сомнительное дѣло; важнѣе для нравовъ замѣтить здѣсь, что Филиппъ запретилъ противныя естеству распутства. Они были столь явны и столь обыкновенны въ Римѣ, что Александръ не смѣлъ ихъ и запретить. Платили пошлину въ казну за право на сіе гнусное любодѣйство.

249. Декій славенъ гоненіемъ, которому во

время его царствованія подверглась Церковь. Христіяне представили его жестокимъ Государемъ; язычники Императоромъ, достойнымъ всѣхъ похвалъ. Вторженіе Готѳовъ, народа, о которомъ мы часто будемъ говорить, (*) заставило Декія приняться за оружіе. Прискъ, котораго почитаютъ братомъ Императору, присоединился къ симъ варварамъ, и, желая похитить имперію, лишился жизни. ГАЛЛЪ, для удовлетворенія того же честолюбія, привелъ Декія на засаду, гдѣ Государь сей и былъ убитъ Готѳами, по двухлѣтнемъ царствованіи. Его намѣреніе возобновить цензорство въ лицѣ Валеріана достойно было бы великихъ похвалъ, ежели бы исправленіе народныхъ нравовъ было не пустымъ призракомъ среди толикихъ бурь и безпорядковъ.

Готѳы переходятъ Дунай.

Возмущеніе противъ Декія.

Галлъ также убитъ былъ воинами на сраженіи противъ ЭМИЛІАНА, споривша-го съ нимъ о престолѣ. Эмиліанъ погибъ такимъ же образомъ, и мудрый ВАЛЕРІАНЪ заступилъ его мѣсто. Валеріанъ, до сего времени весьма почтенный, честный человѣкъ, добрый правитель, сдѣлался слабымъ Императоромъ. Варвары нападали со всѣхъ сторонъ на провинціи, и междоусобныя войны, походы войскъ, замѣшательства, происшекающія отъ новыхъ Государей,

Междоусобныя войны.

Вторженіе варваровъ.

(*) Я дамъ понятіе о Готѳахъ и другихъ завоевателяхъ изъ варваровъ, когда набѣги ихъ будутъ значительнѣе по своимъ послѣдствіямъ, и когда они будутъ въ состояніи поселиться въ имперіи.

весьма благопріятствовали ихъ предпріятіямъ. Валеріанъ, посредствомъ своихъ полководцевъ, одержалъ надъ ними нѣсколько побѣдъ въ Галліи и Иллиріи; но многочисленныя толпы Скиѳовъ опустошали Малую Азію, взяли Трапизондъ, Халкидонъ, Никею, Никомидію. Въ то же время Саноръ началъ производить завоеванія и разграбилъ даже Антіохію. Императоръ, пришедши въ страну сію и проигравши сраженіе, потребовалъ мира. Онъ самъ, безъ всякой осторожности, отправился въ видѣ посланника къ Сапору; его задержали, и поступали съ нимъ, какъ съ подлымъ невольникомъ, до самой смерти, во время почти трехлѣтняго плѣна.

260. Валеріанъ плѣнникъ Сапоровъ.

Отличный поступокъ Валеріановъ въ разсужденіи Авреліана.

Благородство чувствованій Валеріана можно усмотрѣть изъ одного его поступка, который тѣмъ болѣе достоинъ замѣчанія, что давно уже мы не видимъ почти ни одного знака добродѣтели. Валеріанъ опредѣлилъ Консуломъ Авреліана, знаменитаго полководца, но человѣка бѣднаго, который не въ состояніи былъ давать игры и удовлетворять всѣмъ обыкновеніямъ собственнымъ имуществомъ. Императоръ повелѣлъ, чтобъ за всѣ издержки отвѣчала казна. Онъ написалъ приказаніе въ слѣдующихъ словахъ: *мы опредѣлили въ Консулы Авреліана. Убожество его, которымъ онъ великъ болѣе всякаго другаго, не позволяетъ ему переносить издержекъ: почему выдавайте ему*, и проч. Вотъ слова удивительныя,

но весьма слабыя противъ развращенныхъ нравовъ.

ГАЛЛІЕНЪ, сынъ Валеріановъ, бывъ уже Августъ, не только не плѣнялся славою отмстить за своего отца и извлечь его изъ темницы, но предался совершенно забавамъ и распутству; между тѣмъ какъ ужасныя бѣдствія: зараза, голодъ, война, мятежи, презрѣніе законовъ истребляли совершенно порядокъ въ имперіи. Происшествія сего царствованія суть непонятное смѣшеніе, которое и пояснять было бы безполезно. Они состоятъ въ опустошеніяхъ варваровъ, въ возмущеніяхъ войскъ и проч. Въ царствованіе Галліена, сына его; вездѣ бѣдствія и возмущенія.

Вдругъ нѣсколько возмутителей присвояютъ себѣ титулъ Императоровъ; большая часть изъ нихъ заслуженные чиновники, изъ коихъ нѣкоторые противъ воли своей приняли титулъ сей, болѣе пагубный, нежели блистательный. Число ихъ умножили до 30, по подобію 30 Аѳинскихъ тирановъ, впрочемъ несправедливо. Благоразумные критики полагаютъ только 18 или 19. Между ними должно отличить ПОСТУМІЯ, которой царствовалъ 7 лѣтъ въ Галліи со всѣми качествами великаго Государя. Онъ отразилъ Германцовъ, и былъ убитъ, по обыкновенію, воинами. Многіе провозглашены Императорами. Постумій.

Но знаменитѣе сего былъ ОДЕНАТЪ, Государь Пальмирскій, или начальникъ одного поколѣнія Сарацынскаго. Сей Герой, за привязанность къ Императору презираемый Сапоромъ, непрестанно поражалъ Пер- Оденатъ и Зиновія.

совъ, простеръ даже ужасъ въ Ассирію до Ктезифоны, ихъ столицы. Галліенъ провозгласилъ его Августомъ; почести сего названія Оденатъ раздѣлилъ съ знаменитою Зиновіею, своею супругою. Онъ погибъ нещастно отъ домашнихъ непріятелей. Зиновія заступила его мѣсто, подъ именемъ Царицы Востока; она присвоила всѣ знаки Императорскаго достоинства, имѣла всю власть, съ онымъ соединенную, хотя и не признана была Императоромъ Галліеномъ.

268. Галліенъ убитъ. Галліенъ едва отправился въ Иллирію для удержанія варваровъ отъ набѣговъ, какъ одинъ Данъ, по имени Аврелій, человѣкъ подлый и дерзкій, провзгласилъ себя Императоромъ въ Италіи и принудилъ его возвратиться. Марціанъ и Клавдій, два храбрые полководца, которымъ Галліенъ поручилъ послѣ себя начальство, отразили Готѳовъ или Скиѳовъ; (ибо имъ и то и другое названіе даютъ безъ различія). Потомъ они, соединившись съ Галліеномъ, учинили противъ него заговоръ и велѣли умертвить его. Пороки и распутства привели Галліена въ такую ненависть, что, когда убійцы вздумали присоединить его къ числу боговъ, народъ единогласно началъ проклинать его. Императоръ въ упоеніи страстей своихъ былъ ко всему нечувствителенъ. Онъ, узнавъ о возмущеніи Египта, сказалъ хладнокровно: *ну, развѣ не можемъ мы жить безъ льну Египетскаго?* а увѣдомившись о потерѣ Галлій отвѣчалъ:

ужели отъ того погибла республика, что у насъ не будетъ тканей Арраскихъ? Онъ вмѣшивался въ стихотворство, въ науки, въ садоводство, въ поваренное искусство; кажется, пренебрегалъ только дѣла, относящіяся до правленія.

Онъ оставилъ Сенаторовъ при однѣхъ статскихъ должностяхъ.

Сенатъ особенно не простилъ Галліену того, что онъ запретилъ Сенаторамъ поступать въ военачальники: безпримѣрное установленіе. Впрочемъ они пріобыкли предпочитать мирныя должности правительства опасностямъ, неразлучнымъ съ оружіемъ. Такимъ образомъ началось различіе между статскимъ и военнымъ званіемъ. Причиною сей перемѣны былъ страхъ, чтобъ Сенаторы съ лишкомъ не усилились въ войскахъ; впрочемъ бродяги, разбойники, варвары ежедневно дѣлались Императорами.

Клавдій царствуетъ со славою.

КЛАВДІЙ употребленіемъ самодержавной власти показалъ себя достойнымъ престола. Можно бы было сравнить его съ Траяномъ, ежели бы царствованіе его не было такъ кратковременно. Авреолъ держался въ Медіоланѣ; онъ предложилъ мирныя условія; Клавдій отвергъ оныя съ презрѣніемъ, какъ достойныя одобренія одного только Галліена. Тогда Аврелій вступилъ въ сраженіе, на которомъ и погибъ. Тетрикъ обладалъ Галліею, Испаніею, Великобританіею. Ужасное нашествіе Готѳовъ воспрепятствовало Императору обратить противъ него оружіе. *Война съ Тетриномъ,*

Нашествіе Готѳовъ въ Европу.

сказалъ онъ благородно, *моя; война же съ Готѳами есть война государственная.* Сіи варвары, числомъ болѣе трехъ сотъ тысячъ, по тщетномъ покушеніи на Азію, переправились чрезъ Геллеспонтъ и приступили къ осадѣ Ѳессалоника. По мнѣнію Зонара, одно отдѣленіе ихъ войскъ овладѣло Аѳинами. Они хотѣли сжечь тамъ всѣ книги. Одинъ изъ сихъ варваровъ отклонилъ ихъ отъ того совѣтомъ, можетъ быть, болѣе справедливымъ, нежели какъ думаютъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно назвать его и ложнымъ, то есть, онъ сказалъ, что Греки, занявшись чтеніемъ, не радѣли о войнѣ, и ихъ удобнѣе было побѣждать. Клавдій приходитъ; Готѳы удаляются отъ Ѳессалоникъ. Онъ идетъ за ними къ Дунаю, догоняетъ ихъ, истребляетъ. Не много бывало побѣдъ сей достопамятнѣе. Заразительная болѣзнь, отъ которой побѣдитель умеръ въ Сирміумѣ, на третьемъ году своего царствованія, лишила имперію великаго Государя; но онъ, можетъ быть, подвергся бы общей участи ширановъ.

Они уступаютъ книги Аѳинянамъ.

Клавдій разбиваетъ ихъ и умираетъ.

АВРЕЛІАНЪ.

По смерти Клавдія воцарился Авреліанъ, сынъ Паннонскаго поселянина, который давно уже достигъ почестей консульства и способенъ былъ, особливо по воинскимъ дарованіямъ, заступить мѣсто великаго Государя. Онъ тотчасъ освободился отъ Квинтилла, брата Клавдіева, котораго войска провозгласили Императоромъ. Варвары, враги гораздо ужаснѣйшіе, не смотря на ихъ пораженіе, вступили въ великомъ множествѣ въ Италію и разбили Авреліана близъ Піаченцы. Онъ скоро отмстилъ имъ тремя побѣдами, коихъ послѣдствіемъ былъ миръ. Римъ трепеталъ. Императоръ вознамѣрился возобновить стѣны онаго и укрѣпить его. Онъ распространилъ окружность его на 50 миль; работу сію окончилъ Пробъ. Война съ Зиновіею отозвала Авреліана на Востокъ. 270. Авреліанъ въ войнѣ съ варварами.

Сія честолюбивая героиня, тонкая въ политикѣ, цѣломудренная, просвѣщенная, ученица знаменитаго Лонгина, учинила нападеніе на Египетъ и покорила подъ свое владѣніе Каппадокію и даже Виѳинію, отъкуда не трудно уже былъ переходъ въ Европу. Она простирала виды свои на Римскую имперію: мужество ея не уступало честолюбію. Но превосходство въ войнѣ Европейцовъ надъ Азіатцами долженство- 272. Зиновія его презираетъ. Она побѣждена и взята въ плѣнъ.

вало со временемъ быть для нее пагубнымъ. Авреліанъ выгоняетъ ее изъ Антіохіи, разбиваетъ ея войско при Эмесѣ, преслѣдуетъ и осаждаетъ въ городѣ Пальмирѣ, укрѣпленномъ и великолѣпномъ, снабденномъ весьма довольно свѣстными припасами. Императоръ посылаетъ къ Зиновіи повелительное письмо, и получаетъ отвѣтъ высокомѣрный. По долговременной осадѣ, когда недостатокъ въ свѣстныхъ припасахъ началъ угрожать крайними бѣдствіями, Зиновія бѣжала изъ города для испрошенія помощи у Персовъ. Ее схватили на берегахъ Эвфрата, привели къ Авреліану. Императоръ упрекаетъ ее грозно въ дерзкомъ оскорбленіи Римскихъ Государей. Она отвѣчаетъ: *я тебя признаю Императоромъ, потому что ты умѣешь побѣждать; Галліенъ и ему подобные мнѣ казались недостойными сего имени.*

Смерть Лонгина.

Побѣдитель даровалъ ей жизнь; но приказалъ умертвить Лонгина, какъ сочинителя Зиновіина къ нему отвѣта. Потомство всегда будетъ порицать сего Государя за пролитіе крови ученаго человѣка, которому и нынѣ еще удивляются, читая его сочиненіе о *Высокомъ*. Когда Авреліанъ переправился уже за Босфоръ, Пальмира взбунтовалась. Онъ тою же дорогою возвратился и предалъ городъ сей на расхищеніе.

Вся имперія покорилась.

Тетрикъ еще царствовалъ въ Галліи, но среди непрестанныхъ возмущеній, которыя заставили его сожалѣть о частномъ состо-

яніи; онъ бросился, такъ сказать, въ объ- лась Авреліану.
ятія Авреліана съ самаго начала сраженія близъ Шалона на Марнѣ. Тогда имперія перестала раздробляться на части. Императоръ при торжествѣ своемъ показалъ необыкновенное великолѣпіе. Зиновія и Тетрикъ послужили украшеніемъ онаго съ прочими плѣнными. И съ тѣмъ и съ другою поступали потомъ кротко. Зиновія жила, какъ знатная Римская госпожа; Тетрикъ былъ полководцемъ въ Италіи. *Гораздо лучше*, сказалъ ему Авреліанъ, *управлять округомъ Италіи, чѣмъ царствовать за Альпами.* Дѣла перемѣнились, а съ ними и мнѣніе. Его торжество.

Императоръ послѣ толикихъ успѣховъ, столь блистательныхъ и быстрыхъ, казалось, забылъ прежнюю свою скромность. Онъ отказывалъ женѣ своей въ шелковомъ платьѣ, говоря, что стыдно бы ему было покупать ткань за множество золота; ибо шелкъ былъ еще весьма дорогъ. Но самъ началъ носить златотканныя одежды, унизанныя камнями; носилъ такую діадиму, какой ни одинъ Императоръ не смѣлъ ввести въ употребленіе. На медаляхъ его находятъ слова: *Господь Богъ.* Онъ теряетъ свою скромность.

Сколько Авреліанъ ни былъ строгъ, впрочемъ постарался привлекать къ себѣ народъ щедростями. Вмѣсто обыкновенной раздачи жита, онъ учредилъ выдавать хлѣбъ и одежду; онъ прибавилъ бы къ сему и вино, ежели бы нѣкто не представилъ Щедрости для привлеченія народа.

ему съ намѣреніемъ, что осталось только снабдить народъ птицами. Корысть и честолюбіе съ давнихъ временъ ввели въ употребленіе сію опасную щедрость, отъ которой народъ дѣлался жаднымъ, лѣнивымъ и наглымъ. Доброе правительство заставляетъ бѣдныхъ трудиться, а не даетъ средствъ погружаться въ лѣность. Авреліанъ говаривалъ: *нѣтъ ничего забавнѣе, какъ народъ исправно поѣвшій.* Но сей же самый народъ приходилъ въ неистовство, когда не удовлетворяли его прихотямъ. Народъ хотѣлъ жить на щетъ государства, не доставляя ни малой пользы государству; и сіе служило неизсякаемымъ источникомъ безпорядковъ.

Зло, изъ многопростекающее.

Авреліанъ, лаская такимъ образомъ народъ, не забывалъ и правленія. Онъ наблюдалъ порядокъ и правосудіе; вооружался противъ порока; не щадилъ тѣхъ жестокихъ людей, кои, подъ видомъ ревности къ правамъ казны, грабятъ гражданъ; онъ хотѣлъ, чтобъ собственные его невольники судились въ общихъ судилищахъ; издавалъ мудрыя узаконенія противъ злоупотребленій. Упрекаютъ его въ чрезмѣрной строгости; но когда разсмотришь его поступки и кротость ко врагамъ, то упрекъ сей покажется не столько слѣдствіемъ дѣйствительной жестокости, сколько своевольства его вѣка.

Впрочемъ правленіе доброе.

Во время втораго путешествія въ Галлію Авреліанъ основалъ Дижонъ (Divionum) и

Орлеанъ и Ди-

поправилъ старинный городъ Генабумъ, назвавъ его своимъ именемъ Авреліанумъ (Орлеанъ). Онъ благоразумно поступилъ, что оставилъ Дакію, завоеванную Траяномъ и находящуюся за Дунаемъ. Перевезъ жителей въ Мизію, и Дунай сдѣлался границею имперіи. Императоръ намѣревался отмстить Персамъ за обиды, причиненныя Сапоромъ. Уже онъ прибылъ во Ѳракію, хотѣлъ переправляться чрезъ Восфоръ. Мнесѳій, одинъ изъ секретарей, пришедшій у Авреліана въ подозрѣніе, для избѣжанія наказанія составилъ заговоръ. Императоръ былъ умерщвленъ. Ему воздвигли храмъ на томъ же самомъ мѣстѣ.

женъ посрсены Авреліаномъ.

275. Онъ убитъ.

ТАЦИТЪ, ПРОБЪ и проч. до ДІОКЛИТІАНА.

Мужество ли и побѣды Авреліана произвели ужасъ въ честолюбцахъ; войско ли научилось въ его царствованіе содержать себя въ должныхъ предѣлахъ; или уже никто изъ искателей имперіи не могъ заслужить его одобренія, что воины, какъ бы чудо какое съ ними случилось, предоставили Сенату избраніе Императора. Сенатъ, безъ сомнѣнія по робости своей, поручилъ выборъ войску. Трижды въ разсужденіи сего пересылались. Между тѣмъ протекло болѣе шести мѣсяцевъ, и никто не похитилъ верховной власти. Наконецъ Сенатъ избралъ Тацита, одного изъ своихъ членовъ, старца добродѣтельнаго, который

Войско и Сенатъ ссылаются другъ на друга въ разсужденіи избранія Императора.

противъ воли своей согласился заступить столь опасное мѣсто.

Тацитъ царствуетъ, какъ Государь добродѣтельный.

Первымъ стараніемъ Тацита было возстановить древнее величіе сего знаменитаго собранія. Онъ предоставилъ Сенату право принимать пословъ, подтверждать законы, опредѣлять Проконсуловъ, полагать верховное рѣшеніе дѣламъ; онъ почиталъ его полновластнымъ въ разсужденіи мира и войны. Сенатъ думалъ, что перемѣна сія будетъ продолжительна: какъ общества, такъ и частные люди съ пріятностію питаются обманчивыми надеждами! Тацитъ, потребовалъ консульства для своего брата и получилъ отказъ отъ Сенаторовъ. Онъ не только на сіе не жаловался, но и съ видомъ довольнымъ сказалъ: *они знаютъ того Государя, котораго сами избирали.*

Его уваженіе къ историку Тациту и добрымъ Императорамъ.

Императоръ приказалъ, чтобъ во всѣхъ библіотекахъ были сочиненія великаго историка его имени, котораго родственникомъ называться за честь себѣ поставлялъ. Сей поступокъ означалъ не тщеславіе, но ревность добраго Государя; ибо ничто столько не внушаетъ ужаса къ пороку и тираніи, какъ сіи творенія. Тацитъ воздвигъ храмъ обоготвореннымъ Императорамъ, въ которомъ должно было воздавать почтеніе памяти Государей, истинно достойныхъ уваженія. Одинъ остякъ довольно справедливо сказалъ, что всѣ ихъ имена можно вырѣзать на вставкѣ перстня.

Во время междуцарствія Скиѳы напали

на Азію. Императоръ самъ пошелъ для по- 276.
раженія ихъ и разсѣялъ. Къ нещастію, онъ Онъ у-
оставилъ вмѣсто себя одного недостойнаго бить.
родственника, который и былъ убитъ за свои насилія. Убійцы, для избѣжанія казни, посягнули на новое и люшѣйшее злодѣяніе: они убили самаго Тацита, невзирая на его добродѣтели. По мнѣнію же нѣкоторыхъ историковъ, онъ, отъ скорби и утомленія впавши въ болѣзнь, умеръ.

Скоро дознали на опытъ, что уваженіе, Пробъ,
оказанное войсками Сенату по смерши Авре- преем-
ліана, было слѣдствіемъ обстоятельствъ, никъ
а не дѣйствительной скромности. Два вой- его, до-
ска опредѣлили двухъ Императоровъ: стоинъ
ФЛОРІАНА, брата Тацитова, и ПРОБА, престо-
человѣка съ рѣдкими качествами, уроженца ла.
Паннонскаго, происшедшаго отъ низкаго поколѣнія, но достойнаго быть преемникомъ Траяновъ. *Подумайте обстоятельнѣе о семъ*, сказалъ онъ воинамъ, *вы будете не довольны своимъ выборомъ; я не умѣю льстить вамъ.* Воины не посмотрѣли на его представленія. Скоро войска Флоріановы, раскаявшись въ томъ, что они предпочли его сему великому человѣку, убили своего Императора и покорились достойному ихъ преданности.

Тогда Пробъ пишетъ почтительно Се- Сенатъ
нату, представляетъ ему состояніе дѣлъ въ ува-
и присовокупляетъ: «вамъ должно судить, женіи.
«достоинъ ли я имперіи; я прошу васъ
«располагать всемъ тѣмъ, что вы разсу-

«дите за приличное.» Когда Сенатъ безъ всякаго затрудненія одобрилъ избраніе, Пробъ поступилъ съ нимъ подобно Тациту: онъ предоставилъ Сенату полную власть по части гражданской, а себя ограничилъ одною почти властію воинскою.

Германцы выгнаны изъ Галліи.

По смерти Авреліана, Варвары, вышедшіе изъ Германіи, Франки, Бургунды, Вандалы, производили въ Галліи убійства и опустошенія. Императоръ выгналъ ихъ отсюда и предписалъ имъ самыя тяжкія условія. Онъ потребовалъ заложниковъ и дани; отнялъ у нихъ весь скотъ; взялъ себѣ 16,000 человѣкъ изъ ихъ юношей и постарался размѣстить ихъ по различнымъ полкамъ и въ различныхъ провинціяхъ. Употреблять въ свою пользу варваровъ такъ, *чтобъ только то чувствительно было, а непримѣтно*, вотъ въ чемъ состояла его политика. Но сіе же самое послужило и средствомъ варварамъ научиться воинскому искусству. Императоръ истребилъ здѣсь, сказываютъ, 400,000 варваровъ, и за каждую голову чиновника было плачено по золотой монетѣ. Ежели Пробъ имѣлъ нужду въ семъ средствѣ для сохраненія Галліи, то что будетъ съ нею при другомъ Государѣ?

Нелѣпость Зосимы.

Замѣтимъ мимоходомъ нелѣпость Зосимы, Греческаго историка, современнаго Ѳеодосію. По мнѣнію его, когда Римляне начали имѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, низпалъ на нихъ изъ облака хлѣбъ вмѣстѣ съ водою, отъ чего они и со-

брали довольно припасовъ. Чѣмъ болѣе удаляются отъ вѣковъ основательной учености, тѣмъ болѣе Исторія обезображиваетсѧ баснями.

Пробъ то въ Европѣ, то въ Азіи непрестанно занимался укрощеніемъ варваровъ, или пресѣченіемъ мятежей. Три или четыре похитителя погибли въ своихъ предпріятіяхъ. Тишина вездѣ возстановлена. Воины употреблялись въ мирное время на полезныя работы. Но бунтливый ихъ духъ не укротился. Когда Государь приказалъ имъ рыть каналъ для осушенія болотъ близъ Сирміума, его отечества, они умертвили его во время возмущенія. Ему обязаны Франція, Испанія и Венгрія своими виноградными садами. Домитіанъ запретилъ разводить ихъ; Пробъ позволилъ сіе симъ тремъ народамъ; онъ даже занималъ тѣмъ свои легіоны для доставленія имъ выгоды. Природа, кажетсѧ, иногда ожидаетъ только добраго закона для произведенія своихъ сокровищъ. 282 Пробъ погибъ во время возмущенія. Разведеніе виноградныхъ садовъ.

Во время сего царствованія я замѣчаю странное происшествіе, которое доказываетъ, къ чему Франки были способны по своей дерзости и любви къ свободѣ. Нѣсколько ихъ поселили въ Понтѣ, безъ сомнѣнія въ наказаніе за возмущеніе. Они, рѣшившись убѣжать изъ сей ссылки и захвативши нѣсколько кораблей, переправились изъ Восфора въ Эгейское море, опустошили берега Азіи и Греціи, разграбили потомъ Сиракузы, пробрались въ Кадикской Дерзость Франковъ.

проливъ, вступили въ Океянъ, обошли Испанію, проплыли около береговъ Галліи, пришли къ устью Рейна и возвратились въ страну свою. Сего ожидать можно только отъ людей опытныхъ въ мореплаваніи и пріобыкшихъ презирать всѣ опасности.

Карлъ царствуетъ мало времени.

По смерти Проба, войско вручило имперію КАРУ, уроженцу Карбонскому, Преторіанскому Префекту. Онъ написалъ Сенату: «Вы должны восхищаться тѣмъ, «что сдѣлали Императоромъ члена вашего «сословія и гражданина вашего города: мы «постараемся показать себя достойнѣе ва«шего уваженія, нежели иностранцы.» Въ самомъ дѣлѣ, Клавдій, Авреліанъ и Пробъ, бывъ Иллирійцы или Паннонцы, не почитались Римлянами. Ихъ услуги должны быть тѣмъ величественнѣе, и трудно бы было для Кара оказать равныя. Ему недостало времени. Онъ, разбивъ Сармановъ и поразивъ Персовъ, умеръ въ своей палаткѣ, бывъ или пораженъ молніею, какъ пронесся слухъ, или убитъ Апромъ, преторіанскимъ Префектомъ, какъ заключаютъ съ правдоподобіемъ.

284. Діоклитіанъ достигаетъ престола.

Два сына Каровы, КАРИНЪ и НУМЕРІАНЪ, коихъ отецъ наименовалъ Августами, безъ всякаго избранія заступили престолъ его. Послѣдній тотчасъ погибъ, и Апра начали подозрѣвать въ новомъ убійствѣ. ДІОКЛИТІАНЪ, по избраніи въ Императоры, обвинилъ его и убилъ собственною

рукою въ присутствіи войска. Говорятъ, будто бы одна Друидская жрица предсказала Діоклитіану, что онъ получитъ имперію, когда убьетъ кабана. Онъ вздумалъ оправдать сіе пророчество, по причинѣ значенія Латинскаго слова aper. Ужасные пороки Кариновы были ему полезны, а не сіе смѣшное пророчество. Каринъ вступилъ съ нимъ въ сраженіе въ Верхней Мизіи, и одержалъ бы совершенную надъ нимъ побѣду, ежели бы чиновники, у коихъ онъ поругалъ женъ, не употребили сего случая къ отмщенію. Они убили его. Сей Государь для того только явился въ Римѣ, чтобъ подвергнуться тамъ ненависти и презрѣнію. Смерть Кирина.

Впрочемъ онъ удивилъ великолѣпіемъ представленныхъ игръ. Государственная казна истощалась на пустыя зрѣлища и пагубную расточительность. Но какъ Карину, человѣку распутному и подлому, можно умѣрить сіи расходы, когда въ царствованіе храбраго и добродѣтельнаго Проба цирки преобращался въ лѣсъ, гдѣ вдругъ явились тысячи строфокамиловъ, оленей, кабановъ для забавы народа; гдѣ на другой день 300 медвѣдей, 200 львовъ, столько же леопардовъ было принесено въ жертву кровожадными отъ природы зрителямъ? Добрые Государи со вздохомъ подражали обыкновенію; прочіе присовокупляли къ оному новыя глупости. Зрѣлища въ Римѣ.

ДІОКЛИТІАНЪ и МАКСИМІАНЪ, КОНСТАНТІЙ-ХЛОРЪ и ГАЛЕРІЙ.

284. Какъ должно думать о Діоклитіанѣ.

Діоклитіанъ, Далматецъ, былъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, невольникъ, а потомъ отпущенникъ одного Сенатора. Онъ достоинствами своими снискалъ себѣ щастіе. При Нумеріанѣ онъ предводительствовалъ войскомъ въ званіи предводителя тѣлохранителей, называемыхъ *домашними* (comes domesticorum), кои составляли внутреннюю стражу дома Императорскаго. Преторіанцы непрестанными возмущеніями сдѣлались столь ужасны, что они служили только въ войскахъ или составляли только внѣшнюю дворца стражу. Діоклитіанъ, сверхъ воинскихъ способностей, имѣлъ великій умъ, искусство въ политикѣ и добродѣтели. Дѣла его покажутъ, не по пристрастію ли церковные писатели упрекали его въ жестокости, и столько ли они были справедливы, сколько ревностны въ своихъ противъ него обвиненіяхъ. Съ самаго начала своего царствованія онъ показалъ величайшій опытъ скромности: послѣ междоусобной войны, оставшись побѣдителемъ и полновластнымъ правителемъ, не лишилъ ни жизни, ни имѣнія, ни достоинствъ ни одного изъ приверженцевъ его соперника.

Его скромность.

286. Онъ принимаетъ въ това р и щ и

Какъ враги со всѣхъ сторонъ нападали на имперію и тѣснили ее на Востокѣ и Западѣ, то Діоклитіанъ для защищенія ея возымѣлъ нужду въ подпорѣ. Онъ принялъ

себѣ въ товарищи Максиміана, сына одного поселянина Паннонскаго, человѣка грубаго и свирѣпаго, но великаго полководца. Таковый товарищъ ни мало не былъ ему страшенъ: онъ умѣлъ по своему благоразумію управлять имъ и обуздывать его. Максиміанъ выгналъ изъ Галліи тѣхъ ужасныхъ Германцевъ, кои непрестанно возобновляли свои набѣги. Малаго труда стоило ему укротить тамъ бунтующихъ поселянъ, кои подъ именемъ *Багаудовъ* чинили ужасныя насилія. Діоклитіанъ не менѣе имѣлъ успѣховъ противъ Персовъ и варваровъ. Между тѣмъ какъ послѣ побѣдъ всегда раждались новыя опасности, онъ разсудилъ, чтобъ оба Императора усыновили по Цесарю и поручили имъ войско какъ для отраженія непріятелей, такъ и для укрощенія мятежниковъ. Констанпій-Хлоръ и Галерій были почтены симъ титуломъ. Первый былъ внукъ Клавдія, достойный уваженія по своимъ личнымъ качествамъ; второй Даніянинъ, низкаго происхожденія и не знающій другой добродѣтели, кромѣ храбрости. Первому достались въ удѣлъ Галлія, Испанія и Великобританія; второму Иллирія, Ѳракія, Македонія и Греція. Императоры, оставивъ имперію общею, какъ бы государство, управляемое двумя начальниками, раздѣлили между собою надзоръ надъ провинціями. Максиміанъ управлялъ Востокомъ, а Діоклитіанъ Западомъ.

Максиміана.

292. Назначаетъ еще двухъ Цесарей Констанпія-Хлора и Галерія.

Хотя сей образъ правленія и имѣлъ нѣ-

Неудобства такового правленія.

которыя выгоды въ настоящихъ обстоятельствахъ; но какихъ неудобствъ онъ не влекъ за собою? Сверхъ зависти и раздоровъ, неизбѣжныхъ между двумя равными государствами, власть ослабѣвала отъ раздѣленія. Не одна голова уже управляла тѣломъ; провинціи привыкали уже не почитать себя частями великаго цѣлаго. Сверхъ того сколько Государей, столько и дворовъ. Каждый имѣлъ своихъ чиновниковъ, кои содержались на щетъ народа. Такимъ образомъ налоги должны были умножаться, а казна истощиться. Лактанцій сказалъ по Ораторски, что болѣе было людей на жалованьѣ, нежели платящихъ подати. Ежели отнимемъ все излишество отъ сего повѣствованія, то и тогда еще останется весьма много тяжести для народа. И такъ, когда народныя бѣдствія дойдутъ до крайности, то часто и самое поправленіе опыхъ служитъ только новымъ зломъ.

Налоги умножались.

Теплицы и другія постройки Діоклитіановы.

Пышность Діоклитіана и страсть къ зданіямъ были другимъ источникомъ расходовъ. Его теплицы, коихъ остатки существуютъ еще въ Римѣ, равныя, по словамъ Амміана, своею обширностію провинціи, превосходятъ дѣйствительно величиною обыкновенные города. Никомидія, мѣсто его пребыванія, содѣлалась вторымъ Римомъ по великолѣпію зданій. Лучше бы можно было употреблять доходы на нужды имперіи.

Между тѣмъ все шло благополучно. Іуліанъ и Ахиллей, два похитителя власти,

были разбиты, первый въ Италіи, послѣдній въ Египтѣ. Правда, Діоклитіанъ отказался отъ одной обширной страны въ Египтѣ, выше Элефантины; но сіе владѣніе было болѣе тягостно, нежели полезно. Констанпій-Хлоръ покорилъ Великобританію, гдѣ Караузій, а потомъ Аллектъ, присвоили себѣ титлы Августа; отнялъ у Франковъ владѣніе Батавовъ. Наконецъ онъ возобновилъ многіе города и основалъ знаменитое Отюнское училище, которое и ввѣрилъ подъ смотрѣніе Евменію, искусному Оратору, преданному ему по своему званію. Цесарь назначилъ ему жалованья 600,000 сестерціевъ. Успѣхи, при всѣхъ злоупотребленіяхъ. Евменій въ Отюнѣ.

Съ другой стороны Нарсесъ, Царь Персидскій, внукъ Сапоровъ, былъ совершенно разбитъ Галеріемъ, котораго онъ побѣдилъ въ прошедшемъ году. (*) Нарсесъ началъ просить съ покорностію мира; онъ согласился на всѣ предписанныя ему условія. Месопотамія досталась Римлянамъ, и Тигръ служилъ у нихъ границею. Тиридатъ, Царь Арменскій, союзникъ Римлянамъ, остался во владѣніи своего государства. Сей миръ продолжался 40 лѣтъ. По мнѣнію Аврелія Виктора, царство Нарсеса удобно бы мож- 297. Сорокалѣтній миръ съ Персами.

(*) По разбитіи своемъ онъ пришелъ къ Діоклитіану въ Антіохію. Императоръ наказалъ его чувствительнымъ образомъ; онъ, одѣвши его въ порфиру, заставилъ идти пѣшкомъ за своею колесницею, потому что Галерій разбитъ былъ отъ своей оплошности. Для поправленія чести своей онъ принялъ всѣ возможныя мѣры для полученія побѣды.

но было завоевать Діоклитіану. Но какую бы отъ того получили пользу? Имперія и безъ того была уже слишкомъ пространна. Думать о приращеніи имперіи тогда, когда съ трудомъ можно защищать свои владѣнія, есть знакъ неблагоразумнаго Государя. Діоклитіанъ, сохраняя собственныя области, и доставляя имъ благополучный и продолжительный миръ, дѣлалъ нѣчто важнѣйшее, нежели всѣ завоеванія.

Христіяне начали повреждаться.

Онъ, во время 18 лѣтняго уже своего царствованія, всегда былъ щастливъ въ своихъ предпріятіяхъ, уважаемъ отъ своего товарища и двухъ Цесарей; все ему повиновалось, и строгость правленія онъ растворялъ кротостію. Діоклитіанъ не только не гналъ Христіянъ, но еще и покровительствовалъ имъ. Императрица Приска, дочь его Валерія и главные при дворѣ евнухи приняли Христіянскую Вѣру, по крайней мѣрѣ тайно. Епископы вездѣ начали оказывать власть свою, которая тѣмъ становилась важнѣе, чѣмъ болѣе она простиралась на общество отборнѣйшее и многочисленнѣйшее: въ Никомидіи даже Христіяне имѣли храмъ; уже Церковь обогащалась богоугодными подаяніями. «Но, говоритъ Евсевій, « « зависть, честолюбіе, лицемѣріе вкрались « къ намъ; мы ведемъ междоусобную войну, « ежели не оружіемъ, по крайней мѣрѣ раз- « говорами и сочиненіями: самые пастыри « предались распрямъ, ненависти другъ къ « другу, и спорили о первыхъ мѣстахъ церкви

«какъ о свѣтскомъ первенствѣ.» Сіе свидѣтельство доказываетъ, что дурные Христіяне могли привлечь бурю на Церковь; и не должны мы удивляться, видя въ самой Церковной Исторіи столько вещей оскорбительныхъ для Вѣры.

303. Указъ противъ нихъ, раздранный однимъ по ревности.

Галерій ненавидѣлъ всѣхъ Христіянъ, сколько по суевѣрію, столько по жестокости. Онъ очернилъ ихъ предъ Императоромъ, хотя и не получилъ сначала желаемаго. Собрали великій совѣтъ, гдѣ Діоклитіанъ, не смотря на общее всѣхъ согласіе, не захотѣлъ издать безчеловѣчнаго указа. Впрочемъ приказалъ сломать церкви и сожечь Священныя книги; лишить каждаго Христіянина должностей, ежели онъ занималъ какую степень въ обществѣ; или свободы, ежели онъ былъ простолюдимъ; наконецъ, не имѣть Христіянамъ ни съ кѣмъ дѣла въ судилищахъ. Одинъ Христіянинъ всенародно разорвалъ сей указъ. Его предали смертной казни. Вторымъ указомъ велѣно было правительству заключать въ темницу Епископовъ и священниковъ за воспаленіе ревности въ народѣ.

Повѣствованіе Лактанція о гоненіи.

Ежели должно вѣрить Лактанцію, Галерій, для раздраженія Императора, зажегъ дворецъ и обвинилъ Христіянъ въ зажигательствѣ. Но Константинъ, бывшій при семъ происшествіи, въ рѣчи своей, преданной намъ Евсевіемъ, приписываетъ пожаръ сей огню, сшедшему съ неба. Таковое свидѣтельство должно казаться разительнѣе

вѣ Исторіи, нежели повѣствованіе Лактанція, коего сочиненіе *о гоненіи* имѣетъ главною своею цѣлію доказать, что Богъ вѣ сей жизни наказываетъ гонителей. Мы имѣемъ здѣсь недостатокъ вѣ языческихъ историкахъ; не можемъ собрать свидѣтельствъ и повѣствованій. То только достовѣрнымъ кажется, что гоненіе Діоклитіаново (десятое всеобщее, по Церковной Исторіи) должно приписать не столько сему Государю, сколько жестокому Галерію, и слѣпой и безумной ревности правителей, или ненависти народа.

Много нашлось вѣроломъ отступниковъ.

По словамъ Евсевія, много нашлось отступниковъ; слава мучениковъ тѣмъ болѣе возблистала. Враги Вѣры не могли восторжествовать надъ нею жестокостями; ибо казни прилѣпляли къ истинѣ жаждущихъ небесныхъ наградъ. Всякій истинный Христіянинъ желалъ мученичества.

Діоклитіанъ наскучилъ Римомъ.

Діоклитіанъ, пріѣхавъ вѣ Римъ, еще вѣ первый разъ съ самаго начала своего царствованія, торжествовалъ тамъ съ своимъ товарищемъ побѣду надъ всѣми пораженными народами. Римляне ожидали великолѣпныхъ игръ, богатыхъ подарковъ, къ которымъ они слишкомъ пріучились. Они обманулись въ ращетахъ Діоклитіана. *Игры, на которыхъ присутствуетъ Цензоръ*, сказалъ онъ, *должны быть скромны*. Народъ, непріобыкшій къ таковой скромности, началъ роптать и дѣлать колкія насмѣшки. Императоръ тотчасъ отправился вѣ Де-

кабрѣ изъ столицы, для него непріятной. Суровость времени, усталость отъ пути привели его въ разслабленіе, отъ котораго онъ никогда уже не могъ освободиться совершенно. Отъ сего, безъ сомнѣнія, онъ наскучилъ своимъ состояніемъ.

305. Онъ слагаетъ съ себя достоинство вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ.

Діоклитіанъ, наскучивъ величіемъ и дѣлами, утомившись требованіями честолюбиваго Галерія, убѣждаетъ своего товарища отказаться съ нимъ вмѣстѣ отъ имперіи. Оба Императора уступаютъ верховную власть двумъ Цесарямъ, наименовавъ ихъ Августами; а для удержанія того же образа правленія опредѣляютъ двухъ новыхъ Цесарей, Максимина, племянника Галерія, и Сѣвера, изъ коихъ оба недостойны были сего званія какъ по своему происхожденію, такъ и порокамъ. Галерій содѣйствовалъ ихъ возвышенію. Максентій, сынъ Максиміановъ, и Константинъ, сынъ Констанція-Хлора, должны бы имѣть предъ ними преимущество во всѣхъ отношеніяхъ; но Галерій хотѣлъ такихъ Цесарей, коими бы могъ онъ управлять: честолюбіе дѣйствовало имъ при семъ выборѣ, и Галерій пожертвовалъ оному народнымъ благомъ.

Онъ живетъ благополучно въ уединеніи.

Вотъ занимательное зрѣлище: Діоклитіанъ, по двадцатилѣтнемъ славномъ царствованіи, удалившись въ Салону, свое отечество, воздѣлываетъ садъ и радуется своему благополучію. Друзья совѣтовали ему изъ отдаленности опять вступить на престолъ. *О, ежели бы вы увидѣли,* отвѣчалъ

онъ имъ, *овощи, насаждаемые моими руками, никогда бы не напомянули мнѣ о имперіи.*

Слѣдующія слова Діоклитіановы, упоминаемыя Вописномъ, на котораго ссылается Кревьеръ, доказываютъ, какъ хорошо Императоръ зналъ опасности, соединенныя съ верховною властію, и сколь тщательно онъ старался избѣгать ихъ. »Нѣтъ ничего »труднѣе, говоритъ онъ, »какъ управлять »премудро. Соединяются четыре, или пять »человѣкъ и соглашаются обманывать Го»сударя; они управляютъ его рѣшеніями. »Государь, заключившись во дворцѣ своемъ, »не видитъ правды; онъ, по необходимо»сти что только знаетъ, что они гово»рятъ ему. Государь поручаетъ должно»сти недостойнымъ; отдаляетъ отъ дѣлъ »такихъ людей, коимъ бы надлежало ихъ »ввѣрить; наконецъ добрый Государь, Го»сударь благоразумный и добродѣтельнѣй»шій продается вѣроломцами.« Престолъ, разсматриваемый въ семъ отношеніи, можно оставить безъ всякаго сожалѣнія. Къ щастію рода человѣческаго, великіе люди умѣютъ избѣгать сѣтей ласкательства, и оказывать свою довѣренность съ разборчивостію.

Слова его въ разсужденіи трудностей правленія.

Константій-Хлоръ столько былъ правосуденъ, столько снисходителенъ и благотворителенъ, сколько Галерій честолюбивъ и жестокъ; почему общность сихъ двухъ Августовъ содѣлалась невозможною, и они раздѣлили имперію, дабы каждому изъ нихъ управлять отдѣльно своими областями.

Неравный раздѣлъ

Въ семъ раздѣлѣ не соблюли никакаго равенства: Северъ, назначеный намѣстникомъ Константію, въ званіи Цесаря, дѣйствовалъ, какъ преданный Галерію. Галерій сверхъ Азіи, Иллиріи и Ѳракіи былъ обладателемъ Италіи и Африки, участка Северова; равно какъ и Востокомъ отъ горы Амана (въ Киликіи) до предѣловъ Египта, удѣломъ Максимина. [между Констаншіемъ-Хлоромъ и Галеріемъ.]

Между тѣмъ какъ Галерій, владычествуя, утѣснялъ сіи обширныя страны, Испанія, Галлія и Великобританія наслаждались правосуднымъ правленіемъ. Констанпій для того только тамъ царствовалъ, чтобъ доставлять благополучіе подданымъ. Онъ не только не обогащался грабительствами, не только не раззорялъ подданныхъ своею роскошію; но еще занималъ посуду у друзей во время большихъ праздниковъ; употреблялъ деньги единственно для блага народнаго; имѣлъ сокровище въ однихъ сердцахъ гражданъ. Почему ему слѣдовало только подать знакъ, и каждый спѣшилъ представить все, что только было возможно. Сей великій Государь умеръ въ Іоркѣ, на возвратномъ пути изъ знаменитаго похода противъ Пиктовъ. Сынъ его Константинъ бѣжалъ изъ Никомидіи, гдѣ Діоклитіанъ держалъ его заложниковъ, а Галерій хотѣлъ держать какъ плѣнника. Онъ пріѣхалъ уже къ умирающему отцу. Констанпій объявилъ его своимъ преемникомъ; войско въ то же время провозгласило его Августомъ. Мы увидимъ славу его на престолѣ. Первый, какъ отецъ управляетъ своими подданными. Онъ умеръ въ Іоркѣ.

Константинъ, преемникъ отца своего Констанція. Писатели исторіи Августовъ. Пролинъ и Порфирій.

Во время Діоклитіана жили писатели исторіи *Августовъ*, Капитолинъ, Лампридій, Требеллій, Спартіанъ, Вопискъ, коихъ дурныя сочиненія, сдѣлавшись необходимыми по недостатку лучшихъ, тѣмъ болѣе недостаточны для общей цѣпи происшествій, что они другъ другу противорѣчатъ, и ни одинъ изъ нихъ не согласенъ почти самъ съ собою. Мы уже замѣтили, что вкусъ началъ изчезать, а за нимъ и истина.

Платоническая философія снова введена въ употребленіе Пролиномъ, который во время Галліена испросилъ позволеніе построить городокъ въ Кампаніи для показанія на опытѣ Платоновой республики. Онъ бы лучше испросилъ пустыню, удаленную отъ сообщества со всѣми другими людьми: но и тогда бы не успѣлъ въ своемъ предпріятія; ибо философы его сдѣлались бы человѣками. Порфирій, ученикъ его, славился въ Римѣ при Діоклитіанѣ. Не было врага опаснѣе для Христіянства. Константинъ, оказавъ ревность свою къ истинной вѣрѣ, приказалъ истребить то сочиненіе, въ которомъ Порфирій опровергалъ оную. Намъ извѣстны нѣкоторые только отрывки сего сочиненія, сохранившіеся въ опроверженіяхъ, кои на оное дѣлали Святые отцы.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЯГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТІЯГО ТОМА ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

Продолженіе Римской Исторіи.

СЕДЬМАЯ ЭПОХА.

Паденіе Карѳагена. Римъ утѣсняетъ иностранныя государства.

Глава 1. Война съ Филиппомъ, Царемъ Македонскимъ, и съ Антіохомъ, Царемъ Сирскимъ. - - - - - - - - Стр. 5.

Карѳагенъ въ униженіи. Торжественный въѣздъ Сципіона Африканскаго. Честолюбіе возрастаетъ въ Римѣ. Война съ Филиппомъ II, Царемъ Македонскимъ. Онъ разбитъ Фламиніемъ и сдѣлался данникомъ. Возвращена мнимая свобода Греческимъ городамъ. Этольцы и Набисъ, Царь Спартанскій, жалуются на вѣроломство Римлянъ. Антіохъ, Царь Сирскій, объявляетъ себя врагомъ Риму; но не слѣдуетъ совѣтамъ Аннибала. Благоразумная политика Римлянъ въ изысканіи пособій. Состояніе государства Сирскаго. Дурное поведеніе Антіоха. Римляне проходятъ чрезъ Ѳермопилы и поражаютъ своихъ непріятелей. Л. Сципіонъ съ братомъ своимъ Сципіономъ Африканскимъ отправляются для окончанія войны. Антіохъ разбитъ совершенно при Магнезіи въ Іоніи. Римляне предписываютъ тягостныя ему условія. Аннибалъ, гонимый ихъ ненавистію. Какимъ образомъ Римляне вознаграждаютъ Родосцевъ и Евменеса, своихъ союзниковъ. Честолюбіе управляло ихъ дѣяніями.

Глава 2. Катонъ Ценсоръ. — Война съ Персеемъ. — Несправедливость честолюбивыхъ Римлянъ. - - - - - - - 14.

Римляне начинаютъ развращаться въ Азіи. Чрезмѣрная строгость Катонова Ценсора. Его ревностное защищеніе закона Оппіева въ разсужденіи женскихъ нарядовъ. Доводы, приведенные противъ Катона его товарищемъ. Катонъ подлымъ образомъ заставляетъ обвинить Сци-

піона Африканскаго. Онъ заставляетъ обвинить несправедливо и Сципіона Азіятскаго. Преступаетъ предѣлы въ своемъ цензорствѣ. Чрезъ сіе онъ дѣлается пріятенъ народу. Открытіе распутнаго общества. Честолюбіе Рима подъ благовидною личиною. Движенія Персея, Царя Македонскаго, противъ Римлянъ. Объявляетъ ему войну. Римляне побѣжденные хотятъ предписывать законы. Павелъ Эмилій беретъ его въ плѣнъ. Македонія покорена. Благоразуміе и мужество Павла Эмилія. Греческіе философы въ Римѣ. Этольцы покоряются закону и платятъ дань. По смерти Филопомена разрушился союзъ Ахайскій. Подлый поступокъ Прузіаса въ Римѣ. Своенравный поступокъ Римлянъ въ разсужденіи Сиріи.

Глава 3. Третія Пуническая война. — Римляне разрушаютъ Карѳагенъ, Коринѳъ и Нуманшію. - - - - - - - - - 26.

Ссоры Масиниссы съ Карѳагеномъ приготовляютъ къ третіей Пунической войнѣ. Римъ объявляетъ войну Карѳагенянамъ, побѣжденнымъ Масиниссою. Ихъ обезоруживаютъ подъ видомъ мира. Имъ повелѣваютъ оставить свое отечество. Отчаяніе производитъ въ нихъ мужество. Сципіонъ Эмиліанъ. Ему поручена война въ званіи Консула. Онъ беретъ и разрушаетъ Карѳагенъ. Лелій и Полибій. Римляне неистовства войны освящаютъ вѣрою. Проклятія враговъ республики. Почему Карѳагенъ рано или поздно долженъ пасть. Паденіе его пагубно для Римлянъ. Римъ хочетъ покорить Грецію. Ахайцы берутъ оружіе и ихъ побѣждаютъ. Муммій разрушаетъ Коринѳъ. Греція обращена въ Римскую провинцію. Отличныя произведенія, перевезенныя въ Римъ, производятъ тамъ склонность и любовь къ искусствамъ. Ежели бы Римляне имѣли сію любовь прежде, то бы менѣе учинили жестокостей. Вѣроломство Римлянъ въ Испаніи въ разсужденіи Виріата. Они нарушаютъ два договора, заключенные съ Нуманшіею. Сципіонъ Эмиліанъ посланъ противъ Нуманшійцевъ. Онъ разрушаетъ Нуманшію.

Глава 4. Замѣчанія о военной силѣ, нравахъ, доходахъ и словесности Римлянъ. 37.

Ихъ переходы. Ихъ легіоны. Они всегда имѣли въ нуждѣ воиновъ. Нѣкоторое изступленіе дѣлало Римлянъ не-

любѣдимыми. Награды и наказанія воинскія. Законъ Порціевъ возвысилъ чувствованія гражданина, не ослабляя военнаго благоустройства. Чистота нравовъ умножала народоселеніе. Первый разводъ учиненъ былъ въ шестомъ вѣкѣ Рима. Брачныя условія. Многія Весталки измѣнили своему сѣту. Послѣ покоренія Македоніи граждане не платили уже подати. Рудокопни Испанскія служили добычею для полководцевъ; подати съ иностранныхъ народовъ. Грубое невѣжество Римлянъ до шестаго вѣка. Первые стихотворцы. Открывается любовь къ наукамъ. Катонъ возстаетъ противъ Риторовъ и философовъ. Между тѣмъ словесныя науки были весьма полезны. Не должно приписывать развращенія словесности. Замѣчанія о Катонѣ. Римлянинъ отличался во всякомъ родѣ.

ОСЬМАЯ ЭПОХА.

Два Гракха. Развращеніе въ республикѣ.

Глава 1. Трибунство Тиверія и Каія Гракха и проч. - - - - - - - - - 48.

Нещастное состояніе народа служитъ источникомъ распрей съ Сенатомъ. Два брата Гракхи и мать ихъ Корнелія. Предпріятіе Тиверія противъ дворянъ. Всѣ земли въ рукахъ богатыхъ. Тиверій предлагаетъ возстановить законъ Лициніевъ. Не смотря на всѣ препятствія, успѣваетъ въ своемъ дѣлѣ. Онъ возмущаетъ патриціевъ новыми предпріятіями. Насилія Сенаторовъ. Тиверій умерщвленъ съ своими друзьями. Сципіонъ Эмиліанъ, оскорбленный за одобреніе сего убійства. Его уединеніе. Смерть его. Каій Гракхъ избранъ Трибуномъ. Его ревность къ народу. Его законы для ослабленія Сената. Судопроизводство перенесено къ всадникамъ. Сенаторы, по хитрой своей политикѣ, возбуждаютъ противъ него Ливія. Консулъ Опимій приказываетъ взять оружіе. Смерть Каія. Ужасное кровопролитіе. Законы Гракховы уничтожены; Опимій оправданъ, и Сенатъ торжествуетъ. Домогались ли Греки тираніи. Смерть знаменитой Корнеліи, ихъ матери. Бунтъ невольниковъ. Поселеніе въ Галліи. Далмація покорена. Болота осушены посредствомъ каналовъ. Рѣдкій поступокъ оратора Красса.

Глава 2. Злодѣяніе Югурѳы. — Онъ подкупаетъ Сенаторовъ. — Война съ симъ Государемъ. - - - - - - - - 62.

Ужасное развращеніе въ Сенатѣ. На Югурѳу доносятъ Римлянамъ въ злодѣяніяхъ. Онъ, подкупивъ Сенаторовъ, оправдывается. Онъ продолжаетъ свои злодѣйскія предпріятія. Начало войны съ Югурѳою. Югурѳа, по выпребованіи въ Римъ, купивши миръ, покупаетъ и оправданіе въ злодѣяніи. Скавръ, который самъ былъ подкупленъ, судитъ другихъ виновныхъ и наказываетъ. Метеллъ продолжаетъ Нумидійскую войну. Югурѳа побѣжденный еще защищается. Марій, намѣстникъ Консула, человѣкъ опасный. Онъ для полученія консульства порицаетъ своего предводителя и дворянство. Его ругательныя рѣчи на дворянство. Метеллъ отозванъ въ Римъ, впрочемъ принятъ съ почтеніемъ Югурѳа преданъ Римлянамъ безчестною измѣною. Римъ еще обогатился отъ сей войны.

Глава 3. Нападеніе Кимбровъ и Тевтоновъ. — Развращенія въ республикѣ. — Союзная война. - - - - - - 70.

Нападеніе Кимвровъ и Тевтоновъ. Они должны со временемъ произвесть перемѣну. Марій для войны съ ними остался много лѣтъ сряду Консуломъ. Искусство и благоразуміе Марія во время сей войны. Онъ разбиваетъ Тевтоновъ, потомъ Кимвровъ. Марій жертвуетъ всемъ честолюбію владычествовать. Онъ соединяется съ Сатурниномъ. Законъ сего Трибуна противъ Сената. Изгнаніе Метелла. Сатурнинъ наказанъ за свои неистовства. Метеллъ возвращенъ. Все перерождается въ республикѣ. Притѣсненія и грабительство сборщиковъ. Ужасная роскошь вельможъ. Причуды Оратора Красса. Законы Друзовы подаютъ поводъ къ войнѣ съ союзниками. Друзъ отнимаетъ у всадниковъ часть судебныхъ дѣлъ. Онъ не можетъ доставить союзникамъ права на гражданство. Друзъ, не смотря на его добродѣтели, убитъ. Война съ союзниками. Бунтъ союзниковъ. Политика Римская обезоруживаетъ часть союзниковъ, сдѣлавъ ихъ гражданами. Вмѣсто разпредѣленія по прежнимъ гильдіямъ, составляютъ восемь новыхъ. У всадниковъ отнята судная часть. Жертвоприношенія людей запрещены.

ДЕВЯТАЯ ЭПОХА.

Междоусобныя войны. Паденіе республики.

Глава 1. Марій и Силла начинаютъ междоусобную войну. - - - - - - Стр. 81.

Война союзническая ведетъ къ войнамъ междоусобнымъ. Силла отличенъ по своему благородству и дарованіямъ. Онъ восходитъ на первыя степени достоинства. Марій похищаетъ у него начальство надъ войною съ Митридатомъ посредствомъ Трибуна Сульпиція. Силла вступаетъ въ Римъ вооруженною рукою. Онъ производитъ перемѣны. Приговоръ къ изгнанію. Марій на развалинахъ Карѳагена. Цинна, Консулъ, объявляетъ себя противникомъ Силлы и заставляетъ изгнать себя. Марій и Цинна осаждаютъ Римъ и убиваютъ враговъ своихъ. Общее понятіе о бѣдствіяхъ Рима. Знаменитые изгнанники. Братъ, убившій своего брата. Смерть Марія во время седьмаго консульства. Честолюбіе дѣлаетъ его нещастнымъ. Безчеловѣчіе, учиненное Фимбріемъ первосвященнику Сцеволѣ.

Глава 2. Походы Силлы въ Грецію и Азію. — Митридатъ, ужасный врагъ Рима. - 89.

Митридатъ ужасный врагъ Рима. Его завоеванія въ Азіи и Греціи. Пораженіе Римлянъ. Аѳиняне сдаются Митридату. Силла беретъ Аѳины и щадитъ оныя по причинѣ великихъ людей, ими произведенныхъ. Онъ одерживаетъ двѣ великія побѣды. Онъ съ гордостію отвергаетъ предложенія Митридатова полководца. Прекрасное изреченіе Силлы. Флаккъ, посланный противъ Силлы, убитъ Фимбріемъ. Фимбрій, по заключеніи Силлою мира съ Митридатомъ, погибаетъ. Силла обогащаетъ свое войско, а оно отъ сего развращается. Безпорядки въ Римѣ.

Глава 3. Возвращеніе Силлы. — Его изгнаніе. — Диктаторство его и смерть. - 96.

Возвращеніе Силлы. Переходятъ на его сторону. Онъ одерживаетъ много великихъ побѣдъ. Телезинъ разбитъ. Вѣроломная жестокость къ побѣжденнымъ. Силла изгоняетъ всѣхъ враговъ своихъ. Жестокость, простертая до излишества. Катилина отличается во время сего гоненія. Смерть двухъ Консуловъ, Марія и

Карбона. Силла, несмѣнный Диктаторъ. Онъ издаетъ законы для возстановленія порядка. Онъ смѣло слагаетъ съ себа диктаторство. Что могло защитить его въ опасности. Въ слѣдующемъ году онъ умираетъ отъ распутства. Лепидъ, по честолюбію, возобновляетъ междоусобную войну. Онъ побѣжденъ и умираетъ отъ печали.

Глава 4. Война Серторіева. — Спартакъ, предводитель невольниковъ.—Помпей разбиваетъ морскихъ разбойниковъ. - 103.

Серторій еще поддерживаетъ сторону Маріеву въ Испаніи. Его способности и побѣды. Серторій не уступаетъ Помпею и Метеллу. Перпенна приказываетъ умертвить его. Прекрасный поступокъ Серторіевъ въ разсужденіи Митридата. Помпей оканчиваетъ войну. Его тщеславіе. Онъ удостоенъ былъ торжественной почести за побѣды. Возмущеніе и война невольниковъ гладіаторовъ. Спартакъ, ихъ предводитель, одерживаетъ побѣды. Крассъ разбиваетъ его. Помпей себѣ приписываетъ честь побѣды. Онъ дѣлается идоломъ для народа, не смотря на расточительность Крассову. Законъ Габиніевъ даетъ Помпею чрезмѣрную власть. Онъ разсѣваетъ морскихъ разбойниковъ.

Глава 5. Конецъ войны съ Митридатомъ.— Лукуллъ смѣненъ Помпеемъ. - - 110

Митридатъ, обучивъ свои войска, снова началъ войну. Лукуллъ посланъ противъ сего Государя. Поступки и успѣхи сего полководца. Онъ разбиваетъ Тиграна, Царя Арменскаго. Непослушаніе войскъ производитъ въ войнѣ перемѣну. Законъ Миніліевъ передаетъ начальство надъ сею войною Помпею. Помпей, по лицемѣрію своему, скрываетъ честолюбіе. Онъ унижаетъ подвиги Лукулла. Ихъ взаимные упреки. Уединеніе Лукулла. Его пышность. Побѣжденный Митридатъ хочетъ внести войну въ Испанію. Сынъ его за вѣроломство награжденъ Римлянами. Походы Помпея въ Азію. Онъ обогащаетъ своихъ воиновъ и приверженцевъ. Помпей позволяетъ все друзьямъ своимъ.

Глава 6. Заговоръ Катилины. — Тріумвирство Помпея, Красса и Цесаря. - 117.

Заговоръ Катилины. Заговоръ открытъ Цицерону. Цицеронъ достигаетъ консульства. Онъ предупреждаетъ

послѣдствіе заговора. Катилина побѣжденъ и убитъ. Законъ о поляхъ Рулловъ. Начатки Цесаря. Онъ важныя имѣлъ средства для поддержанія своего честолюбія. Черты, объясняющія его характеръ. Онъ примиряетъ искусно Помпея съ Крассомъ для поддержанія себя ихъ довѣріемъ. Тріумвирство. Катонъ предусматриваетъ послѣдствіе онаго. Цесарь издаетъ законъ о поляхъ благоразумнѣе прежнихъ законовъ. Его политика въ разсужденіи связи съ Помпеемъ и безопасности со стороны Цицерона. Клодій притѣсняетъ Цицерона. Онъ удаляетъ и Катона. Царства, отказанныя республикѣ. Помпей вызываетъ изъ ссылки Цицерона, который доставляетъ ему новую власть. Тріумвирамъ уступлено на пять лѣтъ начальство. Крассъ разбитъ и убитъ Парѳянами. Убійство Клодія. Помпей одинъ Консуломъ. Онъ нарушаетъ свои законы. Тяжба Милонова.

Глава 7. Завоеваніе Галліи Римлянами. — Помпей въ распрѣ съ Цесаремъ.—Междоусобная война. - - - - - - - - 129

Успѣхи Цесаря въ Галліи съ 696 года отъ созданія Рима. Побѣды его надъ Ферценгеториксомъ. Что дѣлаетъ Цесарь для полученія владычества надъ Римомъ. Явная распря между Цесаремъ и Помпеемъ. Помпей, по безразсудной увѣрительности, не соглашается ни на какое примиреніе. Цесарь переходитъ чрезъ Рубиконъ. Римъ въ унынiи. Междоусобная война. Сраженіе на поляхъ Фарсальскихъ. Скромность побѣдителя. Дворъ Египетскій приказываетъ умертвить Помпея. Цесарь вручаетъ Египетъ Клеопатрѣ. Война Александрійская. Побѣда Цесаря надъ Фарнакомъ. Онъ возвращается въ Римъ обладателемъ. Африканская война. Катонъ убиваетъ себя. Сей добродѣтельный Римлянинъ имѣлъ недостатокъ въ благоразумiи. Его добродѣтель, простирающаяся за предѣлы.

Глава 8. Цесарь дѣлается обладателемъ республики. Смерть его. - - - 140.

Чрезмѣрныя почести, оказанныя Цесарю. Его расточительность. Онъ возстановляетъ порядокъ и учреждаетъ благоразумныя узаконенія. Онъ исправляетъ Календарь, который былъ запутанъ первосвященниками. Сіе прекрасное дѣло подверглось порицанію. Цесарь опредѣленъ несмѣннымъ Диктаторомъ послѣ сраженія

при Мундѣ. Онъ раздражаетъ республиканцевъ. Заговоръ Кассія и Брута. Мужество Порціи. Цесарь умерщвленъ. Размышленія о его умерщвленіи. По мнѣнію Цицерона надлежало убить всѣхъ друзей Цесаря. Злоумышленники не успѣваютъ предъ народомъ. Безразсудное разсужденіе Сената. Ложный миръ. Маркъ Антоній возбуждаетъ народъ противъ убійцъ Цесаря. Онъ обманываетъ Сенатъ.

Глава 9. Отважная политика Октавія. — Тріумвирство, Филиппинское сраженіе, на которомъ истреблена сторона республиканская. - - - - - - - - 149.

Октавій, усыновленный Цесаремъ, объявляетъ себя его наслѣдникомъ. Явная ссора у Антонія съ Октавіемъ. Цицеронъ пристаетъ къ сторонѣ послѣдняго. Какой былъ характеръ сего Оратора. Маловажныя причины вовлекаютъ въ великіе проступки. Цицеронъ заставляетъ наградить почестями Октавія. Побѣжденный Антоній соединяется съ Лепидомъ. Октавій составляетъ съ ними тріумвирство. Они условились преслѣдовать убійцъ Цесаря. Хотятъ истребить враговъ своихъ. Ужасное гоненіе. Октавій и Антоній идутъ на Брута и Кассія. Сраженіе Филиппинское. Смерть Кассія и Брута. Недостатки сихъ двухъ Римлянъ. Размышленія о самоубійствѣ, которое тогда было въ обыкновеніи.

Глава 10. Ошибки Антонія полезны для Октавія.—Сраженіе Акційское и конецъ республики. - - - - - - - - 159.

Новыя жестокости Октавія. Фавоній казненъ. Щедрость къ воинамъ. Антоній плѣненъ Клеопатрою. Земли, раздѣленныя воинамъ. Паденіе Лепида. Его подлая надменность. Смерть юнаго Помпея. Антоній приходитъ въ ненависть и презрѣніе. Поступокъ его въ разсужденіи Аѳинянъ и Клеопатры. Октавій объявляетъ себя врагомъ Антонію. Сраженіе Актійское и смерть Антонія и Клеопатры. Октавій становится обладателемъ республики. Пороки, проистекшіе отъ богатствъ, должны были истребить свободу. Ужасныя злоупотребленія.

ДЕСЯТАЯ ЭПОХА.

Императоры. Республика, превращенная въ военную монархію.

Августъ. Глава 1. Царствованіе Августа до смерти Агриппы. - - - - 168.

Понятіе о царствованіи Августа. Учрежденіе порядка послѣ потери свободы было нѣкоторое благополучіе. Августъ хочетъ по видимому сложить власть съ себя. Мнѣніе Агриппы и Мецената. Сею притворною скромностію Августъ утверждаетъ свое могущество. Всѣ власти соединены въ одной его особѣ подъ видомъ древняго правленія. Титулъ Императора. Сенатъ и народъ удерживаютъ, по видимому, права свои. Но свобода въ самомъ дѣлѣ уже не существуетъ. Освобожденіе отъ законовъ. Политическія добродѣтели Августа для заглажденія его злодѣяній. Его мирное царствованіе мало заключаетъ происшествій. Онъ отдаетъ дочь свою въ супружество Агриппѣ. Отправляется въ Азію. Царь Парѳянъ отдаетъ ему знамена, отнятыя у Римлянъ. По возвращеніи его Сенатъ унижается до подлости. Августъ причиною, что законы его, изданные для пресѣченія пороковъ, слабо соблюдаются. Онъ развращаетъ народъ. Пиладъ и Батиллъ, комедіанты, заставляютъ забыть правленіе. Преобразованіе Сената послужило поводомъ къ происканъ. Предосторожности Августа для своей безопасности. Отважныя слова Лабеона. Недовольные казнены смертію. Опасности воинскаго правленія.

Глава 2. Германскія войны. — Конецъ царствованія Августа. — Законы и словесность. - - - - - - - - - 178.

Смерть Агриппы. Тиверій, зять Нерона. Германская война. Друзъ умираетъ въ Германіи. Тиверій имѣетъ нѣкоторые успѣхи. Августъ отказывается отъ почести за побѣды. Храмъ Янусовъ затворенъ. Постыдныя узаконенія для допущенія въ свидѣтельство невольниковъ противъ господъ своихъ. Грабитель одобренъ Императоромъ. Смерть Мецената. Августъ нещастенъ въ кругу своего семейства. Уединеніе Тиверія. Его усыновленіе. Злоумышленіе Цинны. Воины, для умноженія на-

градъ, жалуются на свою участь. Ужасныя издержки на войска. Казни и налоги, на сей предметъ назначенные. Замѣчанія о общей эрѣ. Бунтъ утѣсненныхъ варваровъ. Лѣта отъ Р. Хр. 9. Варъ разбитъ Германцами. Тиверій пріобрѣтаетъ честь въ Германіи. Онъ пріобщенъ къ правленію имперіи. Самовластіе Августа. Законъ противъ сочинителей подметныхъ записокъ. Законъ противъ холостыхъ въ маломъ уваженіи. Развращеніе служило къ тому великимъ препятствіемъ. Дворянство унижало себя битвами гладіаторскими. Смерть Августа. Царствованіе его достойно нѣкоторой похвалы. Его правило въ разсужденіи войны. Онъ умѣлъ пріобрѣсти похвалы отъ ученыхъ. Вкусъ до него образовался. Греки превосходнѣе Римлянъ въ философіи.

Тиверій. Глава 1. Отъ восшествія на престолъ Тиверія до смерти Германика и Пизона. - - - - - - - - - - 191.

Тиверій восходитъ на престолъ. Его характеръ. Онъ приказываетъ умертвить юнаго Агриппу. Онъ заставляетъ просить себя о принятіи правленія. Онъ хотѣлъ узнать мысли Сенаторовъ. Онъ сначала управляетъ премудро, опасаясь, чтобъ Германикъ не свергнулъ его съ престола. Возмущеніе войскъ въ Панноніи. Другое возмущеніе въ Германіи. Германикъ, вмѣсто того, чтобъ воспользоваться онымъ, усмиряетъ его. Онъ разбиваетъ Арминія. Тиверій начинаетъ обнаруживать свою жестокость. Преступленія въ оскорбленіи величества. Обвиненіе въ святотатствѣ. Германикъ посланъ въ Азію по злобѣ Императора. Пизонъ, правитель Сиріи. Землетрясеніе. Успѣхи Германика. Ему противорѣчитъ во всемъ Пизонъ. Германикъ къ величайшему сожалѣнію умираетъ. Пизонъ обвиненъ въ Римѣ. Его дѣла и смерть. Подозрѣнія на Тиверія въ разсужденіи сего дѣла.

Глава 2. Правленіе Тиверія до заговора Сеянова. - - - - - - - - - - - 200

Поступки Императора возбуждаютъ страхъ. Ужасное злоупотребленіе доносителей. Исполненіе сенатскихъ приговоровъ отложено на 10 дней. Радуются, что Галлы взбунтовались. Тиверій не соглашается издать законовъ для пресѣченія роскоши, потому что пред-

усматриваетъ безполезность оныхъ. Онъ въ семъ случаѣ справедливъ. Средство изгнать роскошь. Злоупотребленіе убѣжищъ въ Греціи удержано съ нѣкоторыми ограниченіями. Раболѣпство и подлость Сената. Происшествіе сего рода. Сынъ обвиняетъ отца. Кремуціево дѣло въ разсужденіи сочиненій. Защищеніе Кремуція. Смерть его. Книги его напрасно осуждены. Императоръ оставляетъ Римъ и удаляется въ Капрею. Случайныя бѣдствія.

Глава 3. Заговоръ Сеяна. — Конецъ царствованія Тиверія. - - - - - - 207.

Сеянъ, полновластный совѣтникъ Государя, домогается верховной власти. Онъ составилъ для себя войско изъ преторіанскихъ тѣлохранителей. Его злодѣйнія для истребленія Императорскаго дома. Его успѣхъ. Сеянъ покушается на жизнь Императора. Тиверій хитрымъ образомъ избавляется отъ Сеяна. Вѣроломство друзей Сеяновыхъ. Тиверій предается безъ пощады жестокости. Ужасные доносы. Умерщвленіе подозрѣваемыхъ людей. Тиверій колеблется въ избраніи своего преемника и ничего не дѣлаетъ рѣшительнаго. Каій Калигула. Тиверій умерщвленъ Макрономъ. Его хвалитъ Веллей Патеркулъ. Душа нельможъ унизилась, когда народъ пересталъ избирать судей.

Каій, прозванный Калигулою. - - - 214.

Калигулу сперва любили, хотя онъ былъ того и недостоинъ. Онъ учинилъ нѣсколько дѣяній, свойственныхъ доброму Государю. Но онъ расточаетъ все для обольщенія народа. Онъ дѣлается чудовищемъ жестокости. Его сумазбродство. Что должно думать о происшествіяхъ, повѣствуемыхъ Свѣтоніемъ. Черты жестокости. Смѣшные походы воинскіе. Умерщвленіе Калигулы. Замѣчанія о историкахъ Калигулы.

Клавдій. - - - - - - - - - - - 218.

Воины провозглашаютъ Императоромъ Клавдія, который трепеталъ, чтобъ его не умертвили. Клавдій неспособенъ царствовать. Онъ, по добротѣ своей, сначала доставляетъ нѣкоторое благо. Подарки отмѣнены. Запрещеніе дѣлать наслѣдникомъ Императора. Онъ скоро сдѣлался невольникомъ Мессалины и отпущенниковъ. Какъ Мессалина умерщвляетъ Силана, котораго она не могла прельстить. Заговоръ открытъ

и виновные казнены по произволенію отпущенниковъ. Нарциссъ въ Сенатѣ. Смерть Арріи и Пета. Походъ въ Великобританію. Нарциссъ оскорбленъ войсками. Великобританія и Мавританія обращены въ провинціи Римскія. Клавдій издаетъ смѣшные указы и нѣсколько полезныхъ. Онъ учреждаетъ плату стряпчимъ. Могло ли тогда быть сіе званіе безмездно. Иностранцы допущены въ число гражданъ и въ Сенатъ. Добро сіе было или зло. Между неограниченнымъ множествомъ гражданъ мало Римлянъ. Мессалина втайнѣ отъ мужа выходитъ за Силія. Она предана на смерть. Клавдій женится на племянницѣ своей Агриппинѣ, и Сенатъ одобряетъ бракъ сей. Честолюбіе Агриппины; какъ она доставляетъ имперію Нерону. Сенека и Бурръ при дворѣ. Домитія осуждена за волшебство. Императоръ отравленъ своею женою. Онъ предалъ провинціи сборщикамъ. Почести, оказанныя Палласу, подлому отпущеннику. Радамистъ по своимъ злодѣяніямъ сдѣлался Царемъ Арменскимъ. Римъ въ униженіи. Постепенность сего униженія.

Неронъ. Глава 1. Отъ возшествія на престолъ Нерона до войны Британской. 230.

Смѣшное обогопвореніе Клавдія. Сенека способствуетъ сему и насмѣхается. Неронъ сдѣлалъ доброе начало, потому что Сенека и Бурръ за него управляли. Начало царствованія обольщало народъ. Развращенный Неронъ хочетъ освободиться отъ Британника. Онъ отравляетъ его ядомъ и дурно поступаетъ съ Агриппиною. Его ночныя прогулки. Правленіе поддерживается, но не можетъ поддерживаться долго. Поппея склоняетъ Нерона къ убійству матери. Неронъ приказываетъ умертвить мать свою Агриппину. Хитрости, употребленныя для сего убійства. Совѣтуется съ Бурромъ и Сенекою. Они успокоиваютъ угрызенія Императора. Сомнительные знаки небеснаго гнѣва. Неронъ предается смѣшнымъ забавамъ Игры Нероніанскія. Пантомимы. Дурныи вкусъ Римлянъ.

Глава 2. Великобританская война. Римскія дѣла до перваго заговора. - - - 238.

Возмущеніе въ Великобританіи. Завоеваніе острова Моны. Светоній разбиваетъ Царицу Боадицею. Вызываютъ сего полководца въ Римъ, 400 Невольниковъ каз-

нены смертію за то, что одинъ изъ нихъ убилъ своего господина. Какъ правовѣденіе въ семъ случаѣ заблудило. Преступленіе въ оскорбленіи величества возобновлено. Смерть Бурра и уединеніе Сенеки. Убійство Октавія и другія злодѣянія Нерона. Ужасныя распутства. Пожаръ Рима. Новый дворецъ Нерона. Разорительный и невозможный каналъ. Христіяне обвинены въ зажигательствѣ и жестоко казнены.

Глава 3. Конецъ царствованія Нерона. 244.

Заговоръ Пизона и Эпихарисы. Мужество нѣкоторыхъ соумышленниковъ. Сенека принужденъ пустить кровь. Онъ служитъ дурнымъ образцемъ. Смерть Лукана. Смерть Петронія, Серана и Ѳразея. Достопримѣчательное дѣло послѣдняго. Его стоицизмъ. Тиридатъ въ Римѣ, льститъ Нерону и презираетъ его. Корбулонъ осужденъ за то, что онъ былъ великій человѣкъ. Вологесъ отвергаетъ прозьбу Императора. Смѣшное путешествіе Нерона въ Грецію. Оказываютъ ему подлую лесть по возвращеніи. Возмущеніе Виндекса и Гальбы. Смерть Виндекса и скромность Виргинія. Неронъ поражается страхомъ. Его осуждаютъ на смерть. Онъ съ трудомъ умерщвляетъ себя. Въ немъ пресѣклось Августово поколѣніе.

Гальба, Отонъ, Вителлій. - - - - 252.

Гальба, обладатель имперіи, дѣлаетъ великія ошибки. Онъ приходитъ у воиновъ въ ненависть. Онъ подаетъ народу поводъ къ жалобамъ. Несправедливость. Неблагоразумная бережливость. Гальба усыновляетъ Пизона и даетъ ему мудрые совѣты. Отонъ намѣревается похитить имперію. Преторіанцы провозглашаютъ его Императоромъ. Кончина Гальбы и Пизона. Вителлій провозглашенъ въ Германіи Императоромъ. Его пороки. Пособія Отона. Война была неизвѣстна въ Римѣ; худо приготовляются къ оной. Сраженіе Бедріакское, рѣшительное для Вителлія. Кровопролитіе во время междоусобныхъ браней. Отонъ умерщвляетъ себя, царствовавъ три мѣсяца. Вителлій приходитъ въ ненависть и презрѣніе. Кто былъ Веспасіанъ, и какъ онъ составилъ свое щастіе. Предсказанія для него полезныя. Веспасіанъ дѣлается Императоромъ на Востокѣ. Сраженіе и взятіе Кремоны. Глупость Вителлія въ опасности. Онъ для спасенія своего заключаетъ постыдный заго-

ворѣ. Онѣ слагаетъ съ себя всѣ знаки начальства. Народъ до сего не допускаетъ. Ужасное возмущеніе. Примусъ, полководецъ Веспасіановъ, беретъ Римъ. Плачевная кончина Вителлія.

Веспасіанъ. Достопамятное правленіе Веспасіана. Война Іудейская и взятіе Іерусалима. - - - - - - - - - - - 263.

Веспасіанъ признанъ Императоромъ. Чудо, приписываемое ему въ Александріи. Изъясненіе сего произшествія. Веспасіанъ управляетъ, какъ добрый Государь. Но упрекаютъ его въ сребролюбіи и лихоимствѣ. Куда онъ употреблялъ деньги. Онъ выгоняетъ философовъ, какъ враговъ монархіи. Ссылка Гельвидія Приска. Возмущенія Батавовъ и Галловъ прекращены. Классикъ. Цивилисъ. Состояніе Іудеи. Перемѣны въ сей землѣ. Предразсудки и изступленіе Іудеевъ. Осада Іерусалима. Злодѣйства ревнителей. Замѣчанія на Іосифа. Смерть Веспасіана. Насмѣшка въ разсужденіи явленія кометы. Изчисленіе гражданъ. Старики.

Титъ. - - - - - - - - - - - - 271.

Титъ жертвуетъ забавами должности. Его благотворительность. Благородная бережливость. Онъ давалъ празднества, но облегчалъ и народъ въ нещастіяхъ. Онъ не умертвилъ ни одного Римлянина. Смерть его. Ужасное изверженіе Везувія. Плиній Натуралистъ.

Домиціанъ. - - - - - - - - - 274.

Домиціанъ безумный и злый. Примѣръ злобы его. Онъ возбуждаетъ и награждаетъ доносителей. Выгоняетъ философовъ и проч. Все трепетало. Домиціанъ убитъ. Въ царствованіе сіе прославился Агрикола. Его завѣщаніе. Исторія о Аполлоніи Тіанскомъ. Его совѣты Веспасіану. Онъ обвиненъ въ Римѣ. Смерть его. Нелѣпости въ его Исторіи.

Нерва. - - - - - - - - - - - - 278.

Нерва добродѣтельный, но слабый. Преторіанцы употребляютъ во зло его слабость; онъ усыновляетъ Траяна.

Траянъ. - - - - - - - - - - - - 280.

Траянъ управляетъ, какъ начальникъ республики. Прекрасное правило. Доносители укрощены. Бережливость

и уменьшеніе налоговъ. Пантомины выгнаны и возвращены. Траяну данъ титулъ преблагаго. Даки, получавшіе съ Римлянъ дань, покорены. Мостъ на Дунаѣ. Столпъ Траяновъ. Безполезныя завоеванія Траяновы въ Азіи. Траянъ умираетъ въ Киликіи. Былъ ли онъ гонителемъ Христіянъ. Письмо Плиніево въ защищеніе Христіянъ. Отвѣтъ Траяновъ. Плиній, Тацитъ, Ювеналъ, Плутархъ.

Адріанъ. - - - - - - - - - - 286.

Адріанъ приказываетъ воинамъ провозгласить себя Императоромъ. Его обоюдное поведеніе. Онъ отказывается отъ завоеваній Траяновыхъ и предпочитаетъ онымъ спокойствіе государства. Его мнимыя добродѣтели. Онъ дѣлается несправедливъ. Уединеніе Семилиса. Адріанъ издаетъ благоразумные законы. Его непремѣняемый законъ. Онъ смотритъ рачительно за исправленіемъ правосудія. Онъ поддерживаетъ воинское искусство. Онъ обозрѣваетъ имперію. Письмо его о Египтянахъ, Іудеяхъ и Христіянахъ. Возмущеніе Іудеевъ. Они были истреблены или разсѣяны. Адріанъ усыновляетъ Антонина и умираетъ. Зависть Адріана къ ученымъ. Поступокъ Фаворина. Флоръ, Светоній, Арріанъ и Епиктетъ.

Антонинъ. - - - - - - - - - - 292.

Добродѣтели Антонина. Нѣкоторыя черты, изображающія его чувствованія. Имѣніе его есть имѣніе республики. Жалованья уничтожены. Достопамятные законы. Смерть Императора.

Маркъ Аврелій. - - - - - - - - 295.

Маркъ Аврелій избранъ съ Веромъ Сенатомъ. Первый до излишества великодушенъ къ другому. Безпорядки Вера. Удивительное поведеніе Марка Аврелія. Онъ не преступалъ предѣловъ благоразумія. Онъ отправляется съ Веромъ противъ Германцевъ. Смерть Вера. Война Паннонская. Молніеносный легіонъ. Миръ уступленъ Германцамъ. Бунтъ Кассія. Чрезмѣрная доброта Императора къ женѣ своей Фавстинѣ и Коммоду сыну. Смерть Марка Аврелія. Стоическое ученіе въ силѣ. Правила Марка Аврелія. Обманщики подъ философскою епанчею. Перегринъ и Александръ, описанные Лукіаномъ. Цельсъ, Эмпирикъ, Апулей, Галенъ. Христіяне, гонимые въ Галліи.

Коммодъ. - - - - - - - - - - 305.

Коммодъ вооружаетъ противъ себя своими пороками и жестокостію. Заговоръ сестры его. Злоумышленіе Перенниса открыто однимъ Циническимъ философомъ. Отпущенникъ подлый и ненавистный правитель. Жестокости, распутства и подлости Императора. Тиранъ убитъ своею наложницею. Униженіе Римлянъ.

Пертинаксъ, Дидій, Іуліанъ. - - - 309.

Пертинаксъ возведенъ на престолъ воинами. Мудрое его правленіе. Преторіанцы его убиваютъ. Они выставляютъ имперію на продажу. Три вдругъ Императора: Дидій, Нигеръ и Септимій Северъ. Северъ идетъ къ Риму и освобождается отъ Дидія. Дидій казненъ.

Септимій Северъ. - - - - - - 313.

Септимій Северъ худо принимаетъ Сенаторовъ и выключаетъ изъ службы Преторіанцевъ. Онъ клянется, что не умертвитъ ни одного Сенатора, но не сохраняетъ своей клятвы. Нигеръ побѣжденъ и убитъ въ Азіи. Северъ освобождается отъ Албина, котораго онъ сдѣлалъ Цесаремъ. Смерть Албина. Северъ, льстя народу и воинамъ, предается жестокости. Плавтіанъ управляетъ имъ, какъ Сеянъ управляетъ Тиверіемъ. Паденіе и смерть сего любимца. Бассіанъ и Гета, злые дѣти Императора. Северъ беретъ дѣтей съ собою въ Великобританію, гдѣ малый получаетъ успѣхъ. Онъ прощаетъ своему сыну, хотѣвшему убить его. Правило, данное дѣтямъ. Тертулліанъ и другіе писатели. Упадокъ вкуса.

Каракалла и Гета, Макринъ. - - - 320.

Каракалла и Гета царствуютъ вмѣстѣ и ненавидятъ другъ друга. Первый убиваетъ своего брата. Онъ производитъ ужасныя жестокости. Убійство Папиніана. Онъ бережетъ только воиновъ. Право гражданства, данное всѣмъ подданнымъ. Кровопролитіе Александрійское. Смѣшные походы Каракаллы. Макринъ убиваетъ Императора и заступаетъ его мѣсто. Похитителъ презрителенъ и ненавистенъ. Меза заставляетъ провозгласить Императоромъ Геліогабала, своего внука.

Геліогабалъ. - - - - - - - - - 326.

Геліогабалъ чудовище. Онъ убиваетъ Ганниса, своего дядьку. Учреждаетъ Сенатъ изъ женщинъ. Его распутства. Его суевѣрія. Онъ убитъ.

Александръ Северъ. - - - - - - - 328.

Александръ сдѣлалъ доброе начало, не смотря на его молодость. Его добродѣтели. Онъ вручаетъ чрезмѣрную власть Преторіанскому Префекту. Своевольство Преторіанцевъ. Парѳяне исчезаютъ. Артаксеркъ требуетъ обратно провинцій, завоеванныхъ Римлянами. Александръ идетъ для нападенія на него и возстановляетъ воинскій порядокъ. Противорѣчія историковъ. Германская война. Максиминъ, родомъ варваръ, хочетъ свергнуть съ престола Александра и убиваетъ его. Почтеніе Александра къ великимъ людямъ. Онъ не хотѣлъ, чтобъ чины продавали. Продавцы дыму. Погружаются въ невѣжество. Послѣдніе правоискусники. Діонъ Кассій и Кемфилинъ. Успѣхи Христіянства.

Преемники Александра Севера до Авреліана. - - - - - - - - - - - - 336.

Ужасное состояніе имперіи въ теченіи 50 лѣтъ. Жестокость Максимина производитъ возмущенія. Два Гордіана. Умерщвленіе Максимина. Максиминъ и Балбинъ также убиты. Визиѳей въ царствованіе Гордіана III управляетъ премудро. Сапоръ опраженъ. Визиѳей умираетъ. Филиппъ, Преторіанскій Префектъ, похищаетъ имперію. Декій Императоръ. Филиппъ убитъ. Противуестественныя любодѣйства запрещены. Готѳы переходятъ Дунай. Возмущеніе противъ Декія. Междоусобныя войны. Вторженіе варваровъ. Валеріанъ, плѣнникъ Сапоровъ. Приличный поступокъ Валеріана въ разсужденіи Авреліана. Въ царствованіе Галліена, сына его, вездѣ бѣдствія и возмущенія. Многіе провозглашены Императорами. Постумій. Оденатъ и Зиновія. Галліенъ убитъ. Онъ оставилъ Сенаторовъ при однихъ статскихъ должностяхъ. Клавдій царствуетъ со славою. Нашествіе Готѳовъ въ Европу. Они уступаютъ книги Аѳинянамъ. Клавдій разбиваетъ ихъ и умираетъ.

Авреліанъ. - - - - - - - - - - 347.

Авреліанъ въ войнѣ съ варварами. Зиновія его презираетъ. Она побѣждена и взята въ плѣнъ. Смерть Лонгина. Вся имперія покорилась Авреліану. Его торжество. Онъ теряетъ свою скромность. Щедрости для привлеченія народа. Зло, изъ того проистекающее. Впрочемъ правленіе доброе. Орлеанъ и Дижонъ построены Авреліаномъ. Онъ убитъ.

Тацитъ, Пробъ и проч. до Діоклитіана. 351.

Войско и Сенатъ ссылаются другъ на друга въ разсужденіи избранія Императора. Тацитъ царствуетъ, какъ Государь добродѣтельный. Его уваженіе къ историку Тациту и добрымъ Императорамъ. Онъ убитъ. Пробъ, преемникъ его, достоинъ престола. Сенатъ въ уваженіи. Германцы выгнаны изъ Галліи. Нелѣпость Зосимы. Пробъ погибъ во время возмущенія. Разведеніе виноградныхъ садовъ. Дерзость Франковъ. Карлъ царствуетъ мало времени. Діоклитіанъ достигаетъ престола. Смерть Кирина. Зрѣлища въ Римѣ.

Діоклитіанъ и Максиміанъ, Констанпій-Хлоръ и Галерій. - - - - - - 358.

Какъ должно думать о Діоклитіанѣ. Его скромность. Онъ принимаетъ въ товарищи Максиміана. Назначаетъ еще двухъ Цесарей Констанпія-Хлора и Галерія. Неудобства таковаго правленія. Налоги умножались. Теплицы и другія постройки Діоклитіановы. Успѣхи при всѣхъ злоупотребленіяхъ. Евменій въ Отюнѣ. Сорокалѣтній миръ съ Персами. Христіяне начали повреждаться. Указъ противъ нихъ, разодранный однимъ по ревности. Повѣствованіе Лактанція о гоненіи. Много нашлось въ ономъ отступниковъ. Діоклитіанъ наскучилъ Римомъ. Онъ слагаетъ съ себя достоинство вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ. Онъ живетъ благополучно въ уединеніи. Слова его въ разсужденіи трудностей правленія. Неравный раздѣлъ между Констанпіомъ-Хлоромъ и Галеріемъ. Первый какъ отецъ управляетъ своими подданными. Онъ умеръ въ Іоркѣ. Констанпинъ, преемникъ отца своего Констанпа. Писатели исторіи Августовъ. Плотикъ и Порфирій.

Конецъ оглавленія Третіяго Тома.